

Дж. Хэрриот
О ВСЕХ
СОЗДАНИЯХ-
БОЛЬШИХ
И МАЛЫХ

Annotation

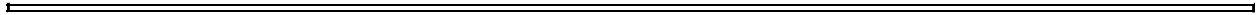
Научно-художественная книга английского писателя, содержащая отдельные главы из его книг "О всех созданиях — больших и малых" и "О всем разумном и удивительном". С любовью и юмором автор, ветеринарный врач по специальности, рассказывает о домашних животных, их взаимоотношениях с человеком.

Для любителей литературы о животных.

- [Джеймс Хэрриот](#)
 - [Предисловие](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)

- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)

Джеймс Хэрриот

О всех созданиях — больших и малых

Предисловие

Автор предлагаемой советскому читателю книги — английский ветеринарный врач Джеймс Хэрриот, посвятивший 40 лет жизни благородной и многотрудной работе лечения животных.

В своей книге он делится с читателями воспоминаниями об эпизодах, встречающихся в практике ветеринарного врача. Несмотря на, казалось бы, довольно прозаические сюжеты, отношение врача к четвероногим пациентам и их владельцам — то теплое и лиричное, то саркастическое — передано очень тонко, с большой человечностью и юмором.

Записки Дж. Хэрриота — это прекрасные художественные иллюстрации трудной, подчас драматичной, а в ряде случаев небезопасной, но всегда важной работы сельского ветврача. Профессиональная интерпретация эпизодов строго научна и может быть весьма интересной для повседневной деятельности любого ветеринарного специалиста, где бы он ни трудился.

Хэрриот очень точно характеризует социальную обстановку Англии 30-х годов — эпоху повальной безработицы, когда даже опытный дипломированный специалист вынужден был искать себе место под солнцем, довольствуясь подчас вместо заработка одним содержанием. Автору еще повезло: он нашел себе место помощника врача со столом, крышей над головой и получил право на круглосуточную работу без выходных дней — в дождь, грязь и слякоть. Но именно в этом, подводя итоги, он и видит истинную полноту жизни — то удовлетворение, которое приносится не приобретением материальных благ, а сознанием, что ты занимаешься нужной и полезной работой, делая ее хорошо.

Конечно, это книга не только о животных, но и о людях. Перед читателем проходит целая галерея образов владельцев животных, начиная с бедняка, теряющего собаку, с которой он делился последним куском хлеба, и, кончая богатой вдовой, которая находит единственную отраду в четвероногом любимце и закармливает его так, что чуть не отправляет на тот свет. Но особенно удались автору образы простых тружеников, повседневно связанных с домашними животными — бедных фермеров и батраков.

Подкупает любовь автора к природе. Даже тогда, когда он посвящает ей всего лишь несколько строк, читатель ощущает красоту земли, великолепие окружающего ландшафта, медвяный запах клевера и нагретых

солнцем трав.

В отечественной литературе, к сожалению, слишком мало художественных произведений, столь широко отображающих всю сложность и многообразие работы ветеринарного врача. Как убедится читатель, Хэрриот выступает то в роли хирурга, удаляющего опухоль или проводящего руменотомию, то ортопеда, то диагноста или инфекциониста, неизменно оставаясь тонким психологом, умеющим помочь не только животным, но и их владельцам.

Любовь к своей профессии, сопричастность к страданиям больных животных, радость или грусть по поводу их состояния передаются настолько живо, что читатель чувствует себя как бы непосредственным участником происходящих событий.

В наш бурный век урбанизации, как никогда, возрастает стремление людей возможно больше узнать о самых разных животных — диких и домашних: их поведении, «поступках», взаимоотношениях с человеком, так как они не только обеспечивают наши потребности в самом необходимом, но и украшают нашу духовную жизнь и во многом формируют нравственное отношение к природе в целом.

Д. Ф. Осидзе

«Нет, авторы учебников ничего об этом не писали», — подумал я, когда очередной порыв ветра швырнул в зияющий дверной проем вихрь снежных хлопьев, и они облепили мою голую спину. Я лежал ничком на булыжном полу в навозной жиже, моя рука по плечо уходила в недра тужащейся коровы, а ступни скользили по камням в поисках опоры. Я был обнажен по пояс, а талый снег мешался на моей коже с грязью и засохшей кровью. Фермер держал надо мной коптящую керосиновую лампу, и за пределами этого дрожащего кружка света я ничего не видел.

Нет, в учебниках ни слова не говорилось о том, как на ощупь отыскивать в темноте нужные веревки и инструменты, как обеспечивать антисептику с помощью полуведра еле теплой воды. И о камнях, впивающихся в грудь, — о них тоже не упоминалось. И о том, как мало-помалу немеют руки, как отказывает мышца за мышцей, и перестают слушаться пальцы, сжатые в тесном пространстве.

И нигде ни слова о нарастающей усталости, о щемящем ощущении безнадежности, о зарождающейся панике.

Я вспомнил картинку в учебнике ветеринарного акушерства. Корова невозмутимо стоит на сияющем белизной полу, а элегантный ветеринар в незапятнанном специальном комбинезоне вводит руку разве что по запястье. Он безмятежно улыбается, фермер и его работники безмятежно улыбаются, даже корова безмятежно улыбается. Ни навоза, ни крови, ни пота — только чистота и улыбки.

Ветеринар на картинке со вкусом позавтракал и теперь заглянул в соседний дом к телящейся корове просто развлечения ради — так сказать, на десерт. Его не подняли с теплой постели в два часа ночи, он не трясся, борясь со сном, двенадцать миль по оледенелому проселку, пока, наконец, лучи фар не уперлись в ворота одинокой фермы. Он не карабкался по крутому снежному склону к заброшенному сараю, где лежала его пациентка.

Я попытался продвинуть руку еще на дюйм. Голова теленка была запрокинута, и я кончиками пальцев с трудом проталкивал тонкую веревочную петлю к его нижней челюсти. Моя рука была зажата между боком теленка и тазовой костью коровы. При каждой схватке руку сдавливало так, что не было сил терпеть. Потом корова расслаблялась, и я проталкивал петлю еще на дюйм. Надолго ли меня хватит? Если в

ближайшие минуты я не зацеплю челюсть, теленка мне не извлечь... Я застонал, стиснул зубы и выиграл еще полдьюма.

В дверь снова ударил ветер, и мне почудилось, что я слышу, как снежные хлопья шипят на моей раскаленной, залитой потом спине. Пот покрывал мой лоб и стекал в глаза при каждом новом усилии.

Во время тяжелого отела всегда наступает момент, когда перестаешь верить, что у тебя что-нибудь получится. И я уже дошел до этой точки.

У меня в мозгу начали складываться убедительные фразы: «Пожалуй, эту корову лучше забить. Тазовое отверстие у нее такое маленькое и узкое, что теленок все равно не пройдет». Или: «Она очень упитанна и, в сущности, мясной породы, так не лучше ли вам вызвать мясника?» А может быть, так: «Положение плода крайне неудачно. Будь тазовое отверстие пошире, повернуть голову теленка не составило бы труда, но в данном случае это совершенно невозможно».

Конечно, я мог бы прибегнуть к эмбриотомии^[1]: захватить шею теленка проволокой и отпилить голову. Сколько раз подобные отелы завершались тем, что пол усеивали ноги, голова, кучки внутренностей! Есть немало толстых справочников, посвященных способам расчленения теленка на части в материнской утробе.

Но ни один из них тут не подходил — ведь теленок был жив! Один раз ценой большого напряжения, мне удалось коснуться пальцем уголка его рта, и я даже вздрогнул от неожиданности: язык маленького существа затрепетал от моего прикосновения. Телята в таком положении обычно гибнут из-за слишком крутого изгиба шеи и мощного сжатия при потугах. Но в этом теленке еще теплилась искра жизни, и, значит, появиться на свет он должен был целым, а не по кусочкам.

Я направился к ведру с совсем уже остывшей окровавленной водой и молча намылil руки по плечо. Потом снова улегся на поразительно твердый булыжник, упер пальцы ног в ложбинки между камнями, смахнул пот с глаз и в сотый раз засунул внутрь коровы руку, которая казалась мне тонкой, как макаронина. Ладонь прошла по сухим ножкам теленка, шершавым, словно наждачная бумага, добралась до изгиба шеи, до уха, а затем ценой невероятных усилий протиснулась вдоль мордочки к нижней челюсти, которая теперь превратилась в главную цель моей жизни.

Просто не верилось, что вот уже почти два часа я напрягаю все свои уже убывающие силы, чтобы надеть на эту челюсть маленькую петлю. Я испробовал и прочие способы — заворачивал ногу, зацеплял край глазницы тупым крючком и легонько тянул, — но был вынужден вновь вернуться к петле.

С самого начала все складывалось из рук вон плохо. Фермер, мистер Динсдейл, долговязый, унылый, молчаливый человек, казалось, всегда ожидал от судьбы какой-нибудь пакости. Он следил за моими усилиями вместе с таким же долговязым, унылым, молчаливым сыном, и оба мрачнели все больше.

Но хуже всего был дядюшка. Войдя в этот сарай на холме, я с удивлением обнаружил там быстроглазого старичка в шапке пирожком, уютно примостившегося на связке соломы с явным намерением поразвлечься.

— Вот что, молодой человек, — заявил он, набивая трубку. — Я мистеру Динсдейлу брат, а ферма у меня в Листондейле.

Я положил свою сумку и кивнул.

— Здравствуйте. Моя фамилия Хэрриот.

Старичок хитро прищурился:

— У нас ветеринар мистер Брумфилд. Небось, слышали? Его всякий знает. Замечательный ветеринар. А уж при отеле лучше никого не найти, я еще ни разу не видел, чтобы он спасовал.

Я кое-как улыбнулся. В любое другое время я был бы только рад выслушать похвалы по адресу коллеги, но не теперь, нет, не теперь. По правде говоря, его слова отозвались в моих ушах похоронным звоном.

— Боюсь, я ничего не слышал про мистера Брумфилда, — ответил я, снимая пиджак и с большой неохотой стаскивая рубашку. — Но я тут недавно.

— Не слышали про мистера Брумфилда! — ужаснулся дядюшка. — Ну так это вам чести не делает. В Листондейле им не нахвалятся, можете мне поверить! — Он негодуя умолк, поднес спичку к трубке и оглядел мой торс, уже покрывавшийся гусиной кожей. — Мистер Брумфилд раздевается, что твой боксер. Уж и мускулы у него — загляденье!

На меня вдруг накатила волна томительной слабости, ноги словно налились свинцом, и я почувствовал, что никуда не гожусь. Когда я принялся раскладывать на чистом полотенце свои веревки и инструменты, старичок снова заговорил:

— А вы-то давно практикуете?

— Месяцев семь.

— Семь месяцев! — Дядюшка снисходительно улыбнулся, придавил пальцем табак и выпустил облако вонючего сизого дыма. — Ну важнее всего опыт, это я всегда говорю. Мистер Брумфилд пользуется мою скотину десять лет, и он в своем деле мастак. К чему она, книжная-то наука? Опыт, опыт, вот в чем суть.

Я подлил в ведро дезинфицирующей жидкости, тщательно намылил руки до плеч и опустил на колени позади коровы.

— Мистер-то Брумфилд допрежь всегда руки особым жиром мажет, — сообщил дядюшка, удовлетворенно посасывая трубку. — Он говорит, что обходиться только мылом с водой никак нельзя: наверняка занесешь заразу.

Я провел предварительное обследование. Это решающий момент для любого ветеринара, когда его призывают к телящейся корове. Еще несколько секунд — и я буду знать, надену ли я пиджак через пятнадцать минут, или мне предстоят часы и часы изнурительного труда.

На этот раз все оказалось даже хуже, чем можно было ожидать: голова плода обращена назад, а моя рука сдавлена так, словно я обследую телку, а не корову, телящуюся во второй раз. И все сухо — «воды», по-видимому, отошли уже несколько часов назад. Она паслась высоко в холмах, и схватки начались за неделю до срока. Вот почему ее и привели в этот разрушенный сарай. Но как бы то ни было, а в постель я вернусь не скоро.

— Ну и что же вы обнаружили, молодой человек? — раздался пронзительный голос дядюшки. — Голова назад повернута, а? Так, значит, особых хлопот вам не будет. Мистер Брумфилд с ними запросто расправляется: повернет теленка и вытаскивает его задними ногами вперед, я сам видел.

Я уже успел наслушаться подобной ерунды. Несколько месяцев практики научили меня, что все фермеры — большие специалисты, пока дело касается соседской скотины. Если заболит их собственная корова, они тут же бросаются к телефону и вызывают ветеринара, но о чужой рассуждают как знатоки и сыплют всяческими полезными советами. И особенно меня поразило, что к таким советам прислушиваются с куда большим интересом, чем к указаниям ветеринара. Вот и теперь Динсдейлы внимали разглагольствованиям дядюшки с глубоким почтением — он явно был признанным оракулом.

— А еще, — продолжал мудрец, — можно собрать парней покрепче, с веревками, да разом и выдернуть его, как там у него голова ни повернута.

Продолжая свои маневры, я прохрипел:

— Боюсь, в таком тесном пространстве повернуть всего теленка невозможно. А если его выдернуть, не выправив положения головы, таз коровы будет обязательно поврежден.

Динсдейлы ухмыльнулись: они явно считали, что я увиливаю, подавленный превосходством дядюшки.

И вот теперь, два часа спустя, я готов был сдаться. Два часа я ерзал и ворочался на грязном булыжнике, а Динсдейлы следили за мной в угрюмом

молчании под нескончаемый аккомпанемент дядюшкиных советов и замечаний. Красное лицо дядюшки сияло, маленькие глазки весело блестели — давно уже ему не доводилось так отлично проводить время. Конечно, взбираться на холм было куда как нелегко, но оно того стоило. Его оживление не угасало, он смаковал каждую минуту.

Я замер с зажмуренными глазами и открытым ртом, ощущая коросту грязи на лице. Дядюшка зажал трубку в руке и наклонился ко мне со своего соломенного трона.

— Выдохлись, молодой человек, — сказал он с глубоким удовлетворением. — Вот чтоб мистер Брумфилд спасовал, я еще не видывал. Ну да он человек опытный. К тому же силач силачом. Уж он-то никогда не устает.

Ярость разлилась по моим жилам, как глоток неразбавленного спирта. Самым правильным, конечно, было бы вскочить, опрокинуть ведро с бурой водой дядюшке на голову, сбежать с холма и уехать — уехать навсегда, подальше от Йоркшира, от дядюшки, от Динсдейлов, от их проклятой коровы.

Вместо этого я стиснул зубы, напряг ноги, нажал из последних сил и, сам себе не веря, почувствовал, как петля скользнула за маленькие острые резцы в рот тельца. Очень осторожно, затаив дыхание, я левой рукой потянул тонкую веревку, и петля под моими пальцами затянута. Наконец-то мне удалось зацепить эту челюсть!

Теперь я мог что-то предпринять.

— Возьмите конец веревки, мистер Динсдейл, и тяните, только ровно и не сильно. Я отожду тельца назад, и, если вы в это время будете тянуть, голова повернется.

— Ну а как веревка соскользнет? — с надеждой осведомился дядюшка.

Я не стал отвечать, а прижал ладонь к плечу тельца, надавил и почувствовал, как маленькое тельце отодвигается вглубь против волны очередной схватки.

— Тяните, мистер Динсдейл, только ровно, не дергая, — скомандовал я, а про себя добавил: «Господи, только бы не соскользнула, только бы не соскользнула!»

Голова поворачивалась! Вдоль моей руки распрямлялась шея, вот моего локтя коснулось ухо. Я отпустил плечо и ухватил мордочку. Оберегая стенку влагалища от зубов малыша, я вел голову, пока она не легла на передние ноги, как ей и полагалось.

Тут я торопливо ослабил петлю и передвинул ее за уши.

— А теперь, как только она натужится, тяните за голову!

— Да нет, за ноги надо тянуть! — крикнул дядюшка.

— Тяните за голову, черт вас дери! — рывкнул я во всю глотку и с радостью заметил, что дядюшка оскорбленно вернулся на свою солому.

Вот показалась голова, за ней без труда выскользнуло туловище. Теленок лежал на булыжнике неподвижно. Глаза у него остекленели, язык был синий и распухший.

— Сдох, конечно! — проворчал дядюшка, возобновляя атаку.

Я очистил рот теленка от слизи, изо всех сил подул ему в горло и принялся делать искусственное дыхание. После трех-четырех нажатий теленок судорожно вздохнул, и веки его задергались. Скоро он уже начал дышать нормально и пошевелил ногой.

Дядюшка снял шапку и недоверчиво поскреб в затылке.

— Жив, скажите на милость! А я уж думал, что он не выдержит: сколько же это вы времени возились!

Тем не менее пыл его поугас, зажатая в зубах трубка была пуста.

— Ну вот что теперь требуется малышу, — сказал я, ухватив теленка за передние ноги и подтащил к морде матери.

Корова лежала на боку, устало положив голову на булыжник, полузакрыв глаза, ничего не замечая вокруг, и тяжело дышала. Но стоило ей почувствовать возле морды тельце теленка, как она преобразилась: глаза ее широко раскрылись и она принялась шумно его обнюхивать. С каждой секундой ее интерес возрастал: она перекатилась на грудь, тычась мордой в теленка и утробно урча, а затем начала тщательно его вылизывать. В таких случаях сама природа обеспечивает стимулирующий массаж, и под грубыми сосочками материнского языка, растиравшими его шкурку, малыш выгнул спину и минуту спустя встряхнул головой и попытался сесть.

Я улыбнулся до ушей. Мне никогда не надоедало вновь и вновь быть свидетелем этого маленького чуда, и, казалось, оно не может приестся, сколько бы раз его ни наблюдать. Я попытался соскрести с кожи присохшие кровь и грязь, но толку было мало. Туалет придется отложить до возвращения домой. Рубашку я натягивал с таким ощущением, словно меня долго били толстой дубиной. Все тело болело и ныло. Во рту пересохло, губы слиплись.

Возле меня замаячила высокая унылая фигура.

— Может, дать попить? — спросил мистер Динсдейл.

Корка грязи на моем лице пошла трещинами от благодарной улыбки. Перед глазами возникло видение большой чашки горячего чая, щедро сдобренного виски.

— Вы очень любезны, мистер Динсдейл, я с удовольствием выпью чего-нибудь горяченького. Это были нелегкие два часа.

— Да нет, — сказал мистер Динсдейл, не отводя от меня пристального взгляда, — может, дать корове попить?

— Ну да, конечно, разумеется, конечно, — забормотал я. — Обязательно дайте ей попить.

Я собрал свое имущество и, спотыкаясь, выбрался из сарая. Снаружи была темная ночь, и резкий ветер швырнул мне в глаза колючий снег. Спускаясь по темному склону, я в последний раз услышал голос дядюшки, визгливый и торжествующий:

— А мистер Брумфилд против того, чтобы поить после отела. Говорит, что эдак можно желудок застудить.

В ветхом тряском автобусе было невыносимо жарко, а я к тому же сидел у окна, сквозь которое били лучи июльского солнца. Мой лучший костюм душил меня, и я то и дело оттягивал пальцем тесный белый воротничок. Конечно, в такой зной следовало бы надеть что-нибудь полегче, но в нескольких милях дальше меня ждал мой потенциальный наниматель, и мне необходимо было произвести наилучшее впечатление.

От этого свидания столько зависело! Получить диплом ветеринара в 1937 году было почти то же, что встать в очередь за пособием по безработице. В сельском хозяйстве царил застой, поскольку десять с лишним лет правительство его попросту игнорировало, а рабочая лошадь, надежная опора ветеринарной профессии, стремительно сходила со сцены. Нелегко сохранять оптимизм, когда молодые люди после пяти лет усердных занятий в колледже попадали в мир, совершенно равнодушный к их свеженакопленным знаниям и нетерпеливому стремлению поскорее взяться за дело. В «Рикордс» еженедельно появлялись два-три объявления «Требуется...», и на каждое находилось человек восемьдесят желающих.

И я глазам своим не поверил, когда получил письмо из Дарроуби — городка, затерянного среди йоркширских холмов. Мистер Зигфрид Фарнон, член Королевского ветеринарного общества, будет рад видеть меня у себя в пятницу, во второй половине дня, — выпьем чашечку чая, и, если подойдем друг другу, я могу остаться там в качестве его помощника. Я ошеломленно вцепился в этот неожиданный подарок судьбы: столько моих друзей-однокашников не могли найти места, или стояли за прилавками магазинов, или нанимались чернорабочими на верфи, что я уже махнул рукой на свое будущее.

Шофер вновь лязгнул передачей, и автобус начал вползать на очередной крутой склон. Последние пятнадцать миль дорога все время шла вверх, и вдали смутно заголубели очертания Пеннинских гор. Мне еще не доводилось бывать в Йоркшире, но это название всегда вызывало в моем воображении картину края такого же положительного и неромантического, как мясной пудинг. Я ожидал встретить доброжелательную солидность, скуку и полное отсутствие какого-либо очарования. Но под стоны старенького автобуса я начинал проникаться убеждением, что ошибся. То, что еще недавно было бесформенной грядой на горизонте, превратилось в высокие безлесные холмы и широкие долины. Внизу среди деревьев

петляли речки, добротные фермерские дома из серого камня вставали среди лугов, зелеными языками уходивших к вершинам холмов, откуда на них накатывались темные волны вереска.

Мало-помалу заборы и живые изгороди сменились стенками, сложенными из камня, — они обрамляли дороги, замыкали в себе поля и луга, убегали вверх по бесконечным склонам. Эти стенки виднелись повсюду, мили и мили их расчерчивали зеленые плато.

Но по мере того как близился конец моего путешествия, в памяти начали всплывать одна за другой страшные истории — те ужасы, о которых повествовали в колледже ветераны, закаленные и ожесточенные несколькими месяцами практики. Наниматели, все до единого бессердечные и злобные личности, считали помощников жалкими ничтожествами, морили их голодом и замучивали работой. «Ни одного свободного дня или хотя бы вечера! — говорил Дейв Стивенс, дрожащей рукой поднося спичку к сигарете. — Заставлял меня мыть машину, вскапывать грядки, подстригать газон, ходить за покупками. Но когда он потребовал, чтобы я прочищал дымоход, я уехал». Ему вторил Уилли Джонстон: «Мне сразу же поручили ввести лошади зонд в желудок. А я вместо пищевода угодил в трахею. Начал откачивать, а лошадь грохнулась на пол и не дышит. Откинула копыта. Вот откуда у меня эти седые волосы». А жуткий случай с Фредом Принглом? О нем рассказывали всем и каждому. Фред сделал прокол корове, которую раздуло,^[2] и ошеломленный свистом выходящих наружу газов, не нашел ничего лучше, как поднести к гильзе пробойника зажигалку. Пламя полыхнуло так, что запалило солому, и коровник сгорел дотла. А Фред тут же уехал куда-то далеко — на Подветренные острова, кажется.

А, черт! Уж это чистое вранье. Я выругал свое воспаленное воображение. Я попытался заглушить в ушах рев огня и мычание обезумевших от страха коров, которых выводили из огнедышащего жерла коровника. Нет, такого все-таки случиться не могло! Я вытер вспотевшие ладони о колени и попробовал представить себе человека, к которому ехал.

Зигфрид Фарнон. Странное имя для йоркширского сельского ветеринара. Наверное, немец — учился у нас в Англии и решил обосноваться здесь навсегда. И конечно, по-настоящему он не Фарнон вовсе, а, скажем, Фарренен. Сократил для удобства. Ну да, Зигфрид Фарренен. Мне казалось, что я его уже вижу: эдакий переваливающийся на ходу толстячок с веселыми глазками и булькающим смехом. Но одновременно мне пришлось отгонять навязчиво возникавший облик грузного холодноглазого тевтона с ежиком жестких волос на голове — он

как-то больше отвечал ходовому представлению о ветеринаре, берущем помощника.

Автобус, прогромыхав по узкой улочке, въехал на площадь и остановился. Я прочел надпись над витриной скромной бакалейной лавки: «Дарроубайское кооперативное общество». Конец пути.

Я вышел из автобуса, поставил свой потрепанный чемодан на землю и огляделся. Что-то было совсем непривычным, но сначала я не мог уловить, что именно. А потом вдруг понял. Тишина! Остальные пассажиры уже разошлись, шофер выключил мотор, и нигде вокруг — ни движения, ни звука. Единственным видимым признаком жизни была компания стариков, сидевших возле башенки с часами посреди площади, но и они застыли в неподвижности, словно изваянные из камня.

В путеводителях Дарроуби занимает две-три строчки, и то не всегда. А уж если его и описывают, то, как серенький городок на реке Дарроу с рыночной площадью, вымощенной булыжником, и без каких-либо достопримечательностей, если не считать двух старинных мостов. Но выглядел он очень живописно: над бегущей по камешкам речкой теснились домики, уступами располагаясь по нижнему склону Херн-Фелла. В Дарроуби отовсюду — и с улиц, и из домов — была видна величавая зеленая громада этого холма, поднимающегося на две тысячи футов над скоплениями крыш.

Воздух был прозрачным, и меня охватило ощущение простора и легкости, словно я сбросил с себя какую-то тяжесть на равнине в двадцати милях отсюда. Теснота большого города, копоть, дым — все это осталось там, а я был здесь.

Улица Тренгейт, тихая и спокойная, начиналась прямо от площади; я свернул в нее и в первый раз увидел Скелдейл-Хаус. Я сразу понял, что иду правильно, — еще до того, как успел прочесть «З. Фарнон Ч. К. В. О.» на старомодной медной дощечке, довольно криво висевшей на чугунной ограде. Дом я узнал по плющу, который карабкался по старым кирпичным стенам до чердачных окон. Так было сказано в письме — единственный дом, увитый плющом. Значит, вот тут я, возможно, начну свою ветеринарную карьеру.

Но поднявшись на крыльцо, я вдруг задохнулся, точно от долгого бега. Если место останется за мной, значит, именно тут я по-настоящему узнаю себя. Ведь проверить, чего я стою, можно только на деле!

Старинный дом георгианского стиля мне понравился. Дверь была выкрашена белой краской. Белыми были и рамы окон — широких, красивых на первом и втором этажах, маленьких и квадратных высоко

вверху, под черепичным скатом крыши. Краска облупилась, известка между кирпичами во многих местах выкрошилась, но дом оставался непреходяще красивым. Палисадника не было, и только чугунная решетка отделяла его от улицы.

Я позвонил, и тотчас предвечернюю тишину нарушил ошалелый лай, точно свора гончих неслась по следу. Верхняя половина двери была стеклянной. Поглядев внутрь, я увидел, как из-за угла длинного коридора хлынул поток собак и, захлебываясь лаем, обрушился на дверь. Я давно свыкся со всякими животными, но у меня возникло желание поскорее убраться восвояси. Однако я только отступил на шаг и принялся разглядывать собак, которые, иногда по двое, возникали за стеклом, сверкая глазами и лязгая зубами. Через минуту мне более или менее удалось их рассортировать, и я понял, что, насчитав сгоряча в этой кутерьме четырнадцать псов, немного ошибся. Их оказалось всего пять: большой светло-рыжий грейхаунд, который мелькал за стеклом особенно часто, потому что ему не нужно было прыгать так высоко, как остальным, коккер-спаниель, скотч-терьер, уиппет и миниатюрный коротконогий охотничий терьер. Последний возникал за стеклом очень редко, так как для него оно было высоковато, но уж если прыжок ему удавался, он, прежде чем исчезнуть, успевал твякнуть особенно залихватски.

Я уже снова поднял руку к звонку, но тут увидел в коридоре дородную женщину. Она резко произнесла одно какое-то слово, и лай смолк точно по волшебству. Когда она открыла дверь, свирепая свора умильно ластилась у ее ног, показывая белки глаз и виляя поджатыми хвостами. В жизни мне не приходилось видеть таких подхалимов.

— Добрый день, — сказал я, улыбаясь самой обаятельной улыбкой. — Моя фамилия Хэрриот.

В дверном проеме женщина выглядела даже еще дороднее. Ей было лет шестьдесят, но зачесанные назад черные как смоль волосы лишь кое-где тронула седина. Она кивнула и посмотрела на меня с суровой доброжелательностью, как будто ждала дальнейших пояснений. Моя фамилия ей явно ничего не сказала.

— Мистер Фарнон меня ожидает. Он написал мне, приглашая приехать сегодня.

— Мистер Хэрриот? — повторила она задумчиво. — Прием с шести до семи. Если вы хотите показать свою собаку, вам будет удобнее привести ее тогда.

— Нет-нет, — сказал я, упорно улыбаясь. — Я писал насчет места помощника, и мистер Фарнон пригласил меня приехать к чаю.

— Место помощника? Это хорошо. — Суровые складки на ее лице слегка разгладились. — А я — миссис Холл. Веду хозяйство мистера Фарнона. Он ведь холостяк. Про вас он мне ничего не говорил, ну да неважно. Заходите, выпейте чашечку чая. Он, наверное, скоро вернется.

Я пошел за ней через выбеленный коридор. Мои каблуки звонко застучали по плиткам пола. В конце коридора мы свернули еще в один, и я уже решил, что дом невероятно длинен, но тут миссис Холл открыла дверь залитой солнцем комнаты. Она была благородных пропорций, с высоким потолком и массивным камином между двумя нишами. Стеклопанная дверь в глубине вела в обнесенный стеной сад. Я увидел запущенный газон, каменистую горку и множество фруктовых деревьев. В солнечных лучах пылали кусты пионов, а дальше на вязах перекликались грачи. Над стеной виднелись зеленые холмы, исчерченные каменными оградами.

Мебель была самая обычная, а ковер заметно потерт. По стенам висели охотничьи гравюры, и всюду были книги. Часть чинно стояла на полках в нишах, но остальные громоздились горами по углам. На одном конце каминной полки красовалась пинтовая оловянная кружка. Очень любопытная кружка, доверху набитая чеками и банкнотами. Некоторые даже вывалились на решетку вниз. Я с удивлением рассматривал эту странную копилку, но тут в комнату вошла миссис Холл с чайным подносом.

— Вероятно, мистер Фарнон уехал по вызову, — заметил я.

— Нет, он уехал в Бротон навестить свою мать, так что я не знаю, когда он вернется.

Она поставила поднос и ушла. Собаки мирно расположились по всей комнате, и, если не считать небольшой стычки между скотч-терьером и коккер-спаниелем за право занять мягкое кресло, от недавней бурности их поведения не осталось и следа. Они лежали, поглядывая на меня со скучающей дружелюбностью, и тщетно боролись с неодолимой дремотой. Вскоре последняя покачивающаяся голова упала на лапы и комнату наполнило разнообразное посапывание и похрапывание.

Но я не разделял их безмятежности. Меня одолевало сосущее чувство разочарования: я с таким напряжением готовился к разговору с мистером Фарноном и вдруг словно повис в пустоте! Все выглядело как-то странно. Зачем приглашать помощника, назначать время встречи — и уезжать в гости к матери? И еще: если бы он взял меня, мне предстояло сразу же остаться тут, в этом доме, но экономка не получила никаких инструкций о том, чтобы приготовить для меня комнату. Собственно говоря, ей обо мне вообще ни слова не сказали.

Мои размышления были прерваны звонком дверного колокольчика. Собаки, словно от удара током, с воплями взвились в воздух и клубком выкатились за дверь. Я пожалел, что они относятся к своим обязанностям столь серьезно и добросовестно. Миссис Холл нигде не было видно, и я прошел к входной двери, перед которой собаки усердно проделывали свой коронный номер.

— Заткнитесь! — рявкнул я во всю мочь, и лай мгновенно смолк. Пять собак смиренно закружили возле моих лодыжек — впечатление было такое, что они чуть ли не ползают на коленях. Но всех превзошел красавец грейхаунд, оттянувший губы в виноватой ухмылке.

Я открыл дверь и увидел перед собой круглое оживленное лицо. Оно принадлежало толстяку в резиновых сапогах, который развязно прислонился к решетке.

— Здрасьте, здрастьте. А мистер Фарнон дома?

— Нет, он еще не вернулся. Не мог бы я вам помочь?

— Ага. Передайте ему от меня, когда он вернется, что у Берта Шарпа в Барроу-Хиллз надо бы корову просверлить.

— Просверлить?

— Угу, она на трех цилиндрах работает.

— На трех цилиндрах?

— Ага! И если ничего не сделать, так как бы у нее мошна не повредилась!

— Да-да, конечно.

— Не доводить же до того, чтобы у нее опухло, верно?

— Разумеется, нет.

— Вот и ладно. Значит, скажете ему. Счастливо оставаться!

Я медленно вернулся в гостиную. Как ни грустно, но я выслушал первую в моей практике историю болезни и не понял ни единого слова.

Не успел я сесть, как колокольчик вновь зазвонил. На этот раз я испустил грозный вопль, остановивший собак, когда они еще только взлетели в воздух. Сразу разобравшись, что к чему, они обескуражено вернулись на облюбованные места.

Теперь за дверью стоял серьезный джентльмен в кепке, строго надвинутой на уши, в шарфе, аккуратно укутывавшем кадык, и с глиняной трубкой точно в середине рта. Он взял ее в руку и сказал с сильнейшим ирландским акцентом:

— Моя фамилия Муллиген, и я хотел бы, чтобы мистер Фарнон изготовил микстуру для моей собачки.

— А что с вашей собачкой, мистер Муллиген?

Он вопросительно поднял бровь и поднес ладонь к уху. Я загремел во весь голос:

— А что с ней?

Он несколько секунд смотрел на меня с большим сомнением.

— Ее выворачивает, сэр. Очень сильно.

Я почувствовал под ногами твердую почву и уже прикидывал, как точнее поставить диагноз.

— Через сколько времени после еды ее тошнит?

— Что-что? — Ладонь снова поднялась к уху.

Я нагнулся поближе к нему, набрал воздуха в легкие и взревел:

— Когда ее выворачивает... то есть тошнит?

Лицо мистера Муллигена прояснилось. Он мягко улыбнулся.

— Вот-вот. Ее выворачивает. Очень сильно, сэр.

У меня не осталось сил на новую попытку, а потому я сказал ему, что позабочусь о микстуре, и попросил его зайти позднее. Вероятно, он умел читать по губам, потому что медленно побрел прочь с довольным видом.

Вернувшись в гостиную, я рухнул на стул и налил себе чаю. Едва я сделал первый глоток, как колокольчик снова зазвонил. На этот раз оказалось достаточно одного свирепого взгляда, чтобы собаки покорно вернулись на свои места. От их сообразительности у меня стало легче на душе.

За дверью стояла рыжеволосая красавица. Она улыбнулась, показав множество очень белых зубов.

— Добрый день, — произнесла она светским тоном. — Я Диана Бромптон. Мистер Фарнон ждет меня к чаю.

Я сглотнул и уцепился за дверную ручку.

— Он пригласил ВАС на чай?

Улыбка застыла у нее на губах.

— Совершенно верно, — сказала она, чеканя слова. — Он пригласил меня на чай.

— Боюсь, мистера Фарнона нет дома. И я не знаю, когда он вернется.

Улыбка исчезла.

— А! — сказала она, вложив в это междометие чрезвычайно много. — Но в любом случае не могу ли я войти?

— Ну конечно. Разумеется. Извините, — забормотал я, поймав себя на том, что гляжу на нее с разинутым ртом.

Я распахнул дверь, и она прошла мимо меня без единого слова. Дом, по-видимому, был ей знаком: когда я добрался до поворота, она уже исчезла в гостиной. Я на цыпочках прошел мимо, а дальше припустил по

извилистому коридору галопом и ярдов через тридцать влетел в большую кухню с каменным полом, где обнаружил миссис Холл. Я бросился к ней.

— Там пришла гостья. Какая-то мисс Бромптон. Она тоже приглашена к чаю! — Я чуть было не потянул миссис Холл за рукав.

Ее лицо хранило непроницаемое выражение. А я-то думал, что она хотя бы горестно всплеснет руками! Но ей как будто даже в голову не пришло удивиться.

— Пойдите займите ее разговором, — сказала она. — А я принесу еще пирожков.

— Но о чем же я буду с ней разговаривать? А мистер Фарнон, он скоро вернется?

— Да поболтайте с ней, о чем вздумается. Он особенно не задержится, — ответила миссис Холл невозмутимо.

Я медленно побрел в гостиную. Когда я открыл дверь, девушка быстро обернулась и ее губы начали было раздвигаться в новой ослепительной улыбке. Увидев, что это всего лишь я, она даже не попробовала скрыть досаду.

— Миссис Холл думает, что он должен скоро вернуться. Может быть, вы пока выпьете со мной чаю?

Она испепелила меня взглядом от моих всклокоченных волос до кончиков старых потрескавшихся ботинок. И я вдруг почувствовал, как запыхался и пропотел за долгую тряску в автобусе. Затем она слегка пожала плечами и отвернулась. Собаки смотрели на нее с вялым равнодушием. Комнату окутала тягостная тишина.

Я налил чашку чаю и предложил ей. Она словно не заметила этого и закурила сигарету. Тяжелое положение! Но отступать мне было некуда, я слегка откашлялся и сказал небрежно:

— Я только что приехал. И возможно, буду новым помощником мистера Фарнона.

На этот раз она не потрудилась даже посмотреть на меня и только сказала «а!», но вновь это междометие прозвучало как пощечина.

— Места тут очень красивые, — не отступал я.

— Да.

— Я впервые в Йоркшире, но то, что я успел увидеть, мне очень нравится.

— А!

— Вы давно знакомы с мистером Фарноном?

— Да.

— Если не ошибаюсь, он совсем молод. Лет около тридцати?

— Да.

— Чудесная погода.

— Да.

С упрямым мужеством я продержался еще пять минут, тщетно придумывая, чтобы такое сказать пооригинальнее и поостроумнее, но затем мисс Бромптон вынула сигарету изо рта, молча повернулась ко мне и вперила в меня ничего не выражающий взгляд. Я понял, что это конец, и растерянно умолк.

Она опять отвернулась к стеклянной двери и сидела, глубоко затягиваясь и щурясь на струйки дыма, вырывавшиеся из ее губ. Я для нее не существовал.

Теперь я мог, не торопясь, рассмотреть ее — и она того стоила. Мне еще ни разу не доводилось видеть вживе картинку из журнала мод. Легкое полотняное платье, изящный жакет, красивые ноги в элегантных туфлях и великолепные ниспадающие на плечи рыжие кудри.

Я был заинтригован: вот она сидит тут и ждет не дождется жирного немчика-ветеринара. Наверное, в этом Фарноне что-то есть!

В конце концов, мисс Бромптон вскочила, яростно швырнула сигарету в камин и возмущенно вышла из комнаты.

Я устало поднялся со стула и побрел в сад за стеклянной дверью. У меня побаливала голова, и я опустил в высокую, по колено, траву возле акации. Куда запропастился Фарнон? Действительно ли письмо было от него, или кто-то сыграл со мной бессердечную шутку? При этой мысли меня пробрал холод. На дорогу сюда ушли мои последние деньги, и, если произошла ошибка, я окажусь в более чем скверном положении.

Потом я посмотрел по сторонам, и мне стало легче. Старинная кирпичная ограда дышала солнечным теплом, над созвездиями ярких душистых цветов гудели пчелы. Легкий ветерок теребил увядшие венчики чудесной глицинии, заплетшей всю заднюю стену дома. Тут царили мир и покой.

Я прислонил голову к шершавой коре акации и закрыл глаза. Надо мной наклонился герр Фарренен, совершенно такой, каким я его себе представлял. Его физиономия дышала негодованием.

— Что вы сделает? — вскричал он, брызгая слюной, и его жирные щеки затряслись от ярости. — Вы входите в мой дом обманом. Вы оскорбляете фрейлен Бромптон, вы тринкен мой тшай, вы съедает майне пирожки. Что вы еще делает? Вы украдете серебряный ложки? Ви говорят — мой помощник, но я не нуждаюсь ни в каком помощнике. Сей минут я вызываю полицию.

Пухлая рука герра Фарренена сжала телефонную трубку. Даже во сне я удивился тому, как нелепо он коверкает язык. Низкий голос повторял: «Э-эй, э-эй!»

И я открыл глаза. Кто-то говорил «э-эй», но это был не герр Фарренен. К ограде, сунув руки в карманы, прислонился высокий худой человек. Он чему-то посмеивался. Когда я с трудом встал на ноги, он оторвался от ограды и протянул мне руку.

— Извините, что заставил вас ждать. Я Зигфрид Фарнон.

Такого воплощения чисто английского типа я в жизни не видел. Длинное полное юмора лицо с сильным подбородком. Подстриженные усики, растрепанная рыжеватая шевелюра. На нем был старый твидовый пиджак и летние утратившие всякую форму брюки. Воротничок клетчатой рубашки обтрепался, галстук был завязан кое-как. Этот человек явно не имел обыкновения вертеться перед зеркалом.

Я глядел на него, и у меня на душе становилось все легче, несмотря на ноющую боль в затекшей шее. Я помотал головой, чтобы окончательно разлепить глаза, и из моих волос посыпались сухие травинки.

— Приходила мисс Бромптон, — вдруг объявил я. — К чаю. Я сказал, что вас срочно вызвали.

Лицо Фарнона стало задумчивым. Но отнюдь не расстроенным. Он потер подбородок.

— Хм, да... Ну, неважно. Но приношу извинения, что я вас не встретил. У меня на редкость скверная память, и я попросту забыл.

И голос был сугубо английский.

Фарнон поглядел на меня долгим изучающим взглядом и весело улыбнулся.

— Идемте в дом. Я покажу вам, что и как.

В дни былой славы длинная пристройка позади дома предназначалась для слуг. В отличие от комнат по фасаду там все было темным, узким и тесным.

Фарнон подвел меня к первой из нескольких дверей, открывавшихся в коридор, где висел запах эфира и карболки.

— Это, — сказал он, и глаза его таинственно заблестели, словно он указывал мне вход в пещеру Аладдина, — наша аптека.

В дни, когда еще не было пенициллина и сульфаниламидов, аптеке принадлежала весьма важная роль. От пола до потолка по стенам тянулись ряды сверкающих банок и бутылей. Я с удовольствием читал знакомые названия: эфир, настойка камфары, хлородин, формалин, нашатырь, гексамин, свинцовый сахар, линиментум альбум, сулема, вытяжной пластырь. Хоровод этикеток действовал успокаивающе.

Я был среди старых друзей. Сколько лет им отдано, сколько трудов положено, чтобы постичь их тайны! Я знал их состав, действие, применение и все капризы их дозировки. У меня в ушах зазвучал голос экзаменатора: «Доза для лошади? Для коровы? Для овцы? Для свиньи? Для собаки? Для кошки?»

Эти полки содержали весь арсенал ветеринара в его войне с болезнями. На рабочем столе у окна красовались орудия для приготовления из них нужных лекарств — мензурки, колбы, ступки, пестики. А под ними за открытыми дверцами шкафчика — пузырьки, груды пробок всех размеров, коробочки под пилюли, бумага для заворачивания порошков.

Мы медленно обходили комнату, и Фарнон с каждой минутой оживлялся все больше. Глаза его сверкали, он так и сыпал словами. То и дело он протягивал руку и поглаживал бутылку на полке, взвешивал на ладони лошадиный болюс,^[3] доставал из коробки баночку с пастой на меду, ласково похлопывал ее и бережно ставил на место.

— Поглядите-ка, Хэрриот! — неожиданно закричал он так, что я вздрогнул. — Адреван! Прекрасное средство от аскарид у лошадей. Но дороговато! Десять шиллингов коробочка. А это пессарии^[4] с генциановым фиолетовым. Если засунуть такой пессарий в матку коровы после чистки, выделения обретают прелестный цвет. Так и кажется, что от него есть польза. А этот фокус вы видели?

Он бросил несколько кристаллов йода в стеклянную чашечку и капнул

на них скипидаром. Секунду все оставалось как было, а потом к потолку поднялось клубящееся облако фиолетового дыма. При виде моего ошарашенного лица он расхохотался.

— Прямо-таки черная магия, верно? Так я лечу раны на ногах у лошадей. Химическая реакция загоняет йод глубоко в ткани.

— Неужели?

— Точно не скажу, но такая теория существует, а к тому же, согласитесь, выглядит это впечатляюще. Самый твердолобый клиент не устоит.

Некоторые бутылки на полках не вполне отвечали этическим нормам, которые я усвоил в колледже. Например, та, которая была украшена этикеткой «Бальзам от колик» и внушительным рисунком бьющейся в агонии лошади. Морда животного была повернута вверх и выражала чисто человеческую муку. Кудрявая надпись на другой бутылки гласила: «Универсальная панацея для рогатого скота — безотказное средство от кашлей, простуд, дизентерии, воспаления легких, послеродовых параличей, затвердения вымени, и всех расстройств пищеварения». По низу этикетки жирные заглавные буквы обещали: «Не замедлит принести облегчение».

Фарнон находил, что сказать почти обо всех лекарственных средствах. У каждого было свое место в его опыте, накопленном за пять лет практики; у каждого было свое обаяние, свой таинственный ореол. Многие бутылки были красивой формы, с тяжелыми гранеными пробками и латинскими названиями, выдавленными по стеклу, — названиями, которые известны врачам уже много веков и успели войти в фольклор.

Мы стояли, глядя на сверкающие ряды, и нам даже в голову не приходило, что почти все это практически бесполезно и что дни старых лекарств уже сочтены. В ближайшем будущем стремительный поток новых открытий сметет их в пропасть забвения, и больше им не вернуться.

— А вот тут мы храним инструменты.

Фарнон провел меня в соседнюю комнатку. На полках, обтянутых зеленой бязью, были аккуратно разложены блистающие чистотой инструменты для мелких животных. Шприцы, акушерские инструменты, рашпили для зубов, всевозможные зонды и — на почетном месте — офтальмоскоп.

Фарнон любовно извлек его из черного футляра.

— Мое последнее приобретение, — пророкотал он, поглаживая гладкую трубку. — Удивительная штучка. Ну-ка, проверьте мою сетчатку!

Я включил лампочку и с любопытством уставился на переливающийся цветной занавес в глубине его глаза.

— Прелестно. Могу выписать вам справку, что у вас там все в порядке. Он усмехнулся и хлопнул меня по плечу.

— Отлично, я рад. А то мне все казалось, что в этом глазу у меня намечается катаракта.

Настала очередь инструментов для крупных животных. По стенам висели ножницы и прижигатели, щипцы и эмаскуляторы, арканы и путы, веревки для извлечения телят и крючки. На почетном месте красовался новый серебристый эмбриотом, но многие орудия, как и снадобья в аптеке, были музейными редкостями. Особенно флеботом^[5] и ударник для «отворения крови» — наследие средневековья, хотя и теперь порой приходится пускать их в ход и густая струя крови стекает в подставленное ведро.

— По-прежнему непревзойденное средство при ламините,^[6] — торжественно провозгласил Фарнон.

Осмотр мы закончили в операционной с голыми белыми стенами, высоким столом, кислородным баллоном, оборудованием для эфирной анестезии и небольшим автоклавом.

— В здешних местах с мелкими животными работать приходится не часто, — Фарнон провел рукой по столу. — Но я стараюсь изменить положение. Это ведь куда приятнее, чем ползать на животе в коровнике. Главное — правильный подход к делу. Прежняя доктрина касторки и синильной кислоты совершенно устарела. Наверное, вы знаете, что многие старые зубры не желают пачкать рук о собак и кошек, но пора обновить принципы нашей профессии.

Он подошел к шкафчику в углу и открыл дверцу. Я увидел стеклянные полки, а на них скальпели, корнцанги, хирургические иглы и банки с кетгутом в спирту. Он вытащил носовой платок, обмахнул ауроскоп^[7] и тщательно закрыл дверцы.

— Ну, что скажете? — спросил он, выходя в коридор.

— Великолепно! — ответил я. — У вас тут есть практически все, что может понадобиться. Я даже не ожидал.

Он прямо-таки засветился от гордости. Худые щеки порозовели, и он начал что-то мурлыкать себе под нос, а потом вдруг громко запел срывающимся баритоном в такт нашим шагам.

Когда мы вернулись в гостиную, я передал ему просьбу Берта Шарпа:

— Что-то о том, что надо бы просверлить корову, которая работает на трех цилиндрах. Он говорил о ее мощи и об опухании... я не совсем разобрался.

— Пожалуй, я сумею перевести, — засмеялся Фарнон. — У его коровы закупорка соска. Мошна — это вымя, а опуханием в здешних местах называют мастит.

— Спасибо за объяснение. Приходил еще глухой мистер Муллиген...

— Погодите! — Фарнон поднял ладонь. — Я попробую догадаться... Собачку выворачивает?

— Очень сильно выворачивает, сэр.

— Ага. Ну так я приготовлю ему еще пинту углекислого висмута. Я предпочитаю лечить этого пса на расстоянии. С виду он смахивает на эрделя, но ростом не уступит ослу, и характер у него мрачный. Он уже несколько раз валил Джо Муллигена на пол — опрокинет и треплет от нечего делать. Но Джо его обожает.

— А эта рвота?

— Ерунда. Естественная реакция на то, что он жрет любую дрянь, какую только находит. Но к Шарпу надо бы поехать. И еще кое-куда. Хотите со мной — посмотреть здешние места?

На улице он кивнул на старенький «хиллмен», и, обходя машину, чтобы влезть в нее, я ошеломленно разглядывал лысые покрышки, ржавый кузов и почти матовое ветровое стекло в густой сетке мелких трещин. Зато я не заметил, что сиденье рядом с шофером не закреплено, а просто поставлено на салазки. Я плюхнулся на него и опрокинулся, упершись затылком в заднее сиденье, а ногами — в потолок. Фарнон помог мне сесть как следует, очень мило извинился, и мы поехали.

За рыночной площадью дорога круто пошла вниз, и перед нами развернулась широкая панорама холмов, озаренных лучами предвечернего солнца, которые смягчали резкость очертаний. Ленты живого серебра на дне долины показывали, где по ней вьется Дарроу.

Фарнон вел машину самым непредсказуемым образом. Вниз по склону он, словно зачарованный пейзажем, ехал медленно, упершись локтями в рулевое колесо и сжав подбородок ладонями. У подножия холма он очнулся и ринулся вперед со скоростью семьдесят миль в час. Дряхлый «хиллмен» трясся на узком шоссе, и, как я ни упирался ногами в пол, мое подвижное сиденье моталось из стороны в сторону.

Потом Фарнон резко затормозил, чтобы показать мне элитных шортгорнов^[8] на соседнем лугу, и сразу же прибавил газа. На шоссе перед собой он вообще не смотрел, и все его внимание было обращено на происходящее по сторонам и позади. Именно это последнее обстоятельство внушало мне тревогу: слишком уж часто он гнал машину на большой скорости, глядя в заднее стекло.

Наконец мы свернули с шоссе на проселок, тут и там перегороженный воротами. Студенческая практика научила меня лихо выскакивать из машины, чтобы отворять и затворять ворота — ведь студенты считались как бы автоматами для открывания ворот. Однако Фарнон каждый раз благодарил меня без тени иронии, и, когда я оправился от изумления, мне это понравилось.

Мы въехали во двор фермы.

— Тут лошадь охромела, — объяснил Фарнон.

Фермер вывел к нам рослого клайдсдейлского мерина и не сколько раз провел его взад и вперед, а мы внимательно смотрели.

— По-вашему, какая нога? — спросил Фарнон. — Передняя левая? Мне тоже так кажется. Хотите провести осмотр?

Я пощупал левое путо, почувствовал, что оно заметно горячее правого, и попросил дать мне молоток. Когда я постучал по стенке копыта, лошадь вздрогнула, приподняла ногу и несколько секунд продержала на весу, а потом очень осторожно опустила на землю.

— По-моему, гнойный пододерматит.

— Вы безусловно правы, — сказал Фарнон. — Только тут это называется «камешком». Что, по-вашему, следует сделать?

— Вскрыть подошву и эвакуировать гной.

— Правильно. — Он протянул мне копытный нож. — Интересно, каким методом вы пользуетесь?

Понимая, что подвергаюсь испытанию — чувство не из приятных! — я взял нож, приподнял ногу лошади и зажал копыто между колен. Я хорошо знал, что надо делать: найти на подошве темное пятно — место проникновения инфекции — и выскабливать его, пока не доберусь до гноя. Я соскреб присохшую грязь и вместо одного обнаружил несколько темных пятен. Еще постукав по копыту, чтобы определить болезненную зону, я выбрал наиболее подходящее с виду пятно и принялся скоблить.

Рог казался твердым, как мрамор, и поворот ножа снимал только тоненькую стружку. Мерину же явно понравилось, что ему можно не опираться на больную ногу, и он с благодарностью навалился на мою спину всей тяжестью. Впервые за целый день ему было удобно стоять. Я охнул и ткнул его локтем в ребра. Он слегка отодвинулся, но тут же снова навалился на меня.

Пятно тем временем становилось все светлее. Еще один поворот ножа — и оно исчезло. Выругавшись про себя, я принялся за другое пятно. Спина у меня разламывалась, пот заливал глаза. Если и это пятно окажется ложным, мне придется опустить копыто и передохнуть. Но какой может

быть отдых под взглядом Фарнона?

Я отчаянно кромсал копыто, воронка углублялась, но мои колени начинали неудержимо дрожать. Мерин блаженствовал, переложив значительную часть своего веса (а весил он никак не меньше тонны!) на такого услужливого двуногого. Я уже представлял себе, какой у меня будет вид, когда я наконец ткнусь носом в землю, но тут из воронки брызнул гной и потек ровной струйкой.

— Прорвало! — буркнул фермер. — Теперь ему полегчает.

Я расширил дренажное отверстие и отпустил копыто. Выпрямился я далеко не сразу, а когда выпрямился и отступил на шаг, рубашка на спине пластырем прилипла к коже.

— Отлично, Хэрриот! — Фарнон забрал у меня нож и сунул его в карман. — Это не шутка, когда рог такой твердый!

Он ввел лошади противостолбнячную сыворотку и повернулся к фермеру.

— Будьте добры, приподнимите ему ногу, пока я продезинфицирую рану.

Плотный низенький фермер зажал копыто между коленями и с интересом наблюдал, как Фарнон заполнил воронку йодными кристаллами, а потом капнул на них скипидаром. И тут его скрыла завеса фиолетового дыма.

Я заворожено следил, как поднимаются вверх и ширятся густые клубы, в глубине которых кашляет и фыркает фермер.

Дым понемногу рассеивался, и из его пелены возникли два широко раскрытых изумленных глаза.

— Ну, мистер Фарнон, я сперва никак в толк не мог взять, что такое случилось, — проговорил фермер сквозь кашель. Он поглядел на почерневшую дыру в копыте и добавил благоговейно. — Это же надо, до чего нынче наука дошла!

Затем мы заехали посмотреть теленка, порезавшего ногу. Я обработал рану, зашил ее и наложил повязку, и мы отправились лечить корову с закупоркой соска.

Мистер Шарп ожидал нас, а его круглое лицо сияло все тем же оживлением. Мы вошли вслед за ним в коровник, и Фарнон кивнул на корову:

— Поглядите, что тут можно сделать.

Я присел на корточки, начал ощупывать сосок и примерно на середине обнаружил уплотнение. Этот комок необходимо было разрушить, и я начал ввинчивать в канал тонкую металлическую спираль. Секунду спустя я

обнаружил, что сижу в стоке для навозной жижи и пытаюсь отдышаться, а на моей рубашке как раз над солнечным сплетением красуется отпечаток раздвоенного копыта.

Глупое положение! Но сделать я ничего не мог и продолжал сидеть, открывая и закрывая рот, как рыба, вытщенная из воды.

Мистер Шарп прижал ладонь ко рту — его природная деликатность вступила в конфликт с естественным желанием рассмеяться при виде севшего в лужу ветеринара.

— Вы уж извините, молодой человек! Мне бы вас предупредить, что корова эта страсть какая вежливая. Ей бы только кому руку пожать! — Сраженный собственным остроумием, он прижался лбом к боку коровы и затрясся в припадке беззвучного хохота.

Я отдышался и встал на ноги, старательно сохраняя достоинство. Мистер Шарп держал корову за морду, а Фарнон задирает ей хвост, и мне удалось ввести инструмент в фиброзный комок. Я несколько раз дернул и прочистил канал. Однако, хотя принятые меры предосторожности несколько ограничили возможности коровы, ей все-таки удалось насажать мне синяков на руки и на ноги.

Когда операция была завершена, фермер потянул сосок и на пол брызнула белая пенящаяся струя.

— Вот это дело! Теперь она работает на четырех цилиндрах!

— Вернемся другой дорогой, — Фарнон наклонился над рулевым колесом и протер рукавом сетку трещин на ветровом стекле. — Через Бренкстоунский перевал и вниз по Силдейлскому склону. Крюк невелик, а мне хочется, чтобы вы все это посмотрели.

Мы свернули на крутое узкое шоссе и забирались все выше над обрывом, уходящим в темноту ущелья, по которому клубился ручей, устремляясь к широкой долине. На вершине мы вышли из машины. Окутанные летними сумерками нагромождения куполов и пиков убегали на запад, теряясь в золоте и багрянце закатного неба. На востоке над нами нависала темная громада горы, безлесная, суровая. Большие кубические камни усеивали ее нижние склоны.

Я посмотрел кругом и тихо присвистнул. Все это совершенно не походило на дружелюбные пологие холмы, среди которых я въезжал в Дарроуби. Фарнон обернулся ко мне:

— Да, это один из самых диких пейзажей в Англии, а зимой тут бывает и совсем жутко. Перевал иногда неделями остается под снегом.

Я глубоко вдохнул чистый воздух. В величавых просторах нигде не было заметно ни малейшего движения, но откуда-то донесся крик кроншнепа, и внизу глухо ревел поток.

Уже совсем стемнело. Мы сели в машину и начали длинный спуск в Силдейлскую долину. Она тонула в смутной тьме, но на склонах, там, где ютились одинокие фермы, мерцали огоньки.

Мы въехали в тихую деревушку, и Фарнон внезапно нажал на тормоз. Мое подвижное сиденье скользнуло вперед как по маслу, и я с треском ударился лбом о ветровое стекло, но Фарнон словно ничего не заметил.

— Тут есть чудесный трактирчик. Зайдемте выпить пива.

Ничего похожего мне еще видеть не доводилось. Это была просто большая квадратная кухня с каменным полом. Один угол занимали огромный очаг и старая закопченная плита. В очаге стоял чайник, шипело и постреливало единственное большое полено, наполняя помещение приятным смолистым запахом.

На скамьях с высокими спинками у стен расположились посетители — человек десять-двенадцать. Перед ними на дубовых столах, потрескавшихся и покоробившихся от возраста, рядами выстроились пинтовые кружки.

Когда мы вошли, наступила тишина, потом кто-то сказал: «А, мистер Фарнон!» — без особой радости, но вежливо, и остальные дружески кивнули или что-то приветственно буркнули. Почти все это были фермеры и работники с красными обветренными лицами, собравшиеся тут приятно отдохнуть без шума и бурного веселья. Молодые парни сидели, расстегнув рубашку на могучей груди. Из угла доносились негромкие голоса и пощелкивание — там шла мирная игра в домино.

Фарнон подвел меня к скамье, заказал две кружки пива и поглядел на меня.

— Ну, место ваше, если оно вас устраивает. Четыре фунта в неделю, стол и квартира. Договорились?

От неожиданности я онемел. Меня берут! И четыре фунта в неделю! Мне вспомнились трагические объявления в «Рикордс»: «Опытный ветеринарный врач согласен работать только за содержание». Ветеринарная ассоциация вынуждена была пустить в ход все свое влияние, чтобы газета прекратила печатать эти вопли отчаяния. Нельзя было допустить, чтобы представители нашей профессии публично предлагали свои услуги даром. Четыре фунта — это же целое богатство!

— Спасибо, — сказал я, изо всех сил стараясь скрыть свое ликование. — Я согласен.

— Отлично, — Фарнон отхлебнул пива. — А теперь я расскажу вам, что и как. Практику я купил год назад у восьмидесятилетнего старца. Он еще работал, учтите. На редкость крепкий старик. Но ездить по вызовам в глухую ночь ему становилось не по силам. И конечно, в других отношениях он тоже недотягивал — цеплялся за старину. Эти древние орудия в операционной принадлежали ему. Ну как бы то ни было, от практики оставались только рожки да ножки, и теперь я пытаюсь ее восстановить. Пока она почти не приносит дохода, но я убежден, что нам надо только продержаться год-другой, и все будет прекрасно. Фермеры рады врачу помоложе, и им нравятся новые способы лечения. К сожалению, старик брал с них за консультацию всего три шиллинга шесть пенсов, и отучить их от этого непросто. Люди тут чудесные, и вам они понравятся, но раскошеливаться они не любят, пока вы им не докажете, что за свои деньги они получают сполна.

И он еще долго в радужных тонах рассказывал о своих планах на будущее.

Все предыдущие пять лет вели к одной-единственной минуте, но она никак не наступала. Я пробыл в Дарроуби уже сутки, а еще ни разу не съездил на вызов самостоятельно.

И на второй день я тоже ездил с Фарноном. Как ни странно, но он — такой, казалось бы, небрежный, забывчивый и беззаботный человек — отнюдь не торопился предоставить своему новому помощнику самостоятельность.

На этот раз мы ездили в Лиддердейл, и я познакомился еще с несколькими нашими клиентами — дружелюбными, приветливыми фермерами, которые принимали меня очень хорошо и желали мне всяческих успехов. Однако, работая в присутствии Фарнона, я словно вновь проходил студенческую практику под руководством придиричивого преподавателя. Я всем своим существом ощущал, что по-настоящему моя профессиональная карьера начнется, только когда я, Джеймс Хэрриот, поеду лечить больное животное без чужой помощи и надзора.

Но теперь этот час был уже не за горами. Фарнон снова уехал в Бротон навестить свою матушку. Такая сыновняя преданность меня несколько удивила, к тому же он предупредил, что вернется поздно — старушка, по-видимому, придерживалась не слишком правильного образа жизни. Ну да неважно. Главное — лечебница была оставлена на меня.

Я сидел в кресле с широким потертым чехлом и созерцал сквозь стеклянную дверь длинные тени, которые заходящее солнце отбрасывало на давно не стриженный газон. Меня охватывало предчувствие, что сидеть вот так мне придется довольно часто.

От нечего делать я попытался представить себе, каким будет мой самый первый случай. Уж конечно, после стольких лет ожидания — что-нибудь самое заурядное. Теленок с кашлем, свинья с несварением желудка. Но, пожалуй, так даже лучше: начать с чего-то простенького и сразу вылечить животное... Спокойное течение моих мыслей прервал трезвон телефона в коридоре, разносившийся по пустому дому как-то особенно громко. Я взял трубку.

— Мистер Фарнон? — резко спросил глубокий бас.

— Нет, к сожалению, он уехал. Говорит его помощник.

— Когда он вернется?

— Боюсь, что поздно ночью. Могу ли я вам помочь?

— Ну уж не знаю, можете или нет. — Тон стал очень суровым. — Я мистер Сомс, управляющий имением лорда Халтона. Очень ценную охотничью лошадь схватили колики. Вы что-нибудь о коликах знаете?

Меня это разозлило.

— Я дипломированный ветеринарный врач и, мне кажется, должен что-то о них знать.

Наступила длительная пауза, потом голос рявкнул:

— Ну что ж, пускай вы. Да и в любом случае я знаю, что нужно ей впрыснуть. Захватите ареколин.^[9] Мистер Фарнон всегда им пользуется. И ради бога, не тяните до полуночи. Когда вас ждать?

— Я выезжаю сейчас же.

— Ну ладно.

В трубке щелкнуло. Я отошел от телефона, и мне стало жарко. Значит, мой первый случай все-таки не будет чистой формальностью. Колики — штука коварная, к тому же мне в затылок будет дышать грубый всезнайка по фамилии Сомс.

Все восемь миль дороги я мысленно перечитывал классический труд Колтона Рикса «Обычные колики у лошадей». За последний год в колледже я так часто его штудировал, что способен был декламировать наизусть абзацами, как стихи. И перед моими глазами, пока я ехал, маячили потрепанные страницы. Легкий запор или небольшой спазм... Из-за изменения корма или избытка сочной травы. Да, конечно, чаще колики этим и исчерпываются. Быстрая инъекция ареколина и, может быть, чуточку хлородина, чтобы снять неприятные ощущения, и все будет в порядке. Я перебирал в уме случаи, с которыми сталкивался во время практики. Лошадь стоит совершенно спокойно, только иногда приподнимает заднюю ногу или оглядывает свой бок... А, пустяки!

И все еще смакуя эту утешительную картину, я въехал в безупречно чистый, усыпанный песком двор, с трех сторон окруженный солидными просторными стойлами. Там прохаживался широкоплечий, плотно сложенный мужчина щеголеватого вида, в клетчатой кепке и куртке, элегантных брюках и блестящих крагах.

Я затормозил шагах в тридцати от него и вылез, а он медленно и подчеркнуто повернулся ко мне спиной. Я не спеша пошел через двор, давая ему возможность обернуться, но он стоял, сунув руки в карманы, и упорно смотрел в другую сторону.

Я остановился почти рядом с ним, но он так и, не обернулся. В конце концов мне надоело смотреть на его спину, и я сказал:

— Мистер Сомс?

Тут он наконец неторопливо повернулся ко мне. Я увидел толстую красную шею, багровое лицо и злобные глазки. Ничего не ответив, он смерил меня с головы до ног пронзительным взглядом, от которого не укрылись ни мой поношенный плащ, ни моя молодость, ни явное отсутствие опыта. Закончив осмотр, он снова уставился мимо меня.

— Да, я мистер Сомс. — Слово «мистер» он подчеркнул, словно очень им дорожил. — Я близкий друг мистера Фарнона.

— Моя фамилия Хэрриот.

Сомс словно не слышал.

— Да, мистер Фарнон умнейший человек. Мы с ним большие друзья.

— Насколько и понял, у одной из ваших лошадей колики.

Ну почему мой голос прозвучал так пронзительно и неуверенно!?

Сомс по-прежнему глядел куда-то в небо. Он негромко засвистел какой-то мотивчик и только потом сказал:

— Вон там! — Он мотнул головой в сторону денника: — Один из лучших гунтеров его милости. И требуется ему специалист, так мне кажется. — Слово «специалист» он произнес с особым ударением.

Я открыл дверь, вошел и остановился как вкопанный. Денник был просторный, с толстым слоем торфа на полу. По нему безостановочно кружил гнедой конь, и в торфе была уже протоптана глубокая дорожка. Он был весь в мыле от кончика носа до хвоста. Раздутые ноздри, невидящие неподвижные глаза. При каждом шаге его голова моталась, сквозь стиснутые зубы на пол падали хлопья пены. От него остро пахло потом, словно он долго мчался галопом.

У меня пересохло во рту. С трудом, почти шепотом, я спросил:

— И давно он так?

— Ну, утром ему прихватило живот, и я весь день давал ему черный настой — то есть вон тот бездельник давал. Но может, он и тут все перепутал, как всегда.

Только теперь я заметил, что в темном углу стоит высокий грузный человек с недоуздом в руке.

— Да нет, мистер Сомс, настой-то он у меня пил как следует, только вот пользы никакой. — Он был явно испуган.

— А еще конюх! — сказал Сомс. — Конечно, мне надо было самому за него взяться. Ему бы уже давно полегчало.

— Черный настой ему не помог бы, — сказал я. — Это не простые колики.

— Ну а что же это, черт побери?

— Я ничего не могу сказать, пока не осмотрю его, но такая

непрерывная острая боль может означать непроходимость... заворот кишок.

— Заворот кишок, еще чего! Живот ему прихватило, только и всего. Его с утра заперло, так и надо дать ему чего-нибудь, чтобы его прочистило. Ареколин вы привезли?

— Если это непроходимость, то ареколин — самое скверное, что можно придумать. У него и так жуткие боли, а от ареколина он вообще взбесится. Ведь ареколин усиливает сокращение мышц кишечника.

— Черт подери! — рявкнул Сомс. — Вы что, лекции сюда читать приехали? Будете вы лечить лошадь или нет?

Я повернулся к конюху.

— Наденьте на него недоуздок, и я его осмотрю.

Недоуздок был надет, и конь остановился. Он стоял, весь дрожа, и застонал, когда я провел ладонью от ребер к локтевому отростку, нащупывая пульс. Пульс оказался хуже некуда: свехучащенный и нитевидный. Я отвернул веко. Слизистая оболочка была темно-коричневого цвета. Термометр показал 38°C.

Я оглянулся на Сомса:

— Мне нужно ведро воды, мыло и полотенце. Будьте так добры.

— Это еще зачем? Еще ничего не сделали, а решили помыться?

— Я решил провести ректальное исследование. Будьте добры, принесите мне воду.

— Господи помилуй! Это что-то новенькое! — Сомс устало провел рукой по глазам и вдруг набросился на конюха. — Ну хватит прохлаждаться! Притащи воды, и, может, дело сдвинется.

Когда принесли воду, я намылил руку и осторожно ввел ее в прямую кишку коня. Я ясно ощутил смещение тонких кишок влево и напряженное вздутие, которому там быть не следовало. Едва я прикоснулся к вздутию, как лошадь вздрогнула и застонала.

Я вымыл и вытер руки. Сердце у меня бешено билось. Как мне поступить? Что сказать?

Сомс то выходил из денника, то снова входил, что-то бормоча, а изнемогающий от боли конь извивался и дергался.

— Да держи ты чертову тварь! — прикрикнул Сомс на конюха, сжимавшего недоуздок. — Чего ты зеваешь?

Конюх ничего не сказал. Он ни в чем не был виноват, но посмотрел на Сомса пустым взглядом.

Я глубоко вздохнул.

— Все симптомы указывают на одно: у этой лошади непроходимость.

— Ну пусть по-вашему. Пусть непроходимость. Так сделайте что-нибудь, чего вы ждете? Мы что, всю ночь тут стоим?

— Сделать ничего нельзя. Это неизлечимо. Остается только как можно скорее избавить его от страданий.

Сомс нахмурился.

— Неизлечимо? Избавить от страданий? Что вы такое болтаете?

Мне кое-как удалось сдержаться.

— Я жду, чтобы вы разрешили мне сейчас его пристрелить.

— Это вы о чем? — Сомс даже рот открыл.

— О том, что его следует немедленно пристрелить. У меня в машине есть специальный пистолет.

— Застрелить! — Сомс, казалось, вот-вот задохнется от ярости. — Совсем с ума сошли! Да вы знаете, сколько он стоит?

— Это никакого значения не имеет, мистер Сомс. Он весь день терпел невыносимую боль, и он умирает. Вам следовало вызвать меня давным-давно. Он может протянуть еще несколько часов, но исход предрешен. И он все время будет испытывать дикую непрерывную боль.

Сомс зажал голову в ладонях.

— Господи, за что? Его милость за границей, а то я бы дозвонился ему, чтобы он вас образумил. Повторяю, будь тут ваш хозяин, он впрыснул бы ему чего-нибудь и за полчаса поставил бы на ноги. Послушайте, а может, подождем мистера Фарнона? Пусть он его посмотрит.

Что-то во мне радостно отозвалось на это предложение. Впрыснуть ему морфия и убраться отсюда. Переложить ответственность на кого-нибудь другого. Так просто! Я взглянул на коня. Он уже опять кружил по деннику, спотыкался и шел, шел по выбитой в торфе дорожке в безнадежной попытке уйти от боли. Я смотрел на него, а он вдруг поднял мотающуюся голову и жалобно заржал. Непонимающе, безутешно, безнадежно. И я не выдержал: стремглав бросился к машине и достал пистолет, предназначенный для убоя животных.

— Подержите его за голову, — сказал я конюху и прижал дуло между остекленевшими глазами. Раздался резкий хлопок, ноги коня подогнулись, он рухнул на торфяную подстилку и замер.

Я повернулся к Сомсу, который ошеломленно смотрел на труп.

— Утром заедет мистер Фарнон и проведет вскрытие. Я хочу, чтобы лорд Халтон получил подтверждение моего диагноза.

Надев пиджак, я пошел к машине. Я уже включил мотор, когда Сомс открыл дверцу и просунул голову внутрь. Говорил он негромко, но очень злобно:

— Я сообщу его милости о том, что произошло. И мистеру Фарнону тоже. Пусть знает, какого помощничка он посадил себе на шею. И запомните вот что: вскрытие завтра покажет, что вы все наврали, и я подам на вас в суд.

Он яростно захлопнул дверцу и отвернулся.

Дома я решил не ложиться, а подождать возвращения Фарнона. Я тщетно пытался перебороть ощущение, что погубил свою профессиональную карьеру еще до того, как она началась. Но, перебирая в уме все события вечера, я не видел, как мог бы поступить иначе. Вновь я возвращался к ним и вновь убеждался, что иного выхода не было.

Фарнон вернулся во втором часу. Вечер, проведенный у матери, явно привел его в превосходное настроение. Его лицо пылало румянцем, и от него приятно пахло джином. К моему удивлению, одет он был в корректнейший вечерний костюм, и, хотя смокинг несколько старомодного покроя висел на его худощавой фигуре, словно на вешалке, все же он умудрялся выглядеть как посол на официальном приеме.

Он молча выслушал мой рассказ о случившемся и уже собирался что-то сказать, как вдруг зазвонил телефон.

— Ночной вызов! — шепнул он, а потом произнес совсем другим тоном. — А, это вы, мистер Сомс! — Кивнув мне, он устроился в кресле поудобнее и долгое время ронял лишь «да», «нет» и «ах так!» А затем решительно выпрямился и заговорил сам: — Благодарю Вас, мистер Сомс, что Вы мне позвонили. Насколько я могу судить, мистер Хэрриот сделал именно то, чего требовали обстоятельства. Нет, я абсолютно не согласен. Оставить его мучиться было бы неоправданной жестокостью. Одна из наших обязанностей — предотвращать страдания. Мне очень жаль, что вы так на это смотрите, но я считаю мистера Хэрриота во всех отношениях компетентным ветеринарным врачом. И будь я там, то, конечно, поступил бы точно так же. Спокойной ночи, мистер Сомс. Я приеду утром.

У меня настолько полегчало на душе, что я чуть было не разразился благодарственной речью, но в конце концов ограничился простым «спасибо».

Фарнон открыл стеклянную дверцу шкафчика над каминной полкой, извлек бутылку виски, плеснул немного в стопку и пододвинул ее мне. Налив себе столько же, он опустился в кресло, отхлебнул глоток, несколько секунд смотрел на янтарную жидкость, а потом с улыбкой повернулся ко мне:

— Ну, для начала вы действительно нырнули в самую глубину, дорогой мой. Первый самостоятельный вызов. Да притом к Сомсу!

— Вы его близко знаете?

— Ну, о нем я знаю все, что требуется. Скверный человек и любого способен вывести из себя. Поверьте, среди моих друзей он не числится. Если верить слухам, он вообще нечист на руку. Говорят, он уже давно потихоньку обкрадывает своего лорда. Но сколько веревочке ни виться...

Неразбавленное виски огненной струйкой обожгло мне глотку, и я почувствовал, что мое уныние проходит.

— Конечно, лучше бы поменьше вечеров вроде сегодняшнего, но, вероятно, в ветеринарной практике они выпадают не так уж часто?

— Пожалуй, — ответил Фарнон. — Тем не менее никогда заранее не знаешь, какой сюрприз тебе готовится. У нас с вами, знаете ли, профессия очень своеобразная. И предлагает огромный выбор возможностей попасть в дурацкое положение.

— Но мне кажется, многое зависит от знаний и умения.

— До определенной степени. Конечно, хорошему специалисту в этом отношении полегче, но даже заведомого гения все время подстерегают всякие нелепые и унижительные случайности. Я как-то пригласил сюда именитого знатока лошадиных болезней, чтобы он сделал не такую уж сложную операцию, а лошадь в самом ее разгаре вдруг перестала дышать. И глядя, как почтенный врач лихо отплясывает на ребрах своей пациентки, я постиг великую истину: время от времени, причем отнюдь не так уж редко, и я буду выглядеть не менее глупо.

— Ну, значит, мне следует смириться с этим теперь же, — сказал я, рассмеявшись.

— И правильно. Животные непредсказуемы, а значит, и наша с вами жизнь непредсказуема. Она складывается из длинной цепи маленьких побед и непредвиденных катастроф, и надо иметь к ней настоящий вкус или же лучше сменить профессию. Нынче вечером вас допек Сомс, а завтра подвернется кто-нибудь ничуть не лучше. Но одно можно сказать твердо: скучать нам не приходится. Выпейте-ка еще.

Я выпил, и разговор продолжался. Время летело незаметно, и вот уже за стеклянной дверью на сереющем небе вырисовался темный силуэт акации, засвистал первый дрозд и Фарнон с сожалением вытряхнул из бутылки в стопку последние капли. Он зевнул, подергал свой черный галстук и посмотрел на часы.

— Ого, уже пять! Кто бы мог подумать? Но я рад, что мы так славно посидели — надо же было отпраздновать ваш первый самостоятельный выезд. Причем очень нелегкий, верно?

За два с половиной часа можно ли выспаться? Тем не менее я решительно встал в половине восьмого, а в восемь, побрившись и приведя себя в полный порядок, уже спустился в столовую.

Но завтракать мне пришлось одному. Миссис Холл невозмутимо поставила передо мной тарелку с омлетом и сообщила, что мистер Фарнон уже уехал вскрывать лошадь лорда Халтона. По-видимому, он предпочел совсем не ложиться.

Я доедал последний поджаренный хлебец, когда в комнату влетел Фарнон. Я уже привык к внезапности его появлений и даже не вздрогнул, когда, рванув дверь, он прямо-таки прыгнул к столу. Лицо его выглядело свежим и бодрым, и он, по-видимому, был в прекрасном расположении духа.

— В кофейнике что-нибудь осталось? Я выпью с вами чашечку. — Он рухнул на жалобно заскрипевший стул. — Ну, можете не волноваться. Вскрытие показало классическую непроходимость кишечника. Несколько петель совсем почернело и вздулось. Я рад, что вы не стали тянуть и сразу избавили беднягу от страданий.

— А моего приятеля Сомса вы видели?

— Ну как же! Он присутствовал на вскрытии и начал было прохаживаться на ваш счет, но я его уговорил. Сказал просто, что ему следовало бы вызвать вас гораздо, гораздо раньше и что лорду Халтону вряд ли будет приятно узнать о том, как мучилась его лошадь. На этом я с ним и расстался.

Будущее сразу представилось мне в несравненно более розовом свете. Я подошел к бюро и достал еженедельник.

— Какие из утренних визитов вы думаете поручить мне?

Фарнон просмотрел вызовы, составил короткий список и протянул мне листок.

— Вот для вас несколько приятных простых случаев, чтобы вы освоились.

Я уже пошел к двери, но он меня окликнул:

— Мне хотелось бы попросить вас об одной услуге. Мой младший брат должен сегодня приехать из Эдинбурга. Он учится там, в ветеринарном колледже, а семестр кончился вчера. Добираться он будет, голосуя на шоссе, а когда окажется уже близко, вероятно, позвонит. Так вы

не могли бы подъехать забрать его?

— Конечно. С большим удовольствием.

— Кстати, зовут его Тристан.

— Тристан?

— Да. А, я ведь вам не объяснил! Вас, вероятно, и мое несурзное имя ставило в тупик. Это все наш отец. Отъявленный поклонник Вагнера. Главная страсть его жизни. Все время музыка, музыка — и в основном вагнеровская.

— Признаюсь, и я ее люблю.

— Да, но вам в отличие от нас не приходилось слушать ее с утра до ночи. А вдобавок получить такое имечко, как Зигфрид. Правда, могло быть и хуже. Вотан, например.

— Или Погнер.

— И то верно. — Зигфрид даже вздрогнул. — Я и забыл про старину Погнера. Пожалуй, мне еще следует радоваться.

Уже вечерело, когда наконец раздался долгожданный звонок. В трубке послышался удивительно знакомый голос:

— Это Тристан Фарнон.

— Знаете, я было принял вас за вашего брата. У вас совершенно одинаковые голоса.

— Это все говорят... — Он засмеялся. — Да-да, я буду вам очень благодарен, если вы меня подвезете. Я нахожусь у кафе «Остролист» на Северном шоссе.

По голосу я ожидал увидеть копию Зигфрида, только помоложе, но сидевший на рюкзаке худенький мальчик был совершенно не похож на старшего брата. Он вскочил, отбросил со лба темную прядь и протянул руку, озарив меня обаятельнейшей улыбкой.

— Много пришлось идти пешком? — спросил я.

— Да немало, но мне полезно поразмяться. Вчера мы немножко чересчур отпраздновали окончание семестра. — Он открыл дверцу и швырнул рюкзак на заднее сиденье. Я включил мотор, а он расположился рядом со мной, словно в роскошном кресле, вытащил пачку сигарет, старательно закурил и блаженно затянулся. Из кармана он достал «Дейли миррор», развернул ее и испустил вздох полного удовлетворения. Только тогда из его ноздрей и рта потянулись струйки дыма.

Я свернул с магистрального шоссе, и шум машин скоро замер в отдалении. Я поглядел на Тристана.

— Вы ведь сдавали экзамены? — спросил я.

— Да. Патологию и паразитологию.

В нарушение своего твердого правила я чуть было не спросил, сдал ли он, но вовремя спохватился. Слишком щекотливая тема. Впрочем, для разговора нашлось немало других. Тристан сообщал свое мнение о каждой газетной статье, а иногда читал вслух отрывки из нее и спрашивал мое мнение. Я все больше ощущал, что далеко уступаю ему в живости ума. Обратный путь показался мне удивительно коротким.

Зигфрида не было дома, и вернулся он под вечер. Он вошел из сада, дружески со мной поздоровался, бросился в кресло и принялся рассказывать об одном из своих четвероногих пациентов, но тут в комнату заглянул Тристан.

Атмосфера сразу изменилась, словно кто-то повернул выключатель. Улыбка Зигфрида стала сардонической, и он смерил брата с головы до ног презрительным взглядом. Буркнув «ну здравствуй», он протянул руку и начал водить пальцем по корешкам книг в нише. Это занятие словно полностью его поглотило, но я чувствовал, как с каждой секундой нарастает напряжение. Лицо Тристана претерпело поразительную метаморфозу: оно стало непроницаемым, но в глазах затаилась тревога.

Наконец Зигфрид нашел нужную ему книгу, взял ее с полки и принялся неторопливо перелистывать. Затем, не поднимая головы, он спросил негромко:

— Ну, и как экзамены?

Тристан сглотнул и сделал глубокий вдох.

— С паразитологией все в порядке, — ответил он ничего не выражающим голосом.

Зигфрид словно не услышал. Внезапно книга его чрезвычайно заинтересовала. Он сел поудобнее и погрузился в чтение. Потом он захлопнул книгу, поставил ее на место и опять принялся водить пальцем по корешкам. Все так же спиной к брату он спросил тем же мягким голосом:

— Ну, а патология как?

Тристан сполз на краешек стула, словно готовясь кинуться вон из комнаты. Он быстро перевел взгляд с брата на книжные полки и обратно.

— Не сдал, — сказал он глухо.

Зигфрид словно не услышал и продолжал терпеливо разыскивать нужную книгу, вытаскивая то одну, то другую, бросая взгляд на титул и водворяя ее обратно. Потом он оставил поиски, откинулся на спинку кресла, опустив руки почти до полу, посмотрел на Тристана и сказал, словно поддерживая светскую беседу:

— Значит, ты провалил патологию.

Я вдруг заметил, что бормочу почти истерически:

— Ну это же совсем не плохо. Будущий год у него последний, он сдаст патологию перед рождественскими каникулами и совсем не потеряет времени. А предмет этот очень сложен...

Зигфрид обратил на меня ледяной взгляд.

— А, так вы считаете, что это совсем не плохо? — Наступила долгая томительная пауза, и вдруг он буквально с воплем набросился на брата: — Ну а я этого не считаю! По-моему, хуже некуда! Черт знает что! Чем ты занимался весь семестр? Пил, гонялся за юбками, швырял мои деньги направо и налево, но только не работал! И вот теперь у тебя хватает нахальства являться сюда и сообщать, что ты провалил патологию. Ты лентяй и бездельник, и в этом все дело. В том, что ты палец о палец ударить не желаешь!

Его просто нельзя было узнать: лицо налилось кровью, глаза горели. Он снова принялся кричать:

— Но с меня хватит! Видеть тебя не могу! Я не собираюсь надрываться, чтобы ты мог валять дурака. Хватит! Ты уволен, слышишь? Раз и навсегда. А потому убирайся вон! Чтоб я тебя здесь больше не видел. Убирайся!

Тристан, который все это время сохранял вид оскорбленного достоинства, гордо вышел из комнаты.

Изнемогая от смущения, я покосился на Зигфрида. Лицо у него пошло пятнами, и он, что-то бормоча себе под нос, барабанил пальцами по подлокотнику своего кресла.

Разрыв между братьями привел меня в ужас, и я почувствовал огромное облегчение, когда Зигфрид послал меня по вызову и у меня появился повод уйти.

Я вернулся уже совсем в темноте и свернул в проулок, чтобы поставить машину в гараж во дворе за садом. Скрип дверей всполошил грачей на вязах. С темных вершушек донеслось хлопанье крыльев и карканье. Потом все стихло. Я продолжал стоять и прислушиваться, как вдруг заметил у калитки сада темную фигуру. Фигура повернулась ко мне, и я узнал Тристана.

Меня вновь охватило невыразимое смущение. Беднягу одолевают горькие мысли, а я непростительно вторгаюсь в его одиночество.

— Мне очень жаль, что все так получилось, — пробормотал я неловко.

Кончик сигареты ярко зарделся — по-видимому, Тристан сделал глубокую затяжку.

— А, все в порядке. Могло быть куда хуже.

— Хуже? Но ведь и так все достаточно скверно. Что вы думаете

делать?

— Делать? О чем вы?

— Ну... Ведь он вас выгнал. Где вы будете ночевать?

— Да вы же ничего не поняли, — сказал Тристан, вынимая сигарету изо рта, и я увидел, как блеснули в улыбке белые зубы. — Не принимайте все так близко к сердцу. Ночевать я буду здесь, а утром спущусь к завтраку.

— Но ваш брат?

— Зигфрид? Он к тому времени все позабудет.

— Вы уверены?

— Абсолютно. Он меня то и дело выгоняет и тут же забывает об этом.

И все сошло отлично. Собственно, трудность была только с паразитологией.

Я уставился на темный силуэт передо мной. Снова вверху захлопали крылья грачей, и снова все стихло.

— С паразитологией?

— Если помните, я же сказал только, что с ней все в порядке. Но не уточнял.

— Так значит...

Тристан тихонько засмеялся и похлопал меня по плечу.

— Вот именно. Паразитологию я тоже не сдал. Провалил оба экзамена. Но будьте спокойны, к рождеству я сдам и то и другое.

Неделю за неделей я трясся по проселкам в старенькой машине, совершая ежедневные объезды. Время летело незаметно, я уже хорошо узнал округу, люди обретали индивидуальные черты. Почти каждый день мне приходилось стоять у обочины, меняя проколотую шину. Все четыре покрышки были сношены до корда, и меня каждый раз удивляло, что я вообще хоть куда-то на них добираюсь.

Но машина могла похвастать и одним особым удобством — заржавелой сдвижной крышей. Она отвратительно скрипела, когда ее закрывали, но обычно я держал верх и окна открытыми, наслаждаясь душистым воздухом, который волнами накатывался на меня. В дождливые дни закрывать крышу не имело смысла — капли просачивались в местах соединений и растекались озерцами на моих коленях и на свободных сиденьях.

Я научился лихо объезжать лужи. Ехать напрямик не рекомендовалось: мутная вода фонтанчиками била сквозь дырки в полу.

Но лето стояло солнечное, и от долгих часов под открытым небом я загорел не хуже любого фермера. Даже заклеивать очередной прокол где-нибудь на пустынном проселке высоко над долиной было почти удовольствием: по соседству кружили кроншнепы, а ветер приносил снизу ароматы цветов и листвы. Впрочем, всегда нетрудно было найти предлог, чтобы вылезти из машины, раскинуться на упругой траве и утонуть взглядом в воздушных просторах над Йоркширом. Это были минутные передышки в стремительном течении жизни. Передышки, чтобы взглянуть на нее со стороны и оценить свои успехи. Все это было настолько непохоже на то, к чему я привык, что я даже растерялся. Деревенская глушь после юности, промелькнувшей в суматохе большого города, свобода, сменившая необходимость заниматься и сдавать экзамены, работа, которая ежедневно ставила передо мной неожиданные и интересные задачи. Не говоря уж о моем патроне.

Зигфрид Фарнон неукротимо объезжал клиентов с утра до ночи, и я часто недоумевал, что его к этому понуждает. Уж во всяком случае, не любовь к деньгам, к которым он относился с полным пренебрежением. После оплаты счетов наличные засовывались в пинтовую кружку на каминной полке, и, когда они ему требовались, он вытаскивал их оттуда не глядя. Ни разу я не видел, чтобы он воспользовался кошельком, но карманы

у него вздувались от множества монет и смятых банкнот. Когда он доставал термометр, они взметывались снежным вихрем.

После недели-двух круглосуточной работы он вдруг исчезал — иногда на вечер, иногда на всю ночь, и часто без предупреждения. Миссис Холл накрывала стол на двоих, но, заметив, что я сижу за ним в одиночестве, молча убирала второй прибор.

Каждое утро он составлял список визитов с такой быстротой, что я нередко отправлялся не на ту ферму или получал не те инструкции. Когда вечером я рассказывал ему об этих недоразумениях, он принимался от души хохотать.

Но однажды он попался сам. Некий мистер Хитон из Бронсета позвонил и попросил приехать к нему, чтобы вскрыть сдохшую овцу.

— Я бы хотел, чтобы вы поехали со мной, Джеймс, — сказал Зигфрид. — Утро у нас сегодня выдалось спокойное, а если не ошибаюсь, вас обучили очень любопытным методам вскрытия. Вот мне и хотелось бы их посмотреть.

Мы въехали в деревушку Бронсет, и Зигфрид свернул влево на перегороженный воротами проселок.

— Куда мы едем? — спросил я. — Ферма Хитона в том конце.

— Но вы же сказали: Ситон.

— Да нет же, уверяю вас...

— Послушайте, Джеймс, я стоял рядом с вами, когда вы разговаривали с ним, и ясно расслышал, как вы его назвали.

Я попытался возразить, но машина уже катила по проселку, а подбородок Зигфрида был упрямо выставлен вперед. Ну пусть сам убедится.

Завизжав тормозами, мы остановились перед домом фермера. Машина еще не замерла окончательно, а Зигфрид уже выскочил и рылся в багажнике.

— Черт! — завопил он. — Нож для вскрытия куда-то задевался. Ну да ничего, возьму что-нибудь в доме.

Захлопнув крышку багажника, он ринулся к двери.

На стук вышла жена фермера, и Зигфрид озарил ее улыбкой.

— Доброе утро, доброе утро, миссис Ситон. У вас есть нож для разрезания жаркого?

Почтенная женщина с недоумением подняла брови.

— Что-что?

— Мне нужен нож для разрезания жаркого, миссис Ситон. И, пожалуйста, поострее.

— Вам нужен нож для разрезания жаркого?

— Да-да, совершенно верно! — воскликнул Зигфрид, чей скудный запас терпения быстро истощался. — И если вас не затруднит, то побыстрее. У меня мало времени.

Фермерша в полной растерянности вернулась на кухню, и оттуда донесся ее взволнованный шепот. В окнах стали возникать головки детей, с любопытством разглядывавших Зигфрида, который раздраженно переминался с ноги на ногу. Наконец из двери вышла одна из дочек и робко протянула ему длинный, страшноватого вида нож. Зигфрид схватил его и провел большим пальцем по лезвию.

— Никуда не годится! — сердито крикнул он. — Разве вы не поняли, что мне нужен по-настоящему острый нож? Принесите мне точильный брусок.

Девочка кинулась на кухню, и там послышались взволнованные голоса. Прошло несколько минут, прежде чем из двери буквально вытолкнули другую девочку. Она бочком приблизилась к Зигфриду на расстояние вытянутой руки, сунула ему брусок и тут же кинулась назад к двери.

Зигфрид гордился своим умением затачивать ножи и делал это с наслаждением. Водя лезвием по бруску, он так увлекся, что даже запел. Из кухни не доносилось ни звука, и тишину нарушали только скрежет стали о брусок и немзыкальное пение. Внезапно наступала пауза — это Зигфрид пробовал лезвие, а потом скрежет и пение возобновлялись. Наконец, удовлетворенный результатом очередной пробы, он заглянул в дверь и громко крикнул:

— Где ваш муж?

Ответом было молчание, и он широкими шагами направился в кухню, помахивая сверкающим ножом. Я пошел за ним и увидел, что миссис Ситон и девочки забились в дальний угол и смотрят на него широко открытыми, испуганными глазами.

— Ну, я могу начать, — заявил он, махнув ножом в их сторону.

— Что начать? — прошептала фермерша, прижимая к себе дочек.

— Вскрытие овцы. У вас ведь сдохла овца?

Недоразумение выяснилось, и последовали извинения.

А позже Зигфрид сделал мне выговор за то, что я направил его не на ту ферму.

— Впредь будьте повнимательнее, Джеймс, — сказал он с грустной серьезностью. — Подобные промахи производят весьма неблагоприятное впечатление. Весьма.

Но я уже привык к таким поворотам на сто восемьдесят градусов. Помнится, было утро, когда Зигфрид спустился к завтраку, устало протирая покрасневшие глаза.

— Меня подняли с постели в четыре утра! — простонал он, вяло намазывая маслом ломтик поджаренного хлеба. — И хотя мне неприятно это говорить, Джеймс, но только по вашей вине.

— Как по моей? — повторил я растерянно.

— Да, мой дорогой, по вашей. Та самая корова с легкой тимпанией рубца. Фермер сам пользовал ее бог знает сколько времени. Сегодня пинта льняного масла, завтра сода с имбирем, а затем в четыре часа утра он решает, что настало время обратиться к ветеринару. Когда же я указал, что можно было бы спокойно подождать несколько часов, он заявил, что мистер Хэрриот велел ему звонить не стесняясь, — он, дескать, придет в любое время, днем или ночью. — Зигфрид постучал по крутому яйцу так, словно разбить скорлупу было ему не по силам. — Ну разумеется, добросовестность и усердие — прекрасные вещи, но если можно было тянуть несколько дней, так уж можно подождать до утра. Вы их балуете, Джеймс, а расхлебывать должен я. Мне надоело, что меня поднимают с постели по пустякам.

— Искренне сожалею, Зигфрид. Я же ничего подобного не хотел. Наверное, виной моя неопытность. Но если бы я не поехал на вызов, меня замучили бы опасения, что животное погибнет. А отложи я до утра, она сдохнет — как бы я тогда себя чувствовал?

— Ну и пусть, — огрызнулся Зигфрид. — Дохлая скотина лучшее средство образумить их. В следующий раз нас вызовут сразу, только и всего.

Я запомнил этот совет и попробовал ему следовать. Неделью спустя Зигфрид сказал, что ему надо серьезно со мной поговорить.

— Джеймс, я знаю, вы не обидитесь. Но старик Самнер сегодня жаловался мне, что вчера ночью позвонил вам, а вы отказались поехать к его корове. Вы знаете, он хороший клиент и отличный человек, но он был возмущен. А нам не хотелось бы его потерять, правда?

— Но ведь это же просто хронический мастит, — сказал я. — Молоко чуть хуже свертывается, только и всего. А он ее почти неделю пичкал каким-то шарлатанским снадобьем. Ела корова прекрасно, и я подумал, что можно без всяких опасений подождать до утра.

Зигфрид отечески положил мне руку на плечо, и лицо его приняло бесконечно терпеливое выражение. Я стиснул зубы. К его взрывам нетерпения я давно привык, и они меня несколько не раздражали, но

сносить его терпеливую снисходительность было куда труднее.

— Джеймс, — сказал он мягким голосом, — в нашей профессии есть одно главное правило, перед которым все остальное отступает на задний план, и я скажу вам какое. БЫТЬ ВСЕГДА НАГОТОВЕ. Вам надо запечатлеть его в своей душе огненными буквами. — Он назидательно поднял палец — БЫТЬ ВСЕГДА НАГОТОВЕ. Не забывайте этого, Джеймс, ни на секунду. Каковы бы ни были обстоятельства, в дождь и в жару, ночью и днем, если клиент вас вызывает, вы обязаны ехать к нему, и ехать охотно. Вот вы говорите, что причина не показалась вам срочной. Но ведь, в конце-то концов, вы полагались только на слова владельца, а он некомпетентен решать, насколько это срочный случай. Нет, дорогой мой, вы обязаны ехать. Пусть они сами пользовали животное, но ему могло вдруг стать хуже. И не забывайте, — он торжественно погрозил пальцем, — животное могло сдохнуть!

— Но по-моему, вы говорили, чтодохлая скотина — лучшее средство их образумить? — съязвил я.

— Что-что? — спросил Зигфрид в полном изумлении. — Впервые слышу подобную чушь. Но довольно об этом. Просто впредь не забывайте: НАДО ВСЕГДА БЫТЬ НАГОТОВЕ.

Я снова заглянул в листок, на котором записал вызовы. «Дин, Томпсоновский двор, 3. Больная старая собака».

В Дарроуби было немало «дворов» — маленьких улочек, словно сошедших с иллюстраций в романах Диккенса. Одни отходили от рыночной площади, другие прятались за магистральями в старой части города. Они начинались с низкой арки, и я всякий раз удивлялся, когда, пройдя по тесному проходу, вдруг видел перед собой два неровных ряда поразительно разнообразных домиков, заглядывавших в окна друг другу через узкую полосу булыжной мостовой.

Перед некоторыми, в палисадничках среди камней, вились настурции и торчали ноготки, но дальше ютились обветшалые лачуги, и у двух-трех окна были забиты досками.

Номер третий находился как раз в дальнем конце, и казалось, что он долго не простоит. Хлопья облезающей краски на прогнивших филенках затрепетали, когда я постучал в дверь, а кирпичная стена над ней опасно вспучивалась по сторонам длинной трещины.

Мне открыл щуплый старичок. Волосы у него совсем побелели, но глаза на худом морщинистом лице смотрели живо и бодро. Одет он был в шерстяную штопаную-перештопаную фуфайку, заплатанные брюки и домашние туфли.

— Я пришел посмотреть вашу собаку, — сказал я, и старичок облегченно улыбнулся.

— Очень вам рад, сэр. Что-то у меня на сердце из-за него беспокойно. Входите, входите, пожалуйста.

Он провел меня в крохотную комнатушку.

— Я теперь один живу, сэр. Хозяйка моя вот уже больше года, как скончалась. А до чего она нашего пса любила!

Все вокруг свидетельствовало о безысходной нищете — потертый линолеум, холодный очаг, душный запах сырости. Волглые обои висели лохмотьями, а на столе стоял скудный обед старика: ломтик грудинки, немного жареной картошки и чашка чаю. Жизнь на пенсию по старости.

В углу на одеяле лежал мой пациент, лабрадор-ретривер, хотя и не чистопородный. В расцвете сил он, несомненно, был крупным, могучим псом, но седая шерсть на морде и белесая муть в глубине глаз говорили о беспощадном наступлении дряхлости. Он лежал тихо и поглядел на меня

без всякой враждебности.

— Возраст у него почтенный, а, мистер Дин?

— Вот-вот. Без малого четырнадцать лет, но еще месяц назад бегал и резвился, что твой щенок. Старый Боб, он для своего возраста замечательная собака и в жизни ни на кого не набросился. А уж дети что хотят с ним делают. Теперь он у меня только один и остался. Ну да вы его подлечите, и он опять будет молодцом.

— Он перестал есть, мистер Дин?

— Совсем перестал, а ведь всегда любил поесть, право слово. За обедом там или за ужином сядет возле меня, а голову положит мне на колени. Только вот последние дни перестал.

Я смотрел на пса с нарастающей тревогой. Живот у него сильно вздулся, и легко было заметить роковые симптомы не утихающей боли: перебои в дыхании, втянутые уголки губ, испуганный неподвижный взгляд.

Когда его хозяин заговорил, он два раза шлепнул хвостом по одеялу и на мгновение в белесых старых глазах появилось выражение интереса, но тут же угасло, вновь сменившись пустым, обращенным внутрь взглядом.

Я осторожно провел рукой по его животу. Ярko выраженный асцит, и жидкости скопилось столько, что давление, несомненно, было мучительным.

— Ну-ка, ну-ка, старина, — сказал я, — попробуем тебя перевернуть.

Пес без сопротивления позволил мне перевернуть его на другой бок, но в последнюю минуту жалобно взвизгнул и поглядел на меня. Установить причину его состояния, к несчастью, было совсем не трудно. Я бережно ощупал его бок. Под тонким слоем мышц мои пальцы ощутили бороздчатое затвердение. Несомненная карцинома селезенки или печени, огромная и абсолютно неоперабельная. Я поглаживал старого пса по голове, пытаюсь собраться с мыслями. Мне предстояли нелегкие минуты.

— Он долго будет болеть? — спросил старик, и при звуке любимого голоса хвост снова дважды шлепнул по одеялу. — Знаете, когда я хлопочу по дому, как-то тоскливо, что Боб больше не ходит за мной по пятам.

— К сожалению, мистер Дин, его состояние очень серьезно. Видите вздутие? Это опухоль.

— Вы думаете... рак? — тихо спросил старичок.

— Боюсь, что да, и уже поздно что-нибудь делать. Я был бы рад помочь ему, но это неизлечимо.

Старичок растерянно посмотрел на меня, и его губы задрожали.

— Значит... он умрет?

У меня сжалось горло.

— Но ведь мы не можем оставить его умирать, правда? Он и сейчас страдает, а вскоре ему станет гораздо хуже. Наверное, вы согласитесь, что будет лучше, если мы его усыпим. Все-таки он прожил долгую хорошую жизнь... — В таких случаях я всегда старался говорить деловито, но сейчас избитые фразы звучали неуместно.

Старичок ничего не ответил, потом сказал: «Погодите немножко», — и медленно, с трудом опустился на колени рядом с собакой. Он молчал и только гладил старую седую морду, а хвост шлепал и шлепал по одеялу.

Я еще долго стоял в этой безрадостной комнате, глядя на выцветшие фотографии по стенам, на ветхие грязные занавески, на кресло с продавленным сиденьем.

Наконец старичок поднялся на ноги и несколько раз сглотнул. Не глядя на меня, он сказал хрипло:

— Ну хорошо. Вы сейчас это сделаете?

Я наполнил шприц и сказал то, что говорил всегда:

— Не тревожьтесь, это совершенно безболезненно. Большая доза снотворного, только и всего. Он ничего не почувствует.

Пес не пошевелился, пока я вводил иглу, а когда нембутал вошел в вену, испуг исчез из его глаз и все тело расслабилось. К тому времени, когда я закончил инъекцию, он перестал дышать.

— Уже? — прошептал старичок.

— Да, — сказал я. — Он больше не страдает.

Старичок стоял неподвижно, только его пальцы сжимались и разжимались. Когда он повернулся ко мне, его глаза блестели.

— Да, верно, нельзя было, чтобы он мучился, и я благодарен вам за то, что вы сделали. А теперь — сколько я должен вам за ваш визит, сэр?

— Ну что вы, мистер Дин, — торопливо сказал я. — Вы мне ничего не должны. Я просто проезжал мимо... и даже лишнего времени не потратил...

— Но вы же не можете трудиться бесплатно, — удивленно возразил старичок.

— Пожалуйста, больше не говорите об этом, мистер Дин. Я ведь объяснил вам, что просто проезжал мимо вашего дома...

Я попрощался, вышел и по узкому проходу зашагал к улице. Там сияло солнце, сновали люди, но я видел только нищую комнатуху, старика и его мертвую собаку.

Я уже открывал дверцу машины, когда меня окликнули. Ко мне, шаркая домашними туфлями, подходил старичок. По щекам у него тянулись влажные полоски, но он улыбался. В руке он держал что-то

маленькое и коричневое.

— Вы были очень добры, сэр. И я кое-что вам принес.

Он протянул руку, и я увидел, что его пальцы сжимают замусоленную, но бережно хранившуюся реликвию какого-то давнего счастливого дня.

— Берите, это вам, — сказал старичок. — Выкурите сигару!

На смену осени шла зима, на высокие вершины полосами лег первый снег, и теперь неудобства практики в йоркширских холмах давали о себе знать все сильнее.

Часы за рулем, когда замерзшие ноги немели и переставали слушаться, сараи, куда надо было взбираться навстречу резкому ветру, гнувшему и рвавшему жесткую траву. Бесконечные раздевания в коровниках и хлевах, где гуляли сквозняки, ледяная вода в ведре, кусочек хозяйственного мыла, чтобы мыть руки и грудь, и частенько мешковина вместо полотенца.

Вот теперь я по-настоящему понял, что такое цыпки — когда работы было много, руки у меня все время оставались влажными и мелкие красные трещинки добирались почти до локтей.

В такое время вызов к какому-нибудь домашнему любимцу был равносильен блаженной передышке. Забыть хоть ненадолго все эти зимние досады, войти вместо хлева в теплую элегантную гостиную и приступить к осмотру четвероногого, заметно менее внушительного, чем жеребец или племенной бык! А из всех этих уютных гостиных самой уютной была, пожалуй, гостиная миссис Памфри.

Миссис Памфри, пожилая вдова, унаследовала солидное состояние своего покойного мужа, пивного барона, чьи пивоварни и пивные были разбросаны по всему Йоркширу, а также прекрасные особняк на окраине Дарроуби. Там она жила в окружении большого штата слуг, садовника, шофера — и Трики-Ву. Трики-Ву был китайским мопсом и зеницей ока своей хозяйки.

Стоя теперь у величественных дверей, я украдкой обтирал носки ботинок о манжеты брюк и дул на замерзшие пальцы, а перед моими глазами проплывали картины глубокого кресла у пылающего камина, подноса с чайными сухариками, бутылки превосходного хереса. Из-за этого хереса я всегда старался наносить свои визиты ровно за полчаса до второго завтрака.

Мне открыла горничная, озарила меня улыбкой, как почетного гостя, и провела в комнату, заставленную дорогой мебелью. Повсюду, сверкая глянцевыми обложками, лежали иллюстрированные журналы и модные романы. Миссис Памфри в кресле с высокой спинкой у камина положила книгу и радостно позвала:

— Трики! Трики! Пришел твой дядя Хэрриот!

Я превратился в дядю в самом начале нашего знакомства и, почувствовав, какие перспективы сулит такое родство, не стал протестовать.

Трики, как всегда, соскочил со своей подушки, вспрыгнул на спинку дивана и положил лапки мне на плечо. Затем он принялся старательно вылизывать мое лицо, пока не утомился. А утомлялся он быстро, потому что получал, грубо говоря, вдвое больше еды, чем требуется собаке его размеров. Причем еды очень вредной.

— Ах, мистер Хэрриот, как я рада, что вы приехали, — сказала миссис Памфри, с тревогой поглядывая на своего любимца. — Трики опять плюх-попает.

Этот термин, которого нет ни в одном ветеринарном справочнике, она сочинила, описывая симптомы закупорки околоанальных желез. В подобных случаях Трики показывал, что ему не по себе, внезапно садясь на землю во время прогулки, и его хозяйка в великом волнении мчалась к телефону: «Мистер Хэрриот, приезжайте скорее, он плюх-попает!»

Я положил собачку на стол и, придавливая ваткой, очистил железы.

Я не мог понять, почему Трики всегда встречал меня с таким восторгом. Собака, способная питать теплые чувства к человеку, который при каждой встрече хватается за нее и безжалостно давит ей под хвостом, должна обладать удивительной незлобивостью. Как бы то ни было, Трики никогда не сердился и вообще был на редкость приветливым песиком, да к тому же большим умницей, так что я искренне к нему привязался и ничего не имел против того, чтобы считаться его личным врачом.

Закончив операцию, я снял своего пациента со стола. Он заметно потяжелел и ребра его обросли новым слоем жира.

— Миссис Памфри, вы опять его перекармливаете. Разве я не рекомендовал, чтобы вы давали ему побольше белковой пищи и перестали пичкать кексами и кремовыми пирожными?

— Да-да, мистер Хэрриот, — жалобно согласилась миссис Памфри. — Но что мне делать? Ему так надоели цыплята!

Я безнадежно, пожал плечами и последовал за горничной в роскошную ванную, где всегда совершал ритуальное омовение рук после операции. Это была огромная комната с раковиной из зеленовато-голубого фаянса, полностью оснащенной туалетным столиком и рядами стеклянных полок, уставленных всевозможными флакончиками и баночками. Специальное гостевое полотенце уже ждало меня рядом с куском дорогого мыла.

Вернувшись в гостиную, я сел у камина с полной рюмкой хереса и

приготовился слушать миссис Памфри. Беседой это назвать было нельзя, потому что говорила она одна, но я всегда узнавал что-нибудь интересное.

Миссис Памфри была приятной женщиной, не скупилась на благотворительные пожертвования и никогда не отказывала в помощи тем, кто в этой помощи нуждался. Она была неглупа, остроумна и обладала сдобным обаянием, но у всех людей есть свои слабости, и ее слабостью был Трики-Ву. Истории, которые она рассказывала о своем драгоценном песике, широко черпались в царстве фантазии, а потому я с удовольствием ожидал очередного выпуска.

— Ах, мистер Хэрриот, у меня для вас восхитительная новость! Трики завел друга по переписке! Да-да, он написал письмо редактору собачьего журнала с приложением чека и сообщил ему, что он, хотя и происходит от древнего рода китайских императоров, решил забыть о своей знатности и готов дружески общаться с простыми собаками. И он попросил редактора подобрать среди известных ему собак друга для переписки, чтобы они могли обмениваться письмами для взаимной пользы. Трики написал, что для этой цели он берет себе псевдоним «мистер Чепушист». И знаете, он получил от редактора очаровательный ответ (я без труда представил себе, как практичный человек уцепился за этот потенциальный клад!) и обещание познакомить его с Бонзо Фотерингемом, одиноким немецким догом, который счастлив будет переписываться с новым другом в Йоркшире.

Я прихлебывал херес. Трики похрапывал у меня на коленях. А миссис Памфри продолжала:

— Но у меня такое разочарование с новым летним павильоном! Вы ведь знаете, я строила его специально для Трики, чтобы мы смогли вместе сидеть там в жаркие дни. Это прелестная сельская беседка, но он чрезвычайно ее невзлюбил. Просто питает к ней отвращение и наотрез отказывается войти в нее. Видели бы вы ужасное выражение его мордашки, когда он смотрит на нее. И знаете, как он вчера ее назвал? Мне просто неловко это вам повторить! — Миссис Памфри оглянулась по сторонам, потом наклонилась ко мне и прошептала: — Он назвал ее «навозной дырой»!

Горничная помешала в камине и наполнила мою рюмку. Ветер швырнул в окно вихрь ледяной крупы. «Вот это настоящая жизнь», — подумал я и приготовился слушать дальше.

— Я так испугалась на прошлой неделе! — продолжала миссис Памфри. — И уже думала вызвать вас. Бедняжка Трики вдруг оприпадился.

Мысленно я добавил этот новый собачий недуг к плюх-попанью и

попросил объяснения.

— Это было ужасно. Я так испугалась! Садовник бросал Трики колечки. Вы ведь знаете, он бросает их по получасу каждый день.

Я действительно несколько раз наблюдал эту сцену. Ходжкин, угрюмый сгорбленный старик-йоркширец, который, судя по его виду, ненавидел всех собак, а Трики особенно, должен был каждый день стоять на лужайке и бросать небольшие резиновые кольца. Трики кидался за ними, приносил назад и бешено лаял, пока кольцо снова не взлетало в воздух. Игра продолжалась, и суровые морщины на лице старика становились все глубже, а губы, не переставая, шевелились, хотя расслышать то, что он бормотал, было невозможно.

— А Трики бегал за кольцами, — говорила миссис Памфри, — ведь он обожает эту игру, как вдруг без всякой причины он оприпадился. Забыл про кольца, стал кружить, тявкать и лаять самым странным образом, а потом упал на бочок и вытянулся как мертвый. Вы знаете, мистер Хэрриот, я, право, подумала, что он умер — так неподвижно он лежал. Но меня особенно расстроило, что Ходжкин вдруг принялся смеяться! Он работает у меня уже двадцать четыре года, и я ни разу не видела, чтобы он хоть раз улыбнулся, и тем не менее едва он взглянул на это бедное неподвижное тельце, как разразился пронзительным хихиканьем. Это было ужасно! Я уже собралась бежать к телефону, но тут Трики вдруг встал и ушел. И выглядел совсем таким, как всегда.

Истерику, подумал я. Следствие перекармливания и перевозбуждения. Поставив рюмку, я строго посмотрел на миссис Памфри:

— Послушайте, ведь об этом я вас и предупреждал. Если вы по-прежнему будете пичкать Трики вреднейшими лакомствами, вы погубите его здоровье. Вы просто обязаны посадить его на разумную собачью диету и кормить его раз, от силы два в день, ограничиваясь очень небольшими порциями мяса с черным хлебом. Или немножко сухариков. А в промежутках — решительно ничего.

Миссис Памфри виновато съежилась в кресле.

— Пожалуйста, пожалуйста, не браните меня. Я пытаюсь кормить его как полагается, но это так трудно! Когда он просит чего-нибудь вкусенького, у меня нет сил ему отказать! — Она прижала к глазам носовой платок, но я был неумолим.

— Что же, миссис Памфри, дело ваше, но предупреждаю вас: если вы и дальше будете продолжать в этом же духе, Трики будет оприпадываться все чаще и чаще.

Я с неохотой покинул уютную гостиную и на усыпанной песком

подъездной аллее оглянулся. Миссис Памфри махала мне, а Трики по обыкновению стоял на подоконнике, и его широкий рот был растянут так, словно он от души смеялся.

По дороге домой я размышлял о том, как приятно быть дядей Трики. Отправляясь отдыхать на море, он присылал мне ящики копченых сельдей, а когда в его теплицах созревали помидоры, каждую неделю преподносил мне фунт-другой. Жестянки табака прибывали регулярно, порой с фотографией, снабженной нежной подписью.

Войдя в двери Скелдейл-Хауса, я словно вернулся в более холодный, более равнодушный мир. В коридоре со мной столкнулся Зигфрид.

— И кто же это приехал? Если не ошибаюсь, милейший дядюшка Хэрриот! И что же вы поделывали, дядюшка? Уж конечно, надрывались в Барлби-Грейндже. Бедняга, как же вы утомились! Неужели вы искренне верите, будто корзиночка с деликатесами к рождеству стоит кровавых мозолей на ладонях?

Йоркшир — холодное место, и я даже сейчас помню, как ошеломило меня наступление первой зимы, которую я провел в Дарроуби.

Выпал первый снег, и я еле полз вверх по склону вслед за лязгающими снегоочистительными машинами между белыми валами по сторонам дороги, пока не добрался до ворот старого мистера Стоукилла. Уже взявшись за ручку дверцы, я посмотрел сквозь ветровое стекло на совсем новый мир: склон подо мною застилало белое одеяло, оно лежало на крышах жилого дома и служб маленькой фермы. Белая пелена простиралась дальше, скрывая все знакомые приметы пейзажа — каменные стенки между лугами, речку внизу. Все вокруг казалось новым, манящим, загадочным.

Однако упоение сказочной красотой рассеялось, едва я вылез из машины, и на меня обрушился свирепый ветер. Он задувал с востока и нес с собой ледяное дыхание Арктики, которое казалось еще холоднее из-за колючей пыли, сорванной с белого снегового покрова. На мне были шуба и шерстяные перчатки, и все-таки ветер пронизал меня до мозга костей. Я ахнул, привалился к машине, застегнул воротник и побрел туда, где скрипела и стучала калитка. Я кое-как открыл ее и пошел дальше, хрустя снегом.

Обогнув коровник, я увидел мистера Стоукилла: он вилами сносил навоз в кучи, и по белизне вились бурые полосы жижи.

— А-а! — пробурчал он, не выпуская изо рта недокуренную сигарету. Ему было за семьдесят, но со всеми делами на своей маленькой ферме он управлялся один. Как-то он рассказал мне, что тридцать лет батрачил за шесть шиллингов в день и все-таки умудрился скопить деньги на покупку собственного хозяйства. Возможно, поэтому он ревниво хотел все делать сам.

— Как вы, мистер Стоукилл? — спросил я, но в ту же секунду бешеный ветер ударил мне в лицо, забился в рот и нос, и я невольно отвернулся с громким «о-ох!»

Старик с удивлением взглянул на меня, а потом посмотрел по сторонам, точно только сейчас обратил внимание на погоду.

— Да, нынче маленько задувает. — Он оперся на вилы, и пепел сигареты рассыпался искрами.

Несмотря на холодную погоду, на нем поверх потрепанного синего

жилета, несомненно некогда составлявшего часть его парадного костюма, был натянут только комбинезон из чертовой кожи, а рубашка была без воротничка и запонок. Белая щетина на худом подбородке заставила меня со стыдом вспомнить, что мне всего двадцать четыре года, и я вдруг ощутил себя никчемным городским неженкой.

Старик воткнул вилы в навозную кучу и зашагал к службам.

— У меня нынче есть для вас разная работенка. Сначала вот сюда.

Он открыл дверь, и я с радостью погрузился в сладкое коровье тепло крытого сарая, где несколько косматых бычков стояли по колено в соломе.

— Нам нужен вон тот молодец. — Он указал на темно-рыжего бычка, который стоял, подогнув заднюю ногу. — Он уже пару дней на трех ногах ковыляет. Копытная гниль, не иначе.

Я направился к бычку, но он улепетнул от меня так проворно, словно и не хромал вовсе.

— Придется выгнать его в проход, мистер Стоукилл, — сказал я. — Вы бы не открыли ворота?

Когда тяжелые брусья были отодвинуты, я зашел бычку в тыл и погнал его к проходу. Казалось, он сразу выскочит туда, но в воротах он остановился, поглядел в проход и кинулся обратно. Несколько раз я резво обежал сарай следом за ним и наконец сумел завернуть его к проходу — но с тем же результатом. После пяти-шести попыток я перестал чувствовать холод. Бег вперегонки с бычками — вот лучшее средство для того, чтобы хорошенько пропотеть, и я уже совершенно забыл про суровое снежное царство снаружи. К тому же мне явно предстояло разогреться еще больше, потому что бычок вошел во вкус игры: после каждого моего броска он весело вскидывал ноги и выписывал замысловатые восьмерки.

Упершись руками в бока, я кое-как перевел дух, а потом повернулся к фермеру.

— Ничего не получается, — сказал я. — Он упирается. Лучше бы накинуть на него веревку.

— Незачем, молодой человек. Он у нас сам в ворота пойдет. — Старик проковылял в угол и вернулся с охапкой чистой соломы. Он аккуратно рассыпал ее в воротах и дальше по проходу, а потом кивнул мне: — Ну-ка, погоните его еще раз.

Я ткнул упрямца в круп. Он рысцой направился прямо к воротам и без колебаний выбежал между столбами в проход.

Вероятно, мистер Стоукилл заметил мое удивление.

— Ему, надо быть, булыжники не понравились. А под соломой их и не видать.

— А... да... понимаю! — И я медленно вышел вслед за бычком.

Действительно, у него оказалась копытная гниль — средневековое название влажной гнойно-гнилостной флегмоны, подсказанное тяжелым запахом некротизированной ткани между копытцами, а в те дни в распоряжении ветеринаров еще не было ни антибиотиков, ни сульфаниламидов. Теперь просто делаешь инъекцию, твердо зная, что через день-другой животное исцелится. Но тогда я мог только, с трудом удерживая дергающуюся ногу, замазать инфицированную межкопытную щель вязкой смесью медного купороса с дегтем, наложить вату и туго перебинтовать. Кончив, я снял пиджак и повесил его на гвоздь. Мне было жарко.

Мистер Стоукилл одобрительно оглядел повязку.

— Хорошо, очень хорошо, — объявил он. — Ну, а теперь у меня поросятки вон в том закутке животами маются. Вы бы их укололи вашей иглой.

У меня были различные лечебные сыворотки от кишечной палочки, которые иногда помогали в таких случаях, и я, полный оптимизма, вошел в закуток к пороссятам. Но тут же стремительно выскочил оттуда, потому что их мамаше не понравилось появление чужака среди ее отпрысков и она ринулась на меня, разинув пасть и испуская звуки, напоминающие хриплый лай. Ростом она мне показалась с хорошего осла, и, когда разверстая пасть с огромными желтыми клыками нацелилась на мое бедро, я счел за благо ретироваться. Пулей вылетев наружу, я захлопнул за собой дверь, а потом задумчиво поглядел в закуток.

— Надо ее оттуда увести, мистер Стоукилл, а то я ничего сделать не смогу.

— Ваша правда, молодой человек. Сейчас я ее уведу.

Он зашаркал прочь, но я протестующе поднял руку:

— Нет-нет, я сам! — Не мог же я допустить, чтобы щуплый старичок вошел туда и, возможно, был сбит с ног, растерзан... Я поглядел по сторонам в поисках оборонительного оружия. К стене был прислонен выдавший виды широкий совок, и я схватил его.

— Откройте, пожалуйста, дверь, — сказал я. — Сейчас я ее оттуда выдворю.

Войдя в закуток, я выставил совок перед собой и попытался оттеснить могучую свинью к двери. Но мои поползновения шлепнуть ее по задку оказались тщетными: как я ни кружил, она все время обращала ко мне разинутую пасть и свирепо урчала. Затем она ухватила совок зубами и начала его грызть. Тут я сдался. Выскочив из закутка, я увидел, что мистер

Стоукилл волочит по булыжнику нечто металлическое и объемистое.

— Что это? — спросил я.

— Мусорный бачок, — буркнул фермер.

— Бачок? Но зачем...

Он не задержался для объяснений и прямо вошел в закуток. Свинья ринулась на него, а он подставил ей бачок, в который она с разгона и всунула голову. Согнувшись в три погибели, старик начал теснить ее к открытой двери. Свинья растерялась. Оказавшись вдруг в непонятном темном месте, она, естественно, начала пятиться, и фермеру оставалось только направлять ее отступление. Не успела она понять, что происходит, как оказалась снаружи. Старик невозмутимо сдернул бачок и махнул мне:

— Ну, мистер Хэрриот, теперь вы можете и войти.

Вся эта операция заняла не больше двадцати секунд.

Я почувствовал значительное облегчение, а главное, я твердо знал, как действовать дальше. Взяв лист кровельного железа, предусмотрительно приготовленный фермером, я двинулся на поросят. Загоню их в угол, загорожу выход из него листом и в один момент сделаю инъекции.

Но поросятам передалось возбуждение их мамы. Опорос был удачный, и по закутку, точно миниатюрные скаковые лошади розовой масти, носились шестнадцать поросят. Долгое время я стремительно бросался на них, стараясь собрать их листом в кучу, но они прыскали в разные стороны от него. Уж не знаю, сколько времени я потратил бы на эту охоту, но тут на мое плечо легла ласковая рука.

— Погодите-ка, молодой человек, не торопитесь! — Старый фермер благожелательно поглядел на меня. — Вы бы перестали за ними гоняться, и они скоро успокоятся. Передохните минутку.

Я стоял рядом с ним, совсем запыхавшись, и слушал, как он увещевает этих чертенят.

— Гись-гись, гись-гись, — бормотал мистер Стоукилл, не делая ни единого движения. — Гись-гись, гись-гись.

Поросята перешли с галопа на рысцу, а затем словно по какому-то телепатическому сигналу все разом остановились, сгрудившись розовой кучкой в углу.

— Гись-гись, — одобрительно произнес мистер Стоукилл, незаметно пододвигаясь к ним с листом наготове. — Гись-гись.

Ровным, неторопливым движением он загородил листом угол с поросятами и для верности упер в него ногу.

— Ну-ка нажмите сапогом с той стороны, и уж они не вырвутся, — благодушно произнес он.

Сама инъекция заняла лишь несколько минут. Мистер Стоукилл не сказал: «Ну, кое-чему я вас нынче научил, молодой человек». В его спокойных серых глазах не пряталось ни злорадство, ни самодовольство. Он сказал только:

— Нынче я вас совсем загонял, молодой человек. Теперь поглядите-ка корову. У нее горошина в соске.

В дни ручного доения «горошины» и иные закупорки сосков были частым явлением. Причиной могли быть кусочки молочного камня, крохотные опухоли, повреждения выстилающей ткани соска и еще всякая всячина. Крайне увлекательная, хотя и весьма узкая область, и к корове я направился с живым интересом.

Впрочем, я был еще на некотором расстоянии от нее, когда мистер Стоукилл положил мне ладонь на плечо.

— Погодите, мистер Хэрриот, не трогайте ее пока, не то она вас лягнет. Очень у нее норов подлый. Погодите минутку, я ее привяжу.

— Хорошо, — сказал я, — только веревку дайте мне.

— Да лучше бы я сам... — начал он нерешительно.

— Нет-нет, мистер Стоукилл, не затрудняйтесь. Я отлично знаю, как помешать корове брыкаться, — сказал я сдержанно. — Будьте добры, дайте мне веревку.

— Да ведь... она такая... Брыкается почище лошади. Удойная, это верно, да только...

— Не беспокойтесь, — уронил я с улыбкой. — У меня она не порезвится.

Я начал разматывать веревку. Приятно было показать, что я умею обращаться с животными, хотя диплом получил всего несколько месяцев назад. К тому же не так уж часто нас предупреждают, что корова склонна брыкаться. Однажды корова лягнула меня так, что я отлетел к противоположной стене, а фермер сказал только: «Уж такая у нее привычка».

Да, хорошо, когда тебя предупредили! Я опоясал корову веревкой перед выменем и туго затянул скользящую петлю. Точно так, как нас учили в колледже. Она была рыжей, шортгорнской породы, с косматой головой и, когда я нагнулся, поглядела на меня с задумчивым интересом.

— Ничего, ничего, милуша, — сказал я ласково, подлез под нее и осторожно потянул сосок. Брызнула струйка, другая, и что-то закупорило канал. А, вот она! Довольно-таки большая, но движется свободно. Можно будет выдавить наружу, не разрезая замыкающую мышцу.

Я взялся за сосок крепче, потянул сильнее, и тотчас раздвоенное

копыто ударило меня по колену, как развернувшаяся стальная пружина. Коленная чашечка не приспособлена для того, чтобы ее лягали, и несколько минут я прыгал по коровнику, шепотом ругаясь на чем свет стоит.

Старый фермер виновато ходил за мной.

— Вы уж простите, мистер Хэрриот. Такой у нее подлый нрав. Дайте-ка лучше мне...

Я предостерегающе поднял ладонь:

— Нет, мистер Стоукилл! Я уже надел на нее веревку. Просто затянул недостаточно туго.

Я подковылял к корове, распустил узел, а потом налег на веревку с такой силой, что у меня потемнело в глазах. Когда я кончил, живот у нее приподнялся и она обзавелась талией, словно затянутая в рюмочку модница былых времен.

— Тут уж ты не попляшешь! — буркнул я и снова нагнулся к вымени. Раза два брызнуло молоко, затем помеха снова закупорила выход, и в отверстии показалось что-то беловато-розовое. Еще чуть-чуть нажать, и я выковыряю его иглой от шприца, которую держал наготове. Я вздохнул всей грудью и нажал.

На этот раз копыто впечаталось в лодыжку. Ей уже не удалось поднять его повыше, но боль была такой же отчаянной. Я сел на табуретку для доения, засучил штанину и поглядел на лоскуток кожи, который свисал, точно флажок, у конца длинной ссадины, оставленной копытом.

— Да хватит с вас, молодой человек! — Мистер Стоукилл снял с коровы веревку и сочувственно поглядел на меня. — Обычным манером с ней не совладать. Я же ее дважды в день дою, так уж знаю.

Он принес засаленный плужный ремень, несомненно бывший в частом употреблении, и затянул его на заплюсневом суставе неугомонной коровы. На другом конце ремня был крюк, и старик зацепил его за кольцо, ввинченное в стену. Ремень туго натянулся, сдвинув ногу чуть-чуть назад.

Старик кивнул:

— Вот теперь попробуйте.

Отдавшись на волю судьбы, я снова ухватил сосок. Но корова словно бы поняла, что проиграла, и ни разу даже не пошевелинулась, пока я выдавливал и выковыривал «горошину», которая оказалась молочным камнем. Стояла как миленькая и ничего не могла поделать!

— Спасибо, молодой человек, спасибо вам! — сказал старик. — Какой увесистый! Он мне сильно мешал. А главное, не разобрать было, что это такое. — Он поднял палец: — И последняя для вас работенка. Телушка. Что-то у нее с животом неладно, мне кажется. Видел ее вчера вечером, ее

маленько раздуло. Она у меня в сарае.

Я надел шубу, и мы вышли наружу, ветер набросился на нас с ликующей свирепостью. Лицо мне полоснуло как ножом, нос сразу замерз, глаза заслезились, и я укрылся за углом конюшни.

— Где телка? — с трудом выговорил я.

Мистер Стоукилл ответил не сразу. Он закуривал сигарету, словно не замечая ярости стихий. Защелкнув крышку старой медной зажигалки, он указал большим пальцем:

— А за дорогой. Вон там.

Я посмотрел в направлении его пальца через занесенные стенки на узкую расчищенную полосу шоссе между белыми валами и на крутой склон, ровная белизна которого уходила к свинцовым тучам. То есть ровная, если не считать крохотного строения, серого каменного пятнышка в поднебесье, где в сотнях футов над нами склон переходил в широкую плоскую вершину.

— Извините, — пробормотал я, все так же прижимаясь к стене. — Я не вижу.

Старик, спокойно стоя лицом к ветру, удивленно взглянул на меня:

— Не видите? Да вон же сарай! Так и торчит!

— Сарай? — я ткнул дрожащим пальцем. — Вон то строение? И телка там? Да не может быть!

— Там, там. Молодняк я держу повыше.

— Но... но... — язык отказывался меня слушаться. — Нам же туда не подняться. Снега намело выше пояса.

Он неторопливо выпустил дым из ноздрей.

— Еще как поднимемся, будьте спокойны. Вот погодите чуток.

Он скрылся в конюшне, и, подождав минуту-другую, я заглянул внутрь. Старик седлал толстого каурого жеребчика. Я с удивлением смотрел, как он вывел конька наружу, не без труда влез на ящик и взгромоздился в седло.

Поглядев на меня с этой высоты, он бодро взмахнул рукой:

— Поехали! Вы все с собой нужное взяли?

В полном недоумении я рассовал по карманам бутылку с микстурой от газов, пробойник с гильзой, пакет с препаратом горечавки желтой и стрихнина. А мозг тупо сверлила мысль, что на холм мне никогда не взобраться.

По ту сторону шоссе в снежном валу был прокопан проход, и мистер Стоукилл направил в него конька, а я кое-как плелся следом, уныло поглядывая на бесконечную белую крутизну впереди. Мистер Стоукилл

обернулся.

— Хватайтесь за хвост, — сказал он.

— Простите?

— За хвост хватайтесь.

Как во сне я сжал жесткие волосы.

— Да не так. Обеими руками, — терпеливо объяснил фермер.

— Вот так?

— Молодец! А теперь держитесь крепче.

Он прищелкнул языком, конек решительно затрусил вперед, а за ним и я.

И все оказалось так просто! Мир проваливался вниз у нас из-под ног, а мы возносились все выше. И, откидываясь, я с наслаждением смотрел, как развертываются извивы узкой долины, и вот уже открылась вторая, поперечная, а за ней белые холмы огромными белыми волнами вздымались к черным тучам.

У сарая фермер спешил.

— Все в порядке, молодой человек?

— Все в порядке, мистер Стоукилл.

Входя следом за ним в сарай, я улыбнулся. Старик как-то сказал мне, что оставил школу в двенадцать лет. Ну а я почти все двадцать четыре года моей жизни провел в учебных заведениях. Но вспоминая последние часы, я должен был признать, что, конечно, могу похвастать книжной премудростью, однако знаний у него больше.

На рождество мне всякий раз вспоминается одна кошка.

В первый раз я увидел ее однажды осенью, когда приехал посмотреть какую-то из собак миссис Эйнсворт и с некоторым удивлением заметил на коврик перед камином пушистое черное существо.

— А я и не знал, что у вас есть кошка, — сказал я.

Миссис Эйнсворт улыбнулась:

— Она вовсе не наша. Это Дебби.

— Дебби?

— Да. То есть это мы так ее называем. Она бездомная. Приходит к нам два-три в неделю, и мы ее подкармливаем. Не знаю, где она живет, но, по-моему, на одной из ферм дальше по шоссе.

— А вам не кажется, что она хотела бы у вас остаться?

— Нет, — миссис Эйнсворт покачала головой, — это очень деликатное создание. Она тихонько входит, съедает, что ей дают, и тут же исчезает. В ней есть что-то трогательное, но держится она крайне независимо.

Я снова взглянул на кошку.

— Но ведь сегодня она пришла не только чтобы поесть?

— Вы правы. Как ни странно, она время от времени проскальзывает в гостиную и несколько минут сидит перед огнем. Так, словно устраивает себе праздник.

— Да... понимаю...

Несомненно, в позе Дебби было что-то необычное. Она сидела совершенно прямо на мягком коврик перед камином, в котором рдели и полыхали угли. Но она не свернулась клубком, не умывалась — вообще, не делала ничего такого, что делают в подобном случае все кошки, — а лишь спокойно смотрела перед собой. И вдруг тусклый мех, тощие бока подсказали мне объяснение. Это было особое событие в ее жизни, редкое и чудесное: она наслаждалась уютом и теплом, которых обычно была лишена.

Пока я смотрел на нее, она встала и бесшумно выскользнула из комнаты.

— Вот так всегда, — миссис Эйнсворт засмеялась. — Дебби никогда не сидит тут больше, чем минут десять, а потом исчезает.

Миссис Эйнсворт — полная симпатичная женщина средних лет — была таким клиентом, о каких мечтают ветеринары: состоятельная

заботливая владелица трех избалованных бассетов. Достаточно было, чтобы привычно меланхолический вид одной из собак стал чуть более скорбным, и меня тут же вызывали. Сегодня какая-то из них раза два почесала лапой за ухом, и ее хозяйка в панике бросилась к телефону.

Таким образом, мои визиты к миссис Эйнсворт были частыми, но не обременительными, и мне представлялось много возможностей наблюдать за странной кошечкой. Однажды я увидел, как она изящно лакала из блюдечка, стоявшего у кухонной двери. Пока я разглядывал ее, она повернулась и легкими шагами почти проплыла по коридору в гостиную.

Три бассета вповалку похрапывали на каминном коврике, но, видимо, они уже давно привыкли к Дебби: два со скучающим видом обнюхали ее, а третий просто сонно покосился в ее сторону и снова уткнул нос в густой ворс.

Дебби села между ними в своей обычной позе и сосредоточенно усталилась на полыхающие угли. На этот раз я попытался подружиться с ней и, осторожно подойдя, протянул руку, но она уклонилась. Однако я продолжал терпеливо и ласково разговаривать с ней, и в конце концов она позволила мне тихонько почесать ее пальцем под подбородком. В какой-то момент она даже наклонила голову и потерлась о мою руку, но тут же ушла. Выскользнув за дверь, она молнией метнулась вдоль шоссе, юркнула в пролом в изгороди, раза два мелькнула среди гнущейся под дождем травы и исчезла из виду.

— Интересно, куда она ходит? — пробормотал я.

— Вот этого-то нам так и не удалось узнать, — сказала миссис Эйнсворт, незаметно подойдя ко мне.

Миновало, должно быть, три месяца, и меня даже стала несколько тревожить столь долгая бессимптомность бассетов, когда миссис Эйнсворт вдруг мне позвонила.

Было рождественское утро, и она говорила со мной извиняющимся тоном:

— Мистер Хэрриот, пожалуйста, простите, что я беспокою вас в такой день. Ведь в праздники всем хочется отдохнуть.

Но даже вежливость не могла скрыть тревоги, которая чувствовалась в ее голосе.

— Ну что вы, — сказал я. — Которая на сей раз?

— Нет-нет, это не собаки... а Дебби.

— Дебби? Она сейчас у вас?

— Да, но с ней что-то очень неладно. Пожалуйста, приезжайте сразу же.

Пересекая рыночную площадь, я подумал, что рождественский Дарроуби словно сошел со страниц Диккенса. Снег толстым ковром укрыл булыжник опустевшей площади, фестонами свешивается с крыш поднимающихся друг над другом домов, лавки закрыты, а в окнах цветные огоньки елок манят теплом и уютом.

Дом миссис Эйнсворт был щедро украшен серебряной мишурой и остролистом; на серванте выстроились ряды бутылок, а из кухни веяло ароматом индейки, начиненной шалфеем и луком. Но в глазах хозяйки, пока мы шли по коридору, я заметил жалость и грусть.

В гостиной я действительно увидел Дебби, но на этот раз все было иначе. Она не сидела перед камином, а неподвижно лежала на боку, и к ней прижимался крохотный совершенно черный котенок.

Я с недоумением посмотрел на нее:

— Что случилось?

— Просто трудно поверить, — ответила миссис Эйнсворт. — Она не появлялась у нас уже несколько недель, а часа два назад вдруг вошла на кухню с котенком в зубах. Она еле держалась на ногах, но донесла его до гостиной и положила на коврик. Сначала мне это даже показалось забавным. Но она села перед камином и против обыкновения просидела так целый час, а потом легла и больше не шевелилась.

Я опустился на колени и провел ладонью по шее и ребрам кошки. Она стала еще более тощей, в шерсти запеклась грязь. Она даже не попыталась отдернуть голову, когда я осторожно открыл ей рот. Язык и слизистая были ненормально бледными, губы — холодными как лед, а когда я оттянул веко и увидел совершенно белую конъюнктиву, у меня в ушах словно раздался похоронный звон.

Я ощупал ее живот, заранее зная результат, и поэтому, когда мои пальцы сомкнулись вокруг дольчатого затвердения глубоко внутри брюшной полости, я ощутил не удивление, а лишь грустное сострадание. Обширная лимфосаркома. Смертельная и неизлечимая. Я приложил стетоскоп к сердцу, и некоторое время слушал слабеющие частые удары. Потом выпрямился и сел на коврик, рассеянно глядя в камин и ощущая на своем лице тепло огня.

Голос миссис Эйнсворт донесся словно откуда-то издалека:

— Мистер Хэрриот, у нее что-нибудь серьезное?

Ответил я не сразу.

— Боюсь, что да. У нее злокачественная опухоль. — Я встал. — К сожалению, я ничем не могу ей помочь.

Она ахнула, прижала руку к губам и с ужасом посмотрела на меня.

Потом сказала дрогнувшим голосом:

— Ну так усыпите ее. Нельзя же допустить, чтобы она мучилась.

— Миссис Эйнсворт, — ответил я, — в этом нет необходимости. Она умирает. И уже ничего не чувствует.

Миссис Эйнсворт быстро отвернулась и некоторое время пыталась справиться с собой. Это ей не удалось, и она опустилась на колени рядом с Дебби.

— Бедняжка! — плача, повторяла она и гладила кошку по голове, а слезы струились по ее щекам и падали на свалявшуюся шерсть. — Что она, должно быть, перенесла! Наверное, я могла бы ей помочь — и не помогла.

Несколько секунд я молчал, сочувствуя ее печали, столь не вязавшейся с праздничной обстановкой в доме.

— Никто не мог бы сделать для нее больше, чем вы. Никто не мог быть добрее.

— Но я могла бы оставить ее здесь, где ей было бы хорошо. Когда я подумаю, каково ей было там, на холоде, безнадежно больной... И котята... Сколько у нее могло быть котят?

Я пожал плечами.

— Вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Не исключено, что только этот один. Ведь случается и так. Но она принесла его вам, не правда ли?

— Да, верно... Она принесла его мне... она принесла его мне.

Миссис Эйнсворт наклонилась и подняла взъерошенный черный комочек. Она разгладила пальцем грязную шерстку, и крошечный ротик раскрылся в беззвучном «мяу».

— Не правда ли, странно? Она умирала и принесла своего котенка сюда. Как рождественский подарок.

Наклонившись, я прижал руку к боку Дебби. Сердце не билось.

Я посмотрел на миссис Эйнсворт.

— Она умерла.

Оставалось только поднять тельце, совсем легкое, завернуть его в расстеленную на коврик тряпку и отнести в машину.

Когда я вернулся, миссис Эйнсворт все еще гладила котенка. Слезы на ее щеках высохли, и, когда она взглянула на меня, ее глаза блестели.

— У меня еще никогда не было кошки, — сказала она.

Я улыбнулся:

— Мне кажется, теперь она у вас есть.

И в самом, деле, у миссис Эйнсворт появилась кошка. Котенок быстро вырос в холеного красивого кота с неумным веселым нравом, а потому и получил имя Буян. Он во всем был противоположностью своей робкой

маленькой матери. Полная лишений жизнь бродячего кота была не для него — он вышагивал по роскошным коврам Эйнсвортов, как король, а красивый ошейник, который он всегда носил, придавал ему особую внушительность.

Я с большим интересом наблюдал за его прогрессом, но случай, который особенно врезался мне в память, произошел на рождество, ровно через год после его появления в доме.

У меня, как обычно, было много вызовов. Я не припомню ни единого рождества без них — ведь животные не считаются с нашими праздниками... Но с годами я перестал раздражаться и философски принял эту необходимость. Как-никак после такой вот прогулки на морозном воздухе по разбросанным на холмах сараям я примусь за свою индейку с куда большим аппетитом, чем миллионы моих сограждан, посапывающих в постелях или дремлющих у каминов. Аппетит подогревали и бесчисленные аперитивы, которыми усердно угощали меня гостеприимные фермеры.

Я возвращался домой, уже несколько окутанный розовым туманом. Мне пришлось выпить не одну рюмку виски, которое простодушные йоркширцы наливают словно лимонад, а напоследок старая миссис Эрншоу преподнесла мне стаканчик домашнего вина из ревения, которое прожгло меня до пят. Проезжая мимо дома миссис Эйнсворт, я услышал ее голос:

— Счастливого рождества, мистер Хэрриот!

Она провожала гостя и весело помахала мне рукой с крыльца:

— Зайдите, выпейте рюмочку, чтобы согреться.

В согревающих напитках я не нуждался, но сразу же свернул к тротуару. Как и год назад, дом был полон праздничных приготовлений, а из кухни доносился тот же восхитительный запах шалфея и лука, от которого у меня сразу засосало под ложечкой. Но на этот раз в доме царила не печаль — в нем царил Буян.

Поставив уши торчком, с бесшабашным блеском в глазах он стремительно насккивал на каждую собаку по очереди, слегка ударял лапой и молниеносно удирал прочь.

Миссис Эйнсворт засмеялась:

— Вы знаете, он их совершенно замучил! Не дает ни минуты покоя!

Она была права. Для бассетов появление Буяна было чем-то вроде вторжения жизнерадостного чужака в чопорный лондонский клуб. Долгое время их жизнь была чинной и размеренной: неторопливые прогулки с хозяйкой, вкусная обильная еда и тихие часы сладкого сна на ковриках и в креслах. Один безмятежный день сменялся другим... И вдруг появился

Буян.

Я смотрел, как он бочком подбирается к младшей из собак, поддразнивая ее, но когда он принялся боксировать обеими лапами, это оказалось слишком даже для бассета. Пес забыл свое достоинство, и они с котом сплелись, словно два борца.

— Я сейчас вам кое-что покажу.

С этими словами миссис Эйнсворт взяла с полки твердый резиновый мячик и вышла в сад. Буян кинулся за ней. Она бросила мяч на газон, и кот помчался за ним по мерзлой траве, а мышцы так и перекатывались под его глянцевою черной шкуркой. Он схватил мяч зубами, притащил назад, положил у ног хозяйки и выжидательно посмотрел на нее.

Я ахнул. Кот, носящий поноску!

Бассеты взирали на все это с презрением. Ни за какие коврижки не снизошли бы они до того, чтобы гоняться за мячом. Но Буян неумоимо притаскивал мяч снова и снова.

Миссис Эйнсворт обернулась ко мне:

— Вы когда-нибудь видели подобное?

— Нет, — ответил я. — Никогда. Это необыкновенный кот.

Миссис Эйнсворт схватила Буяна на руки, и мы вернулись в дом. Она, смеясь, прижалась к нему лицом, а кот мурлыкал, изгибался и с восторгом терся о ее щеку.

Он был полон сил и здоровья, и, глядя на него, я вспомнил его мать. Неужели Дебби, чувствуя приближение смерти, собрала последние силы, чтобы отнести своего котенка в единственное известное ей место, где было тепло и уютно, надеясь, что там о нем позаботятся? Кто знает...

По-видимому, не одному мне пришло в голову такое фантастическое предположение. Миссис Эйнсворт взглянула на меня, и, хотя она улыбалась, в ее глазах мелькнула грусть.

— Дебби была бы довольна, — сказала она.

Я кивнул.

— Конечно. И ведь сейчас как раз год, как она принесла его вам?

— Да. — Она снова прижалась к Буяну лицом. — Это самый лучший подарок из всех, какие я получала на рождество.

Я лениво перебирал утреннюю почту. Обычная стопка счетов, оповещений, красочные описания новых лекарств — они давно уже утратили прелесть новизны, и я даже не просматривал их. Но почти в самом низу стопки я обнаружил нечто необычное: элегантный конверт из толстой тисненной бумаги, адресованный мне лично. Я вскрыл его, извлек карточку с золотой каймой и торопливо прочел ее. Пряча карточку во внутренний карман, я почувствовал, что краснею.

Зигфрид кончил подсчитывать утренние визиты и поглядел на меня.

— Почему у вас такой виноватый вид, Джеймс? Ваши прошлые грехи нашли вас? Что это? Письмо от негодующей мамы?

— Ну ладно, — пристыжено сказал я и протянул ему карточку. — Смейтесь, сколько хотите. Все равно же вы узнаете.

Сохраняя полную невозмутимость, Зигфрид прочел вслух; «Трики будет очень рад видеть у себя дядю Хэрриота в пятницу 5 февраля. Напитки и танцы». Он поднял глаза и сказал без тени иронии:

— Как мило, правда? Согласитесь, это, бесспорно, один из самых любезных китайских мопсов в Англии. Ему недостаточно одарять вас селедками, помидорами и табаком, он приглашает вас на званый вечер!

Я выхватил у него карточку и спрятал ее подальше.

— Ну хорошо, хорошо. Но как мне поступить?

— Как поступить? Немедленно садитесь и строчите благодарность за приглашение: «Ах, я, конечно, не премину быть у вас пятого февраля». Званые вечера миссис Памфри пользуются большой славой. Горы редких деликатесов, реки шампанского. Ни в коем случае не упускайте такой возможности.

— И там будет много народу? — спросил я, шаркая ногами по полу.

Зигфрид хлопнул себя ладонью по лбу.

— Конечно, там будет много народу! А как вы думаете? Или вы полагали, что проведете вечер в обществе одного Трики? Выпьете с ним пару пива и станцуете медленный фокстрот? Нет, там соберутся сливки графства при всех регалиях, но, держу пари, самым почетным гостем будет дядя Хэрриот. А почему? А потому, что остальных-то пригласила миссис Памфри, но вас пригласил лично сам Трики.

— Ну хватит, — простонал я. — Я же никого там не знаю и буду весь вечер торчать в одиночестве. У меня нет приличного выходного костюма.

Лучше я не поеду.

Зигфрид встал и отечески положил руку мне на плечо.

— Дорогой мой, не трепыхайтесь. Напишите, что принимаете приглашение, а потом отправляйтесь в Бротон и возьмите напрокат вечерний костюм. И торчать в одиночестве вам долго не придется: светские девицы будут драться за удовольствие потанцевать с вами. — Он еще раз похлопал меня по плечу и направился к двери, но потом озабоченно обернулся: — И ради всего святого, не пишите миссис Памфри. Адресуйте письмо прямо Трики, не то вы все погубите.

Когда вечером 5 февраля я позвонил в дверь миссис Памфри, меня раздирали противоположные чувства. Вслед за горничной я прошел в холл и в дверях залы увидел миссис Памфри, которая здоровалась с входящими гостями. В зале с бокалами и рюмками в руках стояли элегантно одетые дамы и джентльмены. Оттуда доносился приглушенный гул светских разговоров, на меня пахнуло атмосферой утонченности и богатства. Я поправил взятый напрокат галстук, глубоко вздохнул и стал ждать своей очереди.

Миссис Памфри вежливо улыбалась, пожимая руки супружеской пары, но, увидев позади них меня, она вся просияла.

— Ах, мистер Хэрриот, как мило, что вы приехали! Трики был в таком восторге, получив ваше письмо... Мы сейчас же пойдем с вами к нему! — И она повела меня через холл, объясняя шепотом: — Он в малой гостиной. Говоря между нами, званые вечера ему прискучили, но он очень рассердится, если я не приведу вас к нему хотя бы на минутку.

Трики лежал, свернувшись в кресле у горящего камина. При виде меня он вспрыгнул на спинку кресла, радостно таявкая, и его широкий смеющийся рот растянулся до ушей. Уклоняясь от его попыток облизать мне лицо, я заметил на ковре две фарфоровые миски. В одной лежали рубленые цыплята — не меньше фунта, а другая была полна крошенных бисквитов.

— Миссис Памфри! — грозно воскликнул я, указывая на миски.

Бедная женщина прижала руку ко рту и попятилась.

— Простите меня, пожалуйста, — сказала она жалобно, глядя на меня виноватыми глазами. — Это ведь праздничное угощение, потому что он весь вечер будет один. И погода такая холодная! — Она стиснула руки и умоляюще посмотрела на меня.

— Я вас прощу, — сказал я сурово, — если вы оставите ровно половину цыплят, а бисквиты уберете совсем.

Понурившись, как нашалившая девочка, она исполнила мое

требование, и я не без сожаления простился с Трики. День был тяжелый, и от долгих часов, проведенных на холоде, меня клонило ко сну. Небольшая комната, где пылал огонь, а свет был пригашен, показалась мне куда приятнее шумной сверкающей залы, и я с радостью подремал бы тут часок-другой с Трики на коленях. Но миссис Памфри уже вела меня назад.

— А теперь я познакомлю вас с моими друзьями.

Мы вошли в залу, озаренную тремя хрустальными люстрами, свет которых ослепительно отражался от кремовых с золотом стен, увешанных зеркалами. Мы переходили от группы к группе, и я ежился от смущения, потому что миссис Памфри каждый раз называла меня «милым добрым дядей моего Трики». Но либо это были люди чрезвычайно благовоспитанные, либо они давно привыкли к чудачествам хозяйки — во всяком случае, выслушивали они это сообщение с полной невозмутимостью.

У одной из стен настраивали инструменты пятеро музыкантов, среди гостей сновали официанты в белых куртках, держа подносы, уставленные напитками и закусками. Миссис Памфри остановила одного из них.

— Франсуа, шампанское этому джентльмену.

— Слушаю, мадам, — и он подставил мне свой поднос.

— Нет, нет, не эти! Большой бокал!

Франсуа поспешил прочь и тотчас вернулся с чем-то вроде суповой тарелки на хрустальной ножке. Этот сосуд был до краев полон пенящимся шампанским.

— Франсуа!

— Мадам?

— Это мистер Хэрриот. Посмотрите на него внимательно.

Официант обратил на меня пару грустных, как у спаниеля, глаз и несколько секунд созерцал мою физиономию.

— Пожалуйста, поухаживайте за ним. Последите, чтобы бокал у него был полон и чтобы он не остался голодным.

— Разумеется, мадам! — Он поклонился и отошел.

Я погрузил лицо в ледяное шампанское, а когда поднял голову, рядом стоял Франсуа и держал передо мной поднос бутербродов с копченой лососиной.

И так продолжалось весь вечер. Франсуа то и дело возникал возле меня, наливая мой бокал или предлагая очередной деликатес.

Я ел, пил, танцевал, болтал — и вечер промелькнул, как одна минута. Я уже надел пальто и прощался в холле с миссис Памфри, но тут передо мной опять появился Франсуа с чашкой горячего бульона. По-видимому, он

опасался, как бы я по дороге домой не ослабел от голода.

Когда я допил бульон, миссис Памфри сказала:

— А теперь вы должны пойти пожелать Трики спокойной ночи. Он никогда мне не простит, если вы к нему не заглянете.

Мы пошли в малую гостиную, и песик, зевнув из глубин мягкого кресла, завилял хвостом. Миссис Памфри умоляюще положила руку мне на локоть.

— Раз уж вы здесь, то, может быть, вы будете так добры и посмотрите его коготки. Меня тревожит, не слишком ли они длинные.

Я одну за другой поднял и осмотрел все четыре лапки, а Трики лениво лизал мне пальцы.

— Никаких причин тревожиться нет. Они совершенно нормальны.

— Ах, благодарю вас. Я вам чрезвычайно признательна. Но теперь вам нужно помыть руки.

В знакомой ванной с эмалевыми рыбами по стенам и раковинами цвета зеленоватой морской воды, туалетным столиком и флаконами на стеклянных полках я подставил руки под горячую струю. Рядом лежало предназначенное только для меня полотенце, и обычный свежий кусок мыла, которое легко пенилось и пахло дорогими духами. Заключительный штрих блаженного вечера. Несколько часов среди роскоши, света и тепла. С воспоминаниями о них я вернулся в Скелдейл-Хаус.

Я лег, погасил свет и вытянулся на спине. В ушах у меня все еще звучала музыка, и я уже снова унесся в бальный зал, как вдруг зазвонил телефон.

— Это Аткинсон с фермы Бек, — произнес далекий голос. — Свинья у меня никак не разродится. С вечера тужится. Вы приедете?

Кладя трубку, я взглянул на часы. Без малого два. Меня охватила тупая злоба. Поросящаяся свинья — после шампанского, копченой лосося и сухариков с черным бисером икры! И ферма Бек, одна из самых неблагоустроенных ферм в округе. Это нечестно!

В полусне я стащил с себя пижаму и натянул рубашку. Сдернув со стула жесткие вельветовые брюки, предназначенные для черной работы, я старательно отвел глаза от взятого напрокат вечернего костюма, висевшего на плечиках в гардеробе. Ощупью я пробрался через нескончаемый сад в гараж. В черном мраке двора я зажмурился, и вокруг вновь засияли люстры, заиграла музыка, засверкали зеркала.

До фермы Бек было всего две мили. Она находилась в лощине, и зимой вокруг стояло море жидкой грязи. Я вылез из машины и захлюпал по грязи к крыльцу. На мой стук никто не отозвался. Я побрел к

хозяйственным постройкам в другой стороне и открыл дверь коровника. В лицо ударил теплый сладкий коровий запах, и я прищурился на огонек в дальнем конце, где маячила какая-то фигура.

Я прошел мимо темного ряда коров, которые неподвижно стояли почти бок о бок, разделенные только сломанными перегородками, и мимо громоздящихся за ними навозных куч. Мистер Аткинсон считал, что часто чистить коровник не следует.

Спотыкаясь на неровностях пола, разбрызгивая лужи мочи, я добрался до дальнего угла, где с помощью снятой калитки был отгорожен закуток. В полумраке смутно белела свинья, лежащая на скудной соломенной подстилке. Свинья не шевелилась, только подрагивали бока. Пока я смотрел, она вдруг задержала дыхание и напряглась. Через несколько секунд это повторилось.

Мистер Аткинсон встретил меня без особенного восторга. Человек уже пожилой, он не брился по меньшей мере неделю, а голову его венчала древняя шляпа с обвислыми полями. Он привалился к стене, сгорбив плечи. Одна рука была глубоко засунута в рваный карман, другая сжимала велосипедный фонарик с уже почти севшей батареей.

— И это весь свет, который тут есть? — спросил я.

— А как же, — ответил мистер Аткинсон с видимым удивлением. Он перевел взгляд с фонарика на меня, словно спрашивая: «Какого еще рожна ему нужно?»

— Ну так посветим, — сказал я и направил луч на мою пациентку. — Совсем молодая свинья?

— Куда моложе. Первый опорос.

Свинья снова напряглась, задрожала и замерла.

— Что-то там застряло, — сказал я. — Вы не принесете мне ведро горячей воды, мыло и полотенце?

— Горячей воды нету. Плиту давно загасили.

— Ну хорошо, принесите, что у вас есть.

Фермер застучал каблуками по булыжнику, забрав с собой фонарик, и в темноте снова зазвучала музыка. Вальс Штрауса, и я вновь закружился с леди Фрэнсуик, молоденькой блондинкой, и она смеялась, когда я ее завертел. Я видел ее белые плечи, блеск бриллиантовой нитки на ее шее, мелькающие вокруг зеркала.

Шаркая, вернулся мистер Аткинсон и со стуком поставил на пол ведро. Я окунул палец в воду. Она была ледяной. А ведро честно служило уже много лет: того и гляди обдерешь руки о зазубренные края.

Я быстро сбросил куртку и рубашку, со свистом втянув воздух, когда

мне в спину подло ударил холодный сквозняк.

— Мыло, пожалуйста, — проговорил я сквозь сжатые зубы.

— В ведерке.

Погрузив руку выше локтя, я пошарил на дне, и мои пальцы наткнулись на какой-то круглый предмет величиной с теннисный мяч. Я вытащил его и оглядел. Он был твердым, гладким и весь в крапинках, как обкатанный голыш на морском берегу. Я оптимистически принялся тереть его между ладонями и намыливать руки по плечи, ожидая, что они покроются пеной. Но мыло оказалось стойким.

Попросить другой кусок я не рискнул, опасаясь, что в этом опять будет усмотрен глупый каприз, а просто взял фонарик и побрел через коровник во двор. Резиновые сапоги чмокали в грязи, грудь покрылась гусиной кожей. Стуча зубами, я шарил в багажнике, пока не нашел банку с антисептическим кремом.

В закутке я обмазал руку кремом, встал на колени позади свиньи и осторожно ввел пальцы. Мало-помалу вся кисть, а потом и локоть исчезли внутри свиньи, и мне пришлось лечь на бок. Камни были холодными и мокрыми, но я позабыл обо всем, потому что мои пальцы чего-то коснулись. Это оказался крохотный хвостик. Почти поперечное положение: довольно крупный поросенок застрял как пробка в бутылке.

Одним пальцем я отгибал задние ножки, пока не сумел ухватить их и вытащить поросенка.

— Все из-за него. Боюсь, он погиб — слишком долго его там сдавливало. Однако другие, может быть, живы. Сейчас проверим.

Я снова намазал руку. Погрузив ее почти по плечо, я у самого зева матки нащупал еще одного поросенка, дотронулся до его мордочки... и мне в палец впились крохотные, но очень острые зубы.

Я испустил невольный вопль и взглянул на фермера с моего каменного ложа:

— Ну этот, во всяком случае, жив. Сейчас я его вытащу.

Но у поросенка было на этот счет свое мнение. Он не проявил ни малейшего желания покинуть теплый приют, и едва мне удавалось зажать между пальцами его скользкую ножку, как он ее тут же выдергивал. После двух минут такой игры руку мне свела судорога. Я расслабился, откинулся на булыжник, не извлекая руки, закрыл глаза и мгновенно очутился на балу, в тепле, под потоками яркого света. Я держал свой огромный бокал, а Франсуа лил в него шампанское; и вот я уже снова кружусь в вальсе совсем рядом с оркестром, а дирижер улыбается мне и кланяется, словно всю жизнь ждал встречи со мной.

Я улыбнулся в ответ, но лицо дирижера куда-то уплыло. На меня бесстрастно смотрел мистер Аткинсон, а луч фонарика, освещавший его снизу, придавал зловещий вид его небритым щекам и косматым бровям.

Я заставил себя очнуться и оторвал щеку от пола. Только этого не хватало — уснуть во время работы! То ли я очень устал, то ли шампанское не выветрилось до конца. Я снова напряг руку, крепко зажал ножку, и поросенок, как ни упирался, вынужден был появиться на свет. Впрочем, он тут же смирился со случившимся и философски засеменил вокруг материнской ноги к соскам.

— Она не тужится, — сказал я. — Прошло столько времени, она совсем измучилась. Придется сделать ей укол.

Еще один мучительный переход по грязи до машины, инъекция питуитрина в бедро родильницы, и минуточку спустя начались сильные схватки. Препятствий больше не было, и вскоре на соломе заворочался розовый поросенок, за ним почти без перерыва второй, третий...

— Как с конвейера сходят, — сказал я. Мистер Аткинсон буркнул что-то невнятное.

Всего родилось восемь поросят, и фонарик почти совсем уже перестал светить, когда вышла темная масса последа.

Я потер замерзшие плечи.

— Ну вот и все.

Меня пробирала дрожь. Не знаю, сколько времени я простоял, созерцая чудо, которое никогда не может приесться: как новорожденные поросята встают на ножки и сами находят путь к длинному двойному ряду сосков, а мать полегоньку поворачивается, чтобы поудобнее подставить их голодным ртам своего первого потомства.

Поскорее одеться! Я еще раз попробовал намылиться этим куском мрамора, но победа снова осталась за мылом. Меня заинтриговала мысль: от деда или от прадеда получили его в наследство нынешние владельцы? Моя правая щека и весь правый бок покрылись коростой липкого сохнущего навоза. Я отодрал, что мог, ногтями, а потом ополоснулся стылой водой из ведра.

— Есть у вас полотенце? — спросил я, стуча зубами.

Мистер Аткинсон безмолвно протянул мне мешок с навозной коркой по краям, душно пахнувший отрубями, которые в нем когда-то хранились. Я принялся растирать им грудь, и, пока ее запудривала затхлая мучная пыль, последние пузырьки шампанского унеслись в щели крыши и грустно лопнули в ночном мраке.

Я натянул рубашку на шершавую спину с ощущением, что вернулся в собственный мир. Застегнув куртку, я подобрал шприц, флакон с питуитрином и вышел из закутка. Но перед тем как уйти, я обернулся. Велосипедный фонарик давал теперь света не больше, чем раскаленный уголек, и мне пришлось перегнуться через загородку, чтобы увидеть рядок поросят, энергично и сосредоточенно сосущих мать. Свинья осторожно переменила позу и хрюкнула. С величайшим удовлетворением.

Да, я вернулся в мой мир, и это было хорошо. Я проехал море жидкой глины и поднялся на холм, где мне пришлось вылезти из машины, чтобы открыть ворота. В лицо мне ударил ветер, несущий холодный свежий запах заиндевевшей травы. Я постоял там, глядя на темные луга и перебирая в уме события минувшей ночи. Мне вспомнились школьные дни и пожилой джентльмен, беседовавший с нами о выборе профессии. Он сказал: «Если вы решите стать ветеринаром, то богатым не будете никогда, но зато жизнь у вас будет интересная и полная разнообразия».

Я расхохотался и, садясь в машину, продолжал посмеиваться. Он знал, о чем говорил. Разнообразие! Да уж куда разнообразнее!

Послеродовой парез обычно не обещает сюрпризов, но, взглянув в ручей, еле различимый в унылом сером свете занимающегося утра, я понял, что мне предстоит иметь дело с довольно редким его проявлением. Паралич сковал корову сразу после отела, и она съехала по глинистому откосу в воду. Когда я приехал, корова была в коме, задние ноги ушли глубоко под воду, голова лежала на каменистом уступе. Возле, под косыми струями дождя, жался ее теленок, мокрый и жалкий.

Мы начали спускаться к ним, и Дэн Купер поглядел на меня с тревогой.

— Вроде бы уже поздно. Она ведь сдохла? Она же не дышит.

— Боюсь, что дело плохо, — ответил я. — Но жизнь, по-моему, еще теплится. Если мне удастся ввести хлористый кальций ей в вену, может, она и встанет.

— Если бы! — буркнул Дэн. — Она же у меня самая удойная. Всегда такое случается с теми, которые получше.

— Послеродовой парез именно таких и не милует. Ну-ка, подержите эти бутылки. — Я вытащил футляр со шприцем и выбрал толстую иглу. Мои пальцы, окаменевшие от того особого холода, который пронизывает вас на рассвете, когда кровь в жилах течет еще вяло, а желудок пуст, никак не могли ее ухватить. Ручей оказался глубже, чем я думал, и при первом же шаге вода полилась мне в сапоги. Охнув, я нагнулся и прижал большим пальцем яремный желобок у основания шеи. Вена вздулась, и, когда игла вонзилась в нее, мои пальцы залила теплая темная кровь. Кое-как я извлек из кармана диафрагменный насос, в один конец вставил бутылку, другой надел на иглу, и в вену пошел хлористый кальций.

Стоя по колено в ледяном ручье, поддерживая бутылку окровавленными пальцами и чувствуя, как дождевые капли затекают мне за воротник, я пытался отогнать грустные мысли. О всех тех, кто еще спокойно спит в теплых постелях и будет спать, пока их не разбудит будильник. А потом они сядут завтракать, развернув свежую газету, а потом спокойно поедут в уютный банк или в страховую контору. Может, мне следовало бы стать врачом — они-то лечат своих пациентов в чистых теплых спальнях.

Я вытащил иглу из вены и швырнул пустую бутылку на берег. Инъекция не подействовала. Я взял вторую бутылку и начал вводить

кальций подкожно. Привычные, но на этот раз бесполезные действия. И вдруг, машинально растирая вспухший после впрыскивания желвак, я увидел, что у коровы задрожало веко.

Меня захлестнула внезапная волна облегчения. Я посмотрел на фермера и засмеялся.

— Она еще держится, Дэн! — Я дернул ее за ухо, и она открыла глаза. — Подождем несколько минут, а потом попробуем перевернуть ее на грудь.

Четверть часа спустя она начала ворочать головой. Пора. Я ухватил ее за рога и потянул, а Дэн и его дюжий сын уперлись в плечо. Дело шло медленно, но мы дружно тянули и толкали. Корова сделала усилие и перевалилась на грудь. И мы сразу ободрились. Когда корова лежит на боку, так и кажется, что пришел ее последний час.

Теперь я почти не сомневался, что она оправится, однако уехать, бросив ее в ручье, я не мог. Коровы с парезом иногда лежат сутками, но у меня было предчувствие, что эта моя пациентка скоро поднимется на ноги. И я решил подождать.

По-видимому, ей не очень-то нравилось лежать в торфяной воде, и она попробовала встать, однако прошло еще полчаса, и у меня уже зуб на зуб не попадал, когда наконец ее усилия увенчались успехом.

— Вот те на! — сказал Дэн. — А я-то уж думал, что она так тут и останется. Видно, вы ей закатали крепкое снадобье.

— Во всяком случае, срабатывает оно побыстрее, чем старый велосипедный насос, — засмеялся я. Внутривенная инъекция кальция была тогда еще новинкой, и ее эффектное действие не переставало меня поражать. Сколько веков коровы, если с ними случался парез, попросту гибли! Затем стали применять вдвухание воздуха в вымя, и оно спасло немало животных. Однако кальций оказался поистине волшебным средством: когда корова вот так вставала через какой-нибудь час, я ощущал себя цирковым фокусником.

Мы вывели корову по откосу наверх, и там ветер и дождь обрушились на нас со всей яростью. До дома было шагов полтора, и мы побрели туда. Дэн пошел впереди с сыном, таща теленка в мешке, как в гамаке. Теленок покачивался из стороны в сторону и крепко жмурил глаза, словно не желая смотреть на мир, встретивший его столь сурово. За ними брела обеспокоенная мамаша: ноги у нее еще подгибались, но она упорно пыталась засунуть морду в мешок. Я шлепал по грязи, замыкая шествие.

Когда мы расстались с коровой, она стояла в теплом сарае по колено в соломе и энергично вылизывала теленка. На крыльце хозяева аккуратно

стащили сапоги, и я последовал их примеру, вылив из каждого не меньше пинты бурой торфяной жижи. По слухам, миссис Купер была бой-бабой и держала Дэна и детей в ежовых рукавицах. Но во время прежних моих визитов я успел убедиться, что Дэн вовсе не такой уж мученик. И вновь подумал об этом, увидев ее плотную фигуру и круглое приятное лицо в уютной кухне, где она заплетала косички дочери, собирая ее в школу. Веселый огонь в очаге играл на начищенной медной посуде, и приятный запах чистой кухни становился еще приятнее оттого, что к нему примешивался аромат жарящейся грудинки домашнего копчения.

Миссис Купер погнала Дэна с сыном наверх сменить носки, а потом перевела спокойный взгляд на меня, на лужицы, которые растекались вокруг по ее линолеуму, и укоризненно покачала головой, словно я был нашалившим мальчишкой.

— Ладно, снимайте носки, — скомандовала она. — И куртку, а брюки засучите, садитесь вот тут, да вытрите хорошенько волосы. — Она бросила мне на колени чистое полотенце, а сама нагнулась надо мной. — И что это вы без шляпы ходите?

— Не люблю я их, — пробормотал я, и она снова покачала головой. Потом налила горячей воды из чайника в таз и добавила туда горчицы из большой банки. — Ставьте сюда ноги!

Я поспешно выполнил ее распоряжение и испустил невольный вопль, едва мои подошвы окунулись в пузырящуюся смесь. Под грозным взглядом миссис Купер у меня не хватило духа вытащить ноги из таза. Я сидел, стиснув зубы, среди облаков пара, и тут она сунула мне в руку огромную кружку чая.

Лечение было старомодное, но весьма эффективное. К тому времени, когда кружка наполовину опорожнилась, я уже весь пылал. Сырость, пробиравшая меня до мозга костей, превратилась в далекое воспоминание и окончательно исчезла из памяти, когда миссис Купер подлила в таз еще кипятку из чайника. Затем она ухватила стул и таз и начала поворачивать меня так, что я оказался за столом, а мои ноги по-прежнему оставались в тазу. Дэн и дети уже уписывали завтрак, а передо мной красовалась тарелка с парой вареных яиц, большим ломтем грудинки и сосисками. К этому времени я уже достаточно хорошо знал местные обычаи и хранил за столом полное молчание. В первые дни я считал, что из вежливости следует платить им за радушие интересной застольной беседой, но вопросительные взгляды, которыми обменивались мои сотрапезники, скоро уняли мои поползновения.

А потому я накинулся на еду без предисловий, однако первый же

глоток чуть не заставил меня нарушить недавно усвоенное правило. Мне впервые довелось попробовать домашние йоркширские сосиски, и было очень нелегко удержаться от восторженных возгласов, которыми я не преминул бы разразиться за менее патриархальным столом. Впрочем, миссис Купер следила за мной краешком глаза и, несомненно, заметила мое восхищение. Она встала, взяла сковороду и вывалила мне на тарелку еще несколько штук.

— Мы на прошлой неделе свинью забили, — сказала она и открыла дверь кладовой, где на блюдах лежали груды рубленого мяса, отбивные, печень и тускло поблескивал студень.

Я доел, надел свои сухие ботинки на толстые носки, которые мне одолжил Дэн, и начал прощаться, но тут миссис Купер сунула мне под мышку объемистый пакет. Ясно было, что в нем лежат кое-какие сокровища из кладовой, однако ее взгляд заставил меня прикусить язык. Невнятно пробормотав слова благодарности, я пошел к машине.

Внезапно я осознал, что пришла весна. Случилось это на исходе марта, когда я осматривал овец в овчарне на склоне холма. Спекаясь вдоль опушки соснового леса, я на минуту прислонился к стволу, закрыл глаза и вдруг ощутил и тепло солнечных лучей на сомкнутых веках, и трели жаворонков, и шум деревьев на ветру, словно далекий гул прибоя. Правда, вдоль оград еще тянулись полосы снега, а трава оставалась по-зимнему бурой и безжизненной, но все было пронизано ощущением надвигающихся перемен, даже освобождения — ведь, сам того не замечая, я, чтобы укрыться от суровых месяцев, от беспощадного холода, заковал себя в броню упорного терпения.

Весна выдалась не слишком теплая, но погода была сухая, с сильными ветрами, которые теребили белые венчики подснежников и гнули желтые нарциссы на лугах. В апреле откосы у дорог зазолотились первоцветом.

В апреле же начался окот. Сразу, точно огромная волна, обрушившаяся на берег, наступила самая яркая и интересная для ветеринара пора, пик ежегодного цикла, — и, как всегда, именно в тот момент, когда мы были по горло заняты всякой другой работой.

Весной на домашних животных начинают сказываться последствия долгой зимы. Коровы месяцами стояли в тесных закусках и истомились по зеленой траве и солнечному теплу, а телята легко становились жертвами разных заболеваний. И вот, когда мы уже не представляли, как справимся с кашлями, ринитами, пневмониями и кетозами, на нас накатил эта волна.

Как ни странно, но в течение десяти месяцев в году овцы для нас словно бы вовсе не существовали. Так — мохнатые клубки шерсти на склонах холмов. Но зато на протяжении двух месяцев они практически заслоняли все остальное.

Для начала — связанные с беременностью токсемии и вывороты. Затем лихорадочные дни окота, а вслед за ними — парезы, жуткие гангренозные маститы, когда вымя чернеет и с него сходит кожа. И еще болезни самих ягнят — лордоз,^[10] размягченная почка,^[11] дизентерия. Затем потоп начинал спадать, растекался мелкими струйками и к концу мая сходил на нет. Овцы вновь превращались в клубки шерсти на склонах холмов.

Но в первый мой сезон я открыл в этой работе особое очарование, и оно сохранилось для меня навсегда. Окот, на мой взгляд, столь же

захватывающе интересен, как и отел, но не требует от ветеринара тяжких усилий. Конечно, известные неудобства были и тут — главным образом потому, что работать приходилось под открытым небом: либо в загонах, наспех огороженных связками соломы или створками ворот, либо (что бывало значительно чаще) прямо на лугу. Фермерам просто в голову не приходило, что овцы предпочли бы ягниться где-нибудь в тепле, а ветеринару не так уж нравится часами стоять на коленях без пиджака под проливным дождем.

Но сама работа была легче легкого. После того что я натерпелся из-за неправильного положения плода у коров, возиться с этими крохотными созданиями было одно удовольствие. Ягнята обычно появляются на свет по двое и по трое, и порой получается поразительная путаница в самом буквальном смысле: мешанина головок и ножек, и все пытаются пройти первыми, а ветеринар должен их рассортировать и решить, какая ножка принадлежит какой головке. Я просто упивался. До чего же приятно было против обыкновения чувствовать себя больше и сильнее своих пациенток! Однако я никогда не злоупотреблял своим преимуществом, раз и навсегда решив для себя, что при окоте необходимы две вещи — чистота и мягкая осторожность.

А уж ягнята! Все детеныши трогательны, но ягнята получили несправедливо большую долю обаяния. Мне вспоминается пронизывающе холодный вечер на холме, когда под ударами ветра я помог появиться на свет двойне. Ягнята судорожно потрясли головками, и уже через несколько минут один поднялся на ножки и неуверенно заковылял к вымени, а второй решительно двинулся за ним на коленях.

Пастух, пряча багровое, обветренное лицо в поднятом воротнике тяжелой куртки, усмехнулся:

— Ну откуда они, черт дерит, знают?

Он тысячи раз наблюдал это, но по-прежнему дивился. И я тоже.

Еще одно воспоминание. Двести ягнят в сарае. День очень теплый, и мы вводим им сыворотку против размяченной почки и не разговариваем, потому что протестующие ягнята пронзительно вопят, а примерно сотня матерей басисто блеет, беспокойно кружа снаружи. Я не мог себе представить, как овцы отыщут своих ягнят в такой толчее почти совершенно одинаковых крошек. Конечно, на это потребуются часы!

А потребовалось на это около двадцати пяти секунд. Кончив, мы открыли двери сарая, и навстречу потоку ягнят метнулись обезумевшие матери. Шум был оглушительный, но он быстро стих, сменившись блеянием двух-трех овец, которые последними воссоединились со своими

отпрысками. Затем стадо, разбившись на семейные группы, спокойно отправилось на пастбище.

В мае и в начале июня моя работа становилась все легче, и я уже забыл, что такое холод. Ледяные ветры были теперь лишь неприятным воспоминанием, и в воздухе, свежем, как дыхание моря, веяли ароматы тысяч цветов, усеявших луга. Порой мне становилось совестно, что я получаю деньги за мою работу — за то, что ранним утром я еду среди полей, озаренных первыми лучами солнца, и люблюсь легкими клочьями тумана, которые еще льнут к вершинам холмов.

В Скелдейл-Хаусе буйно зацвела глициния; она врывается во все открытые окна, и я, бреясь по утрам, вдыхал пряный аромат тяжелых розовато-лиловых гроздьев, покачивавшихся совсем рядом с зеркалом. Жизнь превратилась в идиллию.

В этой бочке меда была лишь одна ложка дегтя: настало время лошадей. В тридцатых годах, хотя трактор уже начал свое неумолимое наступление, на фермах еще оставалось немало лошадей. Ближе к равнине, где было много пахотной земли, конюшни заметно опустели, однако лошадей было еще достаточно для того, чтобы превратить май и июнь в беспокойные месяцы. Именно тогда проводилась кастрация.

А до этого жеребились кобылы, и зрелище матери с сосунком, трусящим за ней или растянувшимся на траве, пока она паслась, не привлекало особого внимания. Не то что теперь, когда при виде рабочей лошади с жеребенком на лугу я останавливаю машину, чтобы хорошенько на них наглядеться.

Когда кобылы жеребились, работы вполне хватало и с ними самими, и с жеребятами, которым надо было подрезать хвосты, не говоря уж о недугах новорожденных — задержании первородного кала, инфекционных поражениях суставов. Это было тяжело, но интересно; однако, когда устанавливалась теплая погода, фермеры начинали подумывать о том, что пришла пора холостить стригунов.

Мне не нравилась эта работа, а операций бывало в сезон до сотни, и они омрачали и эту, и многие последующие весны.

Обычно все шло гладко, но иногда жеребенок брыкался, кидался на нас. Девять раз из десяти операция никаких затруднений не вызывала, но на десятый превращалась в родео. Не знаю, как все это действовало на других ветеринаров, но я в такие дни с утра внутренне весь сжимался.

Разумеется, причина отчасти заключалась в том, что я не был, не стал и никогда не стану лошадником. Определить точный смысл этого понятия трудно, но я убежден, что лошадниками либо рождаются, либо становятся в

раннем детстве. А мне было далеко за двадцать, и я понимал, что мое время для этого давно прошло. Я знал болезни лошадей, я полагал, что могу неплохо их лечить, но дар истинного лошаdnика уговаривать, успокаивать и подчинять себе лошадь не был мне дан. Я даже не пытался себя обманывать.

Вне всякого сомнения, лошади чувствуют это, а потому я оказывался в невыгодном положении. Коровы — дело другое: им все равно. Если корове захочется вас брыкнуть, она вас брыкнет. Ее совершенно не трогает, знаток ли вы коров или нет. Но лошади — те чувствуют.

А потому, когда в такие дни я начинал объезд и у меня за спиной на заднем сиденье стучали и звякали уложенные на эмалированном подносе инструменты, настроение у меня сразу падало. Будет ли он бесноваться или вести себя тихо? Крупный он или не очень? Я не раз слышал, как мои коллеги небрежно утверждали, что предпочитают крупных жеребят. Двухлетки куда приятнее, говорили они, легче наложить щипцы. Но сам я твердо знал одно: мне жеребята нравятся маленькие и, чем меньше, тем лучше.

Как-то утром, в самый разгар сезона, когда я был по горло сыт конским племенем, Зигфрид, уходя, окликнул меня:

— Джеймс, поезжайте в Уайт-Кросс к Уилкинсону. У него лошадь с опухолью на животе. Прооперируйте. Если можно, сегодня или когда вам будет удобно. Я оставляю ее на вас.

Злясь на судьбу, которая подложила мне этот сюрприз сверх сезонной работы, я прокипятил скальпель, щипцы и шприц, уложил их на поднос рядом с коробочкой пузырьков кокаинового раствора, йодом и антистолбнячной сывороткой и отправился на ферму.

Всю дорогу поднос зловеще погромыхивал у меня за спиной. Этот звук всегда отдавался в моих ушах, как барабаны рока. Я по обыкновению прикидывал, какой окажется эта лошадь. А вдруг стригунок? У них иногда бывают такие небольшие болтающиеся опухоли — фермеры еще называют их ежевичкой. На протяжении шести миль я успел создать умильный образ жеребеночка с кроткими глазами, отвислым животом и буйно разросшейся гривой. Зимой он перенес плохо, скорее всего мучается глистами и даже на ногах еле держится от слабости.

Во дворе фермы стояла тишина. Там не было никого, кроме мальчугана лет десяти, который не знал, куда ушел хозяин.

— Ну а лошадь где? — спросил я.

Он кивнул на конюшню:

— Вон там.

В глубине я увидел стойло с металлической решеткой, венчавшей деревянные стенки. Оттуда донеслось басистое ржание, затем фыркание и наконец громовые удары копыт в стену. У меня по коже поползли мурашки. Нет, там явно был не жеребенок.

Я приоткрыл верхнюю половину двери, и на меня сверху вниз глянул четвероногий гигант. Я даже не думал, что лошади могут быть такими огромными. Буланый жеребец с гордо изогнутой шеей и копытами, как чугунные крышки уличных шахт. На его плечах и крупе перекачивались бугры мышц. При моем появлении его уши легли, белки глаз блеснули и копыта с грохотом впечатались в стену. Мимо просвистела, длинная щепка.

— О господи! — прошептал я, торопливо закрыл верхнюю половину двери, привалился к косяку и долго слушал барабанную дробь собственного сердца. Потом я повернулся к мальчику:

— Сколько ему лет?

— Седьмой год, сэр.

Я попытался собраться с мыслями. Как подступиться к такому людоеду? Подобных коней я еще не видывал: он весил никак не меньше тонны. Нет, надо взять себя в руки. Ведь я даже не посмотрел на опухоль, которую мне предстояло удалить. Приподняв щеколду, я отворил дверь самую чуточку и заглянул в стойло. Вот она — болтается под брюхом. Скорее всего папиллома, величиной с теннисный мяч: типичная, словно мятая, поверхность, отчего она похожа на кочан цветной капусты. При каждом движении коня опухоль легонько покачивалась. Убрать ее проще простого. Ножка тонкая; ввести несколько кубиков анестезирующего раствора, наложить щипцы — и дело с концом.

Легко сказать! Прежде-то надо забраться под это широкое, как бочка, глянцевитое брюхо и воткнуть иглу в нужный участок кожи — и все это в непосредственной близости от чудовищных копыт. Мысль не из приятных.

Но я заставил себя думать о простом и необходимом — о ведре с горячей водой, о мыле и полотенце. И мне нужен будет сильный помощник, чтобы наложить и держать закрутку. Я пошел к дому.

На мой стук никто не отозвался. Я постучал еще раз. Опять ничего. По-видимому, дома никого нет. И как-то само собой стало ясно, что операцию придется отложить до другого раза. Мне и в голову не пришло заглянуть в сарай или поискать кого-нибудь в поле.

Резвым галопом я ринулся к машине, развернулся так, что завизжали покрышки, и умчался со двора.

— Никого не было дома? — удивился Зигфрид. — Чертовски странно! Я был уверен, что они ждут вас именно сегодня. Ну да ничего, Джеймс.

Смотрите, как вам удобнее. Позвоните им и договоритесь, но лучше не откладывать.

Почему-то жеребца оказалось очень легко выкинуть из головы: дни переходили в недели, а я о нем и не вспоминал. За исключением того времени, когда я был не властен над собой. Каждую ночь он по меньшей мере один раз громовым галопом вторгался в мои сны, раздувая ноздри и встряхивая гривой, и у меня появилась прискорбная привычка просыпаться в пять утра и немедленно начинать его оперировать. И до завтрака я успевал удалить эту проклятую опухоль раз двадцать.

Я уговаривал себя, что будет куда легче, если я назначу день и покончу с этим делом. Да и чего я, собственно, жду? Возможно, во мне жила подсознательная надежда, что если я буду тянуть, то откуда-то явится неожиданное спасение. Вдруг опухоль сама отвалится, или сойдет на нет, или жеребец возьмет да и сдохнет?

Конечно, можно было бы переложить операцию на Зигфрида — он превосходно управлялся с лошадьми, — но я и без того почти утратил веру в себя.

Мои сомнения разрешились в одно прекрасное утро, когда раздался телефонный звонок. Это оказался мистер Уилкинсон. Он не был в претензии на столь длительную отсрочку, но дал ясно понять, что больше ждать никак не может.

— Видите ли, молодой человек, я хочу продать конягу, но кто же его купит с эдакой штукой, верно?

Привычный перестук инструментов на подносе у меня за спиной по пути на ферму Уилкинсона действовал на меня особенно угнетающе: слишком уж живо напоминал он о том первом разе, когда я всю дорогу гадал, что меня ожидает. Теперь-то я это знал!

Вылезая из машины, я словно стал бестелесным, и ноги мои как бы ступали по воздуху. Меня приветствовал гулкий грохот. Из закрытого стойла доносилось то же злобное ржание и тот же сокрушительный стук копыт. Навстречу мне вышел фермер, и я попытался искривить онемевшие губы в подобие улыбки.

— Мои ребята надевают на него уздечку, — начал он, но его слова заглушил яростный визг в стойле и два могучих удара в деревянную стенку. Во рту у меня пересохло.

Шум приближался. Затем двери конюшни распахнулись и огромный жеребец вылетел во двор, волоча двух дюжих парней, повисших на уздечке. Булыжник выбивал искры из гвоздей в их подошвах, но им никак не удавалось остановить жеребца, который метался из стороны в сторону. Мне

казалось, что я ощущаю, как дрожит земля под его копытами.

В конце концов после долгого маневрирования парни прижали жеребца правым боком к сараю. Один надел на его верхнюю губу закрутку и умело затянул ее, второй крепко ухватил уздечку и повернулся ко мне:

— Все готово, сэр.

Я проколол резиновую пробку пузырька с кокаином, оттянул поршень шприца и следил за тем, как прозрачная жидкость наполняет стеклянный цилиндр. Семь... восемь... десять кубиков. Если мне удастся вогнать их, остальное будет просто. Но руки у меня дрожали.

Я пошел к жеребцу с таким ощущением, словно смотрю кинофильм. Это же не я иду, и вообще все нереально. Обращенный ко мне левый глаз наливался яростью, а я поднял левую руку, положил ее на могучую шею и провел ладонью по глянцевитому подергивающемуся боку и дальше по животу, пока не ухватил опухоль. Вот я сжал ее, почувствовал под пальцами ее твердые бугры и легонько потянул вниз, растягивая коричневую кожу ножки. Вот сюда и введу, очень удобные складки. Все идет не так уж плохо. Жеребец прижал уши и предостерегающе фыркнул.

Я сделал глубокий вдох, правой рукой поднял шприц, приставил иглу к коже и вонзил.

Удар копытом был молниеносен — сначала я почувствовал только изумление, что такое большое животное способно двигаться столь быстро. Нога лягнула вбок — я даже не успел ее увидеть, — копыто впечаталось в мое правое бедро с внутренней стороны, и меня закрутило волчком. Я повалился на землю и замер, ощущая только странное онемение во всем теле. Потом я пошевелился, и ногу пронзила острая боль.

Когда я открыл глаза, надо мной наклонялся мистер Уилкинсон.

— Как вы, ничего, мистер Хэрриот? — В его голосе слышалась тревога.

— Да нет, плохо. — Меня удивило, насколько просто и деловито я это сказал, но еще более странным было блаженное душевное спокойствие, которое я испытывал впервые за несколько недель. Я нисколько не волновался и чувствовал себя хозяином положения.

— Боюсь, что плохо, мистер Уилкинсон. Лучше уведите лошадь назад в стойло... Попробуем еще на днях. И если вас не затруднит, позвоните, пожалуйста, мистеру Фарнону, чтобы он приехал за мной. Мне кажется, машину вести я не смогу.

Кость осталась цела, но на месте ушиба образовалась огромная гематома, и вся нога расцветилась необыкновенными разводами — от нежно-оранжевых до угольно-черных. Я все еще прихрамывал, как старый

инвалид, когда две недели спустя мы с Зигфридом и целой армией помощников отправились на ферму Уилкинсона, связали жеребца, усыпили его хлороформом и удалили эту небольшую опухоль.

У меня на бедре сохранилась вмятина — напоминание об этом дне. Но нет худа без добра: я убедился, что у страха глаза велики, и с тех пор работа с лошадьми никогда уже меня так сильно не пугала.

В первый раз я увидел Фина Колверта на улице перед нашей приемной. Я беседовал с бригадиром Джулианом Куттс-Брауном о его охотничьих собаках. Бригадир был вылитый английский аристократ с театральных подмостков: очень длинный, сутуловатый, с орлиным носом и высоким тягучим голосом. Пока он говорил, между его губами просачивались струйки дыма от тонкой сигары.

Я обернулся на стук тяжелых сапог по тротуару. К нам быстро приближался дюжий мужчина: пальцы засунуты за подтяжки, обтрепанная куртка расстегнута и открывает широкое выпуклое пространство рубашки без ворота, из-под засаленной кепки свисает бахрома седеющих волос. Он широко улыбался неведомо кому и что-то энергично напевал.

Бригадир бросил на него быстрый взгляд и холодно буркнул:

— Доброе утро, Колверт.

Финеас откинул голову с приятным удивлением:

— Эгей, Чарли, как поживаешь? — крикнул он.

У бригадира был такой вид, будто он выпил залпом большую кружку уксуса. Дрожащей рукой он вытащил сигару изо рта и уставился на быстро удаляющуюся спину.

— Наглый тип! — проворчал он.

Глядя на Фина, вы ни за что не догадались бы, что перед вами зажиточный фермер. Меня вызвали к нему на следующей неделе, и я с большим удивлением увидел отличный дом и крепкие хозяйственные постройки, а на лугу — стадо породистых молочных коров. Его я услышал еще в машине.

— Эге-гей! Это кто же к нам приехал? Новый доктор? Значит, поучимся! — Пальцы у него были все так же заложены за подтяжки, и ухмылялся он до ушей.

— Моя фамилия Хэрриот, — сказал я.

— Вот, значит, как? — Фин осмотрел меня, склонив голову набок, а потом оглянулся на трех молодых парней. — А улыбка у него приятная, ребята. Сразу видать, Счастливчик Гарри. — Он повернулся и пошел через двор. — Ну-ка идемте, поглядим, что он умеет. В телятах разбираетесь? А то они у меня тут что-то занедужили.

Я последовал за ним в телятник с тайной надеждой, что мне удастся произвести впечатление — например, с помощью новых препаратов и

вакцин, которые я захватил с собой. На этой ферме требовалось что-то очень и очень эффективное.

Телят было шесть, крупных годовичков, и трое вели себя странно: бродили по стойлу, словно слепые, скрежетали зубами, а изо рта у них текла пена. У меня на глазах один пошел прямо на стену и остался стоять, упершись мордой в камень.

Фин в углу словно бы с полным равнодушием напевал себе под нос. Когда я вынул из футляра термометр, он пустился в громогласные рассуждения:

— И что же это он делает? Ага, вон оно что! Хвост, хвост задери!

За полминуты, которые термометр остается в прямой кишке животного, мне обычно приходится обдумать очень многое, но на этот раз я мог не мучиться с диагнозом — слепота говорила сама за себя. Я принялся рассматривать стены телятника. Было темно, и я чуть не тыкался носом в камни.

Фин снова подал голос:

— Э-эй, это еще зачем? Вы же по стенам егозите, прямо как мои телята, словно лишку хватили. Чего вы там ищете?

— Краску, мистер Колверт. Ваши телята скорее всего отравились свинцом.

Тут Фин сказал то, что в подобных случаях говорят все фермеры:

— Это откуда же? Я тут телят тридцать лет держу, и все были живы-здоровы. Да и краски тут никакой сроду не бывало.

— Ну а это что? — Я прищурился на доску в самом темном углу.

— Так я щель забил на прошлой неделе. Плашкой из старого курятника.

Я поглядел на хлопья лупящейся краски, которые оказались столь неотразимыми для телят.

— Вот вам и причина, — объявил я. — Видите следы зубов, где они ее грызли?

Фин с сомнением нагнулся к доске и буркнул:

— Ну ладно, а что ж теперь делать?

— Во-первых, немедленно убрать отсюда эту доску, а во-вторых, дать всем телятам дозу горькой соли. Есть она у вас?

Фин хохотнул.

— Есть-то есть, целый мешок, да только вы бы не придумали чего получше? Впрыснули бы им какое лекарство?

Положение было не из легких. Специальных средств против отравления металлами и их соединениями не существовало, и иногда

помогал только прием внутрь сульфата магния, вызывающего выпадение нерастворимого сульфата свинца. А в обиходе сульфат магния называют горькой солью.

— Нет, — сказал я, — никакие впрыскивания не помогут. Я даже не гарантирую, что от горькой соли будет большой толк. Но мне хотелось бы, чтобы вы три раза в день давали им по две полных столовых ложки каждому.

— Черт, их же так будет нести, что они бедняги сдохнут.

— Возможно, — сказал я, — но другого средства не существует.

Фин шагнул ко мне, и его обветренное морщинистое лицо почти вплотную придвинулось к моему. Карие в крапинку глаза, вдруг ставшие серьезными, несколько секунд всматривались в меня, потом он быстро отошел.

— Ладно, — сказал он. — Пойдемте выпьем.

Он повел меня на кухню, откинул голову и взревел так, что стекла звякнули:

— А ну-ка, мать, дай этому молодцу кружку пива. Иди, я тебя познакомлю. Это же Счастливчик Гарри.

Миссис Колверт с волшебной быстротой поставила перед нами бутылки и кружки. Я поглядел на этикетку — «Ореховый эль Смита» — и налил себе. Хотя я этого тогда и не знал, но момент был исторический: первая из бесчисленных кружек орехового эля, которую мне предстояло выпить за этим столом.

Миссис Колверт села, сложила руки на коленях и радушно улыбнулась.

— Значит, вы телят полечите? — спросила она.

Фин не дал мне ответить:

— Еще как полечит! Он их на горькую соль посадил.

— На горькую соль?

— Ага, мать. Я так и сказал, едва он подъехал, что лечение будет самое что ни на есть новейшее и научное. Им, молодым да современным, прямо удержу нет. — И Фин с невозмутимым видом отхлебнул эль.

Телятам постепенно становилось легче, и через две недели они уже ели нормально. У того, кто особенно пострадал, еще сохранялись следы слепоты, но я не сомневался, что это тоже пройдет.

Снова я увидел Фина довольно скоро. Часов около трех я сидел с Зигфридом в приемной, когда входная дверь оглушительно хлопнула и по коридору простучали подкованные сапоги. Я услышал голос, напевающий: «Хей-ти-тидли-рам-ти-там», и на пороге возник Финеас. Он одарил

Зигфрида желтозубой ухмылкой:

— А, приятель, как делишки?

— Все прекрасно, мистер Колверт, — ответил Зигфрид. — Чем мы можем вам служить?

— Мне вот он нужен, — Фин ткнул пальцем в меня. — Чтобы он поехал ко мне, да побыстрее.

— Что случилось? — спросил я. — Опять телята?

— Черт, нет. А уж лучше бы они. Это мой бык. Пыхтит, хрипит, вроде как при воспалении легких, только куда хуже. Смотреть жалко. Прямо помирает. — На мгновение Фин стал совсем серьезным.

Я слышал про этого быка: элитный шортгорн, призер многих выставок, опора его стада.

— Я сейчас же выезжаю, мистер Колверт. Прямо за вами.

— Вот и молодец. Так я поехал.

Всю дорогу я гнал машину, но Фин уже ждал меня с тремя своими сыновьями. Они угрюмо хмурились, но Фин еще держался.

— А вот и он! Счастливчик Гарри собственной персоной. Теперь бояться нечего!

Пока мы шли к коровнику, он даже мурлыкал какой-то мотивчик, но когда заглянул в стойло, голова его поникла, а руки скользнули глубже за подтяжки.

Бык стоял посредине стойла, как привинченный. Его огромная грудная клетка тяжело подымалась и опускалась — такого затрудненного дыхания мне видеть еще не приходилось. Рот его был открыт, с губ свисали сосульки пены, в пене были и широко раздутые ноздри. Он тупо глядел на стену перед собой выпученными от ужаса глазами. Нет, это была не пневмония; просто он отчаянно боролся за каждый глоток воздуха и мало-помалу проигрывал эту борьбу.

Он не шевельнулся, когда я поставил ему термометр, и, хотя мысли вихрем мчались у меня в голове, я подумал, что вряд ли мне хватит этих тридцати секунд. Я предполагал, что дыхание будет учащенным, но ничего подобного не ожидал.

— Бедняга, — пробормотал Фин. — Каких я от него телят получал! А уж послушный, что твой ягненок. Мой внучок шастал у него под брюхом, так он даже ухом не повел. Просто видеть не могу, как он мучается. Коли помочь ему нельзя, так вы прямо скажите, и я схожу за ружьем.

Я вытащил термометр. За сорок три! Чушь какая-то. Я энергично встряхнул его и поставил еще раз. Теперь я ждал почти минуту, чтобы успеть подумать подольше. И снова за сорок три. У меня возникло

ощущение, что, будь термометр на фут длиннее, ртутный столбик все равно уперся бы в конец трубки.

Что же это может быть такое?! Неужели сибирская язва?.. Да, должно быть, так... и все же... и все же... Я оглянулся на головы над нижней половиной двери. Фин и его сыновья ждали моего приговора, и их молчание делало особенно мучительными страдальческие хрипы быка. Над их головами в синем квадрате неба мохнатое облачко напоздало на солнце. Когда оно поплыло дальше, мне в глаза ударил слепящий луч, я зажмурился, в вдруг в голове забрезжила мысль.

— Вы его сегодня выпускали? — спросил я.

— Само собой. Все утро пасся на привязи. Солнышко-то нынче какое!

Мысль засияла ярким светом.

— Быстрее тащите сюда шланг. Наденьте вон на тот кран по дворе.

— Шланг? Что за черт...

— Да быстрее же... У него солнечный удар.

Шланг был навинчен меньше чем за минуту. Я пустил полную струю и начал поливать могучее животное ледяной водой — и морду, и шею, и бока, и ноги. Прошло пять минут, но мне они показались нескончаемо долгими, потому что никакого улучшения заметно не было. Я даже подумал, что ошибся, но тут бык сглотнул.

Уже что-то! Ведь раньше, судорожно пытаюсь втянуть воздух в легкие, он просто не мог проглотить слюну. Да, несомненно, бык выглядит чуть-чуть получше. И вид у него не такой понурый, и дыхание... замедлилось?

Потом бык встряхнулся, повернул голову и поглядел на нас. Один из парней прошептал как замороженный:

— Ух, черт, а ведь помогло!

После этого началось чистое наслаждение. За всю свою практику я ни разу не испытал такого удовольствия, как в тот день, когда стоял в хлеву и направлял на быка животворную струю, а он прямо-таки блаженствовал под ней. Особенно ему нравилось ощущать ее на морде, и, когда я вел ее от хвоста по дымящейся спине, он поворачивал шею, подставлял нос под бьющую струю, водил головой из стороны в сторону и убогаторенно жмурился.

Через полчаса он обрел почти нормальный вид. Грудь его еще вздымалась, но ему явно полегчало. Я еще раз измерил температуру. Она понизилась до сорок и пять десятых.

— Он уже вне опасности, — сказал я. — Но лучше будет, если кто-нибудь пополивает его еще минут двадцать. А мне пора.

— Ну время выпить у вас найдется! — буркнул Фин.

Хотя, войдя в кухню, он и крикнул: «Мать!», но его голос не загремел, как обычно. Опустившись на стул, он уставился в свой ореховый эль.

— Гарри, — сказал он. — Вот что: на этот раз ты меня прямо-таки ошарашил. — Он вздохнул и недоуменно потер подбородок. — Прямо-таки не знаю, что тебе и сказать, черт тебя дери.

Фин не так-то часто терял голос. И он вновь обрел его очень скоро — на первом же собрании фермерского дискуссионного общества.

Ученый джентльмен горячо восхвалял прогресс ветеринарной науки и заверял фермеров, что теперь их скотину будут лечить совсем как людей, используя новейшие медикаменты и процедуры.

И Фин не выдержал. Вскочив на ноги, он перебил лектора:

— Ерунду вы говорите, вот что! В Дарроуби, есть молодой ветеринар, только из Колледжа, и, по какой причине его ни вызовешь, он все едино лечит только горькой солью да холодной водой!

Корова полковника Меррика умудрилась проглотить проволоку именно в то время, когда Зигфрида в очередной раз охватила неумная жажда идеала. А полковник Меррик к тому же был его приятелем, что только усугубило ситуацию. Когда на Зигфрида находил такой стих, туго приходилось всем. Стоило ему прочесть новейший труд по ветеринарии или посмотреть фильм, демонстрировавший ту или иную методику, как он исполнялся боевого духа и начинал требовать от присмиривших домашних, чтобы они взялись за ум и работали над собой. На какой-то срок он оставался весь во власти стремления к совершенству.

— Мы должны проводить операции на фермах с должным профессионализмом. Нашарили в сумке какие попало инструменты и давай кромсать животное! Ну куда это годится? Необходима чистота, даже стерильность, когда возможно, и, конечно, строжайшее соблюдение методик.

А потому он возликовал, обнаружив у полковничьей коровы травматический ретикулит.^[12]

— Ну мы покажем старине Губерту, как это делается! Он никогда не забудет, что такое подлинно научная ветеринарная хирургия!

На нас с Тристаном была возложена роль ассистентов, и наше прибытие на ферму, бесспорно, отличалось немалой внушительностью. Процессию возглавлял Зигфрид, выглядевший весьма щегольски в новехоньком твидовом пиджаке, которым он очень гордился. Со светской непринужденностью он пожал руку полковнику, и тот добродушно осведомился:

— Так вы собираетесь оперировать мою корову? Извлечь проволоку? Я был бы рад посмотреть, если вы позволите.

— Ну, разумеется, Губерт. Разумеется. Вы убедитесь, что это крайне интересно.

В коровнике нам с Тристаном пришлось повозиться. Мы поставили около коровы стол, а на нем разложили новые металлические лотки с аккуратными рядами сверкающих стерилизованных инструментов. Скальпели, пинцеты, зонды, корнцанги, шприцы, иглы, кетгут и шелковые нитки в стеклянных банках, рулоны ваты, пузырьки со спиртом и прочими антисептическими средствами.

Зигфрид распорядился, счастливый, как мальчишка. У него были

чудесные руки, и всегда стоило посмотреть, как он оперирует. Я без труда читал его мысли. Это, думал он, будет образцово-показательная операция.

Когда все наконец было устроено по его вкусу, он снял пиджак и облачился в ослепительно белый халат. Пиджак он вручил Тристану, но тут же гневно возопил:

— Да не бросай ты его на бочку с отрубями! Ну-ка дай его мне. Я найду для него безопасное место! — Он с нежностью почистил новый пиджак и осторожно повесил его на вбитый в стену гвоздь.

Тем временем я выбрил и обработал спиртом нужный участок на боку коровы, и все было готово для местной анестезии. Зигфрид взял шприц и быстро обезболил участок.

— Вот тут мы сделаем разрез, Губерт. Надеюсь, у вас крепкие нервы.

— Ну, мне не раз приходилось видеть кровь. Не беспокойтесь, в обморок я не хлопнусь! — Полковник широко улыбнулся.

Уверенным ударом скальпеля Зигфрид рассек кожу, затем мышцы и наконец осторожно и точно разрезал поблескивающую брюшину. Открылась гладкая стенка рубца (так называется первый отдел желудка).

Зигфрид взял другой скальпель и примерился, где лучше сделать разрез. Он уже поднял его, но тут стенка рубца неожиданно выпятилась.

— Странно! — пробормотал он. — Возможно, скопление газов, — и, невозмутимо задвинув мягким движением протуберанец обратно, снова занес скальпель. Но едва он отнял ладонь, как рубец вылез наружу — розовое полушарие величиной побольше футбольного мяча. Зигфрид затолкал его обратно, но рубец тут же выскочил снова, раздувшись до поразительной величины. Теперь Зигфрид вынужден был пустить в ход обе ладони, и только тогда ему удалось вернуть желудок на положенное ему место. Несколько секунд он простоял, держа руки внутри коровы и тяжело дыша. На лбу у него выступили капли пота.

Затем он очень осторожно вынул руки. Ничего не произошло. По-видимому, все обошлось. Зигфрид снова потянулся за скальпелем, и тут рубец, словно живой, опять выпрыгнул наружу. Впечатление было такое, будто из разреза вылез весь желудок — скользкий блестящий ком, который расширился и вздувался, пока не поднялся до уровня его глаз.

Зигфрид уже не пытался изображать невозмутимость: обхватив ком обеими руками и отчаянно напрягая все силы, он давил на него, чтобы отжать вниз. Я кинулся к нему на помощь и услышал его хриплый шепот:

— Что же это такое, черт подери?

Он явно опасался, что этот пульсирующий орган был какой-то неведомой ему частью коровьего организма.

Мы молча отжимали ком вниз, пока он почти весь не вошел в разрез. Полковник внимательно следил за нами. Он никак не ожидал, что операция окажется настолько интересной. Его брови чуть-чуть поднялись.

— Наверное, газы, — пропыхтел Зигфрид. — Передайте мне скальпель и посторонитесь.

Он вонзил скальпель в рубец и резко дернул вниз. Я был очень рад, что посторонился. Из разреза вырвалась струя полужидкого содержимого желудка — зеленовато-бурый вонючий фонтан, взметнувшийся из недр коровы так, словно там заработал невидимый насос.

Струя ударила прямо в лицо Зигфрида, который не мог отпустить рубец, иначе он провалился бы в брюшную полость и загрязнил ее. Его ладони лежали по сторонам разреза, и он стойко сохранял свою позицию, а мерзкая жижа лилась ему на волосы, стекала за шиворот, пятнала белоснежный халат.

Иногда гнусная струя взметывалась и подло орошала все вокруг. Почти сразу лотки со сверкающими инструментами были полностью залиты. Аккуратные ряды тампонов, стерильные рулончики ваты исчезли бесследно, но и это еще было не все: особенно дальнобойная порция щедро забрызгала новый пиджак, висевший на стене. Лицо Зигфрида было настолько залеплено, что я не мог рассмотреть его выражения, но его глаза выразили в этот момент глубочайшую муку.

Брови полковника тем временем поднялись до предела, челюсть отвисла, и он смотрел на эту сцену в полном ошеломлении. Зигфрид, все еще упрямо не разжимавший рук, занимал в ней центральное место и неколебимо стоял посередине зловонной лужи, доходившей до половины его резиновых сапог. Он словно сошел с иллюстрации, изображающей островитян Тихого океана: волосы подсыхали жесткими завитками, на коричневом лице сверкали белки глаз.

Затем струя спала и на пол стекли последние капли. Теперь я мог раздвинуть края разреза, Зигфрид ввел в него руку и ощупью прошел в сетку. Я глядел на него, пока он шарил по напоминающей соты внутренней поверхности этого отдела коровьего желудка, почти прижатого к диафрагме. Зигфрид удовлетворенно крикнул, и я понял, что он нащупал проволоку. Несколько секунд спустя она была извлечена.

Тристан тем временем лихорадочно отыскивал и отмывал банки с кетгутом и нитками, так что разрез в рубце удалось быстро зашить. Героическая стойкость Зигфрида была вознаграждена: дело обошлось без загрязнения брюшины.

Он молча и быстро сшил мышцы, наложил швы на кожу, а затем

обработал рану. Все выглядело отлично. Корова сохраняла полную невозмутимость. Благодаря анестезии она даже не заметила титанической борьбы, которую мы вели с ее внутренностями. Более того, избавленная от проволоки, она, казалось, уже почувствовала себя лучше.

Уборка потребовала немало времени; особенно трудно оказалось придать презентабельный вид Зигфриду. Мы усердно лили на него ведра воды, а он скорбно чистил щепочкой свой пиджак. Толку от этого не было никакого.

Полковник сердечно его благодарил.

— Идемте в дом, дорогой мой. Идемте, выпьем! — Но в его голосе чувствовалось некоторое напряжение, и он благоразумно не подходил к своему приятелю ближе чем на пять шагов.

Зигфрид накинул на плечи погубленный пиджак.

— Нет, Губерт, спасибо. Вы очень любезны, но нам, к сожалению, пора. — Мы вышли из коровника, и он добавил: — Я думаю, день-два и ваша корова начнет есть нормально. Недели через две я заеду снять швы.

В тесноте машины нам с Тристаном некуда было отодвинуться. Мы высунулись в окна, но легче нам от этого не стало.

Мили две Зигфрид хранил молчание, потом он посмотрел на меня, и его полосатое лицо расплылось в улыбке. Твердости духа ему было не занимать стать.

— В нашей профессии, мальчики, никогда не знаешь, что тебя поджидает за поворотом, но вы вот о чем поразмыслите: операция-то удалась!

На этот раз Трики по-настоящему меня встревожил. Увидев его на улице с хозяйкой, я остановил машину, и от его вида мне стало нехорошо. Он очень разжирел и был теперь похож на колбасу с четырьмя лапками по углам. Из покрасневших глаз катились слезы. Высунув язык, он тяжело дышал.

Миссис Памфри поторопилась объяснить:

— Он стал таким апатичным, мистер Хэрриот. Таким вялым! Я решила, что он страдает от недоедания, и стала его немножко подкармливать, чтобы он окреп. Кроме обычной еды я в промежутках даю ему немного студня из телячьих ножек, толокна, рыбьего жира, а на ночь мисочку молочной смеси, чтобы он лучше спал — ну сущие пустяки.

— А сладкое вы ему перестали давать, как я рекомендовал?

— Перестала, но он так ослабел, что я не могла не разжалобиться. Ведь он обожает кремовые пирожные и шоколад. У меня не хватает духа ему отказывать.

Я вновь поглядел на песика. Да, в этом и заключалась вся беда. Трики, к сожалению, был обжорой. Ни разу в жизни он не отвернулся от мисочки и готов был есть днем и ночью. И я подумал, сколько чего миссис Памфри еще не упомянула — паштет на гренках, помадки, бисквитные торты... Трики ведь обожал и их.

— Вы хотя бы заставляете его бегать и играть?

— Ну, как вы видите, он выходит погулять со мной. А вот с кольцами он сейчас не играет, потому что у Ходжкина прострел.

— Я должен вас серьезно предупредить, — сказал я, стараясь придать голосу строгость. — Если вы сейчас же не посадите его на диету и не добьетесь, чтобы он много бегал и играл, ему не миновать опасной болезни. Не будьте малодушны и помните, что его спасение — голодная диета.

Миссис Памфри заломила руки.

— Непременно, непременно, мистер Хэрриот! Конечно, вы правы, но это так трудно, так трудно!

Я глядел, как они удаляются, и моя тревога росла. Трики еле ковылял в своей твидовой курточке. У него был полный гардероб курточек: теплые твидовые или шерстяные для холодной погоды, непромокаемые для сырой. Он кое-как брел, повисая на шлейке. Я уже не сомневался, что на днях

миссис Памфри мне обязательно позвонит.

Так и произошло. Миссис Памфри была в полном отчаянии: Трики ничего не ест, отказывается даже от любимых лакомств, а кроме того, у него случаются припадки рвоты. Он лежит на коврике и тяжело дышит. Не хочет идти гулять. Ничего не хочет.

Я заранее обдумал свой план. Выход был один: на время забрать Трики из-под опеки хозяйки. И я сказал, что его необходимо госпитализировать на полмесяца для наблюдения.

Бедная миссис Памфри чуть не лишилась чувств. Она еще ни разу не расставалась со своим милым песиком. Он же зачахнет от тоски и умрет, если не будет видеть ее каждый день!

Но я был неумолим. Трики тяжело болен, и другого способа спасти его нет. Я даже решил забрать его немедленно и под причитания миссис Памфри направился к машине, неся на руках завернутого в одеяло песика.

Все слуги были подняты на ноги, горничные метались взад и вперед, складывая на заднее сиденье его дневную постельку, его ночную постельку, любимые подушки, игрушки, резиновые кольца, утреннюю мисочку, обеденную мисочку, вечернюю мисочку. — Опасаясь, что в машине не хватит места, я включил скорость, и миссис Памфри с трагическим воплем только-только успела бросить в окно охапку курточек. Перед тем как свернуть за угол, я взглянул в зеркало заднего вида. И хозяйка, и горничные обливались слезами.

Отъехав на безопасное расстояние, я поглядел на бедную собачку, которая пыхтела на сиденье рядом со мной. Я погладил Трики по голове, и он мужественно попытался вильнуть хвостом.

— Совсем ты выдохся, старина, — сказал я. — Но по-моему, я знаю, как тебя вылечить.

В приемной на меня хлынули наши собаки. Трики поглядел вниз на шумную свору тусклыми глазами, а когда я опустил его на пол, неподвижно растянулся на ковре. Собаки его обнюхали, пришли к выводу, что в нем нет ничего интересного, и перестали обращать на него внимание.

Я устроил ему постель в теплом стойле рядом с другими собаками. Два дня я приглядывал за ним, не давал ему есть, но пить разрешал сколько угодно. На исходе второго дня он уже проявлял некоторый интерес к окружающему, а на третий, услышав собачью возню во дворе, начал повизгивать.

Когда я открыл дверь, Трики легкой рысцой выбежал наружу и на него тут же накинулись грейхаунд Джо и остальная свора. Перевернув его на спину и тщательно обнюхав, собаки побежали по саду. Трики затрусил

следом, переваливаясь на ходу из-за избытка жира, но с явным любопытством.

Ближе к вечеру я наблюдал кормление собак. Тристан плеснул им ужин в миски. Свора ринулась к ним, и послышалось торопливое хлюпанье. Каждый пес знал, что стоит отстать от приятелей — и остаток его пищи окажется в опасности.

Когда, они кончили, Трики обследовал сверкающие миски и полизал дно одной или двух. На следующее утро для него была поставлена дополнительная миска, и я с удовольствием смотрел, как он к ней пробивается.

С этого момента он стремительно пошел на поправку. Никакому лечению я его не подвергал: он просто весь день напролет бегал с собаками и восторженно присоединялся к их играм, обнаружив, насколько это увлекательно, когда каждые несколько минут тебя опрокидывают, валяют и возят по земле. Несмотря на свою шелковистую шерсть и изящество, он стал законным членом этой косматой банды, как тигр, дрался за свою порцию во время кормежки, а по вечерам охотился на крыс в старом курятнике. В жизни он не проводил время так замечательно.

А миссис Памфри пребывала в состоянии неумной тревоги и по десять раз на дню звонила, чтобы получить последний бюллетень. Я ловко уклонялся от вопросов о том, достаточно ли часто проветриваются его подушки и достаточно ли теплая надета на нем курточка. Однако я с чистой совестью мог сообщить ей, что опасность песику больше не грозит и он быстро выздоравливает.

Слово «выздоровливает», по-видимому, вызвало у миссис Памфри определенные ассоциации. Она начала ежедневно присылать Трики по дюжине свежайших яиц для восстановления сил. Несколько дней мы наслаждались двумя яйцами за завтраком на каждого, однако истинные возможности ситуации мы осознали, только когда к яйцам добавились бутылки хереса хорошо мне знакомой восхитительной марки. Херес должен был предохранить Трики от малокровия. Обеды обрели атмосферу парадности: две рюмки перед началом еды, а потом еще несколько. Зигфрид и Тристан по очереди провозглашали тосты за здоровье Трики и с каждым разом становились все красноречивее. На меня, как на его представителя, возлагалась обязанность произносить ответные тосты.

А когда прибыл коньяк, мы глазам своим не поверили. Две бутылки лучшего французского коньяка, долженствовавшего окончательно укрепить организм Трики. Зигфрид извлек откуда-то старинные пузатые рюмки, собственность его матери. Я видел их впервые, но теперь за несколько

вечеров свел с ними близкое знакомство, прокатывая по их краю, обоняя и благоговейно прихлебывая чудесный напиток.

Мысль оставить Трики навсегда в положении выздоравливающего больного была очень соблазнительна, но я знал, как страдает миссис Памфри, и через две недели, повинувшись велению долга, позвонил ей и сообщил, что Трики здоров и его можно забрать.

Несколько минут спустя у тротуара остановился сверкающий черный лимузин необъятной длины. Шофер распахнул дверцу, и я с трудом различил миссис Памфри, совсем затерявшуюся в этих обширных просторах. Она судорожно сжимала руки на коленях, губы у нее дрожали.

— Ах, мистер Хэрриот! Умоляю, скажите мне правду. Ему действительно лучше?

— Он совершенно здоров. Не трудитесь выходить из машины, я сейчас за ним схожу.

Я прошел по коридору в сад. Куча собак носилась по лужайке, и среди них мелькала золотистая фигурка Трики. Уши у него стлались по воздуху, хвост отчаянно вилял. За две недели он превратился в ловкого песика с литыми мышцами. Он мчался длинными скачками, почти задевая грудью траву, и держался вровень с остальными.

Я взял его на руки и прошел с ним назад по коридору. Шофер все еще придерживал открытую дверцу, и, увидев свою хозяйку, Трики вырвался от меня и одним прыжком очутился у нее на коленях. Миссис Памфри ахнула от неожиданности, а затем была вынуждена отбиваться от него — с таким энтузиазмом он принялся лизать ей лицо и лаять.

Пока они обменивались приветствиями, я помог шоферу снести в машину постельки, игрушки, подушки, курточки и мисочки, так и пролежавшие в шкафу все это время. Когда машина тронулась, миссис Памфри со слезами на глазах высунулась в окно. Губы ее дрожали.

— Ах, мистер Хэрриот! — воскликнула она. — Как мне вас благодарить? Это истинное торжество хирургии!

Меня подбросило, и я проснулся. Сердце стучало в одном ритме с настойчивым трезвоном. Телефонный аппарат на тумбочке у кровати — безусловно заметный прогресс по сравнению со старой системой, когда катишься кубарем с лестницы, а потом дрожишь от холода в коридоре, приплясывая босыми ногами на плитках пола. Тем не менее этот пронзительный звук, который в глухую ночь вдруг раздается у самого вашего уха, производит сокрушающее действие. Я не сомневался, что ничего хорошего он мне не сулит.

Голос в трубке был оскорбительно бодрым:

— Кобыла у меня жеребится. Только что-то дело у нее не идет. Думаю, жеребенок лежит неправильно. Может, приедете пособить?

У меня защемило в животе. Это уж слишком! Когда тебя поднимают с постели посреди ночи, радость невелика, но дважды подряд? Это несправедливо, это, попросту говоря, чистейший садизм. У меня был тяжелый день, и я с большим облегчением улегся спать около полуночи. В час меня подняли из-за тяжелого отела, и я вернулся домой почти в три. А сейчас сколько? Три пятнадцать. Господи, да я и десяти минут не проспал! И к тому же кобыла. Как правило, с ними вдвое больше хлопот, чем с коровами. Ну и жизнь! Чертова жизнь! Я буркнул в трубку.

— Хорошо, хорошо, мистер Диксон, сейчас еду.

Позевывая, я заковылял по комнате. Плечи и руки тупо ныли. На стуле лежала моя одежда. Я уже один раз ее сегодня снял, потом опять надел, опять снял. Что-то во мне взбунтовалось при мысли, что придется снова в нее облачаться. Уныло хмыкнув, я сдернул с крючка на двери плащ, надел его поверх пижамы, спустился в коридор, где у двери аптеки стояли мои резиновые сапоги, и сунул в них ноги. Ночь теплая, какой смысл одеваться? Все равно же на ферме я опять разденусь.

Открыв дверь, я побрел через бесконечный сад, сонно не замечая, как свеж и душист ночной воздух. Я вышел во двор, отпер ворота в проулок и вывел машину из гаража. Городок спал, и лучи фар выхватывали из темноты закрытые ставни витрин, плотно задернутые занавески. Все спят. Только я, Джеймс Хэрриот, еду куда-то, хотя устал до невозможности и все тело болит — еду, чтобы снова надрываться. Ну какого черта я пошел в деревенские ветеринары? Наверное, у меня в голове помутилось, а то с чего бы я выбрал занятие, подразумевающее, что ты будешь работать все семь

дней в неделю, а кроме того, и по ночам? Порой у меня возникало ощущение, что моя профессия — злобная живая тварь, которая проверяет меня, испытывает на прочность и все время увеличивает нагрузки, чтобы посмотреть, когда же я протяну ноги.

Но какой-то подсознательный протест извлек меня из этой ванны жалости к себе, и, стряхивая брызги у ее края, я взвесил ближайшее будущее уже с моим природным оптимизмом. Во-первых, дом Диксонов стоит у самого начала холмов, почти рядом с шоссе, а потому они позволили себе редкую в этих местах роскошь — провести электричество в хозяйственные постройки. Да и не настолько я устал! Мне ведь всего двадцать четыре года, я здоров и силен. Нет, так просто меня не убить!

И я с улыбкой погрузился в сонное оцепенение, обычное для меня в таких ситуациях: полное отключение всех чувств и мыслей, кроме тех, которые были нужны для того, чем я был занят в данный момент. Сколько раз за последние месяцы я вставал с постели, ехал на дальнюю ферму, добросовестно выполнял то, что от меня требовалось, возвращался домой, ложился спать, так толком и не проснувшись.

Диксоны не обманули моих ожиданий. Грациозная клайдсдейлская кобыла стояла в отлично освещенном деннике, и я разложил свои веревки и инструменты с огромным облегчением. Подливая дезинфицирующую жидкость в дымящееся ведро, я смотрел, как кобыла напрягается и пригибает круп. Это усилие не дало никаких результатов, ножки не показывались. Сомневаться не приходилось — неправильное положение плода.

Погрузившись в размышления, я снял макинтош, но тут громкий хохот фермера заставил меня очнуться.

— Господи помилуй, это что ж за тру-ля-ля такая?

Я поглядел на мою нежно-голубую пижаму в широкую малиновую полосу.

— Это, мистер Диксон, — сказал я с достоинством, — мой ночной костюм. Я не нашел нужным его сменить.

— Вон оно что! — В глазах фермера плясали насмешливые огоньки. — Вы меня извините, только мне было почудилось, что я не тому позвонил. В прошлом году в Блэкпуле я видел очень похожего человека — и костюмчик точно такой же, только у него еще был полосатый цилиндр и тросточка. А уж чечетку отбивал — любо-дорого!

— Боюсь, что этого удовольствия я вам доставить не смогу, — ответил я с томной улыбкой. — Что-то я сейчас не в настроении.

Я разделся и с интересом поглядел на глубокие красные царапины,

оставленные зубами теленка два часа назад. Эти зубы были как бритва, и всякий раз, когда я протискивал мимо них руку, они аккуратно снимали тонкие полоски кожи.

Я начал исследование, и по телу кобылы пробежала дрожь. Ничего-ничего... вот наконец хвост жеребенка... и тазовые кости, а туловище и задние ноги еще дальше, куда мне не достать. Поперечное положение со спинным предлежанием. При отеле для человека, знающего свое дело, — это пустяки, но у кобылы ситуация осложняется слишком большой длиной жеребьих ног.

Полчаса, потя и пыхтя от напряжения, я возился с веревками и с тупым крючком на конце длинной гибкой трости, пока наконец не сумел расправить одну ногу. Вторая доставила куда меньше хлопот. Словно поняв, что препятствие устранено, кобыла поднатужилась, и жеребенок вылетел на солому, а я, обхватив его туловище обеими руками, повалился на него. К большой моей радости, он судорожно дернулся. Выправляя его положение, я не почувствовал ни единого движения и уже решил, что он погиб. Однако он был жив и весьма энергично мотал головой и отфыркивался, потому что за время затянувшихся родов вдохнул немного околоплодной жидкости.

Когда я кончил вытираться и обернулся, то увидел, что фермер, точно камердинер, с абсолютно серьезным лицом держит передо мной полосатую куртку пижамы. Он произнес торжественно:

— Разрешите помочь вам, сэр.

— Ну ладно, ладно, — засмеялся я. — В следующий раз приеду в парадном костюме.

Пока я укладывал инструменты в багажник, фермер небрежно бросил на заднее сиденье объемистый пакет.

— Немножко маслица, — буркнул он и добавил, когда я завел мотор: — Кобыла-то очень хороша, и я давно хотел получить от нее жеребенка. Спасибо, большое спасибо!

Он помахал мне, когда я отъехал, и крикнул вслед:

— Для чечеточника вы с этим на славу справились!

Я откинулся и, с трудом разлепляя тяжелые веки, смотрел на дорогу, развертывавшуюся впереди в бледном утреннем свете. Багровый шар солнца поднимался над туманными полями. Я испытывал тихое удовлетворение, вспоминая, как жеребенок привставал на колени, а длинные тонкие ноги никак его не слушались. Хорошо, что малыш родился живым! Как-то тоскливо становится на душе, когда после всех твоих стараний у тебя в руках оказывается мертвое тело.

Диксоновская ферма находилась как раз там, где холмы сменяются широкой йоркширской долиной. Мой путь пересекал магистральное шоссе. Из трубы круглосуточного придорожного кафе поднималась тоненькая струйка дыма, и, когда я сбросил скорость на повороте, на меня повеяло вкусными запахами — еле заметными, но достаточными, чтобы воображение нарисовало жареную колбасу с фасолью, помидорами и картофельной соломкой.

У меня засосало под ложечкой. Я взглянул на часы — четверть шестого. До завтрака еще долго. Я свернул на широкую площадку и поставил машину между тяжелыми грузовиками. Торопливо шагая к кафе, в котором еще горели лампы, я решил, что не стану обжираться и обойдусь скромным бутербродом. Я уже бывал тут, и фирменные бутерброды мне понравились, а после такой тяжелой ночи не мешало подкрепиться.

Я вошел в теплый зал, где за столиками над полными тарелками сидели шоферы. При моем появлении стук ножей и вилок замер и наступила напряженная тишина. Толстяк в кожаной куртке не донес ложку до рта, а его сосед, державший в замасленных пальцах большую кружку с чаем, выпученными глазами уставился на мой костюм.

Тут я сообразил, что пижама в малиновую полоску и резиновые сапоги выглядят в подобной обстановке несколько странно, и поспешно застегнул плащ, эффектно развевавшийся на моих плечах. Впрочем, он был коротковат и над сапогами отлично были видны полосатые брюки.

Я решительно направился к стойке. Плосколицая блондинка в грязноватом белом халате, который был ей тесен, посмотрела на меня ничего не выражающим взглядом. На верхнем левом кармашке халата было вышито «Дора».

— Бутерброд с ветчиной и чашку бульона, пожалуйста, — сказал я хрипло.

Блондинка бросила бульонный кубик в чашку и пустила в нее струю кипятка. Меня начинала угнетать тишина в зале и взгляды, устремленные на мои ноги. Скашивая глаза направо, я видел толстяка в кожаной куртке. Он задумчиво жевал, а потом сказал назидательно:

— Люди-то, они разные бывают, а, Эрнст?

— Верно, Кеннет, верно, — ответил его товарищ.

— Как, по — твоему, Эрнст, нынешней весной у йоркширских джентльменов такая мода?

— Может, и такая, Кеннет. Может, и такая.

Позади раздались смешки, и мне стало ясно, что судьба свела меня с признанными местными остряками. Быстрее поест и уйти! Дора толкнула

через стойку толстый кусок ветчины между двумя ломтиками хлеба и сказала с одушевлением сомнамбулы:

— С вас шиллинг.

Я сунул руку за борт плаща, и мои пальцы наткнулись на фланель. О господи! Деньги остались в кармане брюк в Дарроуби. Обливаясь холодным потом, я принялся бесцельно шарить по карманам плаща. В ужасе поглядев на блондинку, я обнаружил, что она убирает бутерброд в ящик.

— Видите ли, я забыл деньги дома. Но я бывал тут. Вы ведь меня знаете?

Дора вяло мотнула головой.

— Ну да неважно, — беспомощно бормотал я. — Деньги я завезу, когда в следующий раз буду проезжать мимо.

Лицо Доры по-прежнему ничего не выражало, только одна бровь чуть дернулась вверх. Бутерброд остался покоиться в своем тайничке.

Теперь я думал только о том, как спастись, и обжег рот, торопясь поскорее выпить бульон.

Кеннет отодвинул тарелку и начал ковырять спичкой в зубах.

— Эрнст! — сказал он, словно делясь плодами долгих размышлений. — Я так думаю, что этот джентльмен любит чудачить.

— Чудачить? — Эрнст ухмыльнулся в кружку. — Мозги у него набекрень, вот что.

— Не скажи, Эрнст, не скажи! Как дело доходит до того, чтобы пожрать на дармовщинку, так они у него очень даже прямые.

— А ведь верно, Кеннет, верно.

— Еще бы не верно! Вон, попивает бесплатно бульончик, а погоди он по карманам шарить, так, гляди, и бутерброд умял бы. Если б Дора не держала ухо востро, прощай ветчинка.

— Правда, правда, — согласился Эрнст, по-видимому вполне удовлетворяясь ролью хора.

Кеннет бросил спичку, шумно всосал воздух между зубами и откинулся на спинку стула.

— Только мы еще об одном не подумали. Может, он беглый.

— Беглый каторжник, Кеннет?

— Вот-вот, Эрнст.

— Но у них же на штанах всегда стрелки.

— Оно, конечно, так. Только я слыхал, есть тюрьмы, где теперь перешли на полоски.

С меня было достаточно. Поперхнувшись на последних каплях

бульона, я кинулся к двери. Меня озарили косые солнечные лучи, и я услышал последнее умозаключение Кеннета:

— Небось, смылся с дорожных работ. Ты только погляди на его сапоги...

Я видел, что мистер Хэндшо не верит ни единому моему слову. Он поглядел на корову и упрямо сжал губы.

— Перелом таза? По-вашему, она больше не встанет? Да вы поглядите, как она жвачку жует! Я вам вот что скажу, молодой человек: мой папаша, не скончайся он, живо бы поставил ее на ноги.

Я был ветеринаром уже год и успел кое-чему научиться. В частности тому, что фермеров — а особенно йоркширских — переубедить не просто. А ссылка на папашу? Мистеру Хэндшо давно перевалило за пятьдесят, и такая вера в познания и искусство покойного отца была даже трогательна. Но я предпочел бы иметь дело с менее почтительным сыном.

У меня с этой коровой и без того хватало хлопот. Ведь ничто так не выматывает ветеринара, как корова, которая не желает вставать. Люди, далекие от этих проблем, могут счесть странным, что, казалось бы, вылеченное животное не способно встать на ноги, но так бывает. И всякому понятно, что у молочной коровы, которая ведет лежачий образ жизни, нет никакого будущего.

Все началось с того, что Зигфрид отправил меня сюда лечить послеродовой парез, результат кальциевой недостаточности, которая возникает у высокоудойных коров сразу после отела и вызывает коллапс и все более глубокую кому. Корова мистера Хэндшо, когда я увидел ее впервые, неподвижно лежала на боку, и мне даже не сразу удалось установить, что она еще жива.

Но я с беспечной уверенностью достал бутылки с хлористым кальцием, ибо получил диплом именно тогда, когда ветеринарная наука нашла надежное оружие против этого рокового заболевания. Первой победой над ним была методика вдувания воздуха в вымя, и я все еще возил с собой специальный катетер (фермеры пользовались в таких случаях велосипедными насосами), но с появлением кальциевой терапии мы получили верную возможность пожинать дешевые лавры, одной инъекцией почти мгновенно возвращая к жизни животное, находившееся при последнем издыхании. Умения почти не требовалось, зато какой эффект!

К тому времени, когда я ввел две дозы — одну в вену, другую подкожно^[13] — и с помощью мистера Хэндшо перевернул корову на грудь, признаки стремительного улучшения были уже налицо: она оглядывалась по сторонам и встряхивала головой, словно удивляясь, что с ней такое

произошло. Я не сомневался, что, будь у меня время, я вскоре увидел бы, как она встает, но надо было ехать по другим вызовам.

— Если она к обеду не встанет, позвоните мне, — сказал я, но только для порядка, нисколько не сомневаясь, что в ближайшее время больше ее не увижу.

Когда мистер Хэндшо позвонил днем и сказал, что она все еще лежит, я испытал только легкую досаду. В некоторых случаях требовалась дополнительная доза, а дальше все налаживалось. Поэтому я поехал на ферму и сделал еще инъекцию.

Не встревожился я по-настоящему и на следующий день, хотя она продолжала лежать, а мистер Хэндшо, который, сунув руки в карманы и сутулясь, стоял над своей коровой, был глубоко расстроен тем, что мое лечение не дало результатов.

— Пора бы старухе и встать. Чего ей так валяться? Вы бы сделали что-нибудь. Я вот нынче утром влил ей в ухо бутылку холодной воды, но ее и это не подняло.

— Что вы сделали?

— Влил ей в ухо бутылку холодной воды. Папаша всегда их так поднимал, а уж он-то скотину понимал — дай бог всякому.

— Не сомневаюсь, — сказал я сухо. — Но думаю, еще одна инъекция поможет ей больше.

Фермер хмуро смотрел, как я загнал под кожу корове бутылку кальция. Эта процедура его уже не завораживала.

Убирая инструменты, я попытался поддержать в нем бодрость.

— Не принимайте близко к сердцу. Они часто лежат вот так день-другой. Утром она наверняка встретит вас уже на ногах.

Телефон зазвонил перед самым завтраком, и у меня защемило под ложечкой — голос мистера Хэндшо был исполнен уныния.

— Все лежит. Ест за двоих, а встать даже и не пробует. Как вы теперь за нее приметесь?

Вот именно — как, думал я по дороге. Корова пролежала уже двое суток, и мне это очень не нравилось.

Фермер сразу же перешел в нападение.

— Мой папаша, когда они вот так валялись, всегда говорил, что причина тут — червяк в хвосте. Он говорил, хвост надо обрубить, и дело с концом.

Мне стало совсем скверно. Эта легенда уже доставила мне немало хлопот. Беда заключалась в том, что люди, все еще прибегавшие к этому варварскому средству, нередко получали основания считать его

действенным: прикосновение раны на конце обрубленного хвоста к земле причиняло такую боль, что многие коровы с дурным норовом тотчас вскакивали на ноги.

— Червяков в хвосте вообще не бывает, мистер Хэндшо, — терпеливо сказал я. — И не кажется ли вам, что рубить корове хвост — значит истязать ее? Я слышал, что на прошлой неделе Общество защиты животных от жестокого обращения привлекло к суду одного человека, который это сделал.

Фермер прищурился. Он явно считал, что я зашел в тупик и уклоняюсь от прямого ответа.

— Раз так, чего ж вы тогда думаете сделать? Поднять-то корову надо или как?

Я глубоко вздохнул.

— Ну я не сомневаюсь, что от пареза она совершенно оправилась. Она хорошо ест и выглядит прекрасно. Вероятно, встать ей мешает легкий паралич задних конечностей. Кальций больше не требуется, а вот это стимулирующее средство, несомненно, поможет.

Шприц я наполнял с самыми мрачными предчувствиями. Толку от этого стимулирующего средства не могло быть никакого, но нельзя же просто стоять сложа руки. Утопающий хватается за соломинку. Я повернулся, чтобы уйти, но мистер Хэндшо меня остановил:

— Э-эй, мистер! Папаша, помнится, вот что еще делал: кричал им в ухо. Коровы у него так и вскакивали, так и вскакивали. Только вот голосу у меня нет. Может, вы попробуете?

Оберегать свое достоинство было поздновато. Я подошел к корове и ухватил ее за ухо, затем набрал полную грудь воздуха, нагнулся и что есть мочи завопил в его волосатые глубины. Корова перестала жевать жвачку, вопросительно поглядела на меня, потом опустила глаза и невозмутимо задвигала челюстями.

— Дадим ей еще день, — сказал я вяло. — Если она и завтра не встанет, попробуем ее поднять. Вы не могли бы позвать на помощь кого-нибудь из соседей?

Весь этот день, объезжая других пациентов, я боролся с ощущением мучительной беспомощности. Черт бы побрал эту корову! Ну почему она не встает? А что еще мог я сделать? Ведь шел 1938 год, и мои возможности были крайне ограничены. И теперь, тридцать лет спустя, некоторые коровы с парезом не встают, но во всяком случае в распоряжении ветеринара помимо кальция есть еще много различных средств. Прекрасный подъемник Багшо, который захватывает таз и поднимает

животное в естественной позе, инъекции фосфора и даже электростимулятор, который можно прижать к крупу и включить, после чего любая предающаяся нирване корова вскочит с оскорбленным мычанием.

Как я и ожидал, следующий день не принес никаких перемен, и во дворе мистера Хэндшо меня окружили его соседи. Они были в веселом настроении, ухмылялись и сыпали полезными советами, как все фермеры, когда речь идет о чужой скотине.

Мы протащили мешки под тело коровы. Все это сопровождалось смехом, шуточками и жуткими предположениями, которые я старательно пропускал мимо ушей. Когда мы наконец дружно взялись за мешки и одним рывком подняли корову, она, как и можно было предвидеть, спокойно повисла на них, а ее владелец, прислонясь к стенке, со все большим унынием взирал на ее болтающиеся в воздухе ноги.

Кряхтя и отдуваясь, мы опустили неподвижное тело, на землю, и все уставились на меня — а что теперь? Я отчаянно пытался хоть что-нибудь придумать, но тут раздался фальцет мистера Хэндшо:

— Мой папаша говорил, что чужая собака любую корову подымет.

Среди собравшихся фермеров послышался одобрительный гул, и все наперебой начали предлагать своих собак. Я пытался сказать, что одной хватит за глаза, но мой авторитет был сильно подорван, а каждому не терпелось продемонстрировать корово-подъемный потенциал своего пса. Двор мгновенно опустел, и даже мистер Смедли, деревенский лавочник, бешено помчался на велосипеде за своим бордер-терьером. Казалось, не прошло и минуты, как вокруг уже кишмя кишели рычащие и тявкающие собаки, но корова проявила к ним полнейшее равнодушие и только слегка наклоняла рога навстречу тем, кто рисковал подойти к ней поближе.

Кульминация наступила, когда собственный пес мистера Хэндшо вернулся с луга, где помогал собирать овец. Он был небольшим, тощим, крепким и отличался раздражительностью в сочетании с молниеносной реакцией. Вздвигнув шерсть, он на напряженных ногах вошел в коровник, с изумлением поглядел на стаю вторгшихся в его владения чужаков и с безмолвной злобой ринулся в бой.

Несколько секунд спустя, закипела такая собачья драка, каких мне еще не доводилось видеть. Я попятился, глядя на происходящее с крепнущим убеждением, что я тут лишний. Окрики фермеров тонули в рычании, визге и лае. Какой-то неустрашимый смельчак ринулся в свалку, а когда он вновь возник, в его резиновый сапог мертвой хваткой вцепился маленький терьер. Мистер Рейнолдс из Кlover-Хилла растирал хвост коровы между двумя

короткими палками и восклицал: «Теля! Теля!» И пока я беспомощно смотрел на него, совершенно незнакомый человек дернул меня за рукав и зашептал:

— А вы давали ей каждые два часа по чайной ложке мыльного порошка в кислом пиве?

У меня было такое ощущение, точно все силы черной магии вырвались на волю и моих скудных научных ресурсов слишком мало, чтобы преградить им путь. Не представляю, как удалось мне в этом бедламе услышать поскрипывание, — возможно, я почти вплотную наклонился к мистеру Рейнолдсу, убеждая его не тереть хвост. Но корова слегка повернулась, и я четко расслышал поскрипывание. Где-то в области таза.

Мне не сразу удалось привлечь к себе внимание — по-видимому, про меня попросту забыли; но в конце концов собак разняли, с помощью бесчисленных обрывков шпагата привязали на безопасном расстоянии друг от друга, все перестали кричать, мистера Рейнолдса оторвали от хвоста и трибуна оказалась в моем распоряжении.

Я обратился к мистеру Хэндшо:

— Будьте так добры, принесите мне ведро горячей воды, мыло и полотенце.

Он удалился, ворча себе под нос, словно ничего не ожидал от этой новой попытки. Мои акции явно упали до нуля.

Я снял пиджак, намылил руку и начал вводить кисть в прямую кишку коровы, пока не нащупал лонную кость. Ухватив ее сквозь стенку кишки, я оглянулся на зрителей:

— Двое возьмитесь, пожалуйста, каждый за верхнюю часть ноги и слегка покачивайте корову из стороны в сторону.

Вот-вот он! Опять и опять. Легкий скрип, почти скрежет, а кость под моими пальцами словно бы ни с чем не скреплена.

Я встал и вымыл руку.

— Теперь я знаю, почему ваша корова не встает: у нее перелом таза. Возможно, это произошло в первую ночь, когда у нее начинался парез и она плохо держалась на ногах. Вероятно, повреждены и нервы. Боюсь, положение безнадежно.

Я испытал большое облегчение, что могу наконец сказать что-то конкретное, пусть даже и самое плохое.

— Это как так безнадежно? — Мистер Хэндшо уставился на меня.

— Мне очень жаль, — ответил я, — но сделать ничего нельзя. Вам остается только отправить ее к мяснику. Задние ноги у нее отнялись. Она уже никогда не встанет.

Вот тут-то мистер Хэндшо окончательно вышел из себя и разразился длинной речью. Нет, он не осыпал меня ругательствами и даже не был груб, а только беспощадно указывал на мои недостатки, промахи и недосмотры, перемежая перечень сетованиями на то, что его папаши больше нет в живых — уж он-то быстро привел бы все в порядок. Фермеры, сомкнувшись кольцом вокруг нас, упивались каждым его словом.

В конце концов я уехал. Сделать я ничего не мог, а мистер Хэндшо вынужден будет согласиться со мной. Время покажет, что я прав!

Утром я вспомнил про эту корову, едва раскрыл глаза. Эпизод, бесспорно, был печальным, но меня успокаивало сознание, что всем сомнениям пришел конец. Я знаю, что произошло, я знаю, что случай безнадежный, а потому можно не терзаться.

Звонок мистера Хэндшо меня удивил: чтобы убедиться в своей неправоте, ему, я полагал, должно было понадобиться два-три дня.

— Это мистер Хэрриот? Доброе утро, доброе утро! Я только хотел вам сказать, что корова-то моя преотлично встала.

Я вцепился в трубку обеими руками.

— Что? Что вы сказали?

— Я сказал, что корова встала. Прихожу нынче в коровник, а она там разгуливает себе как ни в чем не бывало. — Он перевел дух, а потом произнес сурово и назидательно, как учитель, выговаривающий нерадивому ученику: — А вы стояли рядом с ней и прямо мне в глаза сказали, что она больше не встанет!

— Но... но ведь...

— А, вы спрашиваете, как я ее поднял? Да просто вспомнил еще один папашин способ. Сходил к мяснику, взял свежую шкуру овцы и накрыл ей спину. Вот она мигом и встала. Обязательно заезжайте поглядеть. Папаша мой, он скотину понимал — прямо чудо!

Я, пошатываясь, побрел в столовую. Это необходимо было обсудить с Зигфридом. Его в три часа ночи вызвали к телящейся корове, и сейчас он выглядел куда старше своих тридцати с небольшим лет. Он молча слушал меня, доедая завтрак, потом отодвинул тарелку и налил себе последнюю чашку кофе.

— Что же, Джеймс, не повезло. Свежая овечья шкура, а? Странно, вы тут уже больше года, а ни разу с этой панацеей не сталкивались. По-видимому, она начала выходить из моды. Хотя, знаете, и тут, как во многих народных средствах, есть свое рациональное зерно. Естественно, под свежей овечьей шкурой скоро становится очень тепло, то есть она действует как большая припарка и так допекает корову, что если она

валялась просто по подлости характера, то скоро вскакивает почесать спину.

— Но как же сломанный таз, черт подери? Говорю вам, он скрипел и кость прямо-таки болталась!

— Ну, Джеймс, не вы первый, не вы последний. Иногда после отела тазовые связки несколько дней не уплотняются, вот и возникает такое впечатление.

— Господи! — простонал я, вперяя взгляд в скатерть. — И надо же было так опростоволоситься!

— Да вовсе нет! — Зигфрид закурил и откинулся на спинку стула. — Скорее всего эта подлая корова уже сама подумывала о том, чтобы встать и прогуляться, а тут старик Хэндшо и прилепил ей шкуру на спину. С тем же успехом она могла подняться после одной из ваших инъекций, и тогда вся честь досталась бы вам. Помните, что я вам сказал, когда вы только начинали? Самого лучшего ветеринара от круглого дурака отделяет только шаг. Такие вещи случаются с каждым из нас, Джеймс. Забудьте, и вся недолга.

Но забыть оказалось не так-то просто. Корова стала местной знаменитостью. Мистер Хэндшо с гордостью демонстрировал ее почтальону, полицейскому, скупщикам зерна, шоферам грузовиков, торговцам удобрениями, инспекторам министерства сельского хозяйства — и каждый с милой улыбкой рассказывал об этом мне. Судя по их словам, мистер Хэндшо всякий раз звонким торжествующим голосом произносил одну и ту же фразу: «Это та самая корова, про которую мистер Хэрриот сказал, что она больше никогда не встанет!»

Конечно, мистер Хэндшо поступал так без всякого злорадства. Просто он взял верх над молокососом ветеринаром с его книжками — как же тут было не погордиться немножко? А корове я в конечном счете оказал большую услугу, значительно продлив ей жизнь: мистер Хэндшо продолжал содержать ее долго после того, как она почти перестала давать молоко, просто в качестве достопримечательности, и еще многие годы она блаженно паслась на лугу у шоссе.

Ее легко было узнать по кривому рогу, и, проезжая мимо, я частенько притормаживал и с легким стыдом смотрел на корову, которая больше никогда не встанет.

Я ехал по узкому не огороженному проселку, соединяющему Силдейл и Косдейл, и, добравшись на первой передаче до вершины, сделал то, что делал постоянно: свернул на обочину и вылез из машины.

Присловье деловых людей, что у них нет времени стоять и глазеть по сторонам, не для меня. Значительную часть своей жизни (чтобы не сказать — излишне значительную) я трачу на то, чтобы просто стоять и глазеть по сторонам. Так было и в то утро. Передо мной открывался широкий вид на Йоркширскую долину до гряды Хэмблтонских холмов в сорока милях к востоку, а позади меня тянулись мили и мили вересковых холмов. В первый год моего пребывания в Дарроуби я останавливался на этом месте не один раз, и вид на равнину всегда оказывался не таким, как раньше. Зимой она превращалась в плоскую темную чашу между заснеженными Пенниннами и дальней белой полоской Хэмблтонов. В апреле над ее зелено-коричневыми просторами плыли тяжелые завесы дождя, а однажды я стоял тут под ярким солнцем и глядел вниз, в непроницаемое море тумана, похожего на волнистый слой ваты, из которого там и сям темными островками поднимались макушки деревьев и вершины холмов.

Но сегодня лоскутное одеяло полей и лугов дремало в блеске солнечных лучей и воздух даже здесь, на высокой гряде, был напоен густыми ароматами лета. Я знал, что на фермах внизу трудятся люди, но нигде не было видно ни одной живой души, и меня охватило ощущение мирного покоя, которое всегда рождали во мне безмолвие и пустынность вересковых холмов.

В такие минуты я отстранялся от себя и беспристрастно оценивал свои успехи. Так легко было перенестись назад, к тому дню, когда я решил стать ветеринаром. Я точно помнил даже минуту. Мне было тринадцать, и я читал в «Меккано», журнале для мальчиков, статью о выборе профессии. Дойдя до ветеринарии, я вдруг проникся неколебимым убеждением, что это — мое призвание. Но, собственно, почему? Только потому, что я любил собак и кошек, а служба в конторах меня не прельщала. Довольно-таки слабые аргументы для определения своего будущего. Я не имел ни малейшего понятия ни о сельском хозяйстве, ни о сельскохозяйственных животных и, хотя за годы учения в колледже успел узнать достаточно много о этих последних, свою дальнейшую судьбу представлял себе однозначно — я собирался специализироваться на лечении мелких животных. До

самого получения диплома моя дальнейшая жизнь виделась мне так: я лечу собак, кошек и других домашних любимцев в собственной ветеринарной клинике, где все будет не просто современным, но суперсовременным. Идеально оборудованная операционная, лаборатория, рентгеновский кабинет — все это четко рисовалось в моем сознании до дня окончания колледжа.

Так каким же образом я очутился здесь, на вершине высокого йоркширского холма, без пиджака, но в резиновых сапогах, источая легкий, но несомненный коровий запах?

Перемена в моих взглядах произошла очень быстро — собственно говоря, почти сразу же после того, как я попал в Дарроуби. В ту эпоху повальной безработицы выбирать не приходилось, но я не сомневался, что задержусь здесь ненадолго, что это просто первая ступень в осуществлении моих честолюбивых замыслов. А потом почти мгновенно все стало прямо наоборот.

Может быть, свою роль сыграла невыразимая свежесть воздуха, которая все еще ошеломяла меня каждое утро, когда я выходил в одичавший сад Скелдейл-Хауса. Или калейдоскопическая жизнь в красивом старинном особняке с моим талантливым, но слишком уж энергичным патроном и с Тристаном, его нерадивым братом-студентом. А может быть, просто лечение коров и свиней, овец и лошадей оказалось против моих ожиданий удивительно интересным и я увидел себя по-новому — необходимым винтиком огромной машины сельского хозяйства моей страны. Это давало глубокое удовлетворение.

Или же я просто не представлял себе, что существует такое место, как йоркширские холмы, мне и в голову не приходило, что я могу проводить все свои дни на высотах, где чистый ветер несет запахи и трав, и деревьев и где даже под секущими зимними дождями можно большими глотками пить воздух и улавливать в его холодной резкости нежный привкус просыпающейся весны.

Как бы то ни было, для меня все переменялось и моя жизнь заключалась теперь в том, чтобы объезжать фермы, разбросанные по этой крыше Англии, и проникаться уверенностью, что я — избранник судьбы.

Вернувшись в машину, я просмотрел список вызовов.

День промелькнул быстро, но около семи часов вечера, когда я уже думал закончить, мне позвонил Терри Уотсон, молодой работник, державший двух собственных коров. У одной из них, сказал он, начался летний мастит. Для середины июля заболевание еще редкое, хотя на исходе лета бывали буквально сотни таких случаев. У этого мастита было даже

местное название «августовская мошна». Заболевание очень неприятное, поскольку оно практически не поддавалось лечению, и обычно корова теряла пораженную долю вымени, а иногда и жизнь.

Корова Терри Уотсона выглядела плохо. К часу дойки она еле добрела с пастбища, далеко отставляя правую заднюю ногу, чтобы не задеть вымени, потому что прикосновение к нему причиняло боль, и тревожно глядя прямо перед собой. Я осторожно потянул пораженный сосок, и вместо молока в подставленную жестянку брызнула струя темной дурно пахнущей жидкости.

— Запах такой, что не ошибешься, Терри, — сказал я. — Да, это летний мастит. — Я провел рукой по горячей распухшей четверти и едва коснулся болезненного места, как корова приподняла ногу. — И очень сильный. Боюсь, дело плохо.

Терри погладил корову по спине, хмурясь все больше. Еще совсем молодой (ему не исполнилось и двадцати пяти), женатый, недавно ставший отцом, он принадлежал к тем труженикам, которые весь день гнут спину на других, а вечером, вернувшись домой, ухаживают за собственной немногочисленной живностью. Две коровы, несколько свиней и кур — это большое подспорье для человека, который живет с семьей на тридцать шиллингов в неделю.

— Не пойму я что-то, — бормотал он. — Если б она хоть доиться перестала, а то еще давала по два галлона в день. Так я ее давно бы уже дегтем помазал. (Фермеры в те времена обмазывали дегтем соски недоющих коров, чтобы предохранить их от мух, считая, что те переносят заразу.)

— К сожалению, заболеть может любая корова, а особенно та, которая начинает терять молоко. — Я вытащил термометр. Он показывал сорок один и один.

— Что же теперь будет? Подлечить ее вы можете?

— Сделаю все, что в моих силах, Терри. Введу ей лекарство, а вы должны прочищать сосок как можно чаще, но ведь вы не хуже меня знаете, какая это трудная болезнь.

— Да уж знаю! — Он уныло следил, как я впрыскивал в шею коровы антитоксин (даже теперь мы все еще применяем его при летних маститах, потому что, к сожалению, ни один из современных антибиотиков не оказывает на них значительного действия). — Она потеряет четверть вымени, верно? А то и сдохнет?

— Ну не думаю, чтобы она сдохла, — нарочито бодрым тоном сказал я. — А если одну долю и придется удалить, она все наверстает с тремя

оставшимися.

Но меня терзало мучительное чувство беспомощности — как всегда в тех случаях, когда речь шла о чем-то важном, а я был бессилен помочь. Ведь я знал, какой это удар для Терри — корова с тремя сосками теряет значительную часть своей рыночной цены, а на лучший исход и рассчитывать не приходилось. Если же корова сдохнет... Я отогнал от себя эту мысль.

— Послушайте, может, вы мне хоть посоветуете что-нибудь? Или дело совсем уж пропащее? — Худые щеки Терри были землисто-бледными, и, взглянув на его щуплую фигуру, я в который раз подумал, что он недостаточно крепок для своего тяжелого труда.

— Я ничего обещать не могу, — сказал я. — Но легче идут на поправку те коровы, которым чаще прочищают соски. Потратьте на это вечер — каждые полчаса, если сумеете выкроить время. Если эту дрянь в соске удалять, едва она образуется, большого вреда от нее быть не должно. Вымя обмывайте теплой водой и хорошенько массируйте.

— А чем его смазывать?

— Да чем угодно! Главное — разминать ткани, так чтобы побольше убрать этой дряни. Можно, например, вазелином.

— У меня есть чашка гусиного жира.

— Вот и прекрасно!

Я подумал, что чашка гусиного жира обязательно найдется на любой ферме — универсальная мазь и лечебное средство и для людей, и для скотины.

Оттого что для него нашлось занятие, Терри немножко ожил. Он принес старое ведро, устроился поудобнее на доильном табурете и прислонился к корове. Вдруг он поглядел на меня через плечо с каким-то вызовом.

— Ну ладно, — сказал он, — сейчас и начну.

На другой день меня рано утром вызвали к корове с послеродовым парезом, и по дороге домой я решил заглянуть к Уотсонам. Было часов около восьми, и, войдя в маленький хлев с двумя стойлами, я увидел, что Терри уже сидит там в той же позе, в какой я оставил его накануне. Прижавшись щекой, к коровьему боку, он с закрытыми глазами оттягивал больной сосок. Когда я заговорил, он вздрогнул, словно внезапно проснулся.

— Доброе утро! Вы, значит, опять за нее взялись?

Корова тоже оглянулась на мой голос, и я даже ахнул от неожиданности — настолько лучше она выглядела, чем вчера вечером.

Остекленелость исчезла из ее глаз, и она посмотрела на меня с небрежным интересом, характерным для всех ее сородичей, когда они здоровы. Но самое главное — ее челюсти двигались из стороны в сторону с той неторопливой равномерностью, которая всегда радует сердце ветеринара.

— Господи! Да ее не узнать, Терри. Это просто другая корова!

Терри, казалось, с трудом разлеплял веки, но все-таки он улыбнулся:

— Нет, вы вот с этого конца поглядите.

Он медленно поднялся с табурета, разогнул спину — не сразу, а очень постепенно — и оперся локтем о круп коровы.

Я нагнулся к вымени, нащупывая вчерашнее болезненное вздутие, но моя ладонь скользнула по ровной упругой поверхности, и, не веря себе, я помял кожу между пальцами. Корова отнеслась к этому с невозмутимым спокойствием. В полном недоумении я потянул сосок. Цистерна (полость над соском, где собирается молоко) была почти пуста, но мне удалось выжать на ладонь совершенно белую струйку.

— Что же это такое, Терри? Вы подменили корову! Вы ведь меня разыгрываете, а?

— Да нет, мистер, — ответил он со своей медлительной улыбкой. — Корова та самая. Только она на поправку пошла.

— Но это невозможно! Что вы с ней делали!

— Да то, что вы мне посоветовали. Мял и сдаивал.

Я поскреб в затылке.

— Но она же совсем здорова! Ничего подобного я в жизни не видел.

— Чего не видели, того не видели, — произнес у меня за спиной женский голос. Я обернулся. В дверях с ребенком на руках стояла молоденькая жена Терри. — Вы же никогда не видели человека, который бы тер и очищал вымя всю ночь напролет, правда?

— Всю ночь напролет? — повторил я.

Она поглядела на мужа со снисходительной нежностью.

— Да, как вы ушли, он так с табурета и не вставал. И спать не ложился, и ужинать не приходил, и завтракать. Я уж носила ему сюда поесть, и чаю, кружку за кружкой. Вот ведь дурачок — как только выдержал!

Я посмотрел на Терри, на его бледные щеки, на щуплые подрагивающие плечи, на почти пустую чашку с гусиным жиром у его ног.

— Вы совершили невероятное, Терри, — сказал я. — И конечно, совсем вымотались. Но теперь ваша корова полностью выздоровела и больше никаких забот не требует. Ложитесь-ка, вздремните.

— Не могу. — Он мотнул головой и расправил плечи. — Мне на

работу пора. Я и так уж опоздал.

— Сразу видно, что свиньи вам нравятся! — сказал мистер Уорли, когда я бочком вошел в закуток.

— Неужели?

— А как же! Мне с первого взгляда ясно. Вот вы зашли тихо, похорошему, почесали Принцессе спинку, поговорили с ней, и я сразу подумал: «Этому молодому человеку свиньи нравятся!»

— Отлично. Кстати сказать, вы совершенно правы: свиньи мне нравятся...

Тем временем я осторожно пробирался мимо Принцессы, не зная, как она воспримет мою дерзость. Это была внушительная зверюга, а матери с молочными поросятами нередко набрасываются на чужаков. Когда я вошел в хлев, она встала, стряхивая с себя сосущих поросят, поглядела на меня и неопределенно хрюкнула, напомнив о тех довольно частых случаях, когда я выскакивал из закутков куда быстрее, чем входил в них. При виде разинутой пасти дюжей, свирепо хрипящей свиньи я всегда обретаю удивительную резвость.

И вот теперь я был в узком закутке. Принцесса как будто отнеслась ко мне с полным благодушием. Она снова хрюкнула, но совершенно мирно, и неторопливо улеглась на солому, подставив соски жадным маленьким ртам. Эта поза позволяла мне спокойно осмотреть ее ногу.

— Ага, ага, та самая, — тревожно сказал мистер Уорли. — Утром она просто наступить на нее не могла.

На вид ничего серьезного не было: роговой край одного копытца разросся и натирал чувствительную подошву, но ради подобных пустяков нас, как правило, не вызывали. Я удалил разросшийся край и смазал больное место нашей универсальной успокаивающей дегтярной мазью, а мистер Уорли все это время стоял на коленях возле головы Принцессы, поглаживал ее и что-то ласково ворковал ей на ухо. Слов я не разбирал. А может быть, он изъяснялся на свином языке, потому что Принцесса словно бы отвечала ему тихим похрюкиванием. Во всяком случае, это сработало лучше всякой анестезии, и все были счастливы на удивление — включая поросят, деловито в два ряда сосавших мать.

— Ну, все в порядке, мистер Уорли. — Я выпрямился и протянул ему баночку мази: — Втирайте понемножку два раза в день, и, не сомневаюсь, все скоро заживет.

— Большое спасибо, весьма вам благодарен! — Он потряс мне руку с таким жаром, словно я спас Принцессу от неминуемой гибели. — Рад был познакомиться с вами, мистер Хэрриот. Конечно, с мистером Фарноном я уже знаком года два и очень высокого о нем мнения. Любит он свиней, ах, как любит!

— Безусловно, мистер Уорли.

— Вот-вот, я сразу вижу! — Он некоторое время смотрел на меня увлажнившимися глазами, а затем удовлетворенно улыбнулся.

Мы вышли на задний двор — но не фермы, а гостиницы, ибо мистер Уорли был, собственно, не фермером, а хозяином отеля «Лангторпский водопад» и его обожаемые свинки размещались в бывших конюшнях и каретнике. Он держал только тэмуртов, и какую бы дверь вы ни отворили, ваши глаза встречались с глазами золотисто-рыжей свиньи. Несколько кабанчиков откармливались на сало и ветчину, но гордостью мистера Уорли были его свиноматки. У него их было шесть — Императрица, Принцесса, Бирюза, Ромашка, Далила и Примула.

Уже несколько лет опытные свиноводы убеждали мистера Уорли, что из его затеи с разведением свиней ничего не выйдет. Если браться за это всерьез, говорили они, то нужно построить настоящий свинарник, а рассовывать свиноматок по каким-то перестроенным конюшням — последнее дело. И уже несколько лет любимицы мистера Уорли производили на свет рекордное число поросят и нежно их вскармливали. Все они без исключения были заботливыми матерями, не пожирали новорожденных и не придавливали их по небрежности, так что через восемь недель, как по расписанию, мистер Уорли отправлял на рынок двенадцать упитанных поросят.

Наверное, фермерам из-за этого пиво в горло не шло: ни у кого из них свиньи не приносили столько здоровых поросят, к тому же (что делало пилюлю еще более горькой) хозяин «Лангторпского водопада» переселился сюда из какого-то промышленного города (Галифакса, если не ошибаюсь) — бывший владелец газетного киоска, хилый и близорукий, не имевший никакого понятия о сельском хозяйстве. По всем законам природы у него ничего не должно было получаться.

Мы вышли со двора и направились к тихому перекрестку, где я оставил машину. Чуть дальше шоссе круто ныряло в заросший деревьями овраг, где Дарроу бурлила и пенилась, стремительно переливаясь через зубчатый порог, преградивший ей путь. С того места, где я стоял, реки не было видно, но до меня доносились слабые отголоски ее рева, и перед моим мысленным взором из кипящей воды поднималась отвесная черная

скала, а за ней виднелся травянистый откос противоположного берега, куда горожане приезжали полюбоваться водопадом.

Вот и теперь почти рядом с нами остановился большой сверкающий автомобиль. Пассажиры вылезли, и сидевший за рулем внушительный толстяк, подойдя к нам, объявил:

— Мы хотели бы выпить чаю.

Мистер Уорли негодуя поглядел на него:

— И выпьете, мистер! Когда я освобожусь. У меня с этим джентльменом важный разговор.

Повернувшись к нему спиной, он начал подробно расспрашивать меня, как еще можно полечить ногу Принцессы.

Толстяк явно растерялся, и я хорошо его понимал. На мой взгляд, мистер Уорли мог проявить больше такта — ведь, в конце-то концов, он, как владелец гостиницы, был обязан поить и кормить людей. Однако, узнав его покороче, я понял, что главным для него были свиньи, а все остальное относилось к числу досадных помех.

Короткость с мистером Уорли имела свои положительные стороны. Я люблю пропустить кружечку пива не вечером, когда открываются питейные заведения, а эдак в половине пятого, на исходе жаркого дня после возни с молодыми бычками в душном коровнике. Обливаясь потом, совсем измочаленный, с каким наслаждением укрывался я в заветной кухне мистера Уорли и маленькими глоточками попивал горький эль прямо со льда. Мистер Уорли ставил высокий кувшин на стол, располагался возле и говорил: «Ну, а теперь немножечко похрюкаем!» Его любовь к этой фразе заставила меня заподозрить, что он относится к собственному маниакальному увлечению свинным племенем не без юмора. Но как бы то ни было, наши беседы доставляли ему живейшее удовольствие.

Мы толковали о роже и чуме у свиней, об отравлении поваренной солью и паратифе, о сравнительных достоинствах сухих и запаренных кормов, а со стен на нас взирали портреты его несравненных свинок с изящными розетками, полученными на выставках.

Как-то во время особенно горячего обсуждения вентиляции помещений, предназначенных для опороса, мистер Уорли внезапно умолк и, отчаянно моргая за толстыми стеклами очков, сказал проникновенным голосом:

— А знаете, мистер Хэрриот, когда я сижу вот тут с вами и разговариваю, так я счастливей короля!

Его страсть приводила к тому, что он вызывал меня по всяким пустякам, и я невольно выругался себе под нос, когда его голос донесся

однажды из телефонной трубки в час ночи:

— Ромашка днем опоросилась, мистер Хэрриот, только, по-моему, у нее не хватает молока. Поросятки, мне кажется, совсем изголодались. Вы не приедете?

Постанывая, я выбрался из кровати, спустился вниз и побрел через сад к гаражу. К тому времени, когда машина выехала из проулка, я начал малопомалу просыпаться и, остановившись у гостиницы, уже смог поздороваться с мистером Уорли достаточно бодро. Но бедняга даже не ответил. Свет керосинового фонаря озарял его осунувшееся от тревоги лицо.

— Надеюсь, вы сумеете помочь ей быстро. Я очень за нее беспокоюсь: лежит как каменная, а поросятки преотличные. Целых четырнадцать!

Я понял его волнение, едва заглянув в закуток. Ромашка неподвижно лежала на боку, а крохотные поросята толклись у ее сосков. Они бросали один, хватали другой, повизгивали и опрокидывали друг друга в тщетной попытке утолить голод. Их тельца выглядели тощими и дряблыми — верный признак, что желудки у них пусты. Мысль, что новорожденные поросята погибнут просто потому, что мать их не кормит, была мне невыносима — но это могло произойти так легко! Скоро они оставят попытки сосать и бессильно лягут на пол. А тогда их уже не спасти.

Присев на корточки, я поставил Ромашке термометр и оглядел ее вздутый бок в рыжей щетине, отливавшей под фонарем медью.

— Она что-нибудь сегодня ела?

— Очистила корытце, как всегда.

Температура оказалась нормальной. Я начал водить руками по соскам, по очереди оттягивая их. Изнывающие от голода поросята вцеплялись острыми зубками мне в пальцы, когда я отодвигал их в сторону. Но, несмотря на все мои усилия, я не сумел выжать ни капли молока. Вымя казалось полным, даже раздутым, и все-таки ни единой капельки.

— У нее же там сухо, верно? — испуганно прошептал мистер Уорли.

Я встал и повернулся к нему:

— Это просто агалактия. Мастита нет, и Ромашка не больна, но что-то тормозит отпускну рефлекс. Молока у нее много, сейчас мы ей кое-что впрыснем, и оно пойдет.

Говоря это, я пытался придать своему лицу непроницаемое выражение, потому что готовился к одному из любимейших моих салонных фокусов. В подобных случаях инъекция питуитрина оказывает поистине волшебное действие. Она срабатывает не позже чем через минуту и, хотя не требует никакого искусства, впечатление производит крайне эффектное.

Ромашка не возмутилась, когда я вогнал иглу глубоко ей в бедро и ввел три кубика внутримышечно. Она была всецело поглощена беседой со своим хозяином — почти соприкасаясь носами, они обменивались нежными похрюкиваниями.

Я убрал шприц, немного послушал, как они воркуют, и решил, что торжественный момент наступил. Я снова нагнулся к соскам, и мистер Уорли уставился на меня в изумлении:

— Что вы делаете?

— Проверяю, не пошло ли молоко.

— Откуда, черт подери! Вы же ее только-только укололи, а у нее там все сухо!

Такой зачин превзошел все мои ожидания. Для полного триумфа мне не хватало только барабанной дроби. Я зажал в пальцах один из напряженных задних сосков. Вероятно, где-то в глубине души я позер, потому что в подобных обстоятельствах всегда стараюсь брызнуть молоком на противоположную стену. На этот раз я для пущего эффекта решил направить струйку мимо левого уха хозяина гостиницы, но немного не рассчитал и оросил его очки.

Он снял их и начал медленно протирать, словно не веря своим глазам.

Потом нагнулся и сам потянул за сосок.

— Да это же чудо! — воскликнул он, когда молоко щедро потекло на его ладонь. — В жизни такого не видывал!

Поросята мигом разобрались в ситуации. Не прошло и нескольких секунд, как драки и визг прекратились, они улеглись ровным рядом и наступила тишина. Блаженное выражение их мордочек свидетельствовало, что они лихорадочно наверстывают упущенное время.

Многие фермы не оповещают проезжих о своем названии, а потому было очень приятно увидеть на воротах надпись большими черными буквами: «Хестон-Грейндж».

Я вылез из машины и поднял щеколду. Ворота тоже были в полном порядке — створки распахнулись сами и тем избавили меня от необходимости открывать их, подпирая плечом. У подножия склона я увидел солидный дом из серого камня и с парой эркеров, которые добавил какой-то преуспевающий владелец в викторианские времена.

Он стоял на ровном лугу в излучине реки, и сочная зелень травы, безмятежное плодородие окружающих полей резко контрастировали с суровыми холмами на заднем плане. Могучие дубы и вязы укрывали дом, а нижняя часть склона густо поросла соснами.

Я направился к службам, как обычно, громким голосом возвещая о своем приезде. Подходить к двери дома, стучать и спрашивать хозяина не полагалось — некоторые усматривали в таком вопросе завуалированное оскорбление. Хорошего фермера застать дома можно только за завтраком, обедом и ужином. Но на мои крики никто не отозвался, а потому я все-таки поднялся на крыльцо и постучал в дверь под потемневшей от времени каменной аркой.

— Войдите! — сказал чей-то голос. Я открыл дверь и очутился в огромной выложенной широкими плитами кухне, где с потолка свисали окорока и большие куски копченой грудинки. Темноволосая девушка в клетчатой блузке и зеленых полотняных брюках месила тесто в квашне. Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Извините, что я не могла вам открыть. Но у меня неотложное дело. — И подняла руки, по локоть выбеленные мукой.

— Пустяки. Моя фамилия Хэрриот. Я приехал посмотреть теленка. Он, кажется, охромел?

— Да, мы думаем, что он сломал ногу. Наверное, на бегу неудачно ступил в ямку. Если вы минуту подождете, я вас провожу. Отец с работниками в поле. Да, кстати, я же не назвалась! Хелен Олдерсон.

Она вымыла руки, вытерла их и достала пару резиновых сапожек.

— Домеси тесто, Мег, хорошо? — сказала она старухе, которая вошла в кухню из внутренней двери. — Мне надо показать мистеру Хэрриоту теленка.

Во дворе она со смехом обернулась ко мне:

— Боюсь, нам придется порядочно прогуляться. Он в верхнем сарае, вон там, видите? — И указала на приземистое каменное строение почти у самой вершины холма.

Как хорошо мне были знакомы эти «верхние сараи», принадлежность любой фермы, расположенной в холмах! Взбираясь к ним, я успевал как следует размять ноги. Их использовали для хранения сена и разного инвентаря, а при необходимости в них укрывался скот с верхних пастбищ.

Я посмотрел на девушку.

— Ничего. Я не против такой прогулки. Совсем не против.

Мы пошли через луг к узенькому мосту через речку, и, переходя его следом за моей проводницей, я подумал, что новомодная манера женщин носить брюки во многих отношениях заслуживает полного одобрения, хотя и возмущает людей с консервативными взглядами. Тропинка вела вверх через сосновый лес, где между темными стволами дрожали узоры солнечного света. Шум реки замирал в отдалении; наши ноги неслышно ступали по ковру опавшей хвои, и прохладную тишину нарушали только птичьи трели. Мы шли быстро и через десять минут опять оказались под жаркими лучами солнца на открытом вересковом склоне. Тут тропа круто устремилась вверх, огибая каменные выступы. Я уже пыхтел, но девушка шагала по-прежнему легко и быстро. Наконец мы добрались до ровной вершины, и я с облегчением вновь увидел сарай.

Приоткрыв створку двери, я с трудом рассмотрел своего пациента в полумраке, душном от аромата сена, громоздившегося до самого потолка. Теленок выглядел очень маленьким, и, когда он попытался сделать несколько шагов на трех ногах, вид у него был самый жалобный: одна из передних ног беспомощно болталась, задевая солому, усыпавшую пол.

— Вы не поддержите ему голову, пока я буду его осматривать? — попросил я.

Девушка умело ухватила теленка одной рукой под мордочку, другой — за ухо. Пока я ощупывал ногу, малыш весь дрожал, испуганный и несчастный.

— Что же, диагноз вы поставили верно. Простой перелом, правда и лучевой, и локтевой костей, но они почти не сместились, и с гипсовой повязкой все скоро будет в порядке. — Я открыл сумку, достал гипсовые бинты, набрал в ведро воды из бившего неподалеку ключа, намочил один бинт и наложил повязку, потом намочил второй, потом третий, пока нога от локтевого бугра до запястья не оказалась в белом быстро твердеющем лубке.

— Подождем несколько минут, чтобы гипс схватило как следует, а потом малыша можно будет пустить на свободу.

Я то и дело постукивал по гипсу, пока не убедился, что он стал совершенно каменным, и тогда сказал:

— Ну вот и все. Его уже можно не держать.

Девушка отпустила руки, и теленок засеменил прочь.

— Посмотрите! — воскликнула она. — Он уже наступает на эту ногу. И очень приободрился, верно?

Я удовлетворенно улыбнулся. Теперь, когда концы сломанных костей были плотно соединены, теленок больше не испытывал боли и гнетущий страх, который у животных всегда сопутствует физическим страданиям, исчез как по волшебству.

— Да, — начал я, — он действительно очень оживился... — Тут мой голос утонул в густом мычании, и в голубом квадрате над нижней створкой двери появилась огромная голова. Два больших томных глаза с тревогой уставились на теленка; он тоненько замычал, и начался оглушительный дуэт.

— Это его мать! — объяснила девушка, стараясь перекрыть их. — Она, бедняга, все утро тут бродила, не понимая, что мы сделали с ее теленком. Она просто не выносит, когда ее с ним разлучают.

— Ну теперь ее можно впустить, — сказал я и отодвинул засов.

Могучая корова ринулась в сарай, чуть не сбив меня с ног, и принялась тщательно обнюхивать теленка, толкала его мордой и испускала низкие горловые звуки. Малыш с большим удовольствием подвергался этому осмотру, а потом, когда корова успокоилась, прихрамывая, добрался до вымени и начал жадно сосать.

— Ну, аппетит к нему быстро вернулся, — сказал я, и мы засмеялись. Я бросил пустые жестянки из-под бинтов в сумку и закрыл ее. — Ему придется носить повязку около месяца. Позвоните тогда, и я приеду снять ее. А пока приглядывайте, чтобы кожа у края гипса не воспалилась.

За дверью сарая нас обдала волна солнечного света и душистого теплого воздуха. Я обернулся и посмотрел через долины на окутанные полуденным маревом высокие вершины холмов, а травянистый склон у моих ног круто уходил вниз к деревьям, между которыми поблескивала река.

— До чего же здесь наверху хорошо! — сказал я. — Только взгляните на овраг вон там — ведь это почти ущелье, и этот огромный холм вы, наверное, называете горой, — и я указал на великана, гордо возносившего свои вересковые плечи над всеми остальными.

— Это Хескит. Его высота почти две с половиной тысячи футов. А тот за ним — Эдлтон. И еще Уэддер в той стороне, и Колвер, и Сеннор. — Она произносила эти звучные названия с нежностью в голосе, как будто говорила о старых друзьях.

Мы сели на теплую траву. Легкий ветерок колыхал венчики полевых цветов, Где-то кричал кроншнеп. Дарроуби, Скелдейл-Хаус и ветеринария отодвинулись в неизмеримую даль.

— Вам просто повезло, что вы живете здесь, — сказал я. — Но, думаю, вы это и без меня знаете.

— Да, я люблю здешние края. Нигде нет ничего на них похожего! — Она замолчала и неторопливо посмотрела по сторонам. — Я рада, что вам они тоже нравятся. Приезжие обычно находят их слишком дикими и голыми. Так и кажется, что они их пугают.

Я засмеялся.

— Да, я замечал, но сам я могу только пожалеть тех ветеринаров, которые вынуждены работать вдали от йоркширских холмов.

Я заговорил о своей работе, потом как-то незаметно начал вспоминать студенческие дни, рассказывать ей об этих счастливых временах, о моих тогдашних друзьях, о наших надеждах и чаяниях.

Такая несвойственная мне словоохотливость изумила меня самого, и я смутился, подумав, что ей, наверное, скучно меня слушать. Но она тихо сидела, обхватив руками ноги в зеленых брюках, смотрела на мирную долину и слушала, словно ей было интересно. И смеялась там, где следовало смеяться.

Я с удивлением поймал себя на нелепой мысли, что с радостью забыл бы про остальные вызовы и остался бы сидеть здесь, на этом солнечном склоне. До чего же давно я не разговаривал с девушкой моего возраста! Я даже забыл, как это бывает.

По тропке мы спустились медленно и не ускорили шага в лесу, и все-таки мне показалось, что не прошло и минуты, как деревянный мост остался позади и мы очутились во дворе фермы. Я открыл дверцу машины.

— Так, значит, мы увидимся через месяц.

Какой это, оказывается, долгий срок!

Она улыбнулась:

— Спасибо за теленка.

Я включил мотор, она помахала мне и вошла в дом.

— Хелен Олдерсон? — сказал Зигфрид за обедом. — Конечно, я ее знаю. Очень милая девушка.

Тристан, сидевший напротив, промолчал, но положил нож и вилку,

благоговейно возвел глаза к потолку и негромко присвистнул. Потом опять принялся за еду.

— Да, я ее хорошо знаю, — продолжал Зигфрид. — И очень уважаю. Ее мать умерла несколько лет назад, и весь дом держится на ней. Она и готовит, и заботится об отце. А кроме того, у нее на руках младший брат и сестра. — Он положил себе еще картофельного пюре. — Поклонники? Ну, от поклонников у нее отбоя нет, но жениха она себе как будто пока не нашла. Разборчивая девушка, должен сказать.

Пока мы завтракали, я глядел, как за окном в лучах восходящего солнца рассеивается осенний туман. День снова обещал быть ясным, но старый дом в это утро пронизывала какая-то промозглость, словно нас тронула холодная рука, напоминая, что лето прошло и надвигаются тяжелые месяцы.

— Тут утверждают, — заметил Зигфрид, аккуратно прислоня номер местной газеты к кофейнику, — что фермеры относятся к своим животным бесчувственно.

Я перестал намазывать сухарик маслом.

— То есть жестоко с ними обращаются?

— Ну, не совсем. Просто автор статьи утверждает, что для фермера скотина — только источник дохода, чем все и определяется, а об эмоциях, о привязанности не может быть и речи.

— И правда, что получилось бы, если бы фермеры походили на беднягу Кита Билтона? Свихнулись бы все до единого.

Кит был шофером грузовика и, как многие жители Дарроуби, откармливал в саду боровка для домашнего употребления. Но когда наступал срок его колоть, Кит плакал по три дня напролет. Как-то я зашел к нему в один из таких дней. Его жена и дочь разделявали мясо для пирогов и засолки, а сам Кит уныло притулился у кухонного очага, утирая глаза. Он был дюжим силачом и без малейшего видимого усилия забрасывал в кузов своей машины тяжеленные мешки, но тут он вцепился в мою руку и всхлипнул: «Я не выдержу, мистер Хэрриот! Он же был просто как человек, наш боровок, ну просто как человек!»

— Не спорю! — Зигфрид отрезал себе порядочный ломоть от каравая, испеченного миссис Холл. — Но ведь Кит не настоящий фермер. А это статья о владельцах больших стад. Вопрос ставится так: способны ли они привязываться к своим животным? Могут ли у фермера, выдаивающего за день по пятьдесят коров, быть среди них любимицы, или они для него — просто аппараты, производящие молоко?

— Да, интересно, — сказал я. — Но, по-моему, вы совершенно верно указали на роль численности. Скажем, у фермеров в холмах коровы нередко наперечет. И они всегда дают им клички — Фиалка, Мейбл, а недавно мне пришлось смотреть даже Селедочку. По-моему, мелкие фермеры действительно привязываются к своим животным по-настоящему,

но вряд ли можно сказать то же самое о хозяине большого стада.

Зигфрид встал и со вкусом потянулся.

— Пожалуй, вы правы. Ну так сегодня я посылаю вас к владельцу очень большого стада. В Деннэби-Клоуз к Джону Скиптону. Подпилить зубы. Пара старых лошадей приболела. Но лучше захватите полный набор инструментов — ведь причина может оказаться любой.

Я прошел по коридору в комнатушку, где хранились инструменты, и обозрел те, которые предназначались для лечения и удаления зубов. Занимаясь зубами лошадей и коров, я всегда ощущал себя средневековым коновалом — а в эпоху рабочей лошади превращаться в дантиста приходилось постоянно. Чаще всего надо было удалять «волчьи зубы» у стригунов и двухлеток. Волчьими зубами, уж не знаю почему, называют маленькие зубы, иногда вырастающие перед коренными, и если жеребенок хирел, хозяин не сомневался, что вся беда — от волчьего зуба.

Ветеринар мог до пены у рта втолковывать, что этот крохотный рудимент никак не способен повлиять на здоровье лошади, а дело, по-видимому, в глистах — фермеры упрямо стояли на своем, и зуб приходилось удалять.

Продельывали мы это следующим образом: лошадь заводили в угол, приставляли к зубу раздвоенный металлический стержень и резко били по нему нелепо большим деревянным молотком. У этих зубов почти нет корня и операция особой боли не причиняла, но лошадь отнюдь ей не радовалась, и обычно при каждом ударе возле наших ушей взметывались копыта передних ног.

А после того как мы завершали операцию и объясняли фермеру, что занялись этой черной магией, только потакая его суеверию, лошадь, словно назло, сразу же шла на поправку и обретала цветущее здоровье. Как правило, фермеры бывают сдержанны и не слишком хвалят наши успехи из опасения, как бы мы не прислали счет побольше, но в этих случаях они забывали про осторожность и кричали нам на всю рыночную площадь: «Э-эй! Помните жеребчика, которому вы вышибли волчий зуб? Такой ядреный стал, просто загляденье. Сразу излечился!»

Я еще раз с отвращением поглядел на разложенные зубные инструменты — жуткие клещи с двухфутовыми ручками, щерящиеся зазубринами щипцы, зевники, молотки и долота, напильники и рашпили — ну просто мечта испанского инквизитора! Для перевозки мы укладывали их в деревянный ящик с ручкой, и я, пошатываясь, дотащил до машины порядочную часть нашего арсенала.

Ферма, на которую я ехал, Деннэби-Клоуз, была не просто

зажиточным хозяйством, а подлинным символом человеческой целеустремленности и упорства. Прекрасный старинный дом, добротные службы, отличные луга на нижних, склонах холма — все доказывало, что старый Джон Скиптон осуществил невозможное и из неграмотного батрака стал богатым землевладельцем.

Чудо это досталось ему нелегко: за спиной старика Джона была долгая жизнь, полная изнурительного труда, который убил бы любого другого человека, — жизнь, в которой не нашлось места ни для жены, ни для семьи, ни для малейшего комфорта. Однако даже такие жертвы вряд ли обеспечили бы ему достижение заветной цели, если бы не удивительное земледельческое чутье, давно превратившее его и местную легенду. «Пусть хоть весь свет идет одной дорогой, а я пойду своей», — такое, среди множества других, приписывалось ему высказывание, и действительно скиптоновские фермы приносили доход даже в самые тяжелые времена, когда соседи старика разорялись один за другим. Кроме Деннэби Джону принадлежали еще два больших участка отличной земли примерно по четыреста акров каждый.

Победа осталась за ним, но, по мнению некоторых, одерживая ее, он сам оказался побежденным. Он столько лет вел непосильную борьбу и выжимал из себя все силы, что уже никак не мог остановиться. Теперь ему стали доступны любые удовольствия, но у него на них просто не хватало времени. Поговаривали, что самый бедный из его работников ест, пьет и одевается куда лучше, чем он сам.

Я вылез из машины и остановился, разглядывая дом, словно видел его впервые, и в который раз дивясь его благородству и изяществу, ничего не потерявшим за триста с лишним лет в суровом климате. Туристы специально делали большой крюк, чтобы полюбоваться Деннэби-Клоузом, сфотографировать старинный господский дом, высокие узкие окна с частым свинцовым переплетом, массивные печные трубы, вздымающиеся над замшелой черепичной крышей, или просто побродить по запущенному саду и подняться по широким ступенькам на крыльцо, где под каменной аркой темнела тяжелая дверь, усаженная шляпками медных гвоздей.

Из этого стрельчатого окна следовало бы выглядывать красавице в коническом головном уборе с вуалью, а под высокой стеной с зубчатым парпетом мог бы прогуливаться кавалер в кружевном воротнике и кружевных манжетах. Но ко мне торопливо шагал только старый Джон в перепоясанной куском бечевки старой рваной куртке без единой пуговицы.

— Зайдите-ка в дом, молодой человек! — крикнул он. — Мне надо с вами по счету расплатиться.

Он свернул за угол к черному ходу, и я последовал за ним, размышляя, почему в Йоркшире обязательно оплачивают «счетец», а не счет. Через кухню с каменным полом мы прошли в комнату благородных пропорций, но обставленную крайне скудно: стол, несколько деревянных стульев и продавленная кушетка.

Старик протопал к каминной полке, вытащил из-за часов пачку бумаг, полистал их, бросил на стол конверт, затем достал чековую книжку и положил ее передо мной. Я, как обычно, вынул счет, написал на чеке сумму и пододвинул книжку к старику. Выдубленное погодой лицо с мелкими чертами сосредоточенно нахмурилось, и, наклонив голову так низко, что козырек ветхой кепки почти задевал ручку, он поставил на чеке свою подпись. Когда он сел, штанины задрались, открыв тощие икры и голые лодыжки — тяжелые башмаки были надеты на босу ногу.

Едва я засунул чек в карман, Джон вскочил.

— Нам придется пройти до реки: лошадки там.

И он затрусил через кухню.

Я выгрузил из багажника ящик с инструментами. Странно! Каждый раз, когда нужно нести что-нибудь потяжелее, мои пациенты оказываются где-нибудь в отдалении, куда на машине не доберешься! Ящик был словно набит свинцовыми слитками и не обещал стать легче за время прогулки через огороженные пастбища.

Старик схватил вилы, вогнал их в порядочный тюк спрессованного сена, без малейшего усилия вскинул его на плечо и двинулся вперед все той же бодрой рысцой. Мы шли от ворот к воротам, иногда пересекая луг по диагонали. Джон не замедлял шага, а я еле поспевал за ним, пыхтя и старательно отгоняя мысль, что он старше меня по меньшей мере на пятьдесят лет.

Примерно на полпути мы увидели работников, заделывавших пролом в одной из тех каменных стенок, которые повсюду здесь исчерчивают зеленые склоны холмов. Один из работников оглянулся.

— Утро-то какое погожее, мистер Скиптон! — весело произнес он напевным голосом.

— Чем утра-то разбирать, лучше бы делом занимался! — проворчал в ответ старый Джон, но работник только улыбнулся, словно услышал самую лестную похвалу.

Я обрадовался, когда мы наконец добрались до поймы. Руки у меня, казалось, удлинились на несколько дюймов, по лбу ползла струйка пота. Но старик Джон словно бы нисколько не устал. Легким движением он сбросил вилы с плеча, и тюк сена плюхнулся на землю.

На этот звук в нашу сторону обернулись две лошади. Они стояли рядом на галечной отмели, там, где зеленый дерн переходил в маленький пляж. Головы их были обращены в противоположные стороны, и обе ласково водили мордой по спине друг друга, а потому не заметили нашего приближения. Высокий обрыв на том берегу надежно укрывал это место от ветра, а справа и слева купы дубов и буков горели золотом и багрецом в лучах осеннего солнца.

— Отличное у них пастбище, мистер Скиптон, — сказал я.

— Да, в жару им тут прохладно, а на зиму вон для них сарай, — и он указал на приземистое строение с толстыми стенами, и единственной дверью. — Хотят — стоят там, хотят — гуляют.

Услышав его голос, лошади тяжело затрусили к нам, и стало видно, что они очень старые. Кобыла когда-то была каурой, а мерин — буланым, но их шерсть настолько поседела, что теперь оба они выглядели чалыми. Особенно сказался возраст на мордах. Пучки совсем белых волос, проваленные глаза и темные впадины над ними — все свидетельствовало о глубокой дряхлости.

Тем не менее с Джоном они повели себя прямо-таки игриво: били передними копытами, потряхивали головой, нахлобучивая ему кепку на глаза.

— А ну отвяжитесь! — прикрикнул он на них. — Совсем свихнулись на старости лет! — Но он рассеянно потянул кобылу за челку, а мерина потрепал по шее.

— Когда они перестали работать? — спросил я.

— Да лет эдак двенадцать назад.

— Двенадцать лет назад! — Я с недоумением уставился на Джона. — И с тех пор они все время проводят тут?

— Ну да. Отдыхают себе, вроде как на пенсии. Они и не такое заслужили.

— Старик помолчал, сгорбившись, глубоко засунув руки в карманы куртки. — Работали хуже каторжных, когда я работал хуже каторжного. — Он поглядел на меня, и я вдруг уловил в белесо-голубых глазах тень тех мучений и непосильного труда, который он делил с этими лошадьми.

— И все-таки... двенадцать лет! Сколько же им всего?

Губы Джона чуть дрогнули в уголках.

— Вы же ветеринар, вот вы мне и скажите.

Я уверенно шагнул к лошадям, спокойно перебирая в уме формы чашечки, степень стирания, угол стирания и все прочие признаки возраста; кобыла безропотно позволила мне оттянуть ей верхнюю губу и посмотреть

ее зубы.

— Господи! — ахнул я. — В жизни ничего подобного не видел!

Неимоверно длинные резцы торчали вперед почти горизонтально, смыкаясь под углом не больше сорока пяти градусов. От чашечек и помину не осталось. Они бесследно стерлись. Я засмеялся и поглядел на старика.

— Тут можно только гадать. Лучше скажите мне сами.

— Ей, значит, за тридцать перевалило, а мерин, он ее года на два помоложе. Она принесла пятнадцать жеребят, один другого лучше, и никогда не болела, вот только с зубами бывал непорядок. Мы их уже два подпиливали, и теперь опять пора бы. Оба тощуют, и сено изо рта роняют. Мерину совсем худо приходится. Никак не прожует свою порцию.

Я сунул руку в рот кобылы, ухватил язык и отодвинул его в сторону. Быстро ощупав коренные зубы другой рукой, я нашел именно то, чего ожидал. Внешние края верхних зубов сильно отросли, зазубрились и задевали щеки, а у нижних коренных отросли внутренние края и царапали язык.

— Что же, мистер Скиптон, ей помочь нетрудно. Вот подпилем острые края, и она будет как молоденькая.

Из своего огромного ящика я извлек рашпиль, одной рукой прижал язык и принялся водить по зубам грубой насечкой, время от времени проверяя пальцами, достаточно ли спилено.

— Ну вот, вроде все в порядке, — сказал я через несколько минут. — Особенно заглаживать не стоит, а то она не сможет перетирать корм.

— Сойдет, — буркнул Джон. — А теперь поглядите мерина. С ним что-то нехорошо.

Я пощупал зубы мерину.

— То же самое, что у кобылы. Сейчас и он будет молодцом.

Но водя рашпилем, я все тревожнее ощущал, что дело отнюдь не так просто. Рашпиль не входил в рот на полную длину, что-то ему мешало. Я положил рашпиль и сунул руку в рот, стараясь достать как можно глубже. И вдруг наткнулся на нечто непонятное, чему там быть совсем не полагалось: словно из неба торчал большой отросток кости.

Нужно было осмотреть рот как следует. Я достал из кармана фонарик и посветил им через корень языка. Сразу все стало ясно. Последний верхний коренной зуб сидел дальше, чем нижний, и в результате его дальняя боковая стенка чудовищно разрослась, образовав изогнутый шип дюйма три длиной, который впивался в нежную ткань десны.

Его необходимо было убрать немедленно. Моя небрежная уверенность исчезла, и я с трудом подавил дрожь. Значит, придется пустить в ход

страшные клещи с длинными ручками, затягивающиеся с помощью барашка.

При одной мысли о них у меня по коже побежали мурашки. Я не выношу, когда при мне кто-нибудь хлопает надутым воздушным шариком, а это было то же самое, только в тысячу раз хуже. Накладываешь острые края клещей на зуб и начинаешь медленно-медленно поворачивать барашек. Вскоре под огромным давлением зуб начинает скрипеть и похрустывать. Это означает, что он вот-вот обломится с таким треском, словно кто-то выстрелил у тебя над ухом, и уж тут держись — в лошадь словно сам дьявол вселяется. Правда, на этот раз передо мной был тихий старый мерин и я мог хотя бы не опасаться, что он начнет танцевать на задних ногах. Боли лошади не испытывали — нерва в возрасте не было, — а бесились только от оглушительного треска.

Вернувшись к ящику, я взял пыточные клещи и зевник, наложил его на резцы и вращал храповик, пока рот не раскрылся во всю ширь. Теперь зубы можно было разглядеть в подробностях, и, разумеется, я тут же обнаружил точно такой же вырост с другой стороны. Прелестно! Прелестно! Значит, мне придется сломать два зуба!

Старый конь стоял покорно, полузакрыв глаза, словно он на своем веку видел все и ничто на свете его больше потревожить не может. Внутренне сжавшись, я делал то, что полагалось. И вот раздался отвратительный треск, глаза широко раскрылись, показав обводку белков, однако лишь с легким любопытством, — мерин даже не пошевелился. А когда я повторил то же со вторым зубом, он даже не раскрыл глаз. Собственно говоря, пока я не извлек зевник, можно было подумать, что старый конь зевает от скуки.

Я принялся укладывать инструменты, а Джон подобрал с травы костяные шины и с интересом рассмотрел их.

— Бедняга, бедняга! Хорошо, что я вас пригласил, молодой человек. Теперь ему, верно, станет легче.

На обратном пути старый Джон, избавившись от сена и опираясь на вилы, как на посох, шел вверх по склону вдвое быстрее, чем вниз. Я еле поспевал за ним, пыхтя и то и дело перекладывая ящик из руки в руку.

На полпути я его уронил и получил таким образом возможность перевести дух. Старик что-то раздраженно проворчал, но я оглянулся и увидел далеко внизу обеих лошадей. Они вернулись на отмель и затеяли игру — тяжело гонялись друг за другом, разбрызгивая воду. Темный обрыв служил отличным фоном для этой картины, подчеркивая серебряный блеск реки, бронзу и золото деревьев, сочную зелень травы.

Во дворе фермы Джон неловко остановился. Он раза два кивнул,

сказал: «Спасибо, молодой человек», резко повернулся и ушел.

Я с облегчением укладывал ящик в багажник и вдруг увидел работника, который окликнул нас, когда мы шли к реке. Он устроился в солнечном уголке за кипой пустых мешков и, все так же сияя улыбкой, доставал из старого армейского ранца пакет с едой.

— Пенсионеров, значит, навещали? Ну уж старый Джон туда дорогу хорошо знает!

— Он часто к ним туда ходит?

— Часто? Да каждый божий день! Хоть дождь, хоть снег, хоть буря, он туда ходит, ни дня не пропустит. И обязательно чего-нибудь с собой прихватит — мешок зерна или соломки им подстелить.

— И так целых двенадцать лет?

Он отвинтил крышку термоса и налил себе кружку чернильно-черного чая.

— Ага. Эти коняги двенадцать лет ничего не делают, а ведь он мог бы получить за них у живодера неплохие денежки. Удивительно, а?

— Вы правы, — сказал я. — Удивительно.

Но насколько удивительно, я сообразил только на обратном пути домой. Мне вспомнился утренний разговор с Зигфридом, когда мы решили, что фермер, у которого много скотины, не способен испытывать привязанность к отдельным животным. Однако за моей спиной в коровниках и конюшнях Джона Скиптона стояли, наверное, сотни голов рогатого скота и лошадей.

Так что же заставляет его день за днем спускаться к реке в любую погоду? Почему он окружил последние годы этих двух лошадей покоем и красотой? Почему он дал им довольство и комфорт, в которых отказывает себе? Что им движет?

Что, как не любовь?

Казалось бы, миллионеру нет смысла заполнять купоны футбольного тотализатора, но в жизни Харолда Денема этому занятию отводилось одно из главных мест. И оно скрепило наше знакомство, так как Харолд, несмотря на любовь ко всяческим тотализаторам, в футболе не смыслил ровно ничего, ни разу не побывал ни на одном матче и не мог бы назвать ни единого игрока высшей лиги. Вот почему, когда он обнаружил, что я со знанием дела рассуждаю об играх даже самых захудалых команд, уважение, с которым он всегда ко мне относился, превратилось в почтительное благоговение.

Познакомили нас, разумеется, его любимцы и питомцы. У него было множество всевозможных собак, кошек, кроликов, птичек, и золотых рыбок, а потому я, естественно, стал частым гостем на пыльной вилле, викторианские башенки которой, встававшие над зеленью парка, были видны из самых разных мест в окрестностях Дарроуби. Вначале мои визиты словно бы носили самый обычный характер — то фокстерьер поранил лапу, то старую серую кошку беспокоил ее ринит, — но затем меня стали одолевать сомнения. Слишком уж часто он вызывал меня по средам, когда подходил срок отсылки купонов, а недомогание очередного четвероногого или пернатого оказывалось настолько пустяковым, что у меня волей-неволей возникло подозрение, не находится ли животное в полном здравии и не нуждается ли Харолд в консультации для своих ответов.

В тот день, о котором пойдет речь, он попросил меня посмотреть суку немецкого дога, которая только что ощенилась и выглядела не очень хорошо. Случилось это не в среду, а потому я решил, что с ней, пожалуй, действительно приключилось что-нибудь серьезное, и поспешил туда. Харолд, как обычно, заговорил со мной на любимую тему — у него был чрезвычайно приятный голос, звучный, выразительный, неторопливый, как у проповедующего епископа, и я в сотый раз подумал, что названия футбольных команд, произносимые словно с церковной кафедры под аккорды органа, производят удивительно комичное впечатление.

— Не могу ли я попросить у вас совета, мистер Хэрриот? — начал он, когда мы прошли через кухню в длинный, плохо освещенный коридор. — Я пытаюсь решить, кого следует прогнозировать как победителя: «Сандерленд» или «Астон-Виллу»?

Я остановился и изобразил глубокую задумчивость, а Харолд уставился на меня в тревожном ожидании.

— Как бы вам сказать, мистер Денем, — произнес я внушительно. — «Сандерленд» имеет хорошие шансы, но мне из верных источников известно, что тетушка Рейча Картера прихворнула, и это может оказать влияние на его игру в субботу.

Харолд уныло закивал головой, потом поглядел на меня внимательнее и захохотал.

— Мистер Хэрриот, мистер Хэрриот, вы опять надо мной подшучиваете! — Он пожал мой локоть и пошел дальше, басисто посмеиваясь.

Покружив по настоящему лабиринту темных, затянутых паутиной коридоров, мы наконец добрались до маленькой охотничьей комнаты, где на низеньком деревянном помосте лежала моя пациентка. Я тотчас узнал в ней могучего немецкого дога, которого видел несколько раз во дворе во время моих предыдущих визитов. Лечить мне ее еще не приходилось, но ее присутствие здесь нанесло смертельный удар одной из моих новейших теорий — что больших собак в больших особняках не встретишь. Сколько раз я наблюдал, как из крохотных домишек на задних улицах Дарроуби пульей вылетают бульмастифы, немецкие овчарки и бобтейлы, волоча на поводке своих беспомощных владельцев, тогда как в парадных гостиных и в садах богатых особняков мне встречались только самые мелкие из терьеров. Но, конечно, Харолд во всем был оригиналом.

Он погладил суку по голове.

— Она оценилась вчера, и выделения у нее подозрительно темные. Ест она хорошо, но все-таки мне бы хотелось, чтобы вы ее осмотрели.

Доги, как большинство крупных собак, обычно отличаются флегматичностью, и, пока я измерял ей температуру, сука даже не пошевелилась. Она лежала на боку и блаженно прислушивалась к писку своих слепых щенят, которые влезали друг на друга, добираясь до набухших сосков.

— Да, температура у нее немного повышенная и выделения действительно нехорошие. — Я осторожно ощупал длинную впадину на боку. — Не думаю, чтобы там остался щенок, но все-таки лучше проверить. Не могли бы вы принести мне теплой воды, мыло и полотенце?

Когда дверь за Харолдом закрылась, я лениво оглядел охотничью. Она была немногим больше чулана и вопреки названию в ней никакого охотничьего снаряжения и оружия не хранилось, так как Харолд принципиально не признавал охоты. В стеклянных шкафах покоились

только старые переплетенные комплекты журналов «Блэквудс мэгэзин» и «Кантри лайф». Я простоял так минут десять, недоумевая, куда пропал Харолд, а потом повернулся и начал рассматривать старинную гравюру на стене. Естественно, она изображала охоту, и я задумался над тем, почему на них так часто изображены лошади, переносящиеся через ручей, и почему у этих лошадей обязательно такие невозможно длинные ноги, как вдруг позади меня послышался легкий рык — утробный рокот, негромкий, но угрожающий.

Я оглянулся и увидел, что сука очень медленно поднимается со своего ложа — не так, как обычно встают собаки, но словно ее поднимают на невидимых стропах, перекинутых через блоки в потолке: ноги выпрямлялись почти незаметно, тело было напряжено, шерсть вздыбилась. Все это время она не сводила с меня немигающего свирепого взгляда, и впервые в жизни я понял смысл выражения «горящие глаза». Нечто похожее мне прежде довелось увидеть только однажды — на потрепанной обложке «Собаки Баскервильей». Тогда я подумал, что художник безбожно нафантазировал, но вот теперь на меня были устремлены два глаза, пылающие точно таким же желтым огнем.

Конечно, она решила, что я подбираюсь к ее щенкам. Ведь хозяин ушел, а этот чужак тихо стоит в углу и явно замышляет что-то недоброе. Одно было несомненно: еще две-три секунды и она бросится на меня. Я благословил судьбу, что совершенно случайно оказался почти рядом с дверью. Осторожно, дюйм за дюймом, я продвинул левую руку к дверной ручке, а собака все еще поднималась с той же ужасной медлительностью, с тем же утробным ворчанием. Я уже почти коснулся ручки и тут совершил роковую ошибку — поспешно за нее схватился. Едва мои пальцы сжали металл, собака взвилась над помостом, как ракета, и ее зубы сомкнулись на моем запястье.

Я ударил ее правым кулаком по голове, она выпустила мою руку и тут же вцепилась мне в левую ногу выше колена. Я испустил пронзительный вопль, и уж не знаю, что было бы со мной дальше, если бы я не наткнулся на единственный стул в этой комнате. Он был старый, расшатанный, но он меня спас. Когда собаке словно бы надоело грызть мою ногу и она внезапно прыгнула, целясь мне в лицо, я схватил стул и отбил ее атаку.

Дальнейшее мое пребывание в охотничьей превратилось в пародию на номер укротителя львов, и, несомненно, выглядело все это очень смешно. По правде говоря, я с тех пор не раз жалел, что эпизод не мог быть запечатлен на киноплёнке, но в те минуты, когда чудовищная собака кружила передо мной в тесной комнатухе, а у меня по ноге струилась

кровь и обороняться я мог только ветхим стулом, мне было совсем не до смеха. В ее атаках чувствовалась свирепая решимость, и ее жуткие глаза ни на миг не отрывались от моего лица.

Щенки, рассерженные внезапным исчезновением восхитительного источника тепла и питания, все девятéro слепо ползали по помосту и что есть мочи возмущенно пищали. Их вопли только подстегивали мать, и, чем громче становился писк, тем яростнее стремилась она расправиться со мной. Каждые несколько секунд она бросалась на меня, а я отскакивал и тыкал в нее стулом в стиле лучших цирковых традиций. Один раз ей, несмотря на стул, удалось прижать меня к стене. Когда она поднялась на задние ноги, ее голова оказалась почти на уровне моей и я с неприятно близкого расстояния мог полюбоваться лязгающими зубами страшной пасти.

А главное — мой стул начинал разваливаться. Собака уже без особого усилия обломила две ножки, и я старался не думать о том, что произойдет, когда он окончательно разлетится на части. Но я отвоевывал путь назад к двери, и, когда уперся спиной в ее ручку, настал момент для решающих действий. Я издал последний устрашающий крик, швырнул в собаку остатками стула и выскочил в коридор. Захлопнув дверь и прижавшись к ней спиной, я почувствовал, как она вся содрогнулась от ударившегося о нее огромного тела.

Я опустился на пол у стены, засучил штанину и начал рассматривать свои раны, и тут поперек дальнего конца коридора проследовал Харолд с дымящимся тазом в руках и с полотенцем через плечо. Теперь я понял, почему он так задержался: все это время он кружил по коридорам, возможно попросту заблудившись в собственном доме, но скорее взвешивая, какую команду назвать в качестве победителя.

В Скелдейл-Хаусе мне пришлось вытерпеть немало насмешливых замечаний по адресу моей новой моряцкой походки, но когда Зигфрид в спальне осмотрел мою ногу, улыбка сползла с его лица.

— Еще бы дюйм, черт побери! — Он тихо присвистнул. — Знаете, Джеймс, мы часто шутим, как нас в один прекрасный день обработает разъяренный пес. Ну так вот, мой милый, вы чуть было не испытали это на собственном опыте!

«Будет горячий обед и музыка!»

Я сам удивился тому, как подействовали на меня эти слова. Они пробудили множество чувств — и все приятные. Сознание, что ты чего-то добился, что ты стал своим, что ты одержал победу.

Теперь я знаю, что меня никогда не пригласят стать ректором Королевского ветеринарного колледжа, но вряд ли даже подобное приглашение доставило бы мне больше радости, чем те давние слова о горячем обеде.

Ведь они показывали, как относится ко мне типичный фермер йоркширских холмов. А это было важно. Хотя после года практики меня уже начинали считать надежным ветеринаром, я все время ощущал пропасть, которая неминуемо должна отделять этих обитателей долин и склонов от меня, уроженца большого города. Они внушали мне искреннее уважение, но меня не покидала мысль, что я для них чужой. Я понимал, насколько это неизбежно, но от такого утешения легче мне не становилось — вот почему искреннее выражение дружбы столь меня тронуло. И особенно потому, что оно исходило от Дика Рэдда.

Познакомился я с Диком прошлой зимой на крыльце Скелдейл-Хауса в такое мрачное утро, когда деревенские ветеринары сомневаются, не ошиблись ли они в выборе профессии. Ежась от вездесущего сквозняка, который оледенил в коридоре мои ноги, укрытые только пижамными брюками, я зажег свет и отпер дверь. Передо мной, опираясь на велосипед, стоял щуплый человечек в старой армейской шинели и вязаном шлеме. Позади него в желтой полосе света, падающей из двери, летели косые струи дождя.

— Вы уж извините, что я вас в такой час поднял, мистер, — сказал он. — Фамилия моя Рэдд. Я с фермы «Берчтри» в Коулстоне. У меня молодая корова телится, да только что-то у нее застопорилось. Вы бы не приехали?

Я поглядел на худое лицо, на дождевую воду, стекающую по щекам и капающую с носа.

— Хорошо, я сейчас оденусь и приеду. Но, может, вы оставите велосипед здесь и поедете со мной в машине? До Коулстона ведь четыре мили, а вы и так насквозь промокли.

— А, да ничего! — Лицо осветилось бодрой улыбкой и из-под

намокшего шлема на меня блеснула пара веселых голубых глаз. — Не возвращаться же потом за ним. Ну, я поехал. Так что вы не намного меня обгоните.

Он вскочил на велосипед и завертел педали. Жаль, что люди, считающие крестьянскую жизнь приятной и беззаботной, не видели, как его сгорбленная фигура скрылась во мраке за завесой хлещущего дождя. Ни машины, ни телефона, ночь возни с телящейся коровой, восьмимильная поездка под дождем, а с утра вновь ничего, кроме тяжелого труда. Стоило мне подумать о том, какое существование ведет мелкий фермер, и самые мои загруженные дни начинали казаться пустяками.

Наше первое знакомство завершилось тем, что на рассвете я порадовал Дика живой здоровой телочкой и после этого, с удовольствием попивая чай у него на кухне, знакомился с его детьми. Их было семеро, и, к моему удивлению, они оказались отнюдь не такими маленькими, как я предполагал. Старшей было за двадцать, младшему исполнилось десять, а я-то даже не заметил, что Дик уже пожилой человек. В смутном свете на крыльце Скелдейл-Хауса, а потом в коровнике, где горел закопченный керосиновый фонарь, я бы не дал ему больше тридцати — такими быстрыми были его движения, с такой веселой бодростью он держался. Но теперь я заметил, что жесткий ежик его волос подернут сединой, а от глаз к щекам тянется паутина морщинок.

В первые годы брака Рэдды, которые, как все фермеры, мечтали о сыновьях, с возрастающим разочарованием произвели на свет одну за другой пять дочерей.

— Мы уж было решили, что хватит, — как-то признался мне Дик.

Но тем не менее их надежды были вознаграждены, и вслед за девочками наконец родились два здоровых мальчугана. Всякий фермер трудится ради своих сыновей, и теперь у Дика появилась цель в жизни.

Познакомившись с ними поближе, я не переставал дивиться прихотям природы: все пять девушек были как на подбор рослые, крепкие красавицы и оба паренька обещали вымахать в великанов. Я переводил взгляд на их маленьких, худеньких родителей («Ну ни в него, ни в меня, что ты тут скажешь!» — говаривала миссис Рэдд) и недоумевал, откуда взялось такое чудо.

Гадал я и о том, каким образом миссис Рэдд, вооруженная только чеком за молоко от косматых коровенок Дика, умудрялась хотя бы кормить их досыта, а не то что обеспечить им такое физическое совершенство. Кое-какой ответ я получил в тот день, когда осматривал у них телят и был приглашен пообедать чем бог послал. На фермах среди холмов покупное

мясо было редкостью, и я уже хорошо знал способы наполнения голодных желудков до появления на столе главного блюда — перед ним подавался ломоть тяжелого мучнистого пудинга или горка клецок на почечном жиру. Однако у миссис Рэдд был свой секрет: в качестве закуски ставилась большая миска рисового пудинга, обильно политого молоком. Я впервые попробовал такое кушанье и заметил, что мои сотрапезники насыщались прямо на глазах. Да и я сам сел за стол, терзаемый волчьим аппетитом, но после риса на все остальное смотрел с сытым равнодушием.

Дик считал нужным по каждому поводу узнавать мнение ветеринара, а потому я стал частым гостем на его ферме. И каждый визит завершался неизменным ритуалом: меня приглашали в дом выпить чаю и вся семья, отложив дела, садилась вокруг и смотрела, как я его пью. В будние дни старшая дочь была на работе, а мальчики в школе, но по воскресеньям церемония проходила с полным блеском: я прихлебывал чай, а все девять Рэддов сидели вокруг в немом восхищении — по-другому просто не скажешь. Любая моя фраза встречалась кивками и улыбками. Конечно, для самолюбия очень приятно, когда целая семья буквально впитывает каждое твоё слово, и в то же время я испытывал чувство, похожее на смирение.

Наверное, причина заключалась в натуре Дика. Нет, он отнюдь не был уникален — мелких фермеров вроде него можно найти тысячи и тысячи, — но в нем словно воплотились лучшие качества обитателя йоркширских холмов: неколебимое упорство, практичная жизненная философия, душевная щедрость и гостеприимство. Однако были у него и качества, присущие именно ему: внутренняя честность, о которой свидетельствовал его прямой открытый взгляд, и юмор, дававший о себе знать даже в самые трудные минуты. Дик не был присяжным остряком, но о самых обычных вещах умел говорить забавно. Я просил его подержать корову за нос, и он торжественно отвечал: «Приложу все усилия!» А однажды, когда я пытался приподнять фанерный лист, отгораживавший угол, где стоял теленок, Дик сказал: «Минуточку, сейчас занавес взвьётся». Когда он улыбался, его худое острое лицо все озарялось изнутри.

Восседа на кухне и слушая веселый смех членов семьи, подтверждавший, что они полностью разделяют взгляды Дика на жизнь, я поражался, насколько они довольны своей судьбой. Они не знали ни комфорта, ни ленивого досуга, но это их совершенно не беспокоило, и я гордился тем, что они считают меня своим другом.

Всякий раз, уезжая от них, я находил на заднем сиденье какой-нибудь скромный гостинец — пару булочек домашней выпечки, три только что снесенных яйца. Миссис Рэдд, конечно, было нелегко выкроить и такой

подарок, но я ни разу не уехал оттуда с пустыми руками.

У Дика было одно честолюбивое желание — улучшить породу своих коров и обзавестись молочным стадом, которое отвечало бы его представлениям о совершенстве. Он понимал, что без капитала добиться своего сможет лишь очень нескоро, но решение его было твердо. Пусть не при его жизни, пусть даже когда его сыновья давно сами станут отцами, но люди будут приезжать издалека на ферму «Берчтри», чтобы полюбоваться ее коровами.

Мне было суждено стать свидетелем самого первого шага на этом пути. Как-то утром Дик остановил меня на шоссе, и по его сдерживаемому волнению я догадался, что произошло нечто чрезвычайно важное. Он повел меня в коровник и молча остановился на пороге. Говорить ему было не нужно: я и так, онемев, смотрел на рогатую аристократку.

Коровы Дика собирались с бору по сосенке на протяжении многих лет и представляли собой довольно-таки пестрое зрелище. Одни попали к нему уже старыми — прежние хозяева, зажиточные фермеры, выбраковывали их за отвислое вымя или за то, что они «доились на три соска». Других Дик вырастил сам — эти были жесткошерстными и тощими. Но примерно на полпути по проходу, резко выделяясь среди своих плебейских соседок, стояла чудеснейшая молочная корова шортгорнской породы.

Теперь, когда Англию черно-белой волной затопил фризский скот, вторгшись даже на родину шортгорнов, в йоркширские холмы, таких коров, как та, которую я созерцал тогда у Дика Рэдда, уже больше не увидишь, но в ней воплотилось все великолепие, вся гордость ее племени. Широкий таз, прекрасные плечи, изящная небольшая голова, аккуратное вымя, выпирающее между задних ног, и замечательная масть — шоколадная с серебряным отливом.

В холмах ее называли «доброй мастью», и всякий раз, когда я содействовал появлению на свет шоколадно-серебристой телочки, фермер обязательно говорил: «А она доброй масти», и такая телочка особенно ценилась. Разумеется, генетики совершенно правы — шоколадно-серебристые коровы давали не больше молока, чем рыжие или белые, но мы их любили, и они были изумительно красивы.

— Откуда она, Дик? — спросил я, не отрывая от нее глаз.

Он ответил с нарочитой небрежностью:

— Ну, я съездил к Уэлдону в Крэнби да и купил ее. Как она вам?

— Загляденье. Призовая корова. Я лучше не видывал.

Уэлдоны были крупнейшими в этих краях поставщиками племенного скота, и я не стал спрашивать, добился ли Дик займа в банке, или на нее

ушли сбережения многих лет.

— Ага! Дает по семь галлонов, когда раздоится, а уж жирность — так самая высокая. Двоих моих прежних может заменить, и телята ее тоже будут кое-что стоить. — Он прошел вперед и провел ладонью по идеально ровной упитанной спине: — Имечко у нее в родословной записано — не выговоришь, так хозяйка назвала ее Земляничкой.

Стоя в этом убогом коровнике с булыжным полом, дощатыми перегородками и стенами из дикого камня, я понял, что гляжу не просто на корову, но на прародительницу элитного стада, на залог осуществления мечты Дика Рэдда.

Примерно через месяц он позвонил мне:

— Вы бы заехали поглядеть Земляничку. До сих пор ею нахвалиться нельзя было, в молоке хоть купайся, только вот сегодня утром она что-то поскучилась.

Вид у коровы был здоровый, и, когда я вошел к ней, она даже ела, но я заметил, что глотает она с некоторым напряжением. Температура у нее была нормальная, легкие чистые, но, стоя у ее головы, я уловил еле слышное похрипывание.

— У нее горло не в порядке, Дик, — сказал я. — Возможно, просто легкое воспаление, но не исключено, что там созревает небольшой абсцесс.

Я говорил спокойно, но на душе у меня было скверно. Заглочный абсцесс, как я знал по своему ограниченному опыту, штука крайне скверная. Добраться до него в глубине глотки невозможно, а если он сильно увеличится, то может затруднить дыхание. Пока мне везло — те, с которыми мне приходилось иметь дело, были либо небольшими и рассасывались, либо прорывались сами.

Я сделал инъекцию пронтозила и повернулся к Дику:

— Вот сюда, позади угла челюсти, ставьте горячие припарки, а потом хорошенько втирайте вот эту мазь. Возможно, он лопнет. Повторяйте три раза в день, не меньше.

Следующие десять дней шло типичное развитие абсцесса. Корова еще не была больна по-настоящему, но ела уже значительно хуже, худела и давала меньше молока. Я чувствовал себя совершенно беспомощным, так как знал, что облегчение может наступить, только если абсцесс прорвется, а от разных инъекций, которые я ей делаю, большого толку не будет. Время шло, эта чертова штука все зрела и зрела, но не лопалась.

Зигфрид как раз тогда уехал на конференцию специалистов по лошадям, которая должна была продлиться неделю. Несколько дней я работал буквально с утра и до утра, и у меня не хватало времени даже

подумать про корову Дика, но затем он спозаранку приехал ко мне на своем велосипеде. Вид у него был по обыкновению бодрый, но в глазах пряталась тревога.

— Вы бы съездили поглядеть Земляничку? За последние три дня ей что-то совсем худо стало. Не нравится мне, как она выглядит.

Я тут же сел в машину и был в коровнике, когда Дик не проехал еще и половины пути. Едва взглянув на Земляничку, я остановился как вкопанный, и у меня пересохло во рту. От бывшей призовой коровы в буквальном смысле слова остались только кожа да кости. Она невероятно исхудала и превратилась в обтянутый шкурой скелет. Ее хриплое дыхание было слышно в самых дальних углах коровника, и при каждом выдохе морда словно поддухала. Такого я еще никогда прежде не видел. Полные ужаса глаза тупо смотрели в стену. Иногда она мучительно кашляла, и изо рта у нее нитками повисала слюна.

Наверное, я простоял так очень долго, потому что очнуться меня заставил угрюмый голос Дика:

— Сущим пугалом стала, почище всех остальных.

У меня похолодело внутри.

— Черт, я никак не ожидал, что она дойдет до такого состояния. Я просто глазам своим не верю.

— Да ведь оно как-то разом произошло. В жизни не видел, чтобы корова так быстро изменилась.

— Абсцесс, несомненно, совсем созрел, — сказал я. — У нее же затруднено дыхание... — Я не договорил: ноги у коровы задрожали и мне показалось, что она вот-вот рухнет на пол. Я кинулся к машине и достал банку с припарками. — Наложим их ей на шею. Может быть, тогда он вскрыется.

Когда мы наложили припарку, я поглядел на Дика.

— Думаю, сегодня вечером все кончится. Не может же он не прорваться.

— А нет, так завтра она протянет ноги, — буркнул он. Наверное, вид у меня стал очень жалким, потому что он внезапно улыбнулся своей бодрой улыбкой: — Да не принимайте вы к сердцу! Вы ведь сделали все, что можно.

Только я-то не был так уж в этом уверен. У машины меня ждала миссис Рэдд. Она как раз пекла хлеб на неделю и вложила мне в руку булку. На душе у меня стало совсем скверно.

Сидя вечером в гостиной Скелдейл-Хауса, я предавался грустным размышлениям. Зигфрид еще не вернулся, мне не у кого было спросить совета, и я совершенно не представлял, что буду делать с коровой Дика утром. Когда я лег спать, решение было принято: если облегчение не наступит, придется взять скальпель и добираться до абсцесса снаружи.

Я знал его точное место, но он лежал за толщей мышц, а на пути к нему находились такие жуткие вещи, как сонная артерия и яремная вена. Я пытался забыть про них, но они снились мне всю ночь напролет — огромные пульсирующие трубы, бесценное содержимое которых грозило вот-вот прорваться сквозь тонкие стенки. Я проснулся в шесть, целый час тоскливо созерцал потолок и вдруг почувствовал, что больше не выдержу. Я торопливо оделся и поехал на ферму, даже не умывшись и не побрившись.

Опасливо проскользнув в коровник, я с ужасом увидел, что стойло Землянички пусто. Значит, все. Пала. Ведь уже вчера было видно, что она вряд ли протянет ночь.

Я повернулся, и тут меня с крыльца окликнул Дик:

— Я ее перевел в сарай по ту сторону двора. Думал, там ей удобнее будет.

Я кинулся, через мощеный двор и еще до того, как Дик открыл дверь, сарая, услышал мучительное хриплое дыхание. У Землянички уже не было сил стоять — переход через двор окончательно ее доконал, и теперь она лежала на груди, вытянув голову вперед. Ноздри ее были раздуты, глаза остекленели, щеки вздувались в борьбе за каждый вздох.

Но она была жива! Я почувствовал огромное облегчение, и оно подстегнуло меня, развеяло мои колебания.

— Дик, — сказал я. — Вашу корову необходимо оперировать. Он явно не успеет прорваться. Значит, теперь или никогда. Но я обязан предупредить вас об одном: мне придется вскрывать его из-под челюсти. Я никогда этого раньше не делал и не видел, как это делают, и не слышал, чтобы кто-нибудь когда-нибудь это делал. Если я задену проходящие там крупные кровеносные сосуды, она умрет через минуту.

— Все равно она долго не протянет, — буркнул Дик. — Терять нечего. Давайте.

Оперируя рогатый скот, мы обычно связываем животное, кладем его и

даем общий наркоз, но для Землянички ничего этого не требовалось. Она была почти при последнем издыхании. Мне стоило легонько нажать на ее плечо, как она перекатилась на бок и замерла.

Я быстро сделал местную анестезию от уха до угла челюсти и разложил инструменты.

— Оттяните ее голову прямо, Дик, и чуть-чуть сдвиньте назад, — сказал я, опустился коленями на солому, сделал надрез, осторожно рассек длинный тонкий слой ключично-грудинной мышцы и раздвинул волокна корнцангами. Где-то ниже лежала моя цель, и я попытался мысленно нарисовать во всех подробностях анатомическую картину этого участка. Именно там челюстные вены сливаются в большую яремную вену, а глубже лежит еще более опасная ветвящаяся сонная артерия. Если нажать скальпелем прямо за подчелюстной слюнной железой, я попаду примерно куда надо.

Но когда я поднес острое как бритва лезвие к крохотному разрезу, рука вдруг затряслась. Я пытался унять дрожь, но меня словно била лихорадка. Пришлось взглянуть правде в глаза: я боялся резать глубже. Отложив скальпель, я взял корнцанг и ввел его в разрез, легонько и ровно нажимая. Казалось, он погрузился куда-то невероятно глубоко, но тут, не веря своим глазам, я увидел, что по блестящему металлу ползет струйка гноя. Я вошел в абсцесс!

Очень осторожно я раскрыл корнцанг как можно шире, чтобы увеличить дренажное отверстие, и струйка тотчас превратилась в кремовую струю, которая хлынула мне на руку и по шее коровы побежала на солому. Я замер и ждал, пока гной не перестал вытекать, а потом извлек корнцанг.

Дик поглядел на меня через голову коровы и негромко спросил:

— А что дальше, командир?

— Ну, я дал отток гною. Дик. И по всем правилам ей скоро должно стать заметно лучше. Давайте-ка провернем ее на грудь.

Когда мы устроили корову поудобнее и для опоры положили ей под плечо тучок соломы, я посмотрел на нее с мольбой. Ведь должны же появиться признаки улучшения! Должна же она почувствовать облегчение, раз вышло столько гноя! Но Земляничка выглядела все так же. А дыхание стало, пожалуй, даже еще более затрудненным.

Я бросил грязные инструменты в ведро с горячей водой и антисептической жидкостью и, перемывая их, сказал:

— Я знаю, в чем дело. Стенки абсцесса утолщились и затвердели, потому что прошло столько времени. Надо подождать, пока они спадут.

На следующее утро, торопливо шагая через двор, я испытывал

ликующую уверенность. Дик как раз выходил из сарая, и я крикнул ему:

— Ну и какова она сегодня?

Он ответил не сразу, и сердце у меня упало. Я понял, что он ищет слова помягче.

— Да все по-прежнему.

— Не может быть! Должно же наступить улучшение! Дайте-ка я ее погляжу.

Нет, не по-прежнему, а гораздо хуже. Вдобавок ко всем прежним симптомам глаза у нее глубоко запали — верный признак близкой смерти у рогатого скота.

Мы стояли рядом и оба смотрели на эту страшную тень еще недавно столь великолепного животного. И тут вдруг Дик сказал негромко:

— Ну, так как же? Послать за Мэллоком?

Фамилия живодера прозвучала как похоронный звон. Да и правда. Земляничка теперь ничем не отличалась от тех изможденных болезнью или старостью коров, которых он приезжал забирать.

Я неловко переступил с ноги на ногу.

— Не знаю даже, что и сказать, Дик. Я больше ничего сделать не могу. — Я снова поглядел на остекленелые глаза, на пену, пузырящуюся у ноздрей и губ, услышал хрип. — Вы ведь не хотите, чтобы она мучилась. Я тоже не хочу. И все-таки погодите звать Мэллока. Состояние у нее тяжелое, но настоящей боли она не испытывает, и я дал бы ей еще день, но если к утру ей лучше не станет, посылайте... — Я сам не верил тому, что говорил, и всем своим существом чувствовал безнадежность положения. Я повернулся и пошел к машине с таким тягостным ощущением неудачи, какого еще никогда не испытывал. Дик крикнул мне вслед:

— Да вы не принимайте к сердцу, и не такое случается. Спасибо вам за все, чем помогли ей.

Его слова хлестнули меня как кнутом. Если бы он обрушился на меня с бранью, мне было бы легче. Он меня благодарит, а корова лежит там и подышает — единственная племенная корова, которую ему удалось купить. Для него это подлинная катастрофа, а он утешает меня!

Открыв дверцу машины, я увидел на заднем сиденье кочан капусты. Еще и миссис Рэдд! Я положил локоть на крышу машины и разразился монологом. Этот кочан словно распахнул шлюзы моей злости на себя, и я перечислил бесчувственной капусте все свои промахи и недостатки. Я подчеркнул всю несправедливость случившегося: Рэдды, прекраснейшие люди, которым так нужна была помощь искусного ветеринара, обратились к мистеру Хэрриоту, а он ударил лицом в грязь, да еще как! Я указал, что

Рэдды, вместо того чтобы вполне заслуженно выгнать меня взащей, искренне меня поблагодарили и осыпали кочанами капусты.

Говорил я долго, а когда наконец умолк, на душе у меня стало чуть легче. Но только чуть, потому что всю дорогу домой я взвешивал возможности и не обрел ни проблеска надежды. Если стенки абсцесса могли спастись, это уже произошло бы. Нет, надо было послать за живодером — ведь все равно к утру она сдохнет.

Я был так в этом убежден, что на следующий день поехал в «Берчтри» не с утра, а побывав на других фермах, и, когда остановил машину во дворе Рэддов, шел уже третий час. Я знал, что увижу, — обычные мрачные свидетельства того, что ветеринар потерпел поражение: распахнутую дверь пустого сарая и тянувшийся от нее широкий след, оставленный тушей, которую Мэллок воротом тащил к своему фургону. Однако двор выглядел обычно, и все же, подходя к двери сарая, откуда не доносилось ни звука, я стиснул зубы. Ну хорошо, живодер пока не приехал, но моя-то пациентка лежит бездыханная. Протянуть еще сутки она никак не могла. Мои пальцы долго не ухватывали щеколду, словно что-то во мне отчаянно этому сопротивлялось. Но я все-таки рывком распахнул дверь.

И увидел Земляничку. Она стояла у кормушки и ела сено. И не просто ела, а выдергивала его сквозь решетку, словно играючи — обычная манера коров, когда они получают от еды удовольствие. Казалось, она просто не успевает вытаскивать большие душистые клоки сена и отправлять их в рот сильным шершавым языком. Я смотрел на нее, и у меня в душе вдруг заиграл орган, да не какой-нибудь консерваторский, а могучий инструмент, сверкающие трубы которого уходят в сумрак под сводами собора. Я вошел в сарай, закрыл за собой дверь и сел на солому в углу. Сколько времени я ждал этой минуты! И намеревался насладиться ею сполна.

Корова превратилась в живой скелет — ее красивая шоколадно-серебристая шкура была вся в буграх и выступях костей. Вымя, прежде такое гордое, болталось между ногами, как смятый мешочек. Она дрожала от слабости, но глаза ее смотрели ясно, ела она с неторопливой жадностью, и я уже не сомневался, что скоро она снова станет прежней.

Кроме нас в сарае никого не было, и время от времени Земляничка поворачивала ко мне голову и внимательно смотрела на меня, ни на секунду не переставая двигать челюстями. Этот взгляд казался дружеским. По правде говоря, я не удивился бы, если бы она мне подмигнула.

Уж не знаю, сколько времени я просидел так, но каждая секунда была радостью. Мне довольно долго пришлось свыкаться с мыслью, что это происходит наяву, а не во сне. Глотала она без всяких усилий, слюна у нее

не пенилась, дыхание было ровным и спокойным. Когда я наконец вышел и закрыл за собой дверь, кафедральный орган гремел в полную мощь, и ликующие звуки отражались от сводов собора.

Поправлялась Земляничка не по дням, а по часам. Когда я увидел ее три недели спустя, кости спрятались под мышцами и жиром, шерсть глянцево блестя и, что самое важное, великолепное вымя было туго наполнено и четыре аккуратных соска гордо торчали по углам.

Я был очень доволен собой, но беспристрастная оценка случившегося показывает одно: с самого начала и до конца я громоздил ошибку на ошибку. Мне следовало бы как можно раньше вскрыть абсцесс скальпелем, добравшись до него через рот. Но тогда я просто не знал, как это сделать. Позднее я вскрывал сотни таких абсцессов, привязывая скальпель к пальцам и вводя руку через зевник. Операция довольно героическая, так как ни коровам, ни быкам это, естественно, не нравилось и у них возникало поползновение плюхаться на пол именно в тот момент, когда моя рука почти по плечо уходила в гортань. Я прямо-таки напрашивался на перелом.

Когда я рассказываю про это современным молодым ветеринарам, они смотрят на меня с недоумением, поскольку такие абсцессы чаще всего имеют туберкулезное происхождение и со времени введения туберкулинизации^[14] наблюдаются редко. Но, полагаю, мои сверстники задумчиво улыбнутся собственным воспоминаниям.

При заглочной операций выздоровление бывало быстрым и эффективным, и я успел получить свою долю этих маленьких триумфов. Но ни один из них не доставил мне такой радости, как операция, которую я сделал не с той стороны. После выздоровления Землянички прошло несколько недель, я сидел в кухне Рэддов на своем обычном месте, окруженный всей семьей. Только на этот раз я против обыкновения не сыпал перлами мудрости, потому что пытался справиться с яблочным пирогом миссис Рэдд. Я по опыту знал, что они восхитительны, но этот был особый, испеченный «для полдника» во время работы в поле. Я въедался в толстый ломоть, пока у меня не пересохло во рту. Без сомнения, где-то в глубине прятался яблочный слой, но я все еще до него же добрался. Говорить я не рисковал из опасения поперхнуться, а потому наступила неловкая тишина, и мне очень хотелось, чтобы кто-нибудь ее нарушил. Сделала это миссис Рэдд.

— Мистер Хэрриот, — произнесла она с обычной спокойной деловитостью. — Дик хочет сказать вам одну вещь.

Дик откашлялся и сел прямее. Я вопросительно обернулся к нему. Щеки у меня все еще раздувались от упрямого пирога. Дик выглядел

непривычно серьезным, и мне вдруг стало не по себе.

— Я вам вот что хочу сказать, — начал он. — У нас скоро серебряная свадьба, и мы думаем отпраздновать ее как следует. И приглашаем вас.

Я глотнул так судорожно, что чуть не подавился.

— Дик, миссис Рэдд, я вам очень благодарен. С радостью приду... Почту за честь.

Дик с достоинством наклонил голову, сохраняя торжественный вид. Явно это было еще не все.

— Вот и отлично. Думаю, вам понравится, потому что праздновать мы решили по-настоящему. Сняли зал в «Королевской голове» в Карсли.

— Вот это да!

— Мы с хозяйкой все обсудили. — Он расправил худые плечи и гордо откинул голову.

— Будет горячий обед и музыка!

Время шло, голый костяк моих теоретических познаний мало-помалу одевался плотью личного опыта, и тут я осознал, что в ветеринарной практике есть сторона, о которой не пишут в учебниках. Денежная. Деньги всегда воздвигали стену между фермером и ветеринаром. По-моему, многие фермеры глубоко — возможно, даже на уровне подсознания — убеждены, что о своей скотине они знают больше кого бы то ни было и платить посторонним за лечение этой скотины — значит признать свое поражение.

Чаще всего фермеры проглатывают горькую пилюлю и достают чековые книжки, но некоторые — примерно десять процентов — прилагают все усилия, чтобы как-то увильнуть от этой необходимости.

Отношение Зигфрида к должникам было поразительно противоречивым. Порой он приходил в ярость при одном упоминании их фамилий, а иногда проявлял к ним саркастическую снисходительность. Если мы устроим когда-нибудь званый вечер для своих клиентов, говаривал он, то в первую очередь приглашение получают наши должники, так как все они на редкость обаятельные люди.

Впрочем, один из них такого приглашения не получил бы — некий мистер Хорас Дамблби, олдгрувский мясник. Хотя, как завзятый неплательщик, он, несомненно, отвечал важнейшему условию, но слишком уж мало было в нем обаяния!

Торговля в его лавке на главной улице живописной деревни Олдгрув шла бойко и приносила немалую прибыль, однако наибольший доход он получал, обслуживая окрестные деревушки и фермы. Обычно в лавке управлялись его жена и замужняя дочь, а сам мистер Дамблби совершал очередной объезд. Я часто заставал во дворах ферм его голубой фургон: задние дверцы открыты и фермерша терпеливо ждет, пока он нарубит мясо. Его дюжая бесформенная фигура наклонялась над колодой, и, когда он выпрямлялся, я успевал увидеть огромное бульдожье лицо и меланхоличные глаза.

Мистер Дамблби и сам был немножко фермер. Он продавал молоко от шести коров, стоявших в небольшом ладном коровнике позади лавки, а кроме того, откармливал несколько бычков и боровов, которые со временем появлялись у него на витрине в виде колбас, фаршей, вырезок и отбивных. Судя по всему, мистер Дамблби успел нажать круглый капиталец и, по

слухам, владел кое-какой недвижимостью в Олдгруве и в окрестностях. Тем не менее Зигфрид редко видел, какого цвета его деньги.

У тех, кто не спешил с оплатой, имелось одно общее качество: они требовали, чтобы ветеринар являлся по первому зову, и не терпели ни малейшего промедления. «Вы приедете немедленно?» «Через сколько минут вас ждать?» «Вы поторопитесь, не правда ли?» «Сейчас же выезжайте, я настаиваю!» Я пугался, глядя, как на лбу Зигфрида набухают вены, как белеют пальцы, стискивающие телефонную трубку.

После одной такой беседы с мистером Дамблби в одиннадцатом часу ночи, в воскресенье, он пришел в бешенство и высказал мяснику все, что накопилось у него на душе. Это не заставило мистера Дамблби раскошелиться, но чрезвычайно его обидело. Он явно не сомневался в своей правоте. И с тех пор, когда бы я ни встречал его голубой фургон, мистер Дамблби медленно оборачивался и устремлял на меня пустой взгляд. Но вот что странно: теперь я натыкался на него все чаще и чаще. Это даже начинало действовать мне на нервы.

Затем дело приняло совсем уж скверный оборот. Мы с Тристаном облюбовали уютный олдгровский трактирчик, где пиво отвечало взыскательному вкусу Тристана. Прежде я как-то не замечал, что мистер Дамблби был его завсегдатаем и всегда занимал столик в углу. Теперь же, стоило мне посмотреть вокруг, я обязательно встречал укоризненный взгляд его больших печальных глаз. Стараясь отвлечься, я сосредоточенно слушал болтовню Тристана, но все равно ощущал на себе этот взгляд. Смех замирал у меня на губах, и я невольно оглядывался, после чего прекрасный портер приобретал вкус уксуса.

Редкие часы, которые мне удавалось проводить в трактирчике, обрели оттенок кошмара. Я лихо осушал очередную кружку, я смеялся, шутил, даже пел — и все время с тайным напряжением ждал минуты, когда не выдержу и обернусь.

Оставалось одно: больше не заглядывать в трактирчик и тоскливо выслушивать лирические восторги Тристана по поводу орехового аромата, который он обнаружил в тамошнем портере. Но трактирчик потерял для меня всякую прелесть: я просто больше не мог находиться под одной крышей с мистером Дамблби.

По правде говоря, я сумел-таки выбросить этого джентльмена из головы, но вскоре вынужден был про него вспомнить, когда в три часа ночи из телефонной трубки донесся его голос. Если телефон на тумбочке трезвонил у самого твоего уха в предрассветной мгле, это почти обязательно означало, что где-то начала телиться корова.

Звонок мистера Дамблби не составил исключения, но вот говорил мистер Дамблби с исключительной бесцеремонностью. В отличие от большинства фермеров он и не подумал извиниться, что звонит в такое время. Я сказал, что приеду немедленно, но ему этого было мало; он пожелал точно узнать, через сколько минут меня ждать. Еще не совсем проснувшись, я саркастически изложил свой график: столько минут на одевание, столько на то, чтобы спуститься вниз, столько — чтобы вывести машину из гаража... но, боюсь, он не заметил иронии.

Когда я въехал в спящую деревню, в витрине мясной лавки горел свет. Мистер Дамблби выскочил на улицу почти рысью и, пока я вынимал из багажника веревки и инструменты, нетерпеливо расхаживал взад и вперед, ворча себе под нос. «А больше года не платить по счетам ветеринара у него терпения хватает», — подумал я.

Чтобы попасть в коровник, нам пришлось пройти через лавку. Моя пациентка, крупная упитанная корова белой масти, относилась к своему положению с полным благодушием. Время от времени она тужилась, и наружу на несколько дюймов высывались две ножки. Я внимательно их осмотрел — для ветеринара это первое указание, насколько тяжелая работа ему предстоит. Когда в первый раз телится молодая небольшая корова, два широких копытца способны сразу стереть улыбку с моего лица. Эти же копытца были широкими, но в меру, да и, судя по матери, плоду особенно тесно не было. Я прикинул: что же могло нарушить естественный ход событий?

— Я там пощупал, — сказал мистер Дамблби. — Голова близко. А сдвинуть никак не удастся. Я за ноги дергаю целых полчаса.

Пока я раздевался по пояс (почему-то комбинезон все еще казался мне символом изнеженности), у меня сложилось убеждение, что ситуация могла оказаться и гораздо хуже. В каких только ветхих и холодных сараях не доводилось мне снимать рубашку! А это, во всяком случае, добротный современный коровник, где шесть коров с успехом заменяли центральное отопление. И электрическое освещение вместо обычного керосинового фонаря с закопченным стеклом.

Намылив и продезинфицировав руки по плечи, я произвел первое исследование. Обнаружить причину затруднения оказалось просто.

Действительно, две ноги и голова. Только принадлежали они разным телятам.

— Двойня, — сказал я. — Вы тянули за задние ноги. Спинное предлежание.

— Задницей, что ли, идет?

— Да, если вам так больше правится. А второй теленок идет головой, но ноги вытянуты вдоль боков. Мне придется отодвинуть его подальше назад, чтобы он не мешал, и сначала извлечь первого.

Будет-таки тесно! Я в принципе люблю принимать двойню, потому что такие телята обычно бывают очень маленькими, но эти казались довольно крупными. Я прижал ладонь к мордочке, сунул палец в рот и был вознагражден подергиванием языка. Жив, значит!

Ровным нажимом я начал задвигать его назад в матку, пытаюсь представить себе, как все это воспринимает малыш. Он ведь уже почти появился на свет — от его ноздрей до вольного воздуха оставалось дюйма два, не больше, — и вот теперь его возвращают в исходную позицию.

Не понравилось это и корове. Во всяком случае, последовали могучие потуги — она явно старалась помешать мне. И почти преуспела, поскольку корова заметно сильнее человека. Но я не отнимал напряженной ладони от теленка и, хотя потуги отталкивали руку назад, продолжал нажимать, пока не отодвинул его из тазового отверстия. Тут я оглянулся на мистера Дамблби и прохрипел:

— Теперь его голова мешать не будет. Беритесь за ноги и вытаскивайте первого теленка.

Мясник грузно шагнул вперед и зажал ноги в тяжелых кулаках. Потом, зажмурив глаза, пыхтя и гримасничая, вроде бы принялся тянуть. Но теленок не сдвинулся ни на йоту, и у меня защемило сердце. Мистер Дамблби оказался кряхтелой! (Этот термин появился после того, как однажды во время отела Зигфрид и хозяин коровы ухватили каждый по ноге, но хозяин предпочел не напрягаться и только жалобно покряхтывал. Зигфрид поглядел на него и сказал: «Послушайте, давайте договоримся: вы тяните, а я за вас покряхчу».)

Было ясно, что помощи от дюжего мясника ждать нечего, и я решил попробовать сам. А вдруг повезет? Отпустив мордочку, и попытался схватить задние ноги, но корова меня опередила: мои пальцы еще не успели сомкнуться на скользкой шерстке, как она понатужилась — и второй теленок вернулся на прежнее место. Опять начинай все сначала!

Вновь я уперся ладонью во влажную мордочку, и мучительный процесс отжимания возобновился. Преодолевая мощные потуги, я невольно вспомнил, что в четыре часа утра человек редко бывает в наилучшей форме. К тому времени, когда я отодвинул голову из тазового отверстия, меня уже начала одолевать неодолимая слабость — ощущение было такое, словно кто-то вынул из моей руки значительную часть костей.

На этот раз, перед тем как отпустить голову и вцепиться в ноги, я

несколько секунд передохнул, но все равно опоздал. Корова с помощью точно рассчитанной потуги вышла победительницей из состязания. И голова перекрыла тесный проход в третий раз.

Ну хватит! Тут меня осенила мысль, что и теленок, наверное, устал от этого скольжения взад-вперед. Дрожа от озноба, я прошел через холодную пустую лавку на спящую улицу и достал из машины все необходимое для местной анестезии. Восемь кубиков в эпидуральное пространство головного мозга — и корова, матка которой совершенно онемела, утратила всякий интерес к происходящему. Она даже выхватила из кормушки клоч сена и принялась рассеянно жевать.

Дальше все пошло как по маслу: то, что я отодвигал, отодвигалось и не выталкивалось назад. Когда я все наладил, единственной трудностью оказалось отсутствие схваток, которые теперь только помогали бы мне. Значит, придется тянуть самому. Я ухватил одну ногу, принудил пыhtящего от мук мистера Дамблби ухватить вторую, и теленок, шедший спиной вперед, скоро был благополучно извлечен. Он успел вдохнуть изрядное количество плацентарной жидкости, но я подержал его вниз головой, и он ее выкашлял. Затем я положил его на пол коровника, он энергично потряс головой и попытался сесть.

Тут настало время вернуться за моим старым приятелем, вторым теленком. Он лежал теперь в глубине и словно бы дулся. Когда я в конце концов вытащил его наружу, он пофыркивал, дергал ногами и, казалось, собирался сказать: «Так, значит, вы все-таки решили, в какую сторону меня двигать?» И надо признать, у него были для этого все основания!

Водя полотенцем по груди, я, как всегда, с особой пронзительной радостью смотрел на двух маленьких мокрых телят, которые барахтались на полу. Мистер Дамблби растирал их пучком соломы.

— Большие для близнецов-то, — пробормотал мясник.

Даже столь умеренное одобрение меня изумило, и я подумал, что не стоит упускать случая.

— Да, отличные телята. Когда они при родах перепутываются, как сегодня, то чаще рождаются мертвыми. Хорошо, что нам удалось сохранить их живыми! — После паузы я добавил: — А знаете, эта парочка немало стоит.

Мистер Дамблби промолчал, и я не понял, попала ли стрела в цель.

Я оделся, собрал свои принадлежности и следом за ним прошел из коровника через лавку мимо огузков на крючьях, потрохов на подносах и груды свежайших сосисок. У входной двери мясник вдруг нерешительно остановился. Он словно что-то обдумывал. Вдруг он обернулся ко мне:

— Может, желаете немножко сосисок?

Я даже пошатнулся от удивления.

— Благодарю вас. С удовольствием возьму.

Каким невероятным это ни казалось, но мне удалось тронуть его сердце!

Мистер Дамблби прошествовал к сосискам, отрезал фунтовую гирлянду, быстро завернул ее в пергаментную бумагу и протянул мне.

Я смотрел на пакет, ощущал в руке его вес — и все-таки не мог поверить. И тут мной овладела недостойная мысль. Я знаю, это было нечестно — благородные порывы наверняка лишь изредка возвышали душу бедняги мясника, — но какой-то внутренний демон толкал меня подвергнуть испытанию его щедрость. Я сунул руку в карман брюк, побренчал мелочью, поглядел ему прямо в глаза и спросил:

— Так сколько же я вам должен?

Дородная фигура мистера Дамблби вдруг окаменела, и несколько секунд он простоял, не сделав ни единого движения. Повернутое ко мне лицо не выражало ничего, но подергивающаяся щека и нарастающая мука в глазах выдавали кипевшую в нем битву. Наконец он хрипло прошептал, как будто каждое слово извлекали из него клещами:

— Два шиллинга шесть пенсов.

Я остановил машину и пожалел, что не могу запечатлеть эту картину на фотографии: травянистая обочина на изгибе дороги и вокруг костра — пятеро цыган. По-видимому, отец, мать и три маленькие дочери. Они сидели неподвижно и смотрели на меня сквозь плывущие клубы дыма ничего не выражающими глазами, а редкие снежные хлопья медленно кружили и опускались на спутанные волосы девочек. Ощущение нереальности приковало меня к сиденью, и я глядел сквозь ветровое стекло на эту картину дикого приволья, забыв, зачем я тут. Наконец я опустил стекло и спросил мужчину:

— Вы мистер Мьетт? Если не ошибаюсь, у вас заболел пони?

— Да-да! — закивал мужчина. — Он вон там! — Он говорил со странным акцентом, так что я не всегда его понимал. Встав, он направился от костра к машине — невысокий, худой, смуглый, небритый. В руке у него было что-то зажато — бумажка в десять шиллингов, которую он протянул мне как доказательство своей честности.

Цыгане, порой забредавшие в Дарроуби, особым доверием там не пользовались. В отличие от Мьеттов появлялись они обычно летом, табор разбивали у реки и предлагали лошадей для покупки. И мы уже раза два попадали впросак: они словно бы все носили фамилию Смит и, приехав на другой день, мы уже не заставляли ни пациента, ни его владельца. По правде говоря, утром, когда я уезжал, Зигфрид заявил мне категорически: «Потребуйте вперед — и наличными!» Но он мог бы не беспокоиться — мистер Мьетт сразу же показал себя в наилучшем свете.

Я вылез из машины и пошел за ним по траве мимо ярко раскрашенного дряхлого фургона и пса на цепи — помеси колли с борзой — туда, где было привязано несколько пони и лошадей. Распознать моего пациента оказалось нетрудно. Чубарый красавчик четырех с небольшим футов в холке, со стройными крепкими ногами и явными признаками породы. Но он был в скверном состоянии. Остальные лошади прохаживались взад и вперед, с интересом косились на нас, а чубарый стоял словно изваяние.

Второго взгляда оказалось достаточно, чтобы даже издали определить, что с ним. Только острый ламинит мог заставить его так пригнуться, и, приблизившись, я понял, что затронуты все четыре копыта. Конек подвел обе задние ноги почти под живот в отчаянной попытке перенести тяжесть

тела на пяточные стенки.

Я вставил термометр в прямую кишку.

— Он переел, мистер Мьетт?

— Ага. Добрался вчера до мешка с овсом! — И щуплый цыган кивнул на большой полупустой мешок у задней стенки фургона. Я по-прежнему понимал его с трудом, но он все-таки втолковал мне, что чубарый отвязался и объелся овсом. И он дал ему касторки.

Термометр показал 4°C; пульс был частым и прерывистым. Я провел ладонью по гладким дрожащим копытам, почувствовал, как ненормально они горячи, а потом взглянул на измученную морду, на раздутые ноздри, на полные ужаса глаза. Те, у кого нарывало под ногтем, могут — хотя и в слабой степени — представить себе, какие страдания испытывает лошадь, когда чувствительная основа кожи копытной стенки воспаляется и все время подвергается невыносимому давлению.

— Заставьте его пройти, — сказал я.

Цыган схватил узду и потянул, но чубарый не пошевелился, и я взялся за узду с другой стороны.

— Попробуем вместе. В таких случаях им полезно походить.

Мы потянули, а миссис Мьетт шлепнула пони по крупу. Он сделал два-три спотыкающихся шага, но так, словно земля была накалена докрасна, и постанывал всякий раз, когда опускал копыто. Через несколько секунд он снова пригнулся и перенес вес тела на пяточные стенки.

— На это он не согласен, — сказал я, повернулся и пошел к машине.

Надо было облегчить ему боль и в первую очередь избавить от вчерашнего овса. Я достал флакон ареколина и сделал инъекцию в мышцу шеи, а потом показал хозяину, как обвязать копыта тряпками, чтобы все время смачивать их холодной водой.

Отступив на два шага, я снова оглядел чубарого. После инъекции у него обильно пошла слюна, потом он поднял хвост и очистил кишечник, но боль не уменьшилась — она могла уменьшиться, только если спадет чудовищное воспаление (если оно спадет!). Мне приходилось видеть подобные случаи, когда из-под венчика начинает сочиться сукровица, и это обычно возвещало потерю копыта, а нередко и смерть.

Пока меня одолевали мрачные мысли, к чубарому подошли три девочки. Старшая обняла его за шею и прижалась к ней щекой, а младшие поглаживали дрожащие бока. Они не плакали, их лица по-прежнему ничего не выражали, но все равно было видно, как он им дорог.

Я достал бутылку с настойкой аконита.

— Давайте ему вот это: каждые четыре часа, мистер Мьетт, и

обязательно смачивайте копыта холодной водой. Я приеду посмотреть его утром.

Захлопнув дверцу, я снова взглянул на курящийся дымок, на кружащие хлопья снега, на трех оборванных нечесаных девочек, которые все гладили и гладили пони.

— Ну, гонорар вы получили, Джеймс, — сказал Зигфрид за обедом, небрежно сунув десятишиллинговую бумажку в топырящийся карман. — Так что там?

— Ламинит, какого я еще не видел. Лошадь шагу не может ступить и мучается невообразимо. Я применил все обычные средства, но, боюсь, большого толку не будет.

— Прогноз, значит, не из лучших?

— Самый скверный. Даже если он перенесет острую стадию, у него наверняка все там будет изуродовано. Выщербливание копыт, отслоение подошвы и остальные прелести. Такой чудесный чубарый конек! А я больше ничего не могу для него сделать.

Зигфрид откромсал два толстых ломтя холодной баранины и, задумчиво на меня глядя, положил их на мою тарелку.

— То-то вы вернулись расстроенный. Случай скверный, я понимаю, но что толку терзаться?

— Да я не терзаюсь, но просто он не выходит у меня из головы. Возможно, все дело в них — в Мьеттах. Я ничего похожего на них не встречал. Словно существа из другого мира. А эти три маленькие оборвашки надыхаться на своего пони не могут. Каково им будет?

Зигфрид сосредоточенно жевал баранину, но в его глазах я заметил знакомый блеск, который неизменно появлялся в них, едва разговор заходил о лошадях. Я знал, что он никогда не позволит себе вмешаться без просьбы с моей стороны и теперь ждет, чтобы я сделал первый шаг. И я его сделал:

— Вы бы не поехали со мной посмотреть его? Быть может, что-то порекомендуете. Нет ли какого-нибудь средства?..

Зигфрид положил нож и вилку, несколько секунд, щурясь, смотрел прямо перед собой, а потом взглянул на меня.

— Знаете, Джеймс, пожалуй, что и есть. Положение явно хуже некуда, и обычное лечение пользы не принесет. Тут необходимо что-то из шляпы фокусника, и у меня шевелится одна мысль. Средство-то существует... — Он виновато улыбнулся. — Но, может, вы его не одобрите.

— Обо мне не думайте, — сказал я. — Лошади — ваша епархия. Если ваше средство поможет этому пони, мне все равно, какое оно.

— Прекрасно, Джеймс. Доедайте, поскорее, и мы поедем туда вместе.

После обеда он пошел со мной в комнату, где хранились инструменты, и, к моему удивлению, открыл шкаф, в котором покоились инструменты мистера Гранта, его предшественника. Настоящие музейные экспонаты.

Зигфрид унаследовал их, когда купил практику мистера Гранта, решившего уйти на покой в восемьдесят с лишним лет, и они так и лежали аккуратными рядами на полках, никем не тревожимые. Логично было бы просто их выкинуть, но, возможно, они внушали Зигфриду то же чувство, что и мне. Полированные деревянные шкатулки со сверкающими скальпелями удивительной формы; спринцовки и клизмы, резина которых давно растрескалась, но медные наконечники сохраняли былую внушительность; напильники, старинные стержни для прижиганий — безмолвные свидетели шестидесяти лет отчаянных усилий. Я часто открывал дверцу этого шкафа и пытался представить себе, как старый ветеринар разрешал те же трудности, с которыми сталкивался я, как он ездил по тем же проселкам, что и я. Совсем один и целых шестьдесят лет. Я еще только начинал, но уже успел получить кое-какое представление об удачах и провалах, о поисках и тревогах, о надеждах и разочарованиях — и о тяжелом, тяжелом труде. Как бы то ни было, но мистер Грант скончался и унес с собой то умение, тот опыт, которые я упрямо старался приобрести.

Зигфрид достал из глубины шкафа длинную, плоскую, обтянутую кожей шкатулку. Он сдул с нее пыль и осторожно открыл замочек. Внутри на ложе из вытертого бархата поблескивал флеботом, вытянувшись рядом с круглым кровеотворяющим ударником, тоже отполированным до блеска.

Я в изумлении уставился на моего патрона:

— Неужели вы хотите пустить ему кровь?

— Да, мой милый, я намерен увлечь вас в глухое средневековье. — Заметив мою растерянность, он положил руку мне на плечо. — Только не обрушивайте на меня все научные доводы против кровопускания. Сам я в этом вопросе строго нейтрален.

— Но разве вы к этому прибегали? Я ни разу не видел, чтобы вы брали этот набор.

— Прибегал. И затем наблюдал довольно-таки неожиданные вещи. — Зигфрид отвернулся, словно не желая продолжать разговор, тщательно протер флеботом и положил его в автоклав. Все время, пока он стоял и слушал свист пара, его лицо сохраняло отсутствующее выражение.

Цыгане, как и в прошлый раз, сидели тесной кучкой у костра. Увидев машину и сообразив, что прибыло подкрепление, мистер Мьетт вскочил и быстро пошел к нам с еще одной десятишиллинговой бумажкой.

Зигфрид не взял ее.

— Сперва поглядим, что у нас получится, мистер Мьетт, — буркнул он и зашагал через лужайку туда, где чубарый все так же дрожал, мучительно изогнувшись. Улучшение не наступило. Наоборот, его глаза смотрели еще более безумно, и я услышал, как он постанывает, осторожно переступая с ноги на ногу. Зигфрид сказал негромко:

— Бедняга! Вы не преувеличили, Джеймс. Будьте добры, принесите шкатулку.

Когда я вернулся, он накладывал чубарому жгут на основании шеи.

— Затяните потуже! — скомандовал он, и, когда яремная вена набухла и напряглась в своем желобе, он быстро выстриг и продезинфицировал небольшой участок кожи и обезболил его. Потом открыл старинную кожаную шкатулку и вынул флеботом, завернутый в стерильный бинт.

Дальше события развивались стремительно. Зигфрид приставил маленькое лезвие флеботома к вздувшейся вене и без колебаний стукнул по нему ударником. Из ранки тут же хлынула кровь, растекаясь по траве темным озерком. Мистер Мьетт ахнул, а девочки начали что-то быстро говорить. Я понимал, что они сейчас чувствуют. Собственно говоря, меня и самого сверлила мысль: долго ли пони устоит на ногах, теряя столько крови?

Однако Зигфрид, видимо, счел, что она течет недостаточно быстро; он вытащил из кармана еще один ударник, сунул его в рот чубарому и принялся нажимать на челюсть. Пони невольно грыз ударник, и, когда его зубы почти смыкались, кровь начинала хлестать еще яростнее.

Зигфрид удовлетворился, только когда ее вышло не меньше галлона.

— Ослабьте жгут, Джеймс, — скомандовал он, быстро наложил лигатуру и торопливо направился к калитке в изгороди за обочиной. Поглядев через нее, он крикнул: — Я так и думал! Там есть ручей. Его надо отвести туда. Ну-ка, все за дело!

Он явно получал от всего этого большое удовольствие, и его присутствие оказало обычное действие. Мьетты оживились, захлопотали, забегали вокруг пони, натываясь друг на друга. Я почувствовал внезапный прилив энергии, и даже чубарый впервые словно бы заинтересовался происходящим.

Мистер Мьетт вместе с женой и дочерьми тянул его за узду, мы с Зигфридом обхватили его задние ноги, и все дружно испускали ободряющие возгласы. Наконец пони сдвинулся с места. Передвижение было мучительным, но он шел — к калитке и через луг к мелкому ручью, петлявшему среди камышей. Берег был совсем пологий и подтолкнуть

чубарого на середину ручья не составило большого труда. Он застыл там неподвижно, ледяная вода закручивалась у его воспаленных копыт, и мне показалось, что я уловил в его глазах что-то вроде надежды на скорое облегчение.

— Так он должен простоять час, — объяснил Зигфрид. — А потом заставьте его походить по лугу. Потом еще час в ручье. По мере улучшения заставляйте его ходить все больше и больше, но непременно отводите потом в ручей. Возни будет очень много. Так кто займется его лечением?

Три девочки робко подошли к нему и застенчиво на него посмотрели. Зигфрид засмеялся:

— Втроем? Отлично. Сейчас я вам расскажу подробнее, что надо делать.

Он извлек на кармана мешочек мятных леденцов — среди пестрого содержимого его карманов такие мешочки занимали существенное место, — и я приготовился к долгому ожиданию. Мне уже приходилось наблюдать его в обществе детей на фермах, и, когда на свет появлялись мятные леденцы, все останавливалось. Это были единственные минуты, когда Зигфрид переставал спешить.

Девочки взяли по леденцу, а Зигфрид присел на корточки и заговорил с ними, точно учитель с прилежными учениками. Вскоре они ободрились и уже добавляли кое-что от себя. А младшая пустилась в длинный и не слишком удобопонятный рассказ о замечательных проделках чубарого, когда он был еще жеребенком. И Зигфрид внимательно слушал, серьезно кивая головой. Куда и зачем торопиться?

Его наставления не пропали впустую: в следующие дни, когда бы я ни проезжал мимо, три растрепанные фигурки либо хлопотали возле пони в ручье, либо таскали его по лугу на длинном поводке. Моего вмешательства не требовалось: даже издали было видно, что ему с каждым днем становится гораздо лучше.

Примерно через неделю я увидел, как Мьетты покидали Дарроуби. Красный фургон, покачиваясь, пересекал рыночную площадь; на козлах сидел мистер Мьетт в черном бархатном берете, а рядом с ним — его жена. Вокруг, привязанные к разным частям фургона, брели лошади, а сзади шагал чубарый — пожалуй, еще с некоторой скованностью, но спокойно и уверенно. Больше за него можно было не беспокоиться.

Девочки сидели у заднего борта, и, когда наши взгляды встретились, я помахал им. Они без улыбки смотрели на меня, пока фургон не начал поворачиваться за угол, и тогда одна из них застенчиво помахала мне. Сестры последовали ее примеру, и последнее, что я видел, были три

радостно машущие руки.

Я зашел в трактир «Гуртовщики» и задумчиво направился с кружкой пива в угол. Спору нет, Зигфрид сумел вылечить чубарого, но я не знал, как мне все-таки к этому отнестись, ведь в прикладной ветеринарии опасно делать общие выводы даже из самых эффектных результатов. Мне почудилось или чубарому действительно стало легче почти сразу же после кровопускания? Сумели бы мы без этого сдвинуть его с места? Может быть, и правда в подобных случаях следует продырявить яремную вену и выпустить ведро крови? Я и до сих пор не знаю ответа на эти вопросы, потому что у меня ни разу не достало духа попробовать самому.

— Не может ли мистер Хэрриот посмотреть мою собаку? — такие слова нередко доносились из приемной, но этот голос приковал меня к месту прямо посреди коридора.

Не может быть... И все-таки это был голос Хелен Олдерсон! Я на цыпочках подкрался к двери, бессовестно прижал глаз к щели и увидел Тристана, который стоял лицом к кому-то невидимому, а также руку, поглаживающую голову терпеливого бобтейла, край твидовой юбки и стройные ноги в шелковых чулках.

Ноги были красивые, крепкие и вполне могли принадлежать высокой девушке вроде Хелен. Впрочем, долго гадать мне не пришлось: к собаке наклонилась голова и я увидел крупным планом небольшой прямой нос и темную прядь волос на нежной щеке.

Я смотрел и смотрел как зачарованный, но тут из приемной вылетел Тристан, врезался в меня, выругался, ухватил меня за плечо и потащил через коридор в аптеку. Захлопнув за нами дверь, он хрипло прошептал:

— Это она! Дочка Олдерсона! И желает видеть тебя. Не Зигфрида, не меня, а тебя — мистера Хэрриота лично!

Несколько секунд он продолжал таращить на меня глаза, но, заметив мою нерешительность, распахнул дверь.

— Какого черта ты торчишь тут? — прошипел он, выталкивая меня в коридор. — Она же спросила тебя! Так какого черта тебе еще надо? Иди туда. Сейчас же!

Но не успел я сделать несколько робких шагов, как он меня остановил:

— Ну-ка, погоди! Стой и ни с места! — Он убежал и через пару минут вернулся с белым лабораторным халатом. — Только что из прачечной! — объявил он и принялся запихивать мои руки в жестко крахмаленные рукава. — Ты чудесно в нем выглядишь, Джим: элегантный молодой хирург перед операцией.

Я побрел по коридору, а Тристан на прощание ободряюще помахал мне рукой и упорхнул по черной лестнице.

Взяв себя в руки, я твердым шагом вошел в приемную. Хелен посмотрела на меня и улыбнулась той же самой открытой, дружеской улыбкой, как и при первой нашей встрече.

— А вот теперь с Дэном плохо, — сказала она. — Он у нас овечий сторож, но мы все так его любим, что считаем членом семьи.

Услышав свое имя, пес завилял хвостом, шагнул ко мне и вдруг взвизгнул. Я нагнулся, погладил его по голове и спросил:

— Он не наступает на заднюю ногу?

— Да. Утром он перепрыгнул через каменную изгородь — и вот! По моему, что-то серьезное. Он все время держит ее на весу.

— Проведите его по коридору в операционную, и я его осмотрю. Идите с ним вперед: мне надо поглядеть, в каком она положении.

Я придержал дверь, пропуская их вперед.

Первые несколько секунд я никак не мог оторвать глаз от Хелен, но, к счастью, коридор оказался достаточно длинным, и у второго поворота мне удалось сосредоточить внимание на моем пациенте.

Нежданная удача — вывих бедра! И нога кажется короче, и держит он ее под туловищем, так, что лапа только чуть задевает пол.

Я испытывал двойственное чувство. Повреждение, конечно, тяжелое, но зато у меня были все основания надеяться, что я быстро с ним справлюсь и покажу себя в наилучшем свете. Несмотря на мой недолгий опыт, я уже успел убедиться, что удачное вправление вывихнутого бедра всегда очень эффектно. Возможно, мне просто посчастливилось, но во всех тех — правда, немногих — случаях, когда я вправлял такой вывих, хромоте животное сразу же исцелялось, словно по волшебству.

В операционной я поднял Дэна на стол. Все время, пока я ощупывал его, он сохранял неподвижность. Сомнений не оставалось никаких: головка бедра сместилась вверх и назад, и мой большой палец просто в нее уперся.

Пес оглянулся на меня только один раз — когда я осторожно попробовал согнуть поврежденную ногу, но тут же вновь с решимостью уставился прямо перед собой. О его нервном состоянии свидетельствовало только тяжелое прерывистое дыхание (он даже чуть приоткрыл пасть), но, как большинство флегматичных животных, попадавших на наш хирургический стол, он покорно смирился с тем, что его ожидало. Впечатление было такое, что он не стал бы особенно возражать, даже если бы я принялся отпиливать ему голову.

— Хороший, ласковый пес, — сказал я. — И к тому же красавец.

Хелен погладила благородную голову по белой полосе, сбегавшей по морде, и хвост медленно качнулся из стороны в сторону.

— Да, — сказала она, — он у нас и работяга, и всеобщий баловень. Дай бог, чтобы повреждение оказалось не слишком серьезным!

— Он вывихнул бедро. Штука неприятная, но, думаю, его почти наверное удастся вправить.

— А что будет, если не удастся?

— Ну, тогда там образуется новый сустав. Несколько недель Дэн будет сильно хромать, и нога скорее всего навсегда останется короче остальных.

— Это было бы очень грустно! — сказала Хелен. — Но вы полагаете, что все может кончиться хорошо?

Я взглянул на смиренного пса, который по-прежнему упорно смотрел прямо перед собой.

— Мне кажется, есть все основания надеяться на благополучный исход. Главным образом потому, что вы привезли его сразу, а не стали откладывать и выжидать. С вывихами никогда не следует мешкать.

— Значит, хорошо, что я поторопилась. А когда вы сможете им заняться?

— Прямо сейчас. — Я направился к двери. — Только позову Тристана. Это работа для двоих.

— А можно я вам помогу? — спросила Хелен. — Мне очень хотелось бы, если вы не возражаете.

— Право, не знаю. — Я с сомнением взглянул на нее. — Ведь это будет что-то вроде перетягивания каната с Дэном в роли каната. Конечно, я дам ему наркоз, но тянуть придется много.

Хелен засмеялась:

— Я же очень сильная. И совсем не трусиха. Видите ли, я привыкла иметь дело с животными и люблю их.

— Отлично, — сказал я. — Наденьте вон тот запасной халат, и приступим.

Пес даже не вздрогнул, когда я ввел иглу ему в вену. Доза нембутала — и его голова почти сразу легла на руку Хелен, а лапы заскользили по гладкой поверхности стола. Вскоре он уже вытянулся на боку в полном оцепенении.

Я не стал извлекать иглу из вены и, поглядев на спящую собаку, объяснил:

— Возможно, придется добавить. Чтобы снять сопротивление мышц, нужен очень глубокий наркоз.

Еще кубик, и Дэн стал дряблым, как тряпичная кукла. Я взялся за вывихнутую ногу и сказал через стол:

— Пожалуйста, сцепите руки у него под здоровым бедром. И постарайтесь удержать его на месте, когда я примусь тянуть. Хорошо? Начинаем.

Просто поразительно, какое требуется усилие, чтобы перевести головку сместившегося бедра через край вертлужной впадины. Правой рукой я непрерывно тянул, а левой одновременно нажимал на головку.

Хелен отлично выполняла свою часть работы и, сосредоточенно сложив губы трубочкой, удерживала тело пса на месте.

Наверное, существует какой-то надежный способ вправления таких вывихов — прием, безусловно срабатывающий при первой же попытке, но мне так и не дано было его обнаружить. Успех приходил только после долгой череды проб и ошибок. Не был исключением и этот случай. Я тянул то под одним углом, то под другим, поворачивал и загибал болтающуюся ногу, отгоняя от себя мысль о том, как я буду выглядеть, если именно этот вывих не удастся вправить. И еще я пробовал отгадать, что думает Хелен, которая стоит напротив меня и по-прежнему крепко держит Дэна... и вдруг услышал глухой щелчок. Какой прекрасный, какой желанный звук!

Я раза два согнул и разогнул тазобедренный сустав. Ни малейшего сопротивления! Головка бедра вновь легко поворачивалась в своей впадине.

— Ну вот, — сказал я. — Будем надеяться, что головка снова не выскочит. Иногда такое случается. Но у меня предчувствие, что все обойдется.

Хелен погладила шею и шелковистые уши спящего пса.

— Бедный Дэн! Знай он, что готовит ему судьба, он бы ни за что не стал прыгать через эту изгородь. А скоро он очнется?

— Проспит до вечера. Но к тому времени, когда он начнет приходить в себя, постарайтесь быть при нем, чтобы поддержать его. Не то он может упасть и снова вывихнуть ногу. И пожалуйста, позвоните, чтобы рассказать, как идут дела.

Я взял Дэна на руки, слегка пошатываясь под его тяжестью, вышел с ним в коридор и наткнулся на миссис Холл, которая несла чайный поднос с двумя чашками.

— Я как раз пила чай, мистер Хэрриот, — сказала она. — Ну и подумала, что вы с барышней, наверное, не откажетесь от чашечки.

Я посмотрел на нее проницательным взглядом. Это что-то новенькое! Неужели она, как и Тристан, взяла на себя роль купидона? Но ее широкоскулое смуглое лицо хранило обычное невозмутимое выражение и ничего мне не сказало.

— Спасибо, миссис Холл. С большим удовольствием. Я только отнесу собаку в машину.

Я прошел к автомобилю Хелен, уложил Дэна на заднее сиденье и закутал его в одеяло. Торчавший наружу нос и закрытые глаза были исполнены тихого спокойствия.

Когда я вошел в гостиную, Хелен уже держала чашку, и мне вспомнилось, как я пил чай в этой комнате с другой девушкой. В тот день,

когда приехал в Дарроуби. Но теперь все было совсем иначе.

Во время манипуляций в операционной Хелен стояла совсем близко от меня, и я успел обнаружить, что уголки ее рта чуть-чуть вздернуты, словно она собирается улыбнуться или только что улыбнулась; и еще я заметил, что ласковая синева ее глаз под изогнутыми бровями удивительно гармонирует с темно-каштановым цветом густых волос.

И никаких затруднений с разговором на этот раз не возникло. Возможно, я просто чувствовал себя в своей стихии — пожалуй, полная раскованность приходит ко мне, только если где-то на заднем плане имеется большое животное; но как бы то ни было, говорил я легко и свободно, как в тот день на холме, когда мы познакомились.

Чайник миссис Холл опустел, последний сухарик был доеден, и только тогда я проводил Хелен к машине и отправился навещать моих пациентов.

И то же ощущение спокойной легкости охватило меня, когда вечером я услышал ее голос в телефонной трубке.

— Дэн проснулся и уже ходит, — сообщила она. — Правда, пошатывается, но на ногу наступает как ни в чем не бывало.

— Прекрасно! Самое трудное уже позади. И я убежден, что все будет в порядке.

Наступила пауза, потом голос в трубке произнес:

— Огромное вам спасибо. Мы все страшно за него беспокоились. Особенно мой младший брат и сестренка. Мы очень, очень вам благодарны.

— Ну что вы! Я сам ужасно рад. Такой чудесный пес! — Я помолчал, собираясь с духом: теперь или никогда! — Помните, мы сегодня говорили про Шотландию. Так я днем проезжал мимо «Плазы»... там идет фильм о Гебридских островах. И я подумал... может быть... мне пришло в голову... что... э... может быть, вы согласитесь пойти посмотреть его вместе со мной?

Еще пауза, и сердце у меня бешено заколотилось.

— Хорошо, — сказала Хелен. — С большим удовольствием. Когда? Вечером в пятницу? Еще раз спасибо — и до пятницы.

Даже сейчас я словно вижу, как потемнело лицо Ралфа Бимиша, тренера скаковых лошадей, когда я вылез из машины.

— А где мистер Фарнон? — сердито буркнул он.

Я стиснул зубы. Сколько раз слышал я этот вопрос в окрестностях Дарроуби, особенно когда речь шла о лошадях!

— Извините, мистер Бимиш, но он уехал на весь день, и я подумал, что лучше приеду я, чем откладывать на завтра.

Он даже не попытался скрыть свое раздражение, а надул толстые, в лиловатых прожилках щеки, сунул руки поглубже в карманы бриджей и с видом мученика устремил взгляд в небеса.

— Ну так идем! — Он повернулся и, сердито вскидывая короткие толстые ноги, зашагал к одному из денников, окружавших двор. Я сдержал вздох и пошел за ним. Ветеринар, не питающий особой страсти именно к лошадям, в Йоркшире частенько попадает в тягостные ситуации, и уж тем более в скаковых конюшнях, этих лошадиных храмах. Зигфрид, не говоря уже о его профессиональных навыках, великолепно умел объясняться на языке лошадиников. Он с легкостью и во всех подробностях обсуждал особенности и стати своих пациентов. Он хорошо ездил верхом, участвовал в лисьих травлях и даже внешне — длинным породистым лицом, подстриженными усами и худощавой фигурой — соответствовал популярному образу аристократического любителя лошадей.

Тренеры на него просто молились, и многие — вот как Бимиш — считали чуть ли не личным оскорблением, если сам он почему-либо не мог приехать к их дорогостоящим подопечным.

Бимиш окликнул конюха, и тот открыл дверь.

— Он тут, — буркнул Бимиш. — Охромел после утренней разминки.

Конюх вывел гнедого мерина, и с первого взгляда стало ясно, какая нога у него не в порядке, — то, как он припадал на левую переднюю, говорило само за себя.

— По-моему, он потянул плечо, — сказал Бимиш.

Я обошел лошадь, приподнял правую переднюю ногу и очистил копытным ножом стрелку и подошву, однако не обнаружил ни следов ушиба, ни болезненности, когда постучал по рогу рукояткой ножа.

Я провел пальцами по венчику, начал ощупывать путо и у самого конца пясти обнаружил чувствительное место.

— Мистер Бимиш, дело, по-видимому, в том, что он ударил задней ногой вот сюда.

— Куда? — Перегнувшись через меня, тренер поглядел и тут же объявил: — Я ничего не вижу.

— Да, кожа не повреждена, но если нажать вот тут, он вздрагивает.

Бимиш ткнул в болезненную точку коротким указательным пальцем.

— Ну вздрагивает, — буркнул он. — Да только если жать, как вы жмете, он и будет вздрагивать, болит у него там или не болит.

Его тон начал меня злить, но я сказал спокойно:

— Я не сомневаюсь, что дело именно в этом, и рекомендовал бы горячие противовоспалительные припарки над путовым суставом, перемежая дважды в день холодным обливанием.

— А я не сомневаюсь, что вы ошиблись. Никакого там ушиба нет. Раз лошадь так держит ногу, значит, у нее болит плечо. — Он махнул конюху: — Гарри, поставь-ка ему припарку на это плечо.

Если бы он меня ударил, я возмутился бы меньше. Но я не успел даже рта открыть, как он зашагал дальше.

— Я хочу, чтобы вы взглянули еще и на жеребца.

Он провел меня в соседний денник и показал на крупного гнедого, у которого на передней ноге были видны явные следы нарыва.

— Мистер Фарнон полгода назад поставил ему вытяжной пластырь. С тех пор он тут так и отдыхает. А теперь вроде бы совсем на поправку пошел. Как, по-вашему, можно его выпускать?

Я подошел и провел пальцами по всей длине сгибательных сухожилий, проверяя, нет ли утолщений, но ничего не обнаружил. Тогда я приподнял копыто и при дальнейшем исследовании нашел болезненный участок на поверхности сгибателя. Я выпрямился.

— Кое-что еще осталось, — сказал я. — Мне кажется, разумнее будет поддержать его тут подольше.

— Я с вами не согласен, — отрезал Бимиш и повернулся к конюху: — Выпусти его, Гарри.

Я поглядел на тренера. Он что, нарочно надо мной издевается? Старается кольнуть побольнее, показать, что я не вызываю у него доверия? Во всяком случае, я еле сдерживался и надеялся только, что мои горящие щеки не слишком заметны.

— Ну и последнее, — сказал Бимиш. — Один из жеребцов что-то покашливает. Так взгляните и на него.

Через узкий проход мы вышли во двор поменьше; Гарри открыл денник и взял жеребца за недоуздок. Я пошел следом, доставая термометр.

При моем приближении жеребец прижал уши, фыркнул и затанцевал. Я заколебался, но потом кивнул конюху.

— Пожалуйста, поднимите ему переднюю ногу, пока я измерю температуру, — сказал я.

Конюх нагнулся и взял было ногу, но тут вмешался Бимиш:

— Брось, Гарри, это ни к чему. Он же тихий как ягненок.

Я помедлил, чувствуя, что тревожился не напрасно, но со мной тут не считались. Пожав плечами, я приподнял хвост и ввел термометр в прямую кишку.

Оба задних копыта ударили меня почти одновременно, но, вылетая спиной в открытую дверь, я (отлично это помню) успел подумать, что удар в грудь на какой-то миг опередил удар в живот. Впрочем, мысли мои тут же затуманились, так как нижнее копыто угодило точно в солнечное сплетение.

Растянувшись на цементном покрытии двора, я охал и хрипел, тщетно стараясь глотнуть воздух. Секунду я уже не сомневался, что сейчас умру, но наконец, сделал стонущий вдох, с трудом приподнялся и сел. В открытую дверь денника я увидел, что Гарри буквально повис на морде жеребца и смотрит на меня испуганными глазами. Мистер Бимиш, однако, оставив без внимания мою плачевную судьбу и заботливо осматривал задние ноги жеребца — сначала одну, потом другую. Без сомнения, он опасался, что копыта пострадали от соприкосновения с моими недопустимо твердыми ребрами.

Я медленно поднялся на ноги и несколько раз глубоко вздохнул. Голова у меня шла кругом, но в остальном, я как будто отделался благополучно. И вероятно, какой-то инстинкт заставил меня не выпустить термометра — хрупкая трубочка все еще была зажата в моих пальцах.

В денник я вернулся, не испытывая ничего, кроме холодного бешенства.

— Поднимите ему ногу, как вам было сказано, черт вас дери! — закричал я на беднягу Гарри.

— Слушаю, сэр! Извините, сэр! — Он нагнулся, крепко ухватил переднюю ногу и приподнял ее.

Я поглядел на Бимиша, проверяя, скажет ли он что-нибудь, но тренер глядел на жеребца ничего не выражающими глазами.

На этот раз мне удалось измерить температуру без осложнений. Тридцать восемь и три. Я перешел к голове, двумя пальцами раскрыл ноздрю и увидел мутновато-слизистый экссудат. Подчелюстные и заглоточные железы выглядели нормально.

— Небольшая простуда, — сказал я. — Я сделаю ему инъекцию и оставлю вам сульфаниламид — мистер Фарнон в подобных случаях применяет именно его.

Если мои слова и успокоили его, он не подал вида и все с тем же ледяным выражением наблюдал, как я вводил жеребцу десять кубиков пронтозила.

Перед тем, как уехать, я достал из багажника полуфунтовый пакет сульфаниламида.

— Дайте ему сейчас три унции в пинте воды, а потом по полторы унции утром и вечером. Если через двое суток ему не станет заметно лучше, позвоните нам.

Мистер Бимиш взял лекарство с хмурым лицом, и, открывая дверцу, я почувствовал огромное облегчение, что этот омерзительный визит подошел к концу. Тянулся он бесконечно и никакой радости мне не доставил. Я уже включил мотор, но тут к тренеру, запыхавшись, подбежал один из мальчишек при конюшне:

— Альмира, сэр! По-моему, она подавилась!

— Подавилась? — Бимиш уставился на мальчика, потом стремительно повернулся ко мне: — Лучшая моя кобыла! Идем!

Значит, еще не конец. Я обреченно поспешил за коренастой фигурой назад во двор, где другой мальчишка стоял рядом с буланой красавицей. Я посмотрел на нее, и мое сердце словно сжала ледяная рука. До сих пор дело шло о пустяках, но это было серьезно.

Она стояла неподвижно и смотрела перед собой со странной сосредоточенностью. Ребра ее вздымались и опадали под аккомпанемент свистящего булькающего хрипа, и при каждом вдохе ноздри широко раздувались. Я никогда еще не видел, чтобы лошадь так дышала. С губ у нее капала слюна, и каждые несколько секунд она кашляла, словно давясь.

Я повернулся к мальчику:

— Когда это началось?

— Совсем недавно, сэр. Я к ней час назад заходил, так она была как огурчик.

— Верно?

— Ага. Я ей сена дал. И у нее все было в порядке.

— Да что с ней такое, черт подери? — воскликнул Бимиш.

Вопрос более чем уместный, но только я и представления не имел, как на него ответить. Я растерянно обошел кобылу, глядя на дрожащие ноги, на полные ужаса глаза, а в голове у меня теснились беспорядочные мысли. Мне приходилось видеть «подавившихся» лошадей — когда пицевод

закупоривало грубым кормом, — но они выглядели не так. Я прощупал пищевод — все чисто. Да и в любом случае характер дыхания был иным. Казалось, что-то перекрывает воздуху путь в легкие. Но что?.. И каким образом?.. Иностранное тело? Не исключено, однако таких случаев мне еще видеть не доводилось.

— Черт подери! Я вас спрашиваю! В чем дело? Как, по-вашему, что с ней? — Мистер Бимиш терял терпение, и с полным на то основанием.

Я обнаружил, что осип.

— Одну минуту! Я хочу прослушать ее легкие.

— Минуту! — взорвался тренер. — Какие там минуты! Она вот-вот издохнет!

Это я знал и без него. Мне уже приходилось видеть такую же зловещую дрожь конечностей, а теперь кобылка начинала еще и покачиваться. Времени оставалось в обрез. Во рту у меня пересохло.

Я прослушал грудную клетку. Что легкие у нее в порядке, я знал заранее — несомненно, поражены были верхние дыхательные пути, — но в результате выиграл немного времени, что бы собраться с мыслями.

Несмотря на вставленный в уши фонендоскоп, я продолжал слышать голос Бимиша:

— И конечно, это должно было приключиться именно с ней! Сэр Эрик Хоррокс заплатил за нее в прошлом году пять тысяч фунтов. Самая ценная лошадь в моей конюшне! Ну почему, почему это должно было случиться?

Водя фонендоскопом по ребрам, слушая грохот собственного сердца, я мог только от всей души с ним согласиться. Почему, ну почему на меня свалился этот кошмар? И конечно, именно в конюшне Бимиша, который в грош меня не ставит. Он шагнул ко мне и стиснул мой локоть.

— А вы уверены, что нельзя вызвать мистера Фарнона?

— Мне очень жаль, — ответил я хрипло, — но до того места, где он сейчас находится, больше тридцати миль.

Тренер словно весь съежился.

— Ну что же, значит, конец. Она издыхает.

И он не ошибался. Кобылка пошатывалась все сильнее, ее дыхание становилось все более громким и затрудненным, и фонендоскоп все время соскальзывал с ее груди. Чтобы поддержать его, я уперся ладонью ей в бок и внезапно ощутил небольшое вздутие. Круглую бляшку, словно под кожу засунули небольшую монету. Я внимательно посмотрел. Да, она прекрасно видна. А вот и еще одна на спине... и еще... и еще. У меня екнуло сердце. Вот, значит, что!

— Как я объясню сэру Эрику! — простонал тренер. — Его кобыла

сдохла, а ветеринар даже не знает, что с ней! — Он посмотрел вокруг мутным взглядом, словно надеясь, что перед ним каким-то чудом возникнет Зигфрид.

Я уже стремглав бежал к машине и крикнул через плечо:

— Я ведь не говорил, что не знаю, что с ней. Я знаю: уртикария.

Он бросился за мной.

— Урти... Это еще что?

— Крапивница, — ответил я, ища среди флаконов адреналин.

— Крапивница? — Он выпучил глаза. — Разве от нее умирают?

Я набрал в шприц пять кубиков адреналина и побежал назад.

— К крапиве она никакого отношения не имеет. Это аллергическое состояние, обычно вполне безобидное, но изредка оно вызывает отек гортани — вот как сейчас.

Сделать инъекцию оказалось непросто, потому что кобылка не стояла на месте; но едва она на несколько секунд замерла, как я изо всех сил вжал большой палец в яремный желоб. Вена вспухла, напряглась, и я ввел адреналин. Потом отступил на шаг и встал рядом с тренером.

Мы оба молчали. Мы видели только мучающуюся лошадь, слышали только ее хрипы.

Меня угнетала мысль, что она вот-вот задохнется, и, когда, споткнувшись, она чуть не упала, мои пальцы отчаянно сжали в кармане скальпель, который я захватил из машины вместе с адреналином. Конечно, следовало сделать трахеотомию, но у меня с собой не было трубочки, чтобы вставить в разрез. Однако если кобылка упадет, я обязан буду рассечь трахею... Но я отогнал от себя эту мысль. Пока еще можно было рассчитывать на адреналин.

Бимиш расстроено махнул рукой.

— Безнадежно, а? — прошептал он.

Я пожал плечами:

— Не совсем. Если инъекция успеет уменьшить отек... Нам остается только ждать.

Он кивнул. По его лицу я догадывался, что его угнетает не просто страх перед предстоящим объяснением с богатым владельцем кобылы — он, как истинный любитель лошадей, гораздо больше терзался из-за того, что у него на глазах мучилось и погибало прекрасное животное.

Я было решил, что мне почудилось. Но нет — дыхание действительно стало не таким тяжелым. И тут, еще не зная, надеяться или отчаиваться, я заметил, что слюна перестает капать. Значит, она сглатывает!

Затем события начали развиваться с невероятной быстротой.

Симптомы аллергии проявляются со зловещей внезапностью, но, к счастью, после принятия мер, они нередко исчезают не менее быстро. Четверть часа спустя кобылка выглядела почти нормально. Дыхание еще оставалось хрипловатым, но она поглядывала по сторонам с полным спокойствием.

Бимиш, который смотрел на нее как во сне, вырвал клоч сена из брикета и протянул ей. Она охотно взяла сено у него из рук и принялась с удовольствием жевать.

— Просто не верится, — пробормотал тренер. — Никогда еще не видел, чтобы лекарство срабатывало так быстро, как это!

А я словно плавал в розовых облаках, радостно стряхивая с себя недавнее напряжение и растерянность. Как хорошо, что нелегкий труд ветеринара дарит такие минуты: внезапный переход от отчаяния к торжеству, от стыда к гордости.

К машине я шел буквально по воздуху, а когда сел за руль, Бимиш наклонился к открытому окошку.

— Мистер Хэрриот... — Он был не из тех, кто привык говорить любезности, и его щеки, обветренные и выдубленные бесконечной скачкой по открытым холмам, подергивались, пока он подыскивал слова. — Мистер Хэрриот... я вот подумал... Ведь не обязательно разбираться в лошадиных статях, чтобы лечить лошадей, верно?

В его глазах было почти умоляющее выражение. Я вдруг расхохотался, и он улыбнулся. Мне было невыразимо приятно услышать из чужих уст то, в чем я всегда был убежден.

— Я рад, что кто-то наконец это признал! — сказал я и тронул машину.

После того как мы с Хелен сходили в кино, уже само собой получалось, что мы виделись чуть ли не каждый день. Не успел я оглянуться, как это превратилось в твердо сложившийся обычай: около восьми часов ноги сами несли меня на их ферму.

Вполне возможно, что так продолжалось бы очень долго, если бы не Зигфрид. Однажды вечером, как у нас было заведено, мы сидели в гостиной Скелдейл-Хауса и обсуждали события дня, прежде чем отправиться на боковую. Вдруг он засмеялся и хлопнул себя по колену.

— Сегодня заходил заплатить по счету Гарри Форстер. Старик что-то расшутился — сидел здесь, поглядывал по сторонам, и твердил: «Хорошее у вас тут гнездышко, мистер Фарнон, хорошее гнездышко!» А потом хитро посмотрел на меня и заявляет: «Пора бы в это гнездышко да птичку. Какое же гнездышко без птички?»

— Ну вам давно следовало бы к этому привыкнуть! — сказал я и тоже засмеялся. — Вы ведь лучший жених в Дарроуби. И конечно, они тут не успокоятся, пока вас не женят.

— Э-эй, не торопитесь! — Зигфрид задумчиво оглядел меня с головы до ног. — Гарри имел в виду вовсе не меня, а вас.

— Как так?

— А вы вспомните. Сами же рассказывали, что встретили старика, когда прогуливались вечером с Хелен по его лугу. Ну а у него на такие вещи глаз острый. Вот он и решил, что пора вам остепениться, только и всего.

Я откинулся на спинку кресла и захохотал.

— Мне? Жениться? Вот потеха! Вы только представьте себе! Бедняга Гарри!

— Почему вы смеетесь, Джеймс? — Зигфрид наклонился ко мне. — Он ведь совершенно прав. Вам действительно пора жениться.

— Не понимаю! — Я ошеломленно уставился на него. — Что вы такое говорите?

— Как что? — ответил он. — Я говорю, что вам надо жениться, и поскорее.

— Зигфрид, вы шутите!

— С какой стати?

— Да черт подери! Я только-только начал работать. У меня нет денег, у

меня ничего нет! Мне даже и в голову не приходило...

— Ах, вам даже в голову не приходило? Ну так ответьте мне: вы ухаживаете за Хелен Олдерсон или не ухаживаете?

— Ну, я... Мне просто... Если хотите, то, конечно, можно сказать и так.

Зигфрид устроился в кресле поудобнее, сложил кончики пальцев и назидательно продолжал:

— Так-так. Значит, вы признаете, что ухаживали за ней. Пойдем дальше. Она, насколько я могу судить, весьма и весьма привлекательна: всякий раз, когда она проходит по площади в рыночный день, машины только чудом не налетают друг на друга. Все признают, что она умна, обладает прекрасным характером и отлично готовит. Быть может, вы против этого спорить не станете?

— Разумеется, нет, — ответил я, обозлившись на его тон снисходительного превосходства. — Но к чему все это? Зачем вы произносите речь, словно судья перед присяжными?

— Я просто аргументирую мою точку зрения, Джеймс. А именно: вы встретили девушку, которая может стать для вас идеальной женой, и ничего не предпринимаете! Говоря без обиняков, я предпочту, чтобы вы перестали валять дурака и взглянули на дело серьезно.

— Все далеко не так просто! — сказал я раздраженно. — Я же только что объяснил, что сначала мне нужно тверже встать на ноги... да к вообще я знаком с ней всего несколько месяцев — этого же недостаточно, чтобы так сразу и жениться. И еще одно: по-моему, я не нравлюсь ее отцу.

Зигфрид наклонил голову набок, и я даже зубами скрипнул — такая святость разлилась по его лицу.

— Послушайте, старина, не сердитесь, но я должен вам кое-что сказать откровенно для вашей же пользы. Осторожность, бесспорно, прекрасное качество, но порой вы перегибаете палку. Этот маленький изъян в вашем характере проявляется постоянно и во всем. Вот, скажем, в той робости, с какой вы решаете затруднения, возникающие в вашей работе. Вы всегда действуете с оглядкой, маленькими шажками, тогда как следует смело бросаться вперед. Вам чудятся опасности там, где их и быть не может. Учитесь рисковать, дерзать. А то ваши собственные сомнения подрезают вам поджилки.

— Короче говоря, я жалкий безынициативный болван?

— Ну послушайте, Джеймс, я ведь ничего подобного не говорил, но, кстати, еще одна вещь, которой я хотел бы коснуться. Я знаю, вы меня извините. Но, боюсь, пока вы не женитесь, я не могу рассчитывать на вашу

полноценную помощь. Ведь, откровенно говоря, вы все больше доходите до такой степени обалдения, что уж, наверное, половину времени пребываете в сомнамбулическом состоянии и сами не понимаете, что делаете.

— Да что вы такое несете? В жизни не слыхивал подобной...

— Будьте добры, дослушайте меня до конца, Джеймс. Я говорю чистейшую правду: вы бродите, как лунатик, и у вас появилась прискорбная привычка глядеть в пустоту, когда я с вами разговариваю. От этого, мой милый, есть только одно средство.

— И крайне незамысловатое! — закричал я. — Ни денег, ни собственной крыши над головой, но женись очертя голову, с ликующим воплем. Все так просто и мило!

— Ага! Ну вот, вы опять сочиняете всякие трудности. — Он засмеялся и поглядел на меня с дружеским сожалением. — Денег нет? Так вы же в недалеком будущем станете моим партнером, повесите табличку со своими титулами на решетку перед домом, и, следовательно, хлеб насущный будет вам твердо обеспечен. Ну а что до крыши... Посмотрите, сколько комнат пустует в этом доме! Вам совсем нетрудно будет устроить себе наверху отдельную квартирку. Иными словами, ваши возражения — полнейшие пустяки.

Я запустил пятерню в волосы. Голова у меня шла кругом.

— У вас все это получается так просто!

— Это же и есть ПРОСТО! — Зигфрид выпрямился в кресле. — Отправляйтесь к ней сейчас же, сделайте предложение и обвенчайтесь до конца месяца! — Он укоризненно погрозил мне пальцем. — Жизнь, как крапиву, надо хватать сразу и крепко, Джеймс. Забудьте вашу манеру мямлить по каждому поводу и запомните, что сказал Брут у Шекспира. — Он сжал кулак и гордо откинул голову. — «В делах людей прилив есть и отлив, с приливом достигаем мы успеха...»

— Ну хорошо, хорошо, — буркнул я, утомленно поднимаясь на ноги. — Достаточно. Я все понял и иду ложиться спать.

Вероятно, я не единственный человек, чья жизнь полностью переменилась в результате одного из непредсказуемых и случайных зигфридовых взрывов. В тот момент его доводы показались мне смехотворными, но семя пало на благодарную почву и буквально за одну ночь проросло и распустилось пышным цветом. Вне всяких сомнений, это он повинен в том, что еще относительно молодым человеком я оказался отцом взрослых детей, — ведь когда я объяснился с Хелен, она ответила мне «да» и мы решили пожениться немедленно. Правда, сначала она как

будто удивилась, — возможно, она разделяла мнение Зигфрида обо мне и подозревала, что я буду раскачиваться несколько лет.

Но так или иначе, не успел я оглянуться, а все уже было улажено, и, вместо того чтобы скептически усмехаться самой возможности такой идеи, я увлеченно обсуждал, как мы устроим свою квартирку в Скелдейл-Хаусе.

В моей ветеринарной практике были свои темные стороны, и в первые годы я больше всего боялся министерства сельского хозяйства.

Быть может, кому-то это покажется странным, но я не преувеличиваю. Страх мне внушала всяческая писанина — все эти извещения, сводки и анкеты. Что касается непосредственно работы, то, как мне казалось, я со всей скромностью мог сказать, что справляюсь с ней. В моей памяти еще живы туберкулиновые пробы, которые я делал в невероятном количестве. Выстригаешь крохотный, точно выбранный участок на коровьей шее, вводишь иглу строго в толщу кожи и впрыскиваешь одну десятую кубика туберкулина.

Это было на ферме мистера Хилла, и я смотрел, как под иглой вздувается вполне удовлетворительная внутрикожная «горошина». Именно так и полагалось — «горошина» свидетельствовала, что ты добросовестно выполняешь свои обязанности и проверяешь животное на туберкулез.

— Шестьдесят пятый, — объявил фермер и обиженно покосился на меня, когда я посмотрел номер в ухе.

— Напрасно только время теряете, мистер Хэрриот. У меня тут весь список, и в нужном порядке. Нарочно для вас составил, чтобы с собой забрали.

Но меня грызли сомнения. Все фермеры свято верили, что содержат свою документацию в полном порядке, но я уже на этом попадался. Сам я по числу промахов в составлении документов бил все рекорды, и дополнительная помощь фермеров мне совершенно не требовалась.

И все же... все же... соблазн был велик. Я взглянул на зажатый в мозолистых пальцах лист с длинными столбцами цифр. Если я его возьму, то сэкономлю массу времени. Здесь оставалось более пятидесяти животных, а до обеда надо еще проверить два стада.

Я взглянул на часы. Черт! Уже порядочно отстаю от графика! Меня захлестнуло знакомое чувство безнадежной беспомощности.

— Хорошо, мистер Хилл, я его возьму. И большое спасибо. — Я сунул лист в карман и двинулся дальше по коровнику, торопливо выстригая шерсть и втыкая иглу.

Неделю спустя на открытой странице еженедельника я увидел страшную запись: «Позв. мин.». По обыкновению, у меня кровь застыла в жилах, хотя эта криптограмма, написанная почерком миссис Холл, просто

означала, что меня просят позвонить в местный отдел министерства сельского хозяйства. Но с другой стороны, из этой просьбы следовало, что у меня снова рыльце в пушку. Я протянул дрожащую руку к телефону.

Как всегда, трубку сняла Китти Пэттисон, и я уловил в ее голосе нотку жалости. Она была очень симпатичной молодой женщиной, заведовала штатами и знала о моих безобразиях все. Когда погрешности оказывались не слишком велики, Китти нередко сама доводила о них до моего сведения, но если за мной числился тяжкий грех, за меня брался лично Чарлз Харкорт, региональный инспектор.

— А, мистер Хэрриот! — весело сказала Китти. (Я знал, что она мне сочувствует, но ничем помочь не может.) — Мистер Харкорт хотел бы поговорить с вами.

Ну, все! Эта зловещая фраза всегда вызывала у меня сердцебиение.

— Спасибо, — хрипло пробормотал я в трубку и целую вечность ждал, пока она переключит телефон.

— Хэрриот! — Зычный голос заставил меня подпрыгнуть.

Я сглотнул.

— Доброе утро, мистер Харкорт. Как вы себя чувствуете?

— Я скажу вам, как я себя чувствую. Доведенным до иступления. (Я живо представил себе породистое холерическое лицо, не розовое, как всегда, а побагровевшее, и горящие гневом зеленоватые глаза.) Проще говоря, я зол как черт!

— А-а...

— Нельзя ли без ваших «а»? Вы тоже сказали «а», когда сделали прививку корове Фрэнкленда, хотя она покойница уже два года! В толк не возьму, как вам это удалось. Чудотворец, да и только! А сейчас я проверял результаты вашей работы у Хилла в «Хайвью», и среди коров, прошедших пробу, обнаружил номера семьдесят четыре и сто три. А согласно нашим данным, он продал их полгода назад на ярмарке в Бротоне, и, следовательно, вы сотворили очередное чудо.

— Я очень сожалею...

— Не сожалейте, это же просто диву достойно! Вот передо мной цифры — измерения кожи и прочее. Как я вижу, вы установили, что у обеих кожа тонкая, — установили, хотя они находились от «Хайвью» в пятнадцати милях. Поразительная сноровка!

— Ну, я...

— Ладно, Хэрриот, я кончаю шутить. И намерен сказать вам в очередной и последний раз... Надеюсь, вы слушаете? — Он перевел дух, и я словно увидел, как он ссутулил тяжелые плечи, прежде чем рывкнуть в

трубку: — Впредь СМОТРИТЕ ИХ ЧЕРТОВЫ УШИ!

Я беспомощно залепетал:

— Да, конечно, мистер Харкорт, обязательно! Уверяю вас, что теперь...

— Хорошо, хорошо. Но это еще не все.

— Не все?

— Да, я не кончил. — В его голосе появилась тягостная усталость. — Могу ли я попросить, чтобы вы припомнили корову, которую вы изъяли как туберкулезную у Уилсона в «Лоу-Паркс»?

Я сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Начало было грозным.

— Я ее помню.

— Ну так, милый мой Хэрриот, может быть, вы помните и нашу небольшую беседу о документации? — Чарлз был весьма порядочным человеком и всячески пытался сдержать свое негодование, но это ему дорого давалось. — Хоть что-нибудь из нее запало в вашу память?

— Ну разумеется.

— В таком случае почему, ну почему вы не прислали мне квитанцию о сдаче на убой?

— Квитанцию о... Разве я не...

— Нет, вы не! — перебил он. — И я просто не в силах этого понять. Ведь в прошлый раз, когда вы забыли переслать копию соглашения об оценке, я разобрал с вами всю процедуру по порядку.

— Я, право, крайне сожалею...

В трубке раздался тяжелый вздох.

— И ведь это так просто? — Он помолчал. — Ну вот что: давайте еще раз пробежимся по всей процедуре, согласны?

— Да-да, конечно.

— Отлично, — сказал он. — Итак, обнаружив больное животное, вы вручаете владельцу извещение Б-205 Д. Т., форму А, то есть извещение о выбраковке и изоляции указанного животного. Затем (я слышал, как он ударяет пальцем по ладони, перечисляя пункт за пунктом) следует Б-207 Д. Т., форма В, извещение о забое. Затем Б-208 Д. Т., форма Г, свидетельство о вскрытии. Затем Б-196 Д. Т., справка ветеринарного инспектора. Затем Б-209 Д. Т., соглашение об оценке, а в случае разногласия с владельцем еще и Б-213 Д. Т. — назначение оценщика. Затем Б-212 Д. Т. извещение владельцу о времени и месте забоя, а также Б-227, квитанция о сдаче животного для забоя, и, наконец, Б-230 Д. Т., извещение о приведении в порядок и дезинфекции помещения. Черт побери, любой ребенок сразу усвоил бы такую процедуру. Она же на редкость проста, вы согласны?

— Да-да, конечно, несомненно.

На мой взгляд, простой ее назвать было никак нельзя, но я предпочел обойти этот факт молчанием. Он уже спустил пары, и не стоило вновь доводить его до кипения.

— Благодарю вас, мистер Харкорт, — сказал я. — Постараюсь, чтобы это не повторилось.

Я положил трубку, чувствуя, что все сошло сравнительно благополучно, но тем не менее меня еще долго бил нервная дрожь. Беда была в том, что министерские контракты имели для нас огромную важность. В те трудные дни мы сводили концы с концами главным образом благодаря им.

Уж эта выбраковка туберкулезных животных! Когда ветеринар обнаруживал корову с открытой формой туберкулеза, она подлежала немедленному уничтожению, поскольку ее молоко представляло опасность для населения. Казалось бы, чего проще! Но, к несчастью, закон требовал, чтобы кончина каждой злополучной коровы сопровождалась настоящим вихрем всевозможных грозных извещений и справок.

Страшнее всего было даже не обилие самих документов, а количество лиц, которым полагалось их рассылать. Порой мне начинало казаться, что тех моих соотечественников, кто их не получает, можно пересчитать по пальцам. Помимо Чарлза Харкорта среди адресатов значились: фермер, которому принадлежало больное животное, полицейское управление, канцелярия министерства, живодер, а также местные власти. И конечно, всякий раз я кого-нибудь да забывал. В ночных кошмарах мне чудилось, что я стою посреди рыночной площади и с истерическим хохотом швыряю извещениями в прохожих.

Теперь мне даже трудно поверить, что за такое выматывание нервов плата была одна гинейя плюс десять с половиной шиллингов за вскрытие.

Через каких-нибудь два дня после этой беседы с региональным инспектором мне снова пришлось выбраковывать туберкулезную корову. Когда настало время составлять документы, я сел за письменный стол перед кипой бланков и принялся их заполнять, а потом, перечитывая каждый по два раза, судорожно запечатывал его в надлежащий конверт. Нет, на этот раз я не допущу ни единой ошибки!

На почту я отнес их сам и, вознося безмолвную молитву, собственноручно опустил в ящик. Харкорт должен был получить их утром, после чего мне быстро станет ясно — напутал я снова или нет. Два дня прошли без осложнений, и я было возрадовался, но на исходе третьего утра меня в приемной ожидала весть, начертанная огненными буквами: «Позв. мин.»!

В голосе Китти Пэттисон чувствовалась напряженность. Она даже не пыталась ее скрыть.

— Да-да, мистер Хэрриот, — сразу же сказала она. — Мистер Харкорт просил, чтобы я вам позвонила. Соединяю вас с ним.

С замирающим сердцем я ждал, что в трубке раздастся знакомый рев, но спокойный, тихий голос, который я услышал, напугал меня даже еще больше.

— Доброе утро, Хэрриот! — Харкорт был краток и холоден. — Мне хотелось бы выяснить вопрос о последней выбракованной вами корове.

— Да? — просипел я.

— Но не по телефону. Будьте добры приехать в отдел.

— В... в отдел?

— Да, и, пожалуйста, немедленно.

Я положил трубку и побрел к машине. Ноги у меня подгибались. На этот раз Чарлз Харкорт явно был выведен из себя. В его лаконичности чувствовалось еле сдерживаемое бешенство, а вызов в отдел... это был очень грозный признак.

Двадцать минут спустя мои шаги уже отдавались эхом в коридоре отдела. Я шел, как приговоренный к смерти, мимо стеклянных панелей, за которыми усердно стучали машинистки, к двери с табличкой «Региональный инспектор».

Судорожно вздохнув, я постучал.

— Войдите! — Голос все еще был тихим и сдержанным.

Харкорт поднял голову от бумаг, указал мне на стул и вперил в меня ледяной взгляд.

— Хэрриот, — сказал он бесстрастно, — на этот раз вы перешли все пределы.

Прежде он был майором Пенджабского стрелкового полка и в эту минуту выглядел типичным английским офицером индийской армии: породистый здоровяк с тяжелыми скулами над квадратным подбородком. В его глазах горели опасные огоньки, и мне пришло в голову, что, имея дело с подобным человеком, только круглый дурак позволил бы себе пренебречь его инструкциями... «Вот как, например, ты», — шепнул мне мерзкий внутренний голос.

Пока я ждал, что последует дальше, у меня пересохло во рту.

— Видите ли, Хэрриот, — продолжал он, — после нашего последнего телефонного разговора о туберкулезной документации я надеялся, что вы дадите мне хоть небольшую передышку.

— Передышку?..

— Да-да, как ни глупо, но, во всех подробностях объясняя нам процедуру, я наивно полагал, что вы меня слушаете.

— Но я слушал. Очень внимательно!

— Неужели? Отлично! — Он одарил меня невеселой улыбкой. — В таком случае я был еще более наивен, полагая, что в дальнейшем вы будете следовать моим указаниям. По простоте душевной я считал, что вы примете их к сведению.

— Право же, мистер Харкорт, я принял... поверьте мне...

— ТОГДА ПОЧЕМУ ЖЕ, — внезапно взревел он, хлопнув широкой ладонью по столу так, что чернильный прибор затанцевал — ТОГДА ПОЧЕМУ ЖЕ ВЫ УСТРАИВАЕТЕ ИЗ НИХ БАЛАГАН?

— Балаган? Простите, я не понимаю... — Больше всего мне хотелось выскочить из кабинета и убежать, но я удержался.

— Не понимаете? — Он продолжал хлопать ладонью по столу. — Ну так я вам объясню. Сотрудник ветеринарной службы побывал на этой ферме и обнаружил, что вы не вручили там извещения о приведении помещения в порядок и его дезинфекции!

— Разве?

— Вот именно, черт вас дери. Фермеру вы его не вручили, а прислали мне. Или вы хотите, чтобы я продезинфицировал этот коровник? Не съездить ли мне туда и не поработать ли шлангом? Я немедленно отправлюсь, если вас это устроит!

— Что вы... что вы...

По-видимому, стучать одной ладонью Харкорту показалось, мало — он пустила ход вторую руку с совсем уж оглушительным результатом.

— Хэрриот! — загремел он. — Я хотел бы получить от вас ответ только на один вопрос: нужна вам эта работа или нет? Скажите только слово, и я передам ее другой ветеринарной фирме. Тогда, быть может, и вам, и мне жить будет спокойнее.

— Даю вам слово, мистер Харкорт, я... мы... нам очень нужна эта работа! — Я говорил с полной искренностью.

Инспектор откинулся на спинку кресла и несколько секунд молча смотрел на меня, а потом покосился на свои часы.

— Десять минут первого! — буркнул он. — «Красный Лев» уже открылся. Пойдемте выпьем пива.

В зале пивной он припал к кружке, потом аккуратно поставил ее перед собой на столик и устало взглянул на меня.

— Ей-богу, Хэрриот, кончили бы вы небрежничать! Просто сказать не могу, как это меня выматывает.

Я ему поверил: лицо его побледнело, а рука, снова взявшая кружку, заметно подрагивала.

— Право же, я искренне сожалею, мистер Харкорт. Не понимаю, как это получилось. Вроде бы я все проверял и перепроверял. Во всяком случае, я постараюсь больше не доставлять вам лишних затруднений.

Он кивнул и хлопнул меня по плечу.

— Ну ладно, ладно. Давайте выпьем по второй.

Он пошел к стойке, вернулся с кружками и выудил из кармана небольшой квадратный пакет.

— Маленький свадебный подарок, Хэрриот. Ведь, кажется, скоро ваша свадьба? Так это от моей жены и от меня с нашими наилучшими пожеланиями.

Не зная, что сказать, я кое-как развязал веревочку и извлек из оберточной бумаги небольшой барометр.

Я бормотал слова благодарности, чувствуя, как у меня горят уши. Он был представителем министерства в наших краях; а я — самым новым и самым скромным из его подчиненных. Не говоря уж о том, что хлопот я ему, наверное, доставлял больше, чем все остальные, вместе взятые, — просто кара божья. И у него не было никаких причин дарить мне барометр.

Это последнее злослучие еще более усугубило мой страх перед заполнением бесчисленных бланков, и я мог только надеяться, что очередное туберкулезное животное попадется мне не скоро. Однако судьба не замедлила послать мне несколько напряженных дней клинических проверок, и на исходе очередного из них я с самыми дурными предчувствиями осматривал одну из айрширских коров мистера Моверли.

Легкое покашливание — вот что привлекло к ней мое внимание. Я остановился, и сердце у меня упало: костяк, туго обтянутый кожей, чуть ускоренное дыхание и этот глубокий сдерживаемый кашель! К счастью, теперь таких коров не увидишь, но тогда они были привычным зрелищем.

Я прошел вдоль ее бока и оглядел стену перед ее мордой. На грубой каменной кладке ясно виднелись роковые капли мокроты, и я быстро размазал одну на предметном стеклышке.

Вернувшись в Скелдейл-Хаус, я окрасил мазок по методике Циль-Нельсена и положил стеклышко под микроскоп. Среди одиночных клеток краснели скопления туберкулезных бацилл — крохотных, радужных, смертельных. Собственно говоря, я не нуждался в этом роковом подтверждении моего диагноза, и все-таки настроение у меня испортилось еще больше.

Когда на следующее утро я объявил мистеру Моверли, что корову

придется забить, это его отнюдь не обрадовало.

— Наверняка простуда у нее, и ничего больше, — проворчал он. (Фермеры, естественно, возмущались, когда мелкие бюрократишки вроде меня забирали их удойных коров.) — Да только ведь спорить с вами без толку.

— Уверяю вас, мистер Моверли, ни малейших сомнений нет. Я взял мокроту для анализа и...

— Да что уж тут разговаривать! — Фермер нетерпеливо махнул рукой. — Коли правительство, прах его побери, хочет забить мою корову, значит, ее забьют. Но ведь мне положено возмещение, верно?

— Да, конечно.

— Сколько это будет?

Я быстро прикинул. Согласно инструкции, животное оценивалось так, словно продавалось на рынке в нынешнем его состоянии. Минимальная компенсация составляла пять фунтов, и назначить больше за этот живой скелет явно было нельзя.

— Пять фунтов, — ответил я.

— А, пошли вы! — сказал мистер Мопсрли.

— Если вы не согласны, будет назначен оценщик.

— Да черт с ним! Чего тут возиться-то!

Он был явно очень раздражен, и я счел неблагоприятным сообщить ему, что он получит лишь часть этих пяти фунтов — в зависимости от вскрытия.

— Вот и хорошо, — сказал я. — Так я переговорю с Джеффом Мэллоком, чтобы он забрал ее как можно скорее.

Мистер Моверли явно не испытывал ко мне нежных чувств, но это тревожило меня куда меньше, чем предстоящая возня с заполнением всех этих жутких бланков. При одной мысли, что вскоре мне предстоит отправить к Чарлзу Харкорту новую их партию, я обливался холодным потом.

И тут на меня снизошло озарение. Подобное случается со мной редко, но на этот раз идея действительно выглядела удачной: я сначала проверю все документы с Китти Пэттисон и уж потом отошлю их официально.

Мне не терпелось привести свой план в исполнение. Почти с удовольствием я разложил заполненные бланки в один длинный ряд, подписал их и накрыл конвертами с соответствующими адресами. Затем позвонил в отдел.

Китти была очень мила и терпелива. По-моему, она не сомневалась в моей добросовестности, но понимала, что делопроизводитель я никуда не

годный, и жалела меня. Когда я исчерпал список, она сказала одобрительно:

— Молодцом, мистер Хэрриот! На этот раз все в порядке. Вам остается только получить подпись живодера, оформить протокол вскрытия, и можете больше ни о чем не беспокоиться.

— Спасибо, Китти! — ответил я. — Вы сняли с моей души огромную тяжесть!

И я не преувеличивал. Все во мне пело от радости. Мысль, что на этот раз Чарлз на меня не обрушится, была словно солнце, вдруг засиявшее из черных туч. В самом безмятежном настроении я отправился к Мэллоку и договорился с ним, что он заберет корову.

— Приготовьте мне ее завтра для вскрытия, Джефф, — закончил я и поехал дальше с легким сердцем.

И когда на следующий день мистер Моверли отчаянно замахал мне от ворот своей фермы, для меня это явилось полной неожиданностью. Подъехав к нему, я заметил, что он крайне взволнован.

— Э-эй! — крикнул он, не дожидаясь, пока я вылезу из машины. — Я только с рынка вернулся, а хозяйка говорит, что тут побывал Мэллок!

— Совершенно верно, мистер Моверли, — ответил я с улыбкой. — Помните, я предупредил вас, что пришлю его за вашей коровой...

— Как же, помню! — Он умолк и смерил меня свирепым взглядом. — Только он не ту забрал!

— Не ту... что значит — не ту?

— Не ту корову, вот что! Увез лучшую мою корову. Элитную айрширку. Я купил ее в Дамфризе на прошлой неделе, и ее только нынче утром доставили.

Ужас сковал меня. Я велел живодеру забрать айрширскую корову, которая будет заперта в отдельном стойле. А новую корову, конечно, для начала тоже заперли в отдельном стойле... С пронзительной четкостью я увидел, как Джефф и его подручный ведут ее по доске в фургон.

— Вина-то ваша! — Фермер грозно ткнул в меня пальцем. — Если он прикончит мою здоровую корову, вы за это ответите!

Последнего он мог бы и не говорить: да, я за нее отвечу множеству людей, и Чарлзу Харкорту в том числе.

— Звоните же на живодерню! — прохрипел я.

Он безнадежно махнул рукой.

— Уже звонил. Там не отвечают. Застрелит ее он, как пить дать. А вы знаете, сколько я за нее заплатил?

— Неважно! Куда он поехал?

— Хозяйка говорит, в сторону Грэмптона... минут десять назад.

Я включил мотор.

— Возможно, ему надо забрать и других животных... Я его догоню.

Стиснув зубы, я помчался по грэмптонской дороге. Эта катастрофа была настолько немыслимой, что просто не укладывалась в мозг. Не то извещение — уже беда, но не та корова... Даже представить себе невозможно. И все-таки это произошло! Уж теперь Харкорт меня уничтожит. Он неплохой человек, но у него нет выбора: такая промашка обязательно дойдет до министерского начальства и оно потребует головы виновника.

Мчась по деревушке Грэмптон, я лихорадочно, но тщательно оглядывал въезды на каждую ферму. Вот за ними открылись луга, и я уже оставил всякую надежду, как вдруг далеко впереди над шпалерой деревьев мелькнула знакомая крыша мэллоковского фургона.

Это было высокое сооружение с деревянными стенками, и ошибиться я не мог. С торжествующим воплем я вжал педаль газа в пол и, охваченный охотничьим азартом, помчался туда. Но нас разделяло слишком большое расстояние, и уже через милю я понял, что сбился со следа.

Среди накопившихся за многие годы воспоминаний, пожалуй, ни одно не запечатлелось в моей душе с такой живостью и яркостью, как Великая Погоня За Коровой. Я и сегодня ощущаю пережитый тогда ужас. Фургон время от времени мелькал в лабиринте проселков, но, когда я добирался туда, моя добыча успевала скрыться за очередным холмом или в какой-нибудь глубокой лощине. К тому же я строил свои расчеты на том, что, миновав еще одну деревню, Мэллок повернет в Дарроуби, однако он продолжал ехать вперед. По-видимому, его вызвали откуда-то издалека.

Длилось это бесконечно, и я совсем изнемог. Приступы ледяного отчаяния сменялись взрывами надежды, и эта лихорадка вымотала мои нервы. И когда наконец я увидел перед собой на прямой дороге покачивающийся грузовик, у меня не оставалось уже никаких сил.

Ну теперь, во всяком случае, он никуда не денется! Выжав из старенькой машины все, на что она была способна, я поравнялся с грузовиком и непрерывно сигналил, пока он не остановился. Я проскочил вперед, затормозил и побежал к грузовику, чтобы объяснить, в чем дело, и извиниться. Но едва я взглянул в кабину, улыбка облегчения сползла с моих губ. Это был не Джефф Мэллок! Я гнался не за тем!

Я узнал мусорщика, который в совершенно таком же фургоне, как у Джеффа, объезжал здешние края, подбирая падаль, не интересовавшую даже живодера. Странная работа и странный человек! На меня из-под

обтрепанной армейской фуражки глядели блестящие пронзительные глаза.

— Чего надо-то? — Он вынул изо рта сигарету и дружелюбно сплюнул на дорогу.

У меня перехватило дыхание.

— Я... Извините. Я думал, это фургон Джеффа Мэллока.

Выражение его глаз не изменилось, но уголки рта чуть-чуть дернулись.

— Коли вам Джефф требуется, так он небось давно у себя на живодерне. — И снова сплюнув, он сунул сигарету обратно в рот.

Я тупо кивнул. Да, конечно, Джефф вернулся к себе на живодерню... и давным-давно. За мусорщиком я гонялся больше часа, и, значит, корова уже разделана и висит на крючьях. Джефф работал умело и быстро. И забрав обреченных животных, не имел привычки тянуть.

— Ну, мне тоже домой пора, — сказал мусорщик. — Бывайте! — Он подмигнул мне, включил мотор и загромыхал по дороге.

Я побрел к своей машине. Торопиться больше было некуда. И как ни удивительно, теперь, когда все погибло, мне стало легче. Охваченный каким-то невозмутимым спокойствием, я вел машину и хладнокровно прикидывал, что мне сулит будущее. Во всяком случае, министерство с позором вычеркнет меня из своих списков. Я даже начал фантазировать: быть может, для этого существует какая-то церемония — торжественнее сожжение министерского удостоверения или другой ритуал в том же духе.

Я попытался отогнать мысль, что мой последний подвиг может возмутить не только министерство. А Королевский ветеринарный колледж? Вдруг за подобные штучки человека лишают права заниматься практикой? Не исключено. И я со вкусом принялся размышлять, какие поприща остаются для меня открытыми. Мне часто казалось, что владельцы букинистических лавок должны вести весьма приятную жизнь, и теперь, серьезно взвешивая такую возможность, я решил восполнить отсутствие в Дарроуби этого очага культуры. Мне не без приятности рисовалось, как я сижу под ярусами пыльных томов, порой снимаю с полки какой-нибудь фолиант или просто гляжу на улицу из своего уютного мирка, где нет ни бланков, ни телефонных звонков, ни записок «Позв. мин.».

Въехав в Дарроуби, я не торопясь свернул к живодерне и вылез из машины у закопченного строения, из трубы которого поднимался черный дым. Отодвинув скользящую дверь, я увидел, что Джефф с удовольствием расположился на груди коровьих шкур, держа в окровавленных пальцах кусок яблочного пирога. И... да-да: позади него висели две половины коровьей туши, а на полу валялись легкие, кишки и другая требуха — печальные останки элитной айрширской коровы мистера Моверли.

— Здравствуйте, Джефф, — сказал я.

— Наше вам, мистер Хэрриот! — И он одарил меня безмятежной улыбкой, точно выражавшей его личность. — Вот закусываю. Всегда меня в эту пору на еду тянет! — Он с наслаждением запустил зубы в пирог.

— Да, конечно. — Я грустно оглядел разделанную тушу. Собачье мясо, да и его не так уж много. Впрочем, айрширы никогда особенно не жиреют. Мне никак не удавалось найти слова, чтобы объяснить Джеффу, что произошло, но тут он заговорил сам:

— Извиняюсь, мистер Хэрриот, только я нынче не поспел, — сказал он, беря издававшие виды кружку с чаем.

— Про что вы?

— Ну я же люблю все для вас приготовить, да только нынче вы раненько пожаловали.

Я ошеломленно уставился на него.

— Но... но ведь все готово? — Я махнул рукой на разделанную тушу.

— Да нет, это не она.

— Как не она? Значит, это не корова с фермы Моверли?

— Во-во. — Он отпил четверть кружки и утер рот. — Пришлось начать с этой. А та еще в фургоне на заднем дворе.

— Живая?!

Он как будто слегка удивился.

— А как же? Я же за нее еще не брался. Хорошая коровка, хоть и больная.

От радости я чуть не потерял сознание.

— Да она здорова, Джефф. Вы не ту корову забрали!

— Не ту? — Его ничем нельзя было поразить, но он явно ждал объяснения, и я сообщил ему, как все произошло.

Когда я кончил, его плечи подрагивали, а ясные красивые глаза на розовом лице весело блестели.

— Это же надо! — пробормотал он и продолжал посмеиваться. Мой рассказ несколько не нарушил его душевного равновесия, и смех этот был мягким и дружеским. Пусть он съездил напрасно, а фермер переволновался — ни то ни другое его совершенно не трогало.

И глядя на Джеффа Мэллока, я в который раз подумал, что постоянная возня с заразными тушами среди смертоносных бактерий, как ничто другое, дарит человеку безмятежное внутреннее спокойствие.

— Вы съездите сменить корову? — спросил я.

— Немножко погодя. Спешить-то особо некуда. А я с едой торопиться не люблю. — Он удовлетворенно вздохнул. — Может, и вы перекусите,

мистер Хэрриот? Подкрепитесь-ка маленько! — Он налил еще одну кружку, и, отломив солидный кусок пирога, протянул его мне.

— Нет... нет... э... спасибо, Джефф. Вы очень любезны, но я... спасибо... мне пора.

Он пожал плечами, улыбнулся и взял трубку, которая покоилась на овечьем черепе. Смахнув с мундштука налипшие мышечные волокна, он чиркнул спичкой и блаженно развалился на шкурах.

— Ну, так пока до свидания. Загляните вечером, все будет готово. — Он смежил веки, и его плечи вновь задержались. — Уж теперь-то я не промахнусь.

Пожалуй, прошло больше двадцати лет с тех пор, как я в последний раз выбраковал туберкулезную корову — туберкулез теперь большая редкость. И короткая запись «Позв. мин.» уже не леденит мне кровь, и грозные бланки, так меня травмировавшие, тихо желтеют на дне какого-то ящика.

Все это навсегда исчезло из моей жизни. Как и Чарлз Харкорт. Но его я вспоминаю каждый день, когда смотрю на маленький барометр, который все еще висит у меня над столом.

Наш медовый месяц удался на славу — особенно учитывая, что мы провели его, занимаясь туберкулинизацией коров. В любом случае мы были куда счастливее десятков моих знакомых, которые после свадьбы отправлялись на месяц в плавание по солнечному Средиземному морю, а потом вспоминали об этом без малейшего удовольствия. Нам с Хелен он подарил все самое главное — радость, смех, ощущение товарищеской близости, хотя длился всего неделю, и, как я уже упомянул, мы провели его, делая туберкулиновые пробы.

Идея эта возникла как-то утром за завтраком, когда Зигфрид после бессонной ночи, проведенной в стойле кобылы, страдавшей коликами, протер покрасневшие глаза и принялся вскрывать утреннюю почту. Из плотного министерского конверта высыпалась толстая пачка бланков, и он ахнул.

— Господи! Вы только взгляните, чего они хотят! — Он разложил анкеты на скатерти и начал лихорадочно читать длинный список ферм. — Требуют, чтобы мы на следующей неделе провели туберкулинизацию всего скота в окрестностях Эллерторпа. Безотлагательно. — Он свирепо поглядел на меня: — А на следующей неделе вы женитесь, так?

Я виновато заерзал на стуле.

— Боюсь, что да.

Зигфрид яростно схватил ломоть поджаренного хлеба и начал шлепать на него масло, как каменщик — раствор на кирпичную кладку.

— Чудесно, а? Работы невпроворот, неделя туберкулинизации в самом глухом из здешних углов, а вам именно сейчас приспичило жениться. У вас медовый месяц, порхаєте и наслаждаетесь жизнью, а я тут свивайся в кольца и лезь вон из кожи! — Он злобно впился зубами в ломоть и с хрустом принялся его жевать.

— Мне очень жаль, Зигфрид, — пробормотал я. — Но откуда мне было знать, что я невольно вас подведу? Не мог же я предвидеть, что именно сейчас привалит столько работы и министерство именно сейчас потребует проверки!

Зигфрид перестал жевать и негодуя уставил на меня палец:

— Вот-вот, Джеймс! Обычная ваша беда: вы не заглядываете вперед. Летите сломя голову, без оглядки и сомнений. Даже с этой вашей женитьбой — вы же ни на секунду не задумались! Женюсь, женюсь, а на

последствия плевать! — Он закашлялся, потому что от возбуждения вдохнул крошки. — И вообще, я не понимаю, к чему такая спешка! Вы ведь совсем мальчик, и времени, чтобы жениться, у вас предостаточно. И еще одно: вы же почти ее не знаете. Всего несколько недель, как вы вообще начали с ней встречаться!

— Но погодите, вы же сами...

— Нет, уж позвольте мне кончить, Джеймс! Брак — крайне серьезный жизненный шаг, который требует глубокого и всестороннего обдумывания. Ну зачем вам понадобилось тащиться в церковь именно на будущей неделе? В будущем году — вот это было бы разумно, и вы пожали бы все беззаботные радости длительной помолвки. Так нет, вам обязательно понадобилось тут же завязать узел, который так просто не развяжешь, к вашему сведению!

— К черту, Зигфрид! Это уж ни в какие ворота не лезет! Вы же прекрасно знаете, что вы сами...

— Минуточку! Ваша торопливость в вопросе о браке обрекает меня на множество затруднений, но, поверьте, я от души желаю вам счастья и надеюсь, что вопреки вашей легкомысленной непредусмотрительности все будет прекрасно. Тем не менее я не могу не напомнить вам старинную пословицу: «Женился на скорую руку, да на долгую муку».

Тут мое терпение лопнуло. Я взвился, стукнул по столу и взвыл:

— Черт подери, это же вы настояли. Я как раз хотел повременить, но вы...

Зигфрид не слышал. Он уже остывал, и лицо его расцветало ангельской улыбкой.

— Ну-ну, Джеймс, снова вы выходите из себя! Сядьте и успокойтесь. Не надо обижаться на мои слова: вы ведь очень молоды, и мой долг — говорить с вами откровенно. Ничего дурного вы не сделали. В конце концов, в вашем возрасте естественно действовать без оглядки на будущее, совершать поступки, не задумываясь о возможных последствиях. Юношеская беззаботность, только и всего. — Зигфрид был старше меня на каких-то шесть лет, но без малейших усилий входил в роль седобородого патриарха.

Я вцепился пальцами в колени и решил не продолжать. Конечно, он все равно не дал бы мне говорить, но главное — меня начала мучить совесть, что я уеду и брошу его в такое тяжелое время. Подойдя к окну, я уставился на старого Уилла Варли, который катил по улице велосипед с мешком картошки на руле. Сколько раз я уже видел это! Потом я обернулся к своему патрону; на меня снизошло озарение, что со мной бывает не

часто:

— Послушайте, Зигфрид, я буду рад провести медовый месяц в окрестностях Эллерторпа. В это время года там чудесно, и мы можем остановиться в «Пшеничном снопе». И я займусь пробами.

Он уставился на меня в изумлении.

— Провести медовый месяц в Эллерторпе? За пробами? Об этом и речи быть не может! Что скажет Хелен?

— Ничего не скажет. И поможет мне вести записи. Мы ведь просто решили поехать на машине куда глаза глядят, а значит, никаких планов нам нарушать не придется. И как ни странно, мы с Хелен часто говорили, что с удовольствием прожили бы в «Пшеничном снопе». Это же удивительно приятная старинная гостиница.

Зигфрид упрямо покачал головой.

— Нет, Джеймс, я даже слышать об этом не хочу. Перестаньте; я уже и так чувствую себя виноватым. С работой я прекрасно справлюсь сам. Поезжайте спокойно, ни о чем не думайте и наслаждайтесь своим счастьем.

— Нет, я решил твердо. И вообще, мне эта мысль нравится все больше. — Я быстро просмотрел список. — Начать можно во вторник с Алленов и объехать все маленькие фермы, в среду обвенчаться, а в четверг и пятницу сделать вторичные пробы и записать результаты. К концу недели весь список будет исчерпан.

Зигфрид уставился на меня так, словно видел впервые в жизни. Он спорил и доказывал, но вопреки обыкновению я настоял на своем, вытащил из ящика министерские повестки и занялся подготовкой к своему медовому месяцу.

Во вторник ровно в полдень я закончил туберкулинизацию многочисленных алленовских коров, которые паслись, рассыпавшись на целые мили по голым склонам холмов, в уже садился за стол с радушными хозяевами, чтобы, как положено, «немножечко перекусить». Во главе до блеска оттертого стола сидел мистер Аллен, а напротив меня расположились двое его сыновей — двадцатилетний Джек и Робби, — которому еще не исполнилось восемнадцати. Оба они были силачами, кровь с молоком, и все утро я прямо — таки с благоговением наблюдал, как они час за часом справлялись с бродящими на воле быками и коровами, без усталости разыскивая и ловя их. Я просто глазам своим не поверил, когда Джек догнал на пустоши мчавшуюся во весь дух телку, схватил ее за рога и медленно повалил, чтобы я мог спокойно сделать инъекцию точно в толщу кожи. Я даже пожалел, что в этот глухой уголок Йоркшира не заглядывают тренеры по легкой атлетике — не то на следующей Олимпиаде нам был бы

обеспечен какой-нибудь мировой рекорд.

Миссис Аллен давно завела привычку подтрунивать надо мной и уже много раз немилосердно бранила меня за то, что я такой рохля с девушками — как мне только не стыдно находиться под опекой старой экономки! Я не сомневался, что сегодня она тоже примется за свое, и выжидал подходящую минуту. Вот теперь я сумею ответить как следует! Она открыла дверцу духовки, и по кухне разлился аппетитнейший аромат жареной свинины. Водрузив на стол блюдо с огромным куском сочного окорока, миссис Аллен поглядела на меня и улыбнулась:

— Так когда же мы вас женим, мистер Хэрриот? Давным-давно пора бы вам подыскать хорошую девушку, да только вы и слушать не хотите, что я толкую!

Весело засмеявшись, она захлопотала у плиты над кастрюлей с картофельным пюре.

Я подождал, чтобы она вернулась к столу, и только тут самым небрежным тоном выложил свою сокрушительную новость:

— Собственно говоря, миссис Аллен, я решил последовать вашему совету и завтра женюсь.

Ложка, которой добрейшая женщина накладывала мне пюре, застыла в воздухе.

— Женитесь?.. Завтра?.. — повторила она с ошеломленным видом.

— Совершенно верно. Я думал, вы меня похвалите.

— Но... но как же это? Вы ведь сказали, что приедете сюда в четверг и в пятницу?

— Конечно, ведь я должен проверить результаты проб. И я привезу с собой жену. Мне не терпится показать ее вам.

Наступило молчание. Джек и Робби уставились на меня, мистер Аллен перестал резать свинину и тоже посмотрел в мою сторону, затем его супруга неуверенно усмехнулась:

— Ну будет, будет, я не верю. Вы нас разыгрываете. Если бы вы правда завтра женились, так поехали бы в свадебное путешествие.

— Миссис Аллен! — произнес я с достоинством. — Разве я способен шутить, когда речь идет о столь серьезном вопросе? Разрешите, я повторю: завтра моя свадьба, а в четверг я приеду к вам с женой.

В глубокой растерянности она наложила нам полные тарелки, и мы молча принялись за еду. Но я догадывался, какие муки она испытывает. Ее взгляд то и дело обращался ко мне, и было видно, что ей не терпится обрушить на меня град вопросов. Ее сыновья тоже, казалось, не остались равнодушны к моему сообщению, и только мистер Аллен, высокий

неразговорчивый человек, который, вероятно, сохранил бы ту же невозмутимость, объяви я, что завтра намерен ограбить банк, спокойно продолжал уписывать свой обед за обе щеки.

Больше мы об этом не говорили, пока я не собрался уезжать. Но тут миссис Аллен положила руку мне на локоть:

— Вы же пошутили, правда? — Лицо у нее словно даже осунулось.

Я забрался в машину и крикнул в окно:

— До свидания и большое спасибо. В четверг мы с миссис Хэрриот приедем прямо с утра.

Свадьбы я почти не помню. Она была тихой, и меня главным образом снедало желание, чтобы все это поскорее кончилось. Лишь одно живет в моей памяти: гулкие «аминь!», которые во время венчания через правильные промежутки провозглашал у меня за спиной Зигфрид, — насколько мне известно, единственный шафер, столь усердно участвовавший в венчальной службе.

С каким невыразимым облегчением я наконец усадил Хелен в машину, и мы тронулись в путь! Когда мы проезжали мимо Скелдейл-Хауса, она вдруг вцепилась мне в руку.

— Посмотри! — воскликнула она взволнованно. — Вон туда!

Под медной дощечкой Зигфрида, висевшей на чугунной решетке по-прежнему кривовато, появилась еще одна — бакелитовая, что тогда было новинкой. Белые четкие буквы на черном фоне провозглашали: «Дж. Хэрриот, дипломированный ветеринар, член Королевского ветеринарного общества». И эта дощечка была привинчена совершенно прямо.

Я оглянулся, отыскивая взглядом Зигфрида, но мы уже попрощались, и я решил, что поблагодарю его, когда мы вернемся. Однако из Дарроуби я выехал, надуваясь от гордости, ибо смысл этой дощечки был совершенно ясен: теперь я полноправный партнер Зигфрида и человек с положением. При этой мысли у меня даже дух захватило. Хелен радовалась не меньше меня, и мы час за часом кружили по боковым шоссе, останавливались, когда и где хотели, гуляли и совершенно не следили за временем. Было уже часов девять вечера и сумерки быстро сгущались, когда мы вдруг сообразили, что заехали совсем не туда.

От Эллерторма нас отделяли миль десять вересковых холмов, и было уже совершенно темно, когда мы, погромыхая по крутой узкой дороге, съехали на его единственную, но очень длинную улицу. «Пшеничный сноп» скромно прятался в дальнем ее конце — приземистое здание из серого камня с неосвещенным крыльцом. Когда мы вошли в душноватую переднюю, из буфета слева донесся мягкий звон стекла. Из задней комнаты

появилась миссис Берн, пожилая вдова, владелица «Пшеничного снопа». Она оглядела нас без всякого выражения.

— Мы знакомы, миссис Берн, — сказал я, и она кивнула. Я извинился, что мы так задержались, и попробовал собраться с духом, чтобы попросить в такой поздний час пару-другую бутербродов, но тут она сказала все с той же невозмутимостью:

— Ничего, мы ведь вас ожидали. И ужин вас ждет.

Она проводила нас в столовую, и ее племянница Берил тотчас подала нам горячий ужин: густой чечевичный суп, а на второе — блюдо, которое сейчас, наверное, назвали бы гуляшом, хотя тогда это было просто мясо, тушенное с грибами и овощами. Но зато над ним явно колдовал кулинарный гений. От крыжовенного пирога со сливками мы уже вынуждены были отказаться.

Так продолжалось все время, пока мы жили в «Пшеничном снопе». Заведение это было воинствующе несовременным: чудовищная викторианская мебель, кое-где облупившаяся краска. И все-таки сразу становилось понятно, чем оно заслужило свою репутацию. Кроме нас, там в это время жил еще только один постоялец, который явно не собирался никуда уезжать, — удалившийся от дел суконщик из Дарлингтона. К столу он являлся задолго до урочного часа, неторопливо закладывая за воротник большую белую салфетку, и надо было видеть, как блестели его глаза, когда Берил вносила поднос с кушаньями.

Однако нас с Хелен покорили не только домашняя ветчина, йоркширский сыр, слоеные пироги с сочной начинкой из вырезки и почек, ягодные корзиночки и колоссальные йоркширские пудинги. Гостиницу окутывала атмосфера какого-то чарующего сонного покоя, и мы до сих пор с наслаждением возвращаемся мыслью к этим дням. Я и теперь часто проезжаю мимо «Пшеничного снопа» и, глядя на его старинный каменный фасад, ни котором какие-то жалкие тридцать лет, протекавшие с той поры, не оставили ни малейшего следа, с невольной нежностью вспоминаю эхо наших шагов на пустынной улице, когда мы выходили погулять перед сном, старинную латунную кровать, занимавшую почти все пространство тесной комнатки, темные силуэты холмов в ночном небе за нашим окном, отголоски смеха, доносящиеся из буфета внизу, куда сошлись отдохнуть окрестные фермеры.

Особенное наслаждение доставило мне наше первое утро, когда я повез Хелен к Алленам проверять пробы. Вылезая из машины, я заметил, что миссис Аллен осторожно выглядывает в щелку между кухонными занавесками. Она тут же вышла во двор, и, когда я подвел к ней мою

молодую жену, глаза у нее буквально полезли на лоб. Хелен одной из первых в тех краях начала носить брюки и в это утро надела ярко-лиловые — «совершенно потрясные», выражаясь на более позднем жаргоне. Фермерша была немножко шокирована, а немножко и позавидовала, но вскоре она убедилась, что Хелен одной с ней породы, и между ними завязался оживленный разговор. Глядя, как энергично кивает миссис Аллен и как ее лицо все больше расцветает улыбками, я понял, что Хелен охотно удовлетворяет ее любопытство. Времени на эта потребовалось много, и мистер Аллен в конце концов прервал их беседу.

— Если идти, так идти, — буркнул он, и мы отправились продолжать туберкулинизацию.

Начали мы с солнечного склона, где в загоне нас дожидался молодняк. Джек и Робби ринулись в загон, а мистер Аллен снял кепку и любезно обмахнул верх каменной стенки.

— Тут вашей хозяйке будет удобно, — сказал он.

Я уже собирался начать измерения, но от этих слов буквально прирос к месту. Моя хозяйка! Впервые такие слова были обращены ко мне... Я посмотрел на Хелен, которая сидела на необтесанных камнях, поджав ноги, положив на колено записную книжку и держа наготове карандаш. Она откинула упавшую на глаза темную прядку, наши глаза встретились, и она улыбнулась мне. Я улыбнулся в ответ и вдруг ощутил все великолепие окружающих холмов, медвяный запах клевера и нагретых солнцем трав, пьянящий сильнее любого вина. И мне показалось, что два года, которые я провел в Дарроуби, были прелюдией к этой минуте, что вот сейчас улыбка Хелен завершила первый решающий шаг в моей жизни — эта улыбка и бакелитовая дощечка на решетке Скелдейл-Хауса.

Не знаю, сколько я простоял бы так, словно в забытьи, но мистер Аллен выразительно откашлялся, и я вернулся к действительности.

— Начали, — сказал я, прикладывая кутиметр к шее первой телки. — Номер тридцать восемь, семь миллиметров, четко очерчено. — Я крикнул Хелен: — Номер тридцать восемь, семь, ч. о.

— Тридцать восемь, семь, ч. о., — повторила моя жена, и ее карандаш побежал по страничке записной книжки.

Мы с мистером Дейкином стояли у него в коровнике. Старик, ссутулившись, смотрел на меня с высоты своего роста. Глаза на длинном лице с обвислыми усами были полны терпеливой грусти.

— Значит, Незабудке конец приходит, — сказал он, и на мгновение его заскорузлая ладонь легла на спину коровы. Худ он был как щепка, большие натруженные руки с узловатыми распухшими пальцами свидетельствовали о жизни, полной тяжелой работы.

Я вытер иглу и опустил ее в жестяной ящик, в котором возил ланцеты, скальпеля, а также перевязочный и шовный материал.

— Решать, конечно, вам, мистер Дейкин, но ведь я зашиваю ей соски в третий раз и, боюсь, далеко не в последний.

— Оно, конечно, у нее тут все пообвисло. — Старик нагнулся, разглядывая ряд узлов по шву в ладонь длинной. — И всего-то другая корова наступила, а вид — страшней некуда.

— Коровьи копыта очень острые, — сказал я. — И при движении сверху вниз режут почти как нож.

Вечная беда старых коров! Вымя у них отвисает, соски увеличиваются, становятся дряблыми, и, когда такая корова ложится в стойле, вымя, несравненный молокотворный орган, распластывается и попадает под ноги соседок. Если не Мейбл справа, так Ромашке слева.

В маленьком вымощенном булыжником коровнике с низкой кровлей и деревянными перегородками стояло всего шесть коров, и у каждой была кличка. Теперь коров с кличками вы не встретите, исчезли и такие фермеры, как мистер Дейкин, у которого было всего шесть дойных коров, три-четыре свиньи и несколько кур, так что он еле сводил концы с концами. Конечно, коровы приносили телят, но...

— Ну что же, — сказал мистер Дейкин. — Старушка со мной в полном расчете. Я помню, как она родилась, ночью, двенадцать лет тому назад. Еще у той Ромашки. И я вытащил ее на мешковине из этого самого коровника, а снег так и валил. А уж сколько тысяч галлонов молока она с тех пор дала, и считать не стану — она и посейчас четыре галлона дает. Да-да, она со мной в полном расчете.

Незабудка, словно понимая, что речь идет о ней, повернула голову и посмотрела на него. Она являла собой классическую картину одряхлевшей коровы — такая же тощая, как ее хозяин, с выпирающими тазовыми

костями, с разбитыми разросшимися копытами, с множеством кольцевых перехватов на кривых рогах. Вымя, некогда упругое и тугое, жалко свисало почти до пола.

Походила она на своего хозяина и терпеливым спокойствием. Прежде чем зашить сосок, я сделал местную анестезию, но, мне кажется, она и без того не шевельнулась бы. Когда ветеринар зашивает соски, он наклоняет голову перед самыми задними ногами, и его очень удобно лягнуть, но от Незабудки такой подлости можно было не опасаться: она ни разу в жизни никого не лягнула.

Мистер Дейкин вздохнул:

— Ну что поделаешь! Придется поговорить с Джеком Додсоном: пусть заберет ее в четверг на мясной рынок. Жестковата, она, конечно, но на фарш сгодится.

Он попытался шутить, но, глядя на старую корову, не сумел выдавить улыбку. Позади него, за открытой дверью, зеленый склон сбегал к реке и весеннее солнце зажигало на ее широких отмелях миллионы танцующих искр. Дальше светлая полоса выбеленной солнцем гальки смыкалась с лугом, протянувшимся по долине.

Я часто думал, как должно быть приятно жить на этой маленькой ферме. Всего миля до Дарроуби, но полное уединение и чудесный вид на реку и холмы за ней. Однажды я даже сказал об этом мистеру Дейкину, и старик поглядел на меня с невеселой улыбкой.

— Так-то так, да только видом сыт не будешь, — сказал он.

В четверг мне снова пришлось заехать туда «почистить» одну из коров, и тут за Незабудкой явился Додсон, гуртовщик. Он уже собрал порядочное число откормленных бычков и коров с других ферм и оставил их на дороге под присмотром работника.

— Ну, мистер Дейкин! — воскликнул он, вбегая в коровник. — Сразу видно, которую вы отсылаете. Вон ту скелетину.

Он ткнул пальцем в Незабудку, и действительно это нелестное слово вполне соответствовало ее костлявости, особенно заметной рядом с упитанными соседками.

Фермер молча прошел между коровами, ласково почесал Незабудке лоб и только тогда ответил:

— Верно, Джек. Эту. — Он постоял в нерешительности, потом отомкнул цепь на ее шее и пробормотал: — Ну иди, иди, старушка!

Старая корова повернулась и с безмятежным спокойствием вышла из стойла.

— А ну пошевеливайся! — крикнул гуртовщик и ткнул ее палкой.

— Ты ее не бей, слышишь! — рявкнул мистер Дейкин.

Додсон с удивлением оглянулся на него:

— Я их никогда не бью, сами знаете. Подгоняю немножечко, и все.

— Знаю, знаю, Джек. Только эту и подгонять не нужно. Она сама пойдет, куда ты ее поведешь. Никогда не упиралась.

Незабудка подтвердила этот отзыв, выйдя из коровника, она послушно побрела по тропе.

Мы со стариком смотрели, как она не спеша поднимается по склону. За ней шагал Джек Додсон. Тропа свернула в рощицу, корова и порыжелый комбинезон гуртовщика скрылись из виду, но мистер Дейкин все еще глядел им вслед, прислушиваясь к затихающему стуку копыт по твердой земле.

Когда звук замер в отдалении, мистер Дейкин быстро повернулся ко мне:

— Пора и за дело браться, мистер Хэрриот, а? Сейчас я вам принесу горячей воды.

Мистер Дейкин хранил молчание все время, пока я намыливал руку и вводил ее в корову. Извлекать послед достаточно противно, но еще противнее наблюдать, как это делает кто-то другой, а потому в таких случаях я всегда пытаюсь отвлекать хозяина разговором. Однако на сей раз задача оказалась не из легких — я испробовал погоду, крикет и цены на молоко, но мистер Дейкин только невнятно буркал в ответ.

Он держал хвост коровы, опирался на шершавую спину и, глядя перед собой пустыми глазами, глубоко затягивался трубкой, которую, как и все фермеры, благоразумно закурил перед началом чистки. Ну и конечно, раз обстановка сложилась тяжелая, то и работа затянулась. Иногда плаценту удается извлечь целиком, но на этот раз мне приходилось отделять буквально карункул^[15] за карункулом, и каждые несколько минут я возвращался к ведру, чтобы снова продезинфицировать и намылить ноющие руки.

Но всему приходит конец. Я вложил пару пессариев, снял мешок, заменявший мне фартук, и натянул рубашку. Разговор давно иссяк, и молчание становилось совсем уж тягостным. Мистер Дейкин открыл дверь коровника и вдруг остановился, не снимая руки с щеколды.

— Что это? — спросил он негромко.

Где-то на склоне раздавался перестук коровьих копыт. К ферме вели две дороги, и он доносился со второй из них — с узкого проселка, который в полумиле от ворот выходил на шоссе. Мы все еще прислушивались, когда из-за каменистого пригорка появилась корова и затрусила к нам.

Это была Незабудка. Она бежала бодро, огромное вымя моталось из стороны в сторону, а взгляд был решительно устремлен на раскрытую дверь у нас за спиной.

— Что за... — мистер Дейкин не договорил. Старая корова проскочила между нами и без колебаний вошла в стойло, которое занимала десять с лишним лет. Недоуменно понюхав пустую кормушку, она поглядела через плечо на своего хозяина.

Мистер Дейкин уставился на нее. Глаза на дубленном лице ничего не выражали, но из его трубки быстро вырывались клубы дыма. За дверью послышался топот кованых сапог, и в дверь, запыхавшись, влетел Джек Додсон.

— Так ты тут, подлюга старая! — еле выговорил он. — А я уж думал, что не отыщу тебя! Он повернулся к фермеру. — Извиняюсь, мистер Дейкин. Она, надо быть, свернула на вторую вашу дорогу, а я и не заметил.

Старый фермер пожал плечами:

— Ладно, Джек. Ты тут ни при чем. Я ж тебя не предупредил.

— Ну, дело поправимое! — Гуртовщик ухмыльнулся и шагнул к Незабудке. — Давай, милка, пошли.

Но мистер Дейкин неожиданно преградил ему путь. Наступило долгое молчание; мы с Додсоном недоуменно смотрели на фермера, а он не спускал глаз с коровы, которая стояла у подгнившей перегородки, терпеливая и кроткая. В старом животном было какое-то трогательное достоинство, заставлявшее забыть безобразные расплюсченные копыта, выпирающие ребра, дряблое вымя, метущее пол.

Все так же молча мистер Дейкин неторопливо прошел между коровами и, лязгнув цепью, застегнул ее на шее Незабудки. Потом он направился в дальний конец коровника, принес навитую на вилы охапку сена и ловко сбросил его в кормушку.

Незабудке только того и надо было. Она выдернула внушительный клок и с тихим удовольствием принялась его пережевывать.

— Чего это вы, мистер Дейкин? — с недоумением спросил гуртовщик. — Меня же на рынке дожидаются.

Фермер выбил трубку о нижнюю половину двери и начал набивать ее дешевым табаком из жестяной банки.

— Ты уж извини, Джек, что я тебя затруднил, но только пойдешь ты без нее.

— Без нее?.. Как же?..

— Ты, конечно, подумаешь, что я свихнулся, но я тебе вот что скажу: старушка пришла домой и останется дома. — Он посмотрел на гуртовщика

прямо и твердо.

Додсон раза два кивнул и вышел из коровника. Мистер Дейкин высунулся в дверь и крикнул ему вслед:

— За хлопоты я тебе заплачу, Джек. Припиши к моему счету.

Вернувшись, он поднес спичку к трубке, затянулся и сказал сквозь завивающийся дым:

— Вам, мистер Хэрриот, доводилось чувствовать, что вот как случилось, то так и надо, так и к лучшему?

— Да, мистер Дейкин. И не один раз.

— Вот когда Незабудка спустилась с холма, я это самое и почувствовал. — Он протянул руку и почесал ей крестец. — Всегда она была самой из них лучшей, и я рад, что она вернулась.

— Но как быть с ее выменем? Я, конечно, готов зашивать соски, но...

— Э, я кое-что придумал. Вы вот чистили, а я тут и сообразил, только пожалел, что поздно.

— Придумали?

— Ага! — Старик кивнул и прижал табак пальцем. — Чем ее доить, подпущу к ней парочку телят, а поставлю в старую конюшню: там на нее некому будет наступать.

— Отличная мысль, мистер Дейкин. — Я засмеялся. — В конюшне с ней ничего не случится, а выкормит она и трех телят без особого труда.

— Ну да это дело десятое, я уж говорил. После стольких лет она мне ничего не должна. — Морщинистое лицо озарила мягкая улыбка. — Главное-то — что она пришла домой!

Недавно я увидел, как полицейский выговаривает угрюмому оборвышу, и мне вспомнился Уэсли Бинкс и тот случай, когда он сунул шутиху в щель для писем. Я побежал на звонок по темному коридору, и тут она взорвалась у самых моих ног, так что я от неожиданности просто взвился в воздух.

Распахнув дверь, я посмотрел по сторонам. Улица была пуста, но на углу, где фонарь отражался в витрине Робсона, мелькнула неясная фигура, и до меня донеслись отголоски ехидного смеха. Сделать я ничего не мог, хотя и знал, что где-то там прячется Уэсли Бинкс.

Я уныло вернулся в дом. Почему этот паренек с таким упорством допекает меня? Чем я мог так досадить десятилетнему мальчишке? Я никогда его не обижал, и тем не менее он явно вел против меня продуманную кампанию.

Впрочем, тут, возможно, не было ничего личного. Просто в его глазах я символизировал власть, установленный порядок вещей — или же просто оказался удобным объектом.

Бесспорно, я был прямо-таки создан для его излюбленной шуточки со звонком: ведь не пойти открывать я не мог — а вдруг это клиент? От приемной и от операционной до прихожей было очень далеко, и он знал, что всегда успеет удрать. К тому же он иногда заставлял меня спускаться из нашей квартирки под самой крышей. И как было не вспылить, если, проделав длинейший путь до входной двери и открыв ее, увидел только гримасничающего мальчишку, который злорадно приплясывал на безопасном расстоянии!

Иногда он менял тактику и просовывал в щель для писем всякий мусор, или обрывал цветы, которые мы выращивали в крохотном палисаднике, или писал мелом на моей машине всякие слова.

Я знал, что кроме меня есть и другие жертвы. Мне приходилось слышать их жалобы — хозяина фруктовой лавки, чьи яблоки исчезали из ящика в витрине, бакалейщика, против воли угощавшего его печеньем.

Да, бесспорно, он был городской язвой, и непонятно, почему его нарекли в честь Уэсли, добродетельнейшего основателя методизма. В его воспитании явно не проглядывало никаких следов методистских заповедей. Впрочем, о его семье я ничего не знал. Жил он в беднейшей части Дарроуби, во «дворах», где теснились ветхие домишки, многие из которых

стояли пустыми, потому что могли вот-вот рухнуть.

Я часто видел, как он бродит по лугам и проселкам или удит рыбу в тихих речных заводях в то время, когда должен был бы сидеть в школе на уроках. Стоила ему заметить меня, как он выкрикивал ядовитую насмешку, и, если с ним были приятели, все они покатывались от хохота. Неприятно, конечно, но я напоминал себе, что ничего личного тут нет, — просто я взрослый, и этого достаточно.

Решающую победу Уэсли, бесспорно, одержал в тот день, когда снял защитную решетку с люка нашего угольного подвала. Она находилась слева от входной двери, а под ней был крутой скат, по которому в подвал сыпали уголь из мешков.

Не знаю, была ли это случайность или тонкий расчет, но решетку он убрал в день местного праздника. Торжества начинались шествием через весь городок, и во главе шел Серебряный оркестр, приглашавшийся из Хоултона.

Выглянув в окно нашей квартирки, я увидел, что шествие выстраивается на улице внизу.

— Погляди-ка, Хелен, — сказал я. — Они, по-видимому, пойдут отсюда. Там полно знакомых лиц.

Хелен нагнулась через мое плечо, разглядывая длинные шеренги школьников, школьниц и ветеранов. На тротуарах теснилось чуть ли не все население городка.

— Очень интересно! Давай спустимся и посмотрим, как они пойдут.

Мы сбежали по длинным лестничным маршам, и вслед за ней я вышел на крыльцо. И тут же оказался центром общего внимания. Зрителям на тротуарах представилась возможность в ожидании шествия поглазеть на что-то еще. Младшие школьники принялись махать мне из стройных рядов, люди вокруг и на противоположной стороне улицы улыбались и кивали.

Я без труда догадывался об их мыслях: «А вон из дома вышел новый ветеринар. Он на днях женился. Вон его хозяйка рядом с ним».

Меня охватило удивительно приятное чувство. Не знаю, все ли молодые мужья его испытывают, но в те первые месяцы меня не оставляло ощущение тихой и прочной радости. И я гордился тем, что я «новый ветеринар» и стал в городке своим. Возле меня на решетке, как символ моей значимости, висела дощечка с моей фамилией. Теперь я прочно стоял на ногах, я получил признание!

Поглядывая по сторонам, я отвечал на приветствия легкими, полными достоинства улыбками или любезно помахивал рукой, точно особа королевской крови во время торжественного выезда. Но тут я заметил, что

мешаю Хелен смотреть, а потому сделал шаг влево, ступил на исчезнувшую решетку — и изящно скатился в подвал.

Эффектнее было бы сказать, что я внезапно исчез из виду, словно земля разверзлась и поглотила меня. Но к большому моему сожалению, этого не случилось. Тогда я просто отсиделся бы в подвале и был бы избавлен от дальнейших испытаний. Увы, скат оказался коротким и мои голова и плечи остались торчать над тротуаром.

Мое маленькое злоключение вызвало огромное оживление среди зрителей. Шествие было на время забыто. На некоторых лицах отразилась тревога, но вскоре хохот стал всеобщим. Взрослые хватались друг за друга, а младшие школьники, расстроив ряды, буквально валились с ног, и распорядители тщетно пытались восстановить порядок.

Я парализовал и музыкантов Серебряного оркестра, которые уже подносили к губам мундштуки своих труб, чтобы дать сигнал к выступлению. Им на время пришлось отказаться от этой идеи: вряд ли хоть у кого-нибудь хватило бы сил подуть даже в детскую свистульку.

Собственно говоря, на свет божий меня извлекли именно два музыканта, подхватив под мышки. А моя жена, вместо того чтобы протянуть мне руку помощи, изнемогала от смеха под моим укоризненным взглядом у дверного косяка, утирая глаза платочком.

Что произошло, я понял, когда вновь достиг уровня тротуара и начал с небрежным видом отряхивать брюки от угольной пыли. Вот тут я и увидел Уэсли Бинкса: согнувшись от хохота в три погибели, он показывал пальцем на меня и на угольный люк. Он был совсем близко в толпе зрителей, и я впервые мог как следует рассмотреть злобного бесенка, который так меня допекал. Наверное, я бессознательно шагнул в его сторону, потому что он мгновенно исчез в толпе, ухмыльнувшись напоследок по моему адресу.

Вечером я спросил про него у Хелен. Но она знала только, что отец Уэсли бросил семью, когда мальчику было лет шесть, а его мать потом снова вышла замуж и он живет с ней и отчимом.

По странному стечению обстоятельств мне вскоре представился случай познакомиться с ним покороче. Примерно неделю спустя после моего падения в угольный подвал, когда рана, нанесенная моему самолюбию, еще не зажила, я, заглянув в приемную, увидел, что там в одиночестве сидит Уэсли, то есть в одиночестве, если не считать тощей черной собачонки у него на коленях.

Я просто не поверил своим глазам. Сколько раз отшлифовывал я фразы, приготовленные именно на этот случай! Однако из-за собаки я сдержался: если ему требовалась моя профессиональная помощь, я не имел

права начинать с нотаций. Может быть, потом...

Я надел белый халат и вышел к нему.

— Чем могу служить? — спросил я холодно.

Мальчик встал, и выражение вызова, смешанного с отчаянием, сказало, чего ему стоило прийти сюда.

— С собакой у меня неладно, — буркнул он.

— Хорошо. Неси ее сюда. — Я пошел впереди него в смотровую.

— Пожалуйста, положи ее на стол, — сказал я и, пока он укладывал собачонку на столе, решил, что не стоит упускать случая. Осматривая собаку, я небрежно коснусь недавних событий. Нет, никаких упреков, никаких язвительных уколов, а просто спокойный разбор ситуации. И я уже собрался сказать: «Почему ты все время устраиваешь мне пакости?» — но взглянул на собаку, и все остальное вылетело у меня из головы.

Собственно, это был полувзрослый щенок самых смешанных кровей. Свою черную гляцевитую шерсть он, наверное, получил от ньюфаундленда, а острый нос и небольшие вздернутые уши говорили, что среди его предков присутствовал терьер, но длинный, тонкий, как веревочка, хвост и кривые передние ноги поставили меня в тупик. Тем не менее он был очень симпатичным, с доброй выразительной мордочкой.

Но все мое внимание поглотили желтые комочки гноя в уголках его глаз и гнойная слизь, текущая из носа. И боязнь света: болезненно зажмурившись, песик отвернулся от окна.

Классический случай собачьей чумы определить очень просто, но удовлетворения при этом не испытываешь ни малейшего.

— А я и не знал, что ты обзавелся щенком. Давно он у тебя?

— С месяц. Один парень спер его из живодерни в Хартингтоне и продал мне.

— Ах, так! — Я смерил температуру и нисколько не удивился, увидев, что столбик ртути поднялся до 40 градусов.

— Сколько ему?

— Девять месяцев.

Я кивнул — самый скверный возраст.

И начал задавать все положенные вопросы, хотя знал ответы заранее. Да, последние недели песик вроде бы поприших. Да нет, не болел, а как-то заскучал и иногда кашлял. Ну и, разумеется, мальчик забеспокоился и принес его ко мне, только когда начались гнойные выделения из глаз и носа. Именно на этой стадии нам обычно и доводится осматривать чумных животных — когда уже поздно.

Уэсли отвечал настороженно и насуплено поглядывал на меня, словно

в любую секунду ожидал получить затрещину. Но теперь, когда я рассмотрел его поближе, моя враждебность быстро рассеялась. Адский бесенок оказался просто ребенком, до которого никому не было дела. Грязный свитер с протертыми локтями, обтрепанные шорты и кисловатый запах детского, давно не мытого тела, который особенно меня ужаснул. Мне и в голову не приходило, что в Дарроуби могут быть такие дети.

Кончив отвечать мне, он собрался с духом и выпалил свой вопрос:

— Что с ним такое?

После некоторого колебания я ответил:

— У него чума, Уэс.

— Это что же?

— Тяжелая заразная болезнь. Наверное, он подхватил ее у другой, уже больной собаки.

— А он выздоровеет?

— Будем надеяться. Я сделаю все, что можно. — У меня не хватило мужества сказать мальчику, что его четвероногий друг скорее всего погибнет.

Я набрал в шприц «макериновую смесь», которую мы тогда применяли при чуме от возможных осложнений. Большого проку от нее не было, но ведь и теперь со всеми нашими антибиотиками мы почти не можем повлиять на окончательный исход. Если удастся захватить болезнь на ранней стадии, инъекция гипериммунной сыворотки может дать полное излечение, но хозяева собак редко обращаются к ветеринару так рано.

От укола щенки заскулили, и мальчик ласково его погладил.

— Не бойся, Принц, — сказал он.

— Значит, ты его так назвал? Принцем?

— Ну да. — Он потрепал шелковистые уши, а песик повернулся, взмахнул нелепым хвостом-веревочкой и быстро лизнул его пальцы. Уэс улыбнулся, поглядел на меня, и вдруг с чумазого лица исчезла угрюмая маска, а в темных ожесточенных глазах я прочел выражение восторженной радости. Я выругался про себя: значит, будет еще тяжелее.

Я отсыпал в коробочку борной кислоты и протянул ее мальчику.

— Растворяй в воде и промывай ему глаза и нос. Видишь, ноздри у него совсем запеклись. Ему сразу станет полегче.

Уэс молча взял коробочку и почти тем же движением положил на стол три с половиной шиллинга — наш обычный гонорар за консультацию.

— А когда мне с ним опять прийти?

Я нерешительно посмотрел на мальчика. Конечно, можно было повторить инъекцию, но что она даст? Он истолковал мои колебания по-

своему.

— Я заплачу! — воскликнул он. — Я заработаю, сколько нужно!

— Да нет, Уэс. Я просто прикидывал, когда будет удобнее. Как насчет четверга?

Он радостно закивал и ушел.

Дезинфицируя стол, я испытывал гнетущее чувство беспомощности. Современный ветеринар реже сталкивается с собачьей чумой просто потому, что теперь люди стараются сделать щенку предохранительные прививки как можно раньше. Но в тридцатые годы такие счастливицы среди собак были редкостью. Чуму легко предупредить, но почти невозможно вылечить.

За следующие три недели Уэсли Бинкс преобразился самым волшебным образом. У него уже была прочная репутация заядлого бездельника, теперь же он стал образцом трудолюбия и усердия — разносил газеты по утрам, вскапывал огороды, помогал гуртовщикам гнать скот на рынок. Но, вероятно, только я знал, что делает он все это ради Принца.

Каждые два-три дня он являлся со щенком на прием и платил с щепетильной точностью. Разумеется, я брал с него чисто символическую сумму, но все остальные его деньги тоже уходили на Принца — на свежее мясо, молоко и сухарики.

— Принц сегодня выглядит настоящим щеголем, — сказал я, когда Уэс пришел в очередной раз. — А, да ты купил ему новый ошейник с поводком?

Мальчик застенчиво кивнул и напряженно посмотрел на меня:

— Ему лучше?

— Не лучше и не хуже, Уэс. Такая уж это болезнь — тянется и тянется без особых перемен.

— А когда... Вы это заметите?

Я задумался. Может быть, ему станет легче, если он поймет настоящее положение вещей.

— Видишь ли, дело обстоит так: Принц поправится, если ему удастся избежать нервных осложнений.

— А это что?

— Припадки, паралич и еще хорея — когда мышцы сами дергаются.

— Ну а если они начнутся?

— Тогда худо. Но ведь осложнения бывают не всегда. — Я попытался ободряюще улыбнуться. — И у Принца есть одно преимущество: — он полукровка. У собак смешанных пород есть такая штука — гибридная

стойкость, которая помогает им бороться с болезнями. Он же ест неплохо и не куксится, верно?

— Ага!

— Ну так будем продолжать. Сейчас я сделаю ему еще одну инъекцию.

Мальчик вернулся через три дня, и по его лицу я догадался, что ему не терпится сообщить замечательную новость.

— Принцу куда лучше! Глаза и нос у него совсем сухие, а ест что твоя лошадь! — Он даже задышался от волнения.

Я поднял щенка на стол. Да, действительно, он выглядел намного лучше, и я постарался поддержать ликующий тон.

— Просто замечательно, Уэс! — сказал я, а мозг мне сверлила тревожная мысль: если начнет развиваться нервная форма, то именно сейчас, когда собака как будто пошла на поправку. Я отогнал ее. — Ну, раз так, вам можно больше сюда не ходить, но внимательно следи за ним, и чуть заметишь что-нибудь необычное, сразу же води его ко мне.

Маленький оборвыш сиял от восторга. Он буквально приплясывал в коридоре, а я от глубины души надеялся, что больше его и Принца не увижу.

Это произошло в пятницу вечером, а в понедельник вся история уже отодвинулась в прошлое, в категорию приятных воспоминаний. Но тут в приемную вошел Уэс, ведя на поводке Принца. Я сидел за письменным столом и заполнял еженедельник.

— Что случилось, Уэс? — спросил я, поднимая голову.

— Его дергает.

Я не пошел с ним в смотровую, а тут же сел на пол и стал вглядываться в щенка. Сначала я ничего не обнаружил, но потом заметил, что голова у него чуть-чуть подрагивает. Я положил ладонь ему между ушами и выждал. Да, вот оно: очень легкое, не непрерывное подергивание височных мышц, которого я так опасался.

— Боюсь, у него хорей, Уэс, — сказал я.

— А это что?

— Помнишь, я тебе говорил. Иногда ее называют пляской святого Витта. Я надеялся, что у него она не начнется.

Мальчик неожиданно стал очень маленьким, очень беззащитным. Он стоял понурившись и вертел в пальцах новый поводок. Заговорить ему было так трудно, что он даже закрыл глаза.

— Он что, умрет?

— Иногда собаки выздоравливают от хорей, Уэс. — Но я не сказал

ему, что сам видел только один такой случай. — У меня есть таблетки, которые могут ему помочь. Сейчас я тебе их дам.

Я отсыпал ему горсть таблеток с мышьяком, которые давал той единственной вылеченной мной собаке. Я даже не был уверен, что ей помогли именно они. Но никакого другого средства все равно не было. Следующие две недели хорея у Принца протекала точно по учебнику. Все, чего я так боялся, происходило с беспощадной последовательностью. Подергивание распространилось с головы на конечности, потом при ходьбе он начал вилять задом.

Уэсли чуть ли не каждый день приводил его ко мне, и я что-то делал, одновременно стараясь показать, что положение безнадежно. Но мальчик упрямо не отступал. Он с еще большей энергией разносил газеты, брался за любую работу и обязательно мне платил, хотя я не хотел брать денег. Потом он пришел один.

— Принца я не привел, — пробормотал он. — Он ходить не может. Вы бы не съездили посмотреть его?

Мы сели в машину. Было воскресенье, и, как всегда, к трем часам улицы обезлюдели. Уэс провел меня через мощный булыжником двор и открыл дверь. В нос ударил душный запах. Сельский ветеринар быстро отучается от брезгливости, и все-таки меня затошнило. Миссис Бинкс, неряшливая толстуха в каком-то бесформенном балахоне, с сигаретой во рту читала журнал, положив его на кухонном столе между грудками грязных тарелок, и только тряхнула папильотками, когда мы вошли.

На кушетке под окном храпел ее муж, от которого разило пивом. Раковину, тоже заваленную грязной посудой, покрывал какой-то отвратительный зеленый налет. На полу валялись газеты, одежда и разный непонятный хлам, и над всем этим в полную мощь гремело радио.

Чистой и новой здесь была только собачья корзинка в углу. Я прошел туда и нагнулся над щенком. Принц бессильно вытянулся, его исхудавшее тело непрерывно дергалось. Ввалившиеся глаза, вновь залитые гноем, безучастно смотрели прямо перед собой.

— Уэс, — сказал я, — его лучше усыпить.

Он ничего не ответил, а ревящее радио заглушало мои слова, когда я попытался объяснить. Я повернулся к его матери:

— Вы не могли бы выключить радио?

Она кивнула сыну, он подошел к приемнику и повернул ручку. В наступившей тишине я сказал Уэсли:

— Поверь мне, ничего другого не остается. Нельзя же допустить, чтобы он вот так мучился, пока не умрет.

Мальчик даже не посмотрел на меня, его взгляд был устремлен на щенка. Потом он поднес руку к лицу, и я услышал тихий шепот:

— Ладно...

Я побежал в машину за нембуталом.

— Не бойся, ему совсем не будет больно, — сказал я, наполняя шприц. И действительно, щенок только глубоко вздохнул. Потом он вытянулся, и роковая дрожь утихла навсегда. Я положил шприц в карман.

— Я его заберу, Уэс?

Он поглядел на меня непонимающими глазами, во тут вмешалась его мать:

— Забирайте, забирайте его! Я с самого начала не хотела эту дрянь в дом пускать! — И она снова погрузилась в свой журнал.

Я быстро поднял обмякшее тельце и вышел. Уэс вышел следом за мной и смотрел, как я бережно кладу Принца в багажник на мой черный сложенный халат. Когда я захлопнул крышку, он прижал кулаки к глазам и весь затрясся от рыданий. Я обнял его за плечи, и, пока он плакал, прижавшись ко мне, я подумал, что, наверное, ему еще никогда не доводилось плакать вот так — как плачут дети, когда их есть кому утешать.

Но вскоре он отодвинулся и размазал слезы по грязным щекам.

— Ты вернешься домой, Уэс? — спросил я.

Он замигал и взглянул на меня с прежним хмурым выражением.

— Не-а, — ответил он, повернулся и зашагал через улицу. Я смотрел, как он, не оглянувшись, перелез через ограду и побрел по лугу к реке.

И мне почудилось, что я вижу, как он возвращается к своему прежнему существованию. С тех пор он уже не разносил газет и никому не помогал в огороде. Меня он больше не допекал, но поведение его становилось все более ожесточенным. Он поджигал сараи, был арестован за кражу, а в тринадцать лет начал угонять автомобили.

В конце концов его отправили в специальную школу, и он навсегда исчез из наших краев. Никто не знал, что с ним случилось, и почти все забыли его. Среди тех, кто не забыл, был наш полицейский.

— Этот парнишка, Уэсли Бинкс, Помните? — как-то сказал он мне задумчиво. — Второго такого закоренелого я еще не встречал. По-моему, он в жизни никого и ничего не любил. Ни единого живого существа.

— Я понимаю вас, — ответил я. — Но вы не вполне правы. Было одно живое существо...

Тристан не пожал бы лавров ни на одном кулинарном конкурсе. Конечно, я был избалован — сначала миссис Холл, а потом Хелен. В Скелдейл-Хаусе мы ели по-царски, за исключением редчайших случаев, как, например, в тот единственный раз, когда Тристан был временно возведен в повара.

Все началось как-то утром за завтраком (я тогда еще был не женат). Мы с Тристаном заняли наши места за обеденным столом красного дерева; влетел Зигфрид, невнятно поздоровался с нами и налил себе кофе. В какой-то странной рассеянности он намазал маслом ломтик жареного хлеба, подцепил вилкой кусочек жареной грудинки, начал задумчиво его пережевывать и вдруг хлопнул ладонью по столу с таким треском, что я подпрыгнул.

— Вот-вот! — крикнул он.

— Что вот-вот? — осведомился я.

Зигфрид положил нож и вилку и назидательно погрозил мне пальцем.

— Довольно-таки глупо. Я сижу, ломаю голову, как же быть, а выход — вот он.

— Да что случилось?

— Миссис Холл! — ответил он. — Она только что предупредила меня, что едет ухаживать за больной сестрой. Вернется примерно через неделю, и я все думал, кому пока поручить хозяйство.

— Понятно!

— И тут меня осенило! — Он отрезал кусок яичницы. — Этим займется Тристан.

— А? — Его брат удивленно оторвал взгляд от своей «Дейли миррор». — Я?

— Да, ты! Ты только и знаешь, что задницу просиживать, Можешь и поработать немножко. Тебе это будет полезно.

Тристан настороженно поглядел на брата:

— В каком смысле — поработать?

— Поддерживать в доме порядок, — ответил Зигфрид. — Я не требую ничего особенного: будешь заниматься уборкой и, конечно, готовить.

— Готовить?

— Вот именно. — Зигфрид сурово поглядел на него. — Ты ведь способен приготовить обед?

— Ну... э... да. Я могу приготовить сосиски с пюре.

— Ну вот и прекрасно. — Зигфрид удовлетворенно кивнул. — И никаких трудностей. Джеймс, будьте добры, передайте тушеные помидоры.

Я молча подал ему салатницу. Собственно, все это время я слушал вполуха и размышлял о своем. Перед самым завтраком мне позвонил Кен Биллингс, один из лучших наших клиентов, и его слова все еще отдавались у меня в голове: «Мистер Хэрриот, теленок, которого вы вчера смотрели, издох. Третий за неделю. Просто ум за разум заходит. Вы бы приехали сейчас, поглядели бы еще разок, какая может быть причина».

Я рассеянно допивал кофе. Не только у него ум за разум заходил. У троих отличных телят появились признаки острых желудочных болей. Я дал им лекарство, а они сдохли. Достаточно скверно! Но куда хуже было то, что я даже не представлял себе, почему так произошло.

Я вытер губы и торопливо встал.

— Зигфрид, я хотел бы начать с Биллингса. А потом побываю у тех, кого вы мне дали.

— Разумеется, Джеймс, как считаете нужным. — Мой патрон одарил меня ласковой одобрительной улыбкой, положил шляпку гриба на кусочек хлеба и, смакуя, отправил в рот. Он не был гурманом, но завтракал всегда со вкусом.

Всю дорогу я думал, думал, думал... Чего еще я не сделал? Что упустил? В подобных неясных случаях естественнее всего предположить, что животное съело что-то вредное. Сколько часов я провел, бродя по пастбищам, проверяя, нет ли там ядовитых растений! Но телятам мистера Биллингса это не помогло бы: они даже не знали, что такое пастбище, им ведь еще не исполнилось и месяца.

Я провел вскрытие погибших животных, но обнаружил только гастроэнтерит неясного происхождения. Почки я отослал в лабораторию для проверки на свинец — и получил отрицательный ответ. У меня, как и у их владельца, действительно ум за разум заходил.

Мистер Биллингс ждал во дворе.

— Хорошо, что я вам позвонил! — торопливо сказал он. — Еще у одного началось!

Мы с ним кинулись в телятник, и я увидел именно то, чего ожидал и страшился: маленький теленок пытался брыкнуть себя в живот, ложился, вскакивал, иногда катался по подстилке. Типичная боль в желудке. Но отчего?

Я внимательно осмотрел его, как прежде тех, других. Температура нормальная, в легких чисто, только атония рубца и резко выраженная

болевая чувствительность при пальпации живота.

Я укладывал термометр в футляр, когда теленок рухнул на пол и забился в судорогах. На губах у него выступила пена. Я поспешно сделал инъекции успокаивающих препаратов и магнeзии кальция, но с ощущением полной безнадежности. Все это я уже испробовал раньше.

— Так что же это, черт подери? — спросил фермер, словно читая мои мысли.

Я пожал плечами.

— Острый гастрит, мистер Биллингс, но причины я не знаю. Хотя могу поклясться, что этот теленок проглотил какое-то едкое ядовитое вещество.

— Так я же ничего им не даю, кроме молока да горстки орехов. — Фермер уныло развел руками. — Неоткуда им что-нибудь вредное взять.

И еще раз я безнадежно начал осматривать телятник в поисках хоть Чего-нибудь, что могло бы объяснить гибель его обитателей. Жестянка из-под краски, лопнувший пакет химикалий для промывки овечьей шерсти — просто поразительно, на что только не натыкаешься в коровниках и конюшнях!

Но не у мистера Биллингса. Он был сама чистоплотность и аккуратность, особенно во всем, что касалось телят, и ни на подоконниках, ни на полках не было ничего лишнего, опасного или просто забытого. И ведра, в которых телятам давали молоко, каждый раз отмывались и начищались до блеска. Телята были слабостью мистера Биллингса. Двое его сыновей-подростков увлеченно работали на ферме, и он старался предоставить им побольше самостоятельности. Но телят всегда кормил сам.

«Выкармливать телят — это в скотоводстве самое главное, — говаривал он. — Тут все первый месяц решает: если хорошо пройдет, значит, полдела сделано».

И опыта ему было не занимать стать. Его питомцы никогда не страдали обычными болезнями молодняка — ни гастроэнтеритов, ни пневмоний, ни рахита. Я всегда поражался его успехам, но как раз поэтому нынешняя катастрофа воспринималась еще тяжелее.

— Ну ладно, — сказал я на прощание с притворным оптимизмом. — Может быть, у этого обойдется. Утром позвоните мне.

Все время объезда настроение у меня оставалось мрачным, и за обедом мои мысли были так далеко, что я не сразу понял, почему на стол подает Тристан. Отъезд миссис Холл совершенно вылетел у меня из головы. Впрочем, сосиски с пюре оказались совсем недурны, а Тристан накладывал их щедрой рукой. Мы все трое очистили тарелки до блеска:

утро для ветеринара — самое рабочее время и к середине дня меня начинал терзать волчий голод.

До вечера я продолжал ломать голову над таинственной гибелью телят мистера Биллингса, а потому как-то не обратил внимания, что ужинаем мы снова сосисками с пюре.

— То же самое, а? — буркнул Зигфрид, но съел свою порцию и вышел из-за стола, не сказав больше ни слова.

Следующий день начался скверно. Когда я спустился в столовую, завтрак еще не был подан и Зигфрид нетерпеливо расхаживал по комнате.

— Где завтрак, черт побери? — взорвался он. — И где, черт побери, Тристан? — Он ринулся в коридор, и через несколько секунд из кухни донеслись крики: — Тристан! Тристан!

Я знал, что он напрасно тратит время и энергию: его брат частенько вставал поздно. Просто сегодня это было особенно заметно.

Мой патрон яростным галопом промчался назад по коридору, и я стиснул зубы, ожидая очередного скандала, едва он вытащит младшего брата из постели. Но, по обыкновению, хозяином положения оказался Тристан. Только Зигфрид кинулся вверх по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки, как на верхней площадке показался виновник всех этих треволнений, невозмутимо завязывавший галстук. Просто колдовство какое-то! Он почти никогда не вставал вовремя, но захватить его под одеялом удавалось очень редко.

— Извините, ребята, — прожурчал он. — Боюсь, я немножко проспал.

— Очень мило! — возопил Зигфрид. — Но где завтрак? Я же поручил тебе вести дом!

Тристан был само раскаяние.

— От всего сердца прошу прощения. Но я вчера допоздна чистил картошку.

Лицо Зигфрида налилось кровью.

— Как бы не так! — рявкнул он. — Ты взялся за нее, только когда «Гуртовщики» закрылись!

— Ну и что же? — Тристан сглотнул и на его лице появилось знакомое мне выражение оскорбленного достоинства. — Да, у меня вчера к вечеру пересохло в горле. Наверное, потому, что я без конца подметал и вытирал пыль.

Зигфрид ничего не ответил. Метнув в брата испепеляющий взгляд, он повернулся ко мне:

— Придется обойтись хлебом с мармеладом, Джеймс. Идемте на кухню и...

Его перебил пронзительный телефонный звонок. Я взял трубку, прижал ее к уху, и Зигфрид остановился как вкопанный, наверное, такое у меня стало лицо.

— Что случилось, Джеймс? — спросил он, когда я отошел от телефона. — У вас такой вид, словно вас лошадь лягнула в солнечное сплетение.

— Вот именно. — Я кивнул. — Вчерашний теленок у Биллингса издыхает, и уже заболел новый. Вы не могли бы съездить со мной туда, Зигфрид?

Зигфрид стоял и смотрел через перегородку на теленка. Теленок, казалось, никак не мог найти себе места: он вскакивал, ложился, брыкался, словно отгоняя невидимую боль, вертел крупом из стороны в сторону. А потом упал на бок и задергал всеми четырьмя ногами.

— Джеймс, — негромко сказал мой патрон, — он отравился.

— Я и сам так думаю. Но каким образом?

Мистер Биллингс не выдержал:

— Напрасно вы это говорите, мистер Фарнон. Мы все тут пересмотрели, и не один раз. Нечем им было травиться.

— Ну посмотрим заново.

Зигфрид обошел телятник, как уже обходил его я, и вернулся. Его лицо ничего не выражало.

— У кого вы покупаете орехи? — буркнул он, разламывая аккуратный кубик между пальцами.

Мистер Биллингс развел руками:

— У Райдерсов. Лучшие. Уж они-то тут ни при чем!

Зигфрид промолчал. Райдерсы славились тщательностью изготовления кормов. Он выслушал нашего пациента с помощью стетоскопа, измерил ему температуру, потыкал пальцами в волосатую брюшную стенку, невозмутимо вглядываясь в мордочку, чтобы проверить реакцию. Затем он проделал все это с моим вчерашним больным, чьи стекленеющие глаза и похолодевшие конечности неумолимо говорили об ожидающей его судьбе. Потом он сделал, обоим телятам те же инъекции, какие делал я, и мы уехали.

Сначала Зигфрид молчал, но когда мы проехали около полумили, он внезапно ударил ладонью по рулевому колесу.

— Это какой-то минеральный яд, Джеймс. Тут сомнений никаких нет. Но черт меня побери, если я понимаю, как он попадают к ним в желудок!

Возня с телятами заняла много времени, и мы сразу поехали в Скелдейл-Хаус обедать. Как и я, Зигфрид был поглощен загадкой телят

мистера Биллингса и даже не поморщился, когда Тристан поставил перед ним дымящуюся тарелку сосисок с пюре. Но затем он погрузил вилку в пюре и словно очнулся.

— Господи! — воскликнул он. — Опять то же самое?

Тристан умиротворяюще улыбнулся:

— Ну да! Мистер Джонсон заверил меня, что сегодняшняя партия сосисок на редкость удачна. Высший сорт, сказал он.

— Ах так? — Старший брат смерил его угрюмым взглядом. — По-моему, от вчерашних их не отличить. Ужинали сосисками, обедаем сосисками... — Его голос стал громовым, но затем снова понизился. — А, да что там! — пробормотал он и начал вяло ковырять сосиску. Мысль о телятах явно парализовала его силы, и я прекрасно понимал, как он себя чувствует.

Но мой патрон никогда не падал духом надолго, и, когда мы встретились вечером, к нему уже полностью вернулись обычная энергия и оптимизм.

— Признаюсь вам, Джеймс, визит к Биллингсу меня совсем было доканал, — сказал он. — Но с тех нор я посмотрел кое-каких моих пациентов, и все они быстро идут на поправку. Удивительно бодряще это действует. Разрешите, я вам налью?

Он достал бутылку из шкафчика над каминной полкой, налил джин в две стопочки и благодушно посмотрел на брата, который занимался уборкой гостиной.

Тристан усердствовал вовсю: егозил щеткой по ковру, расправлял подушки, обмахивал тряпкой все, что подвертывалось под руку. Он вздыхал и побряхтывал — ну прямо верная старая служанка. Для довершения иллюзии ему не хватало только чепчика и передничка с оборками.

Мы допили джин, и Зигфрид погрузился в «Ветеринари рикорд», а из кухни повеяло аппетитными запахами. Около семи Тристан просунул голову в дверь:

— Ужин на столе!

Мой патрон отложил газету, встал и с наслаждением потянулся.

— Отлично. Очень есть хочется.

Я пошел за ним в столовую и чуть было не натолкнулся на него — так внезапно он остановился, ошеломленно глядя на супницу в центре стола.

— Что, опять чертовы сосиски с пюре? — взвыл он.

Тристан помялся:

— Ну... да. Это же очень вкусно.

— Вкусно! Мне эта дрянь уже по ночам снится. Неужели ты не

можешь приготовить что-нибудь еще?

— Но я же тебя предупреждал! — Тристан сделал обиженное лицо. — Я же тебя предупреждал, что умею готовить сосиски и пюре.

— Да, предупреждал! — рявкнул его брат. — Но ты не сказал, что умеешь готовить ТОЛЬКО сосиски и пюре!

Тристан неопределенно пошевелил рукой, и Зигфрид бессильно опустился на стул.

— Ну ладно, — вздохнул он. — Накладывай, и да сжалится над нами господь!

После первого же глотка Зигфрид прижал руку к животу и испустил тихий стон:

— Нет, это отрава! После недели на такой диете я уже никогда не стану прежним!

Следующий день начался весьма эффектно. Я только что встал с кровати и протягивал руку к халату, когда дом потряс оглушительный взрыв. По коридорам и комнатам, дребезжа стеклами, промчался ураганный ветер, после чего наступила зловещая тишина.

Я выскочил на площадку и столкнулся там с Зигфридом. Он посмотрел на меня выпученными глазами и кинулся вниз.

В кухне на полу среди хаоса кастрюль, тарелок, битых яиц и кусочков грудинки лицом вверх лежал Тристан.

— Что тут происходит? — рявкнул Зигфрид.

Тристан посмотрел на него снизу вверх с легким интересом:

— Право, не знаю. Я затапливал плиту, и вдруг что-то ухнуло.

— Затапливал плиту?..

— Ну да. Я каждое утро мучаюсь. Никакой тяги. По-моему, надо прочистить дымоход. В таких старых домах...

— Это мы знаем! — перебил Зигфрид. — Но что произошло, черт подери?

Тристан приподнялся на локте и сел. Даже в эту минуту, среди мусора на полу, с перепачканной физиономией, он сохранял невозмутимое достоинство.

— Ну, я решил принять меры, (Его деятельный ум вечно выискивал новые способы сохранения энергии.) Намочил кусок ваты эфиром и бросил в плиту.

— Эфиром?

— Ну да. Он же легко воспламеняется, верно?

— Воспламеняется! — Глаза Зигфрида вылезли на лоб. — Он хуже динамита! Еще счастье, что ты не взорвал весь дом!

Тристан поднялся на ноги и отряхнул брюки.

— Ну ничего. Сейчас займусь завтраком.

— Не надо! — Зигфрид испустил долгий судорожный вздох, подошел к хлебнице, достал булку и начал ее кромсать. — Вон он, на полу, твой завтрак. А к тому времени, когда ты все это уберешь, мы уже уедем. Обойдемся хлебом с мармеладом, Джеймс?

Мы уехали имеее. Зигфрид попросил Кена Биллингса отложить кормление телят до нашего приезда, чтобы мы могли при этом присутствовать.

Ничего хорошего нас там не ждало. Оба теленка сдохли, и на лице фермера было написано глубокое отчаяние.

Зигфрид стиснул зубы, но тут же сделал рукой приглашающий жест:

— Начинайте, мистер Биллингс. Я хочу поглядеть, как они едят.

Орехи подсыпались в кормушку все время, но мы внимательно смотрели, как фермер разлил молоко по ведрам и как телята принялись пить. Бедняга фермер явно уже смирился с неизбежным и не возлагал на эту затею Зигфрида никаких надежд.

Собственно, и я тоже. Но Зигфрид бродил по телятнику, как леопард, словно готовясь к решительному броску. Он нагибался над телятами, и они поворачивали к нему белые от молока мордочки, но дать ответ на загадку могли не больше, чем я.

Мой взгляд скользнул по длинному ряду станков. В них еще оставалось тридцать с лишним телят, и меня охватило жуткое предчувствие, что таинственная эпидемия скосит их всех. И тут Зигфрид ткнул пальцем в ведро:

— А это что?

Мы с фермером нагнулись и увидели, что в молоке плавает черный кружок.

— Грязюка какая-то, — буркнул мистер Биллингс. — Сейчас вытащу. — И он протянул руку к ведру.

— Нет, позвольте мне! — Зигфрид осторожно выловил черный кружок, стряхнул молоко с пальцев и принялся внимательно рассматривать свою находку.

— Это не просто грязюка, — пробормотал он. — Поглядите, он вдавлен, словно чашечка. — Большим и указательным пальцем он потер край кружка. — Я вам скажу, что это. Это струп. Но откуда?

Он оглядел шею и голову теленка, потрогал один из роговых бугорков и вдруг замер.

— Видите ранку? Теперь понятно, откуда этот струп. — Он примерил

черную шапочку, и она плотно прилегла к бугорку.

Фермер пожал плечами:

— Это-то понятно. Я недели две назад их всех обезрожил.

— А как, мистер Биллингс? — мягко спросил Зигфрид.

— Тут мне одну новинку продали: просто мажешь на бугорки — и дело с концом. Куда проще, чем с квасцами возиться.

— А бутылку вы сохранили?

— Угу. Она в доме. Сейчас принесу.

Когда он вернулся, Зигфрид прочел этикетку и протянул бутылку мне.

— Треххлористая сурьма, Джим. Теперь все понятно.

— Но... чего вы нашли-то? — с недоумением спросил фермер.

Зигфрид сочувственно поглядел на него.

— Сурьма — смертельный яд, мистер Биллингс. Да, рога она выжжет, можете не сомневаться. Но если попадет в корм, то...

Фермер широко раскрыл глаза.

— Понятно! А когда они суют голову в ведро, эти штуки туда и сваливаются!

— Вот именно, — согласился Зигфрид. — Или они сдирают струп о стенку ведра. Но давайте займемся остальными.

Мы обошли всех телят, удаляя смертоносные корочки и выскребая бугорки, и когда наконец уехали, то твердо знали, что мучительный, хотя и краткий эпизод с телятами Биллингса остался позади.

Зигфрид положил локти на рулевое колесо и вел машину, подпирая подбородок ладонями. Это была его обычная поза, когда он погружался в задумчивость, но я никак не мог к ней привыкнуть.

— Джеймс, — сказал он, — я никогда ничего подобного не видел. Тема для статьи.

Он был прав: теперь, изложив эту историю тридцать пять лет спустя, я сообразил, что ничего подобного с тех пор не случилось.

В Скелдейл-Хаусе мы расстались. Тристан, явно стараясь загладить утреннее происшествие, орудовал шваброй в коридоре с рвением матроса парусного флота. Но едва Зигфрид уехал, как в доме воцарился полный покой, и, когда, собрав все необходимое для предстоящих визитов, я заглянул в гостиную, Тристан возлежал там в своем любимом кресле.

Я вошел и с удивлением увидел на углях в камине кастрюлю с сосисками.

— Что это? — спросил я.

Тристан закурил сигарету, развернул «Дейли миррор» и положил ноги на соседнее кресло.

— Готовлю обед, старина.

— Здесь?!

— Вот именно, Джим. Хватит с меня этой раскаленной плиты. И на кухне даже присесть толком негде. Не говоря уж о расстоянии до нее.

Я смерил взглядом разлегшегося повара.

— О том, что в меню, спрашивать смысла нет?

— Ни малейшего, старый друг. — Тристан оторвался от газеты и одарил меня ангельской улыбкой.

Я уже собрался уйти, но в недоумении остановился.

— А где картошка?

— В камине.

— В камине?

— Ну да. Я положил ее печься в золу. Вкус удивительный!

— Ты уверен?

— Ну еще бы, Джим. Вот погоди, ты оценишь мое поварское искусство!

Я вернулся почти в час. В гостиной Тристана не было, но там висел сизый чад, и в ноздри мне ударил запах, словно от костра, на котором жгут палый лист.

Тристана я нашел на кухне. От его светской невозмутимости не осталось и следа: он безнадежно тыкал ножом в угольно-черные шарики. Я уставился на него:

— Что это такое?

— Картошка, Джим, чтоб ее черт побрал! Я немножко вздремнул — и вот полюбуюсь!

Он брезгливо разрезал обуглившийся клубень. В самом центре я различил беловатый кружок — единственную предположительно съедобную часть некогда большой картофелины.

— Н-да, Тристан! И что же ты намерен делать?

Он бросил на меня панический взгляд.

— Выковыряю середку и сделаю пюре. А что еще мне остается?!

Смотреть на это было выше моих сил. Я ушел к себе, умылся, а потом спустился в столовую. Зигфрид уже сидел за столом, и я сразу заметил, что он все еще смакует утренний успех. Он весело кивнул мне:

— Джеймс, а Кен Биллингс подсунул нам хорошую задачку! Приятно, что мы с ней разобрались.

Но улыбка замерла у него на губах. В столовую вошел Тристан и поставил перед нами две супницы. Из одной выглядывали неизбежные сосиски, а в другой покоилась непонятная сероватая масса с

многочисленными черными вкраплениями разной величины.

— Во имя всего святого, — зловеще-спокойно осведомился Зигфрид. — Что? Это? Такое?

— Ну... э... картофель... — Тристан откашлялся. — Боюсь, он немножко пригорел.

Мой патрон промолчал. С грозной невозмутимостью он положил себе на тарелку ложку пятнистой смеси, подцепил немного на вилку и начал жевать. Раза два, когда у него на зубах хрустели особенно твердые кусочки угля, он поморщился. Затем он закрыл глаза и проглотил. Секунду он сидел неподвижно, потом обеими руками ухватился за живот, застонал и вскочил на ноги.

— Довольно! — загремел он. — Я готов лечить отравленных животных на фермах, но не желаю, чтобы меня пичкали отравой в моем собственном доме! — Он направился к двери, бросив через плечо: — Пойду пообедаю в «Гуртовщиках».

В этот момент его снова передернуло. Он опять прижал ладони к животу и обернулся.

— Вот теперь я понимаю, что испытывали эти несчастные телята!

Я занимался кастрацией поросят. Их было много, а я торопился, и это не прошло мне даром — скальпель располосовал указательный палец на левой руке. Мгновенно все вокруг обагрилось моей кровью. Мне никак не удавалось ее унять: бинты сразу промокали, и когда я наконец все-таки наложил повязку, она получилась невообразимо большой и бесформенной — толстенный слой ваты, десятки раз обмотанный самым широким бинтом, какой только отыскался в моем багажнике.

Когда я уехал с фермы, заметно стемнело и в морозном небе загорались звезды, хотя не было еще и пяти часов — в конце декабря солнце заходит рано. Я ехал медленно, и огромный забинтованный палец торчал над рулевым колесом, точно веха, указывающая путь между лучами фар. До Дарроуби оставалось около полумили и за голыми ветками придорожных деревьев уже мелькали огни городка, как вдруг из мрака навстречу мне выскочила машина, проехала мимо, затем я услышал визг тормозов, машина остановилась, развернулась и помчалась назад.

Она обогнала меня, свернула на обочину, и я увидел неистово машущую руку. Я остановился; на дорогу выскочил молодой человек и побежал ко мне.

Он всунул голову в окно:

— Вы ветеринар? — Молодой человек задыхался, в его голосе звучала паника.

— Да.

— Слава богу! Мы едем в Манчестер и побывали у вас... Нам сказали, что вы поехали этой дорогой... описали вашу машину. Ради бога, помогите!

— Что случилось?

— Наша собака... На заднем сиденье... У него в горле застрял мяч. Я... мне кажется, он уже задохнулся.

Он еще не договорил, а я уже бежал по шоссе к большому белому автомобилю, из которого доносился плач. На фоне заднего стекла виднелись детские головки.

Я распахнул дверцу и услышал всхлипывания:

— Бенни, Бенни, Бенни!

И темноте я едва различил большую собаку, распростертую на коленях четырех детей.

— Папа, он умер, он умер!

— Его надо вытащить наружу, — сказал я, задыхаясь.

Молодой человек ухватил собаку за передние лапы, а я поддерживал ее снизу, и она без всяких признаков жизни вывалилась на асфальт.

Мои пальцы запутались в густой шерсти.

— Ничего не видно! Помогите мне перенести его к свету!

Мы подтащили безжизненное тело к лучам фар, и я увидел великолепного колли в полном расцвете сил — пасть его была широко раскрыта, язык вывалился, глаза остекленели. Он не дышал.

Молодой человек взглянул на собаку, сжал голову руками и простонал:

— Боже мой, боже мой...

В машине тихо плакала его жена и рыдали дети:

— Бенни... Бенни...

Я схватил его за плечо и закричал:

— Что вы говорили про мяч?

— У него в горле... Я пробовал его вынуть, но ничего не получается, — невнятно бормотал он, не поднимая головы.

Я сунул руку в пасть и сразу нащупал твердый резиновый мяч величиной с теннисный, который застрял в глотке, как пробка, плотно закупорив трахею. Я попытался обхватить его пальцами, но они лишь скользили по мокрой гладкой поверхности — ухватиться было не за что. Секунды через три я понял, что таким способом извлечь мяч невозможно, и, не раздумывая, вытащил руку, завел большие пальцы под челюсти и нажал.

Мяч вылетел из пасти собаки, запрыгал по заиндевелоу асфальту и исчез в траве. Я потрогал роговицу глаза. Никакой реакции. Я опустился на колени, полный мучительного сожаления, — ну что бы им встретить меня чуть-чуть раньше! А теперь — что я могу сделать? Только забрать труп в Скелдейл-Хаус. Нельзя же оставлять мертвую собаку у них в машине — им еще столько ехать до Манчестера. Но мне нестерпимо было думать, что я ничем не смог им помочь, и, когда я провел рукой по роскошному меху, толстый забинтованный палец качнулся как символ моей никчемности.

Я тупо созерцал этот палец и вдруг ощутил слабое биение там, где край моей ладони упирался в межреберье собаки.

Я выпрямился с хриплым криком:

— Сердце еще бьется! Он жив!

И принялся за работу.

Здесь, во мраке пустынного шоссе, я мог рассчитывать только на собственные силы. В моем распоряжении не было ни стимулирующих

средств для инъекций, ни кислородных баллонов, ни зондов. Но каждые три секунды я добрым старым способом нажимал на грудь обеими ладонями, отчаянно желая, чтобы собака задышала, хотя глаза ее по-прежнему глядели в пустоту. Время от времени я принимался дуть ей в горло или щупал между ребрами, стараясь поймать это почти неуловимое биение.

Не могу сказать, что произошло раньше: слабо ли дрогнуло веко, или слегка поднялись ребра, втягивая в легкие ледяной йоркширский воздух. Возможно, это случилось одновременно, но дальше все было как в прекрасном сне. Не знаю, сколько я просидел возле собаки, пока наконец ее дыхание не стало ровным и глубоким. Затем она открыла глаза и попробовала вильнуть хвостом, и тут я вдруг осознал, что совершенно окоченел и прямо — таки примерз к дороге.

С трудом поднявшись и не веря своим глазам, я смотрел, как пес медленно встает на ноги. Хозяин тут же водворил его на заднее сиденье, где он был встречен восторженными воплями.

Но сам молодой человек был словно оглушен. Все время, пока я возился с колли, он, не переставая, бормотал:

«Вы же просто вытолкнули мяч... просто вытолкнули. Как я-то не сообразил?»

Не опомнился он, даже когда повернулся ко мне, прежде чем сесть машину.

— Не знаю... просто не знаю, как вас благодарить, — сказал он хрипло. — Это же чудо.

На секунду он прислонился к дверце:

— Ну, а ваш гонорар? Сколько я вам должен?

Я потер подбородок. Дело обошлось без медикаментов. Потеряно было только время.

— Пять шиллингов, — сказал я, — и никогда больше не позволяйте ему играть таким маленьким мячом.

Молодой человек достал деньги, потряс мне руку и уехал. Его жена, которая так и не вышла из машины, помахала на прощание. Но лучшей наградой было последнее мимолетное видение: детские ручонки, крепко сжимающие собаку в объятиях, и замирающие в темной дали радостные крики:

— Бенни... Бенни... Бенни!

После того как пациент уже выздоровел, ветеринар нередко спрашивает себя, велика ли тут его заслуга. Возможно, животное и само справилось бы с болезнью. Бывает и так. И твердо сказать ничего нельзя.

Но когда без тени сомнения знаешь, что отвоевал животное у смерти, пусть даже не прибегая ни к каким хитроумным средствам, это приносит удовлетворение, искупающее все превратности жизни ветеринарного врача.

И все же в спасении Бенни было что-то нереальное. Я даже мельком не видел лиц ни счастливых детей, ни их счастливой матери, съездившейся на переднем сиденье. Отца я, конечно, видел, но он почти все время стоял, обхватив голову руками. Встретившись с ним на улице, я его не узнал бы. Даже собака, залитая резким неестественным светом фар, представлялась мне теперь чем-то призрачным.

Мне кажется, все они чувствовали примерно то же самое. Во всяком случае, через неделю я получил от матери семейства очень милое письмо. Она извинялась за то, что они так бессовестно укатили, благодарила за спасение их любимой собаки, которая теперь как ни в чем не бывало играет с детьми, и в конце выразила сожаление, что даже не спросила моего имени.

Да, это был странный эпизод. Ведь они не только не имели представления, как меня зовут, но наверняка не узнали бы меня, если бы встретили снова.

Собственно говоря, когда я вспоминаю этот эпизод, ясно и четко в памяти всплывает только мой забинтованный палец, который царил над происходившим, почти обретя собственную индивидуальность. И судя по тому, как начиналось письмо, они тоже лучше всего запомнили именно его:

«Дорогой ветеринар с забинтованным пальцем...»

Шеп, пес мистера Бейлса, несомненно, был наделен чувством юмора. Дом мистера Бейлса стоял посреди деревни Хайберн, и, чтобы попасть во двор, приходилось ярдов двадцать идти по проулку между оградами почти в рост человека — соседнего дома слева и сада мистера Бейлса справа, где почти весь день околачивался Шеп.

Это был могучий пес, гораздо крупнее среднего колли. Собственно говоря, по моему твердому убеждению, в нем текла кровь немецкой овчарки, ибо, хотя он щеголял пышной черно-белой шерстью, в его массивных лапах и благородной посадке коричневой головы с торчащими ушами было что-то эдакое-некое. Он разительно отличался от плюгавых собачонок, которых я чаще всего видел во время объездов.

Я шел между оградами, но мысленно уже перенесся в коровник в глубине двора. Дело в том, что корова Бейлса, по кличке Роза, мучилась одним из тех неясных расстройств системы пищеварения, из-за которых ветеринары лишаются сна. Ведь при этом так трудно поставить диагноз! Эта корова два дня назад начала покряхтывать и давать все меньше молока, и когда я осматривал ее вчера, то совсем запутался в возможных причинах. Проглоченная проволока? Но сычуг сокращается как обычно, и в рубце хватает нормальных шумов. Кроме того, она, хотя и вяло, но жевала сено.

Завал?.. Или частичная непроходимость?.. Несомненная боль в животе и эта подлая температура — тридцать девять и два... очень похоже на проволоку. Конечно, вопрос можно было бы разрешить сразу, вскрыв ей желудок, но мистер Бейлс придерживался старомодных взглядов и не желал, чтобы я лазал во внутренности его коровы прежде, чем поставлю точный диагноз. А поставить его мне пока не удалось — таков был единственный бесспорный факт.

Как бы то ни было, я приподнял ее, поставив передними ногами на половинку двери, и закатил ей сильное масляное слабительное. «Держи кишечник чистым и уповай на бога!» — сказал мне однажды умудренный годами коллега. Совет очень недурной!

Я прошел уже полдороги по проулку, теща себя надеждой, что найду свою пациентку на пороге выздоровления, как вдруг в мое правое ухо словно бы ниоткуда, ударил оглушительный звук. Опять этот чертов Шеп!

Ограда была как нарочно такой высоты, что пес мог подпрыгнуть и залаять прямо в ухо прохожему. Это была его любимая забава, и он уже

несколько раз ее со мной проделывал — правда, впервые столь удачно. Мысли мои были далеко, и пес получил возможность так хорошо рассчитать свой прыжок, что лай пришелся на высшую точку и клыки лязгнули совсем рядом с моим лицом. А голосина у него был под стать телосложению — рык, басистый, как мычание быка, подымался из глубин могучей груди и вырывался из разверстой пасти.

Я взвился в воздух на несколько дюймов — сердце у меня колотилось, в голове звенело, — а когда снова опустился на землю и в ярости поглядел за ограду, то, как обычно, успел увидеть только мохнатый силуэт, стремительно исчезнувший за углом дома.

Вот это и ставило меня в тупик. Зачем он так делает? Потому ли, что он — свирепый зверь и точит на меня зубы? Или он развлекается? Но я ни разу не оказался от него настолько близко, чтобы найти ответ на эту загадку.

В результате я был не в лучшей форме для скверных новостей, а именно они поджидали меня в коровнике. Одного взгляда на лицо фермера было достаточно: корове стало хуже.

— Заперло ее, вот что! — угрюмо буркнул мистер Бейлс.

Я скрипнул зубами: фермеры старой закалки подводили под термин «заперло» целую гамму желудочно-кишечных заболеваний.

— Значит, слабительное не подействовало?

— Да нет. Иногда вроде орешки сыплются. Говорят же вам: заперло.

— Ну хорошо, мистер Бейлс, — сказал я с кривой улыбкой. — Попробуем что-нибудь посильнее.

Я принес из машины набор для промывания желудка — приспособление столь нежно мной любимое, но теперь, увы, исчезнувшее из моей жизни. Длинный резиновый желудочный зонд и деревянный зевник с ременными петлями, чтобы зацеплять за рога. Накачивая в корову два галлона теплой воды с формалином и поваренной солью, я чувствовал то же, что Наполеон, когда он при Ватерлоо бросил в бой старую гвардию. Если уж это не подействует, рассчитывать больше не на что.

Да, обычная уверенность оставила меня. С коровой творилось что-то непонятное. Но иного выхода мне не оставалось. Любой ценой заставить органы пищеварения снова функционировать. Потому что мне очень не понравилось, как выглядела корова. Мягкое покряхтывание не прекратилось, а глаза заметно запали — самый грозный симптом у крупного рогатого скота. И есть она перестала вовсе.

На следующее утро, проезжая по единственной улице Хайберна, я увидел, что из лавки вышла миссис Бейлс. Я затормозил у обочины и

высунул голову в окошко:

— Как нынче Роза, миссис Бейлс?

Фермерша поставила корзину и грустно поглядела на меня:

— Худо, мистер Хэрриот. Муж думает, что ей скоро конец. Если он вам нужен, так идите прямо через луг. Он там чинит дверь сарая.

Я свернул к воротам, за которыми начинался луг, и на меня накатилась волна черной тоски. Машину я оставил у обочины и поднял щеколду.

— Черт! Черт! Черт! — бормотал я, шагая по траве. Меня грызла тягостная мысль о надвигающейся трагедии. Гибель коровы — тяжелый удар для мелкоу фермера со стадом из десяти голов и двумя-тремя свиньями. Я должен помочь — а от меня ни малейшего толка! Каково мне было сознавать это!

И тем не менее на меня вдруг снизошел мир. Луг был обширный, а сарай находился на дальнем его конце. Я шел по колено в высокой шуршащей траве. Пора уже ее косить... И тут я всем своим существом понял, что лето в разгаре, что солнце сияет и вокруг меня, растворяясь в хрустально чистом воздухе, струятся ароматы клевера и нагретых трав. Где-то неподалеку находилось поле цветущей фасоли, и я поймал себя на том, что, закрыв глаза, впиваю ее благоухание, словно дегустирую редкостный напиток.

И тишина! Исполненная невыразимой благодати. Как и ощущение, что я тут один. Мой взгляд мечтательно скользнул по зеленым просторам, дремлющим в солнечных лучах. Нигде ни движения... ни звука...

Но тут без малейшего предупреждения земля у моих ног взорвалась пушечным выстрелом. На жуткий миг голубое небо исчезло за чем-то косматым, и красная пасть ухнула «вуф!!!» прямо мне в лицо. С придушенным воплем я попятился, дико посмотрел по сторонам и увидел Шепу, который стремглав летел к воротам. Укрывшись в высокой траве на середине луга, он по всем правилам тактики восемнадцатого века выждал, пока не различил белков моих глаз, и тут ринулся в атаку.

Случайно ли он оказался там или, заметив, как я вхожу в ворота, нарочно устроил мне засаду, узнать, разумеется, было невозможно, но с его точки зрения результат не оставлял желать лучшего: бесспорно, я никогда так не пугался ни до, ни после. Моя жизнь полна различных тревог и неприятных сюрпризов, но огромный пес, вдруг возникший из ничего среди безмятежно-пустого луга, был чем-то единственным в своем роде. Мне доводилось слышать о том, как внезапный ужас или напряжение вызывали непроизвольное опорожнение кишечника, и я твердо знаю, что в этот момент меня вполне могла бы постигнуть такая судьба.

Когда я подошел к сараю, меня еще била дрожь, и я молчал все время, пока мы с мистером Бейлсом шли назад к коровнику.

А вид моей пациентки оказался последней каплей. Она превратилась в обтянутый кожей скелет и безучастно смотрела в стену глубоко запавшими глазами. Зловещее побряхтывание стало заметно громче.

— Несомненно, она проглотила проволоку! — пробормотал я. — Дайте ей немножко походить, хорошо?

Мистер Бейлс отомкнул цепь, и Роза прошла по проходу. В конце она повернулась и почти рысью направилась к своему стойлу, без всякого труда перепрыгнув сток. Моей библией и те дни была «Практическая ветеринария» Юдолла, а этот великий авторитет в своем труде утверждал, что, если корова двигается свободно, в сетке у нее вряд ли находится инородное тело. Я дернул ее за загривок, но она сохранила полное равнодушие. Нет, значит, тут что-то другое.

— Давненько я не видел, чтобы так запырало, — сказал мистер Бейлс. — Нынче утром я дал ей дозу очень сильного снадобья, да толку никакого.

Я устало провел рукой по лбу.

— А что именно вы ей дали, мистер Бейлс?

Очень дурной знак, если клиент принимается лечить животное сам.

Фермер взял с заставленного подоконника бутылку и вручил мне:

«Желудочный эликсир доктора Хорнибрука. Наилучшее средство от всех болезней скота». Доктор в цилиндре и сюртуке важно взглянул на меня с этикетки. Я вытащил пробку и понюхал. Меня прямо-таки отшвырнуло назад, глаза замигали, и из них потекли слезы. Запах чистейшего аммиака, но кто я такой, чтобы критиковать?

— И кряхтит, и кряхтит... — Фермер ссутулился. — Отчего бы?

Говорить, что это похоже на локальный перитонит, не имело смысла — ведь я не знал, чем он вызван.

И я решил в последний раз прибегнуть к промыванию. Оно по-прежнему оставалось сильнейшим оружием в моем арсенале, но на этот раз я прибавил к смеси два фута мелассы. В те дни почти у каждого фермера где-нибудь к углу коровника стояла бочка мелассы, и мне нужно было лишь подойти к ней и открыть кран.

Я часто жалею, что эти бочки теперь исчезли: ведь меласса — хорошее лекарство для скота. Впрочем, на сей раз я не возлагал на нее особых надежд. Уже развивавшееся у меня диагностическое чутье подсказывало мне, что у этой коровы внутри что-то очень и очень не так.

На следующий день я приехал в Хайберн только около трех часов.

Машину я оставил на улице и уже собрался свернуть в проулок, но вдруг остановился и уставился на корову, пасущуюся на лугу по ту сторону шоссе. Это пастбище соседствовало с некошеным лугом, по которому я прошел накануне, а корова была... Розой! Ошибиться я не мог: о том, что это она, говорила не только красивая темно-рыжая масть, но и большая белая отметина на левом боку.

Я бросился туда, и через несколько секунд на душе у меня стало легко и спокойно. Корова не только удивительно, прямо как по волшебству выздоровела, она выглядела на редкость хорошо. Я подошел к ней и почесал основание хвоста. Она была очень кротким существом и только оглянулась на меня, не переставая щипать траву. Ее еще недавно запавшие глаза снова стали выпуклыми и ясными.

Ей, видимо, понравился особенно зеленый участок дальше по лугу, и она неторопливо направилась туда. Я шел за ней и не мог налюбоваться, как она нетерпеливо дергает головой, отгоняя мух. Покряхтывание исчезло, вымя покачивалось между задними ногами тяжелое и тугое. Просто невозможно было поверить, что передо мной та же корова, которую я оставил вчера в таком жалком состоянии.

Освобождение от грызущей тревоги было упоительным, и тут я увидел, что мистер Бейлс перебрался через ограду соседнего луга. Очевидно, он еще чинил там дверь сарая.

Он направился ко мне, а я подумал, что надо бы удержаться от проявлений торжества. Он, безусловно, чувствует себя неловко: ведь вчера он применил домашнее средство, ясно показав, что не доверяет мне, да и весь его тон свидетельствовал о том же. Впрочем, винить его за это не приходилось — бедняга совсем извелся от беспокойства. Да, конечно, не следует слишком открыто радоваться своей победе.

— Добрый день, мистер Бейлс, — сказал я, скрывая ликование. — Роза сегодня выглядит отлично, не правда ли?

Фермер снял кепку и утер лоб.

— Верно. Прямо-таки не та корова.

— По-моему, больше она в лечении не нуждается, — сказал я и не удержался от самого легкого укола (хоть на это-то я имел право?). — Все-таки неплохо, что я сделал ей вчера еще одно промывание.

— Что вы воду-то в нее накачивали? — Мистер Бейлс поднял брови. — Это тут ни при чем.

— Но как же? Ведь оно ее вылечило!

— Да нет, молодой человек. Ее Джим Оукли вылечил.

— Джим?.. Но какое отношение...

— Он взглянул на нее вечером. Джим по вечерам часто приезжает. Ну, как он Розу увидел, так сразу и сказал, что с ней делать. Она ведь прямо издыхала. От вашего накачивания ей ничуть не полегчало. А он велел мне хорошенько погонять ее по лугу.

— Что?!

— Ну да. Он такое у них раньше не раз видел, и всегда от хорошей пробежки они мигом выздоравливали. Ну, мы привели Розу сюда и давай ее гонять, как он велел. И черт побери, помогло! Ей прямо на глазах лучше стало.

Я выпрямился.

— А кто такой, — спросил я холодно, — этот Джим Оукли?

— Он-то? А почтальон.

— Почтальон!

— Ага. Только прежде он держал парочку коров. И на скотину у него глаз хороший, у Джима то есть.

— Вполне возможно, но уверяю вас, мистер Бейлс...

Фермер поднял ладонь.

— Говорите не говорите, молодой человек, а Джим ее вылечил, и против этого не пойдешь. Жалко, вы не видели, как он ее гонял. Сам не моложе меня, а бегаёт почище иных молодых. И уж тут он себя показал, — добавил фермер усмехаясь.

С меня было довольно. Во время этого панегирика Джиму Оукли я машинально продолжал почесывать хвост Розы и в результате запачкал руку. Собрав остатки достоинства, я кивнул мистеру Бейлсу:

— Ну, мне пора. Можно, я зайду в дом помыть руки?

— Идите, идите, — ответил он. — Хозяйка даст вам горячей воды.

Я шагал по лугу и все больше расстраивался из-за жестокой несправедливости случившегося. Словно во сне я вышел за ворота и пересек шоссе. Прежде чем свернуть в проулок между оградами, я заглянул в сад. Никого и ничего. Я побрел вдоль грубой каменной кладки, страдая все больше. Вне всяких сомнений, в этой истории с Розой я показал себя круглым болваном. И деваться от этого удручающего чувства было некуда.

Казалось, прошло очень много времени, прежде чем я наконец добрался до конца ограды и повернул вправо, к двери на кухню... Вдруг слева загромыкала цепь, и на меня бросился рыкающий зверь, оглушительно рывкнул прямо мне в лицо и исчез.

На этот раз у меня чуть не остановилось сердце. Мне было так скверно, что я не мог выдержать еще и Шепы. У меня совсем вылетело из головы, что миссис Бейлс иногда привязывала его у конуры перед черным

ходом, чтобы отваживать непрошенных гостей, и, привалившись к стене, оглохнув от грохота собственной крови в ушах, я тупо смотрел на длинную цепь, змеившуюся по булыжнику.

Терпеть не могу людей, которые срывают сердце на животных, но в эту минуту во мне словно что-то лопнуло. Вся моя досада и огорчение слились в бессвязные вопли, я схватил цепь и изо всех сил потянул ее. Проклятый пес, который меня изводил, сидит вот тут, в конуре! Наконец-то я могу добраться до него, и уж на этот раз мы с ним поговорим! До конуры было шагов пять, и сначала я ничего не увидел. Но цепь поддавалась с трудом. Я продолжал неумолимо тянуть, и вот из отверстия показался нос, затем голова, а за ней последовало и туловище огромного пса, буквально повисшего на ошейнике. Он не проявил ни малейшего желания вскочить и поздороваться со мной, но я безжалостно подтаскивал его дюйм за дюймом по булыжнику, пока он не вытянулся у самых моих ног.

Вне себя от ярости я присел на корточки, потряс кулаком у его о носа и заорал почти в самое его ухо:

— Дрянь ты эдакая! Если ты еще раз посмеешь прыгнуть на меня, я тебе голову оторву! Слышишь? Начисто оторву!

Шеп испуганно покосился на меня, и его поджатый хвост виновато завилял. Я продолжал его отчитывать, а он обнажил верхние зубы в подхалимской ухмылке, перевернулся на спину и замер, зажмурив глаза.

И тут я понял: он был трус! Все его свирепые атаки были просто игрой. Я почти успокоился, но тем не менее хотел, чтобы он сделал надлежащие выводы.

— Ну ладно, дружище! — угрожающе прошипел я. — Помни, что я сказал! — И, бросив цепь, я издал заключительный вопль: — А ну убирайся на место!

Шеп, поджав хвост, почти на брюхе метнулся в конуру, а я пошел на кухню мыть руки.

Воспоминания о глупом положении, в которое я попал, терзали меня еще довольно долго. Тогда я не сомневался, что обо мне судили несправедливо, но теперь, став старше и мудрее, я понимаю, что был не прав.

Симптомы коровы мистера Бейлса были типичны для смещения сычуга, четвертого отдела желудка жвачных, который иногда сдвигается с правой стороны на левую, но в те ранние времена об этом просто еще не было известно.

Теперь мы прибегаем к хирургическому вмешательству: возвращаем сместившийся орган в правильное положение и закрепляем его, наложив

шов. Но порой вернуть его на место можно, просто повалив корову и перевернув ее. Так почему не может дать тот же результат и энергичная пробежка? Должен сознаться, я неоднократно пускал в ход рецепт Джима Оукли «погонять ее хорошенько!», нередко с поразительным эффектом. И по сей день я многому учусь у фермеров, но это был единственный раз, когда мне довелось учиться у почтальона.

Когда месяц спустя мистер Бейлс снова пригласил меня посмотреть одну из его коров, я, честно говоря, был удивлен. Мне казалось, что после моего конфуза с Розой он в следующий раз обратится к Джиму Оукли. Но нет, его голос в телефонной трубке был вежливым и доброжелательным, как всегда. Ни намек на то, что он утратил ко мне доверие. Странно...

Оставив машину на улице, я настороженно заглянул в сад и только потом нырнул в проход. Легкое позвякивание сказало мне, что Шеп притаился в конуре, и я замедлил шаг. Нет уж, больше я не попадусь! В конце проулка я выжидающе остановился, но увидел только кончик носа, который тотчас отодвинулся в глубину. Значит, пес не забыл моей вспышки и хорошо усвоил, что больше я терпеть его штучки не намерен.

Тем не менее, когда я отправился в обратный путь, на душе у меня было смутно. Победа над животным всегда имеет неприятный привкус, а во мне крепло убеждение, что я отнял у Шепа его главную радость. В конце концов, каждое живое существо имеет право на свои развлечения, и, хотя засады Шепа могли иной раз ошеломить человека, они были частью его существования, частью его самого. И мысль о том, что я обеднил его жизнь, тревожила мою совесть. Нет, мне нечем было гордиться.

А потому, когда некоторое время спустя мне довелось проезжать через Хайберн, я остановился у фермы Бейлса. Окутанная тишиной белая пыльная деревенская улица дремала под жарким летним солнцем. Нигде ни движения, только какой-то невысокий толстый человек неторопливо шел по проулку. Судя по его лицу, это был один из цыган-лудильщиков из табора, который я видел у въезда в деревню, — и он нес охапку кастрюль и сковородок.

Сквозь штакетник мне было видно, что Шеп в палисаднике бесшумно проскользнул к ограде. Я смотрел во все глаза. Лудильщик все так же неторопливо шагал по проулку, и пес двинулся следом за головой, плывущей над оградой.

Как я и предполагал, все произошло на полпути. Безупречно рассчитанный прыжок — и в верхней его точке громовое «вуф!» в ничего не подозревающее ухо.

Это возымело обычное действие. В воздухе мелькнули вскинутые руки

и кастрюли, раздался лязг металла о камень, и толстячок пулей вылетел из проулка, повернул вправо и затрусил по улице в противоположную от меня сторону. При его почти круглой фигуре скорость он развил внушительную — его короткие ноги так и мелькали, и, не замедляя шага, он скрылся в магазинчике у конца улицы.

Не знаю, зачем он туда свернул: для восстановления сил там ничего крепче лимонада не нашлось бы.

Шеп, по-видимому очень довольный, направился туда, где яблоня отбрасывала густую тень, и расположился на траве в холодке. Опустив голову на вытянутые лапы, он блаженно поджидал следующую жертву.

Я поехал дальше, улыбаясь про себя. Конечно, я остановлюсь у магазинчика и объясню толстячку, что он может спокойно собрать свои кастрюли и не будет разорван на куски. Но главным, владевшим мной чувством было облегчение, что я не испортил жизнь Шепу.

Было девять часов мерзкого сырого вечера, а я еще не вернулся домой. Я крепче сжал рулевое колесо и заерзал на сиденье, тихонько постанывая, — так сильно ныли утомленные мышцы.

Ну зачем я стал ветеринаром? Почему не выбрал дела полегче и повольготнее? Ну пошел бы в шахтеры или в лесорубы... Жалеть себя я начал три часа назад, когда проезжал через рыночную площадь, торопясь к телящейся корове. Лавки были закрыты, и освещенные окна домов за холодной изморосью говорили об отдыхе, о законченных дневных трудах, о горящих каминах, книгах и струйках табачного дыма. А я был вынужден покинуть все это и нашу уютную квартирку, не говоря уж о Хелен.

Негодование на несправедливость судьбы пробудилось во мне с особой силой, когда я увидел, как компания молодежи рассаживается в машине у дверей «Гуртовщиков»: три девушки и трое их кавалеров — нарядные, веселые, явно отправлялись на вечеринку или потанцевать где-нибудь. Всех ждет либо домашний уют, либо развлечения, всех, кроме Хэрриота, который трясется в машине, направляясь к холодным мокрым холмам, где ему предстоит нелегкая работа.

То, что ждало меня, отнюдь не подняло моего настроения. Тощая молодая коровенка лежала на боку под навесом среди старых жестянок, битого кирпича и всякого другого хлама. Собственно, я толком не видел, обо что спотыкаюсь, потому что там горел только проржавленный керосиновый фонарь и огонек колебался, почти угасая на ветру.

Под этим навесом я провел два часа, вытаскивая теленка буквально по дюйму. Нет, положение плода было нормальным, просто родовой путь оказался узким, а коровенка не пожелала встать, и все эти два часа я пролежал на полу, ворочаясь среди жестянок и обломков кирпича и поднимаясь только для того, чтобы под стук собственных зубов добежать до ведра с водой, чувствуя, как ледяные иголки дождя впиваются в гусиную кожу у меня на груди и спине.

Ну а теперь я еду домой: лицо онемело от холода, кожа горит под одеждой и ощущение такое, будто весь вечер компания дюжих молодцов усердно пинала меня, начиная с головы и кончая пятками. Когда я свернул в крохотную деревушку Коптон, то уже совсем захлебнулся в жалости к себе. В теплые летние дни эта деревушка выглядит на редкость идиллично: единственная улица вьется по склону высокого холма, а над ней темный

пояс леса уходит к плоской вересковой вершине. Но сегодня это была черная мертвая дыра. Дождевая пыль, проносясь сквозь лучи фар, хлестала по темным наглухо запертым домам. Только в одном месте поперек мокрого шоссе ложился мягкий свет — он лился из деревенского кабачка. Подчиняясь внезапному порыву, я остановил машину под мотающейся вывеской «Лиса и гончие» и открыл дверь. Кружка пива вернет мне силы.

В зале меня обволокло приятное тепло. Стойки не было — только скамьи с высокими спинками и дубовые столы вдоль выбеленных стен перестроенной кухни. В старой закопченной плите напротив двери трещали поленья, а над ней громко тикали часы, и этот звук вплетался в нестройный гул голосов. Ничего похожего на бурное оживление современных баров, мирно и уютно.

— Это что же, мистер Хэрриот, вы так допоздна работаете? — сказал мой сосед, когда я опустился на скамью.

— Да, Тед. А как вы догадались?

Он оглядел мой замызганный плащ и резиновые сапоги, в которых я так и уехал с фермы.

— Так костюм у вас не то чтобы парадный, а на носу кровь и ухо в коровьем навозе.

Тед Добсон, дюжий тридцатипятилетний скотник, ухмыльнулся до ушей, блеснув белыми зубами.

Я тоже улыбнулся и принялся тереть лицо носовым платком:

— Даже странно, но в таких случаях обязательно хочется почесать нос!

Я оглядел зал. Человек десять попивали пиво из пинтовых кружек. Некоторые играли и домино. Все это были работники с окрестных ферм, те, кого я встречал на дорогах, когда меня поднимали с постели задолго до зари. Сгорбившись в старых пальто, наклонив голову навстречу ветру и дождю, они крутили педали велосипедов, мужественно принимая тяготы своего нелегкого существования. И каждый раз я думал, что мне-то приходится вставать среди ночи лишь иногда, а им — каждый день.

И получают они за это тридцать шиллингов в неделю. При виде их мне снова стало немного стыдно.

Хозяин, мистер Уотерс, налил мне кружку, профессионально поднимая кувшин повыше, чтобы вспенить пиво.

— Пожалуйста, мистер Хэрриот, с вас шесть пенсов. Даром, можно сказать.

Все пиво до последней капли доставлялось в зал в этом кувшине, который наполнялся из деревянных бочек в подвале. Где-нибудь на бойком

месте это было бы непрактично, но в «Лисе и гончих» редко собиралось много посетителей, и как кабатчик мистер Уотерс разбогатеть заведомо не мог. Но в примыкавшем к залу сарае он держал четырех коров, пятьдесят кур рылись в длинном саду за домом, и каждый год он выращивал поросят от двух своих свиней.

— Спасибо, мистер Уотерс! — Я сделал долгий глоток. Несмотря на холод, мне пришлось изрядно попотеть, а для утоления жажды трудно найти что-нибудь лучше густого орехового эля. Я и прежде бывал тут и знал завсегдатаев в лицо. Чаще всего мне приходилось видеть Альберта Клоуза, старого пастуха, который жил теперь на покое и неизменно сидел на одном и том же привычном месте — в конце скамьи у самого огня.

И на этот раз он, как всегда, глядел перед собой невидящими глазами, опираясь руками и подбородком на изогнутую ручку пастушьего посоха, с которым столько лет пас овец. Его пес Мик, такой же старый, как и он сам, вытянулся у ног хозяина, наполовину под лавкой, наполовину под столом. Псу явно что-то снилось: лапы его шевелились, уши и губы подергивались и время от времени он глухо тявкал.

Тед Добсон ткнул меня локтем в бок и засмеялся:

— Бьюсь об заклад, старина Мик все еще собирает своих овечек.

Я кивнул. Конечно, пес вновь переживал дни своей молодости — припадал к земле, кидался, обегал стадо, послушный свистку хозяина. А сам Альберт? Что кроется за этим пустым взглядом? Мне нетрудно было представить, как он, еще молодой парень, широким шагом меряет открытые всем ветрам плоские вершины холмов, все эти бесконечные мили вереска, камней и овражков со стремительными ручьями, при каждом шаге вонзая в землю вот этот самый посох. Вряд ли найдутся люди более закаленные, чем йоркширские овечьи пастухи, которые круглый год живут под открытым небом, а в дождь и снег просто набрасывают на плечи мешок.

И вот теперь Альберт, дряхлый, скрюченный артритом старик, равнодушно глядит в никуда из-под обтрепанного козырька древней кепки. Заметив, что он допил кружку, я направился к нему.

— Добрый вечер, мистер Клоуз, — сказал я.

— А? — Он приставил ладонь к уху и заморгал.

— Как поживаете, мистер Клоуз? — гаркнул я во весь голос.

— Не жалуюсь, молодой человек, — прошамкал он. — Не жалуюсь.

— Могу я вас угостить?

— Спасибо! — Он указал трясущимся пальцем на кружку. — Налейте капельку.

Я знал, что «капелька» означает пинту, и махнул хозяину, который ловко проделал обычную операцию с кувшином. Старый пастух поднес наполненную кружку к губам и посмотрел на меня.

— Ваше здоровье! — буркнул он.

— И вам того же желаю, — ответил я и уже хотел вернуться на свое место, но тут Мик вылез из-под лавки и сел. Несомненно, его разбудили мои крики. Он сонно потянулся, раза два встряхнул головой и посмотрел по сторонам. Когда он повернул морду ко мне, меня словно ударило током.

Его глаза производили жуткое впечатление. Собственно, я даже не мог их толком разглядеть за слипшимися от гноя ресницами. Он болезненно помаргивал, а на белой шерсти по сторонам носа пролегли темные безобразные полосы мутных слез.

Я протянул к нему руку, и пес вильнул хвостом, а потом закрыл глаза. Очевидно, так ему было легче.

Я положил ладонь на плечо Альберта.

— Мистер Клоуз, давно у него это с глазами?

— А?

Я прибавил громкости:

— Глаза у Мика. Они в плохом состоянии.

— А-а! — Старик закивал. — Он их застудил. Все застуживает. Еще с той поры, как щенком был.

— Это не простуда. У него неладно с веками.

— А?

Я набрал побольше воздуха и завопил во всю мочь:

— У него заворот век. Это довольно серьезно.

Старик снова кивнул.

— Да уж, он все лежит головой к двери, а там дует.

— Нет, мистер Клоуз, — взревел я. — Сквозняк тут ни при чем. Это заворот век, и требуется операция.

— Ваша правда, молодой человек. — Он отхлебнул пива. — Остудил их маленько. Все застуживает, еще как щенком был...

Я безнадежно побрел на свое место. Тед Добсон с интересом спросил:

— О чем это вы с ним толковали?

— Скверное дело, Тед. При завороте век ресницы трут глазное яблоко. Это причиняет сильную боль, а иногда приводит к изъязвлению и даже к слепоте. Но и в самых легких случаях собака очень мучается.

— Вот, значит, что... — задумчиво сказал Тед. — Я давно замечал, что у Мика с глазами неладно. А последнее время они куда хуже стали.

— Бывает и так, но чаще это врожденный порок. Я бы сказал, что у

Мика это в определенной степени всегда было, но вот теперь по какой-то причине они пришли в такое жуткое состояние. — Я вновь посмотрел на старого пса, который терпеливо сидел под столом, крепко зажмурившись.

— Значит, он очень мучается?

Я пожал плечами.

— Вы же сами знаете, каково это, если в глаз попадет песчинка или даже одна ресница завернется внутрь. Конечно, резь он испытывает невыносимую.

— Бедняга! Мне и в голову не приходило, что тут такое дело. — Он затаился сигаретой. — А операция помогла бы?

— Да, Тед. Знаете, ветеринару она доставляет особое удовлетворение. Я всякий раз чувствую, что по-настоящему помог животному.

— Оно и понятно. Хорошее, должно быть, чувство. Но небось стоит такая операция недешево?

Я криво улыбнулся:

— Как посмотреть. Работа сложная и требует много времени. Мы обычно берем за нее фунт.

Хирург-окулист, конечно, только посмеялся бы над таким гонораром, но и эта сумма была не по карману старику Альберту.

Некоторое время мы оба молча смотрели на старика, на ветхую куртку, на лохмы штанин, прикрывающие растрескавшиеся башмаки. Фунт. Половина месячной пенсии по старости. Целое состояние.

Тед вскочил.

— Надо же старику объяснить. Я ему сейчас втолкую.

Подойдя к дряхлому пастуху, он спросил:

— Ну как, Альберт, еще одну сдюжишь?

Старик посмотрел на него смутным взглядом, потом кивнул на свою уже вновь пустую кружку.

— Ладно, подлей капельку, Тед.

Тед махнул мистеру Уотерсу и нагнулся к уху старика.

— Ты понял, что тебе толковал мистер Хэрриот, а, Альберт? — прокричал он.

— Как же... как же... Мик маленько глаза застудил.

— Да нет же! Это совсем другое. У него это самое... заворот век!

— Все застуживает и застуживает, — бубнил Альберт, уткнувшись носом в кружку.

Тед буквально взвыл:

— Ах ты упрямый старый черт! Слушай, что тебе говорят: ты бы его подлечил! Ему нужно...

Но старик уже ушел в себя.

— Еще как щенком был... все застуживал, все застуживал...

В тот вечер Мик отвлек меня от собственных невзгод, но потом я никак не мог забыть эти страшные глаза. У меня руки чесались привести их в порядок. Я знал, что час работы вернет старому псу мир, которого он, возможно, не видел годы и годы, и все во мне твердило: мчись в Коптон, сажай его в машину, вези в Дарроуби, оперируй. Деньги меня не интересовали, но беда в том, что такая импульсивность несовместима с нормальной практикой.

На фермах я часто видел хромых собак, а на улицах — тощих кошек. С какой бы радостью я хватал их и излечивал с помощью своих знаний! По правде говоря, я несколько раз даже попробовал, но ничего хорошего из этого не вышло.

Конец моим терзаниям положил Тед Добсон. Он приехал в Дарроуби навестить сестру и вечером возник в дверях приемной, придерживая велосипед. Его веселое, умытое до блеска лицо сияло так, что, казалось, озаряло всю улицу. Он обошелся без предисловий.

— Вы бы не сделали старику Мику эту операцию, мистер Хэрриот?

— Да, конечно, но... как же..?

— Об этом не беспокойтесь. Ребята в «Лисе и гончих» заплатят. Возьмем из клубной кассы.

— Из клубной кассы?

— Мы каждую неделю вносим понемножку на летнюю поездку. Может, всей компанией к морю махнем, может, еще куда.

— Тед, это просто замечательно, но вы уверены, что никто не будет против?

Тед засмеялся.

— От одного фунта мы не обеднеем. Да и, сказать честно, мы в таких поездках, бывает, перепиваем, так оно, может, даже и к лучшему. — Он помолчал. — А ребята все этого хотят. Как вы нам объяснили, что с псом, так у нас теперь сил нет на него смотреть.

— Чудесно, — сказал я. — Но каким образом вы его привезете?

— Мой хозяин обещал дать свой фургон. В среду вечером вам будет удобно?

— Вполне.

Я проводил его взглядом и пошел назад по коридору. Может быть, на современный взгляд непонятно, почему из-за какого-то жалкого фунта было столько переживаний. Но в те дни это была большая сумма — достаточно напомнить, что я, дипломированный ветеринар, работал за

четыре фунта в неделю.

В среду вечером стало ясно, что операция Мика превратилась в торжественное событие. Небольшой фургон, в котором его привезли, был набит завсегдатаями «Лисы и гончих», а те, кому не хватило места, прикатали на велосипедах.

Старый пес брел по коридору к операционной, весь съежившись, и ноздри его подергивались от непривычных запахов карболки и эфира. Позади него, стуча сапогами, шла его шумная свита.

Тристан, взявший на себя роль анестезиолога, поднял собаку на стол, и я обвел взглядом множество лиц, смотревших на меня со жгучим интересом. Обычно я не люблю, чтобы на операции присутствовали посторонние, но эти люди имели право наводиться здесь — ведь без них не было бы и операции.

Теперь, в ярком свете операционной, я впервые хорошенько разглядел Мика. Он во всех отношениях был бы красавцем, если бы не эти страшные глаза. Он вдруг приоткрыл их, скосил на меня и тут же зажмурился от сияния лампы. Вот так, подумал я, он и жил всю жизнь — изредка поглядывая сквозь боль на то, что его окружало. Инъекция снотворного в вену была для него сущим благодеянием — она на время избавляла его от страданий.

Вот он в глубоком сне вытянулся на боку, и можно наконец приступить к осмотру. Я раздвинул веки, морщась при виде слипшихся ресниц, мокрых от слез и гноя. Давний конъюнктивит и давний кератит, но я с огромным облегчением убедился, что до перфорации роговицы дело не дошло.

— Знаете, — сказал я, — вид достаточно скверный, но, по-моему, ничего непоправимого нет.

«Ура» они все-таки не закричали, но обрадовались очень, и атмосфера стала совсем праздничной от их шушуканья и смеха. Беря скальпель, я подумал, что мне никогда еще не приходилось оперировать в такой тесноте и таком шуме.

Сделать первый надрез было прямо-таки наслаждением — ведь я столько раз предвкушал этот момент. Начав с левого глаза, я провел скальпелем параллельно краю века, потом сделал дугу, чтобы захватить примерно полдюйма кожи над глазом. Я удалил этот лоскуток пинцетом и, сшивая кровоточащие края раны, с большим удовольствием следил, как ресницы поднимаются высоко над поверхностью роговицы, которую они раздражали, возможно, годы и годы.

С нижнего века я, как обычно в таких случаях, удалил лоскуток поменьше и принялся за правый глаз. Легко и спокойно я сделал надрез и

вдруг осознал, что в комнате наступила тишина. Правда, они шепотом переговаривались, но смех и болтовня смолкли. Я поднял голову и прямо против себя увидел верзилу Кена Эплтопа, конюха из Лорел-Грув. Естественно, что я посмотрел именно на него, потому что ростом он вымахал под семь футов, а сложен был, как ломовые лошади, за которыми он ходил.

— Черт, ну и жарница тут, — шепнул он, и действительно по его лицу струился пот.

Я был поглощен работой, не то заметил бы, что он к тому же и побелел как полотно. Я подцеплял надрезанную кожу пинцетом и тут услышал крик Тристана:

— Поддержите его!

Приятелям успели подхватить великана и опустили его на пол, где он и пролежал в тихом забытии, пока я накладывал швы. Мы с Тристаном успели вымыть и убрать инструменты, прежде чем Кен открыл глаза и с помощью приятелей поднялся на ноги. Теперь, когда все было уже позади, компания вновь оживилась, и Кену пришлось выслушать немало дружеских насмешек, хотя позеленел во время операции не он один.

— По-моему, Кену не помешает глоток чего-нибудь покрепче, — заметил Тристан, вышел и через минуту вернулся с бутылкой виски, которым с обычным своим радушием угостил всех. В ход пошли мензурки, крышки, пробирки, и вскоре вокруг спящего пса вновь забушевало веселье. Когда фургон, рыча мотором, унесся в темноту, в его тесном нутре гремела песня.

Через десять дней они привезли Мика, чтобы снять швы. Раны зажили, но роговица все еще была воспалена и старый пес по-прежнему болезненно жмурился. Окончательный результат моей работы мне довелось увидеть только месяц спустя.

Я вновь возвращался домой через Коптон после вечернего вызова, и свет в дверях «Лисы и гончих» напомнил мне о несложной операции, которая в вихре трудовых дней давно успела вылететь у меня из головы. Я остановил машину, вошел и сел, оглядывая знакомые лица.

Все, словно нарочно, было совсем как в тот раз. Альберт Клоуз примостился на своем обычном месте, Мик лежал под столом, и лапы его подергивались — ему опять снилось что-то увлекательное. Я долго смотрел на него и наконец не выдержал. словно притягиваемый магнитом, я прошел через комнату и присел на корточки возле пса.

— Мик! — сказал я. — Проснись, старина.

Лапы перестали подергиваться. Я ждал затаив дыхание. Большая

косматая голова повернулась ко мне, и я сам себе не поверил: на меня глянули ясные, блестящие глаза совсем молодой собаки.

Мик смотрел на меня, растянув губы в улыбке, стуча хвостом по каменному полу, и у меня по жилам словно разливалось теплое вино. Ни воспаления, ни гноя, а ресницы, сухие и чистые, ровной дугой изгибались далеко от поверхности глаза, которую они так долго терли и царапали. Я погладил Мика по голове, и, когда он с любопытством посмотрел по сторонам, меня охватил неизъяснимый восторг: старый пес, наслаждаясь новой свободой, смаковал только теперь открывшийся ему мир. Выпрямившись, я заметил, что Тед Добсон и остальные хитро улыбаются.

— Мистер Клоуз! — возопил я. — Можно вас угостить?

— Спасибо, молодой, человек, подлейте сюда капельку.

— А глаза у Мика стали много лучше.

— Ваше здоровье! — Старик поднял кружку. — Да, застудил он их маленько, а теперь и прошло.

— Но, мистер Клоуз!..

— А так-то ничего хорошего. Его так и тянет под дверью лежать, ну и опять их застудит. Еще с тех пор, как щенком был...

Бесспорно, вспоминая свои первые годы в Дарроуби, я склонен глядеть на них сквозь розовые очки, но порой в памяти всплывают и горькие образы.

Мужчина в дверях приемной вне себя от отчаяния бормочет, задыхаясь:

— Ничего не получается!.. Я не могу его вытащить... Он как доска...

У меня защемило сердце. Значит, опять!

— Джаспер?

— Да, он на заднем сиденье, вон там.

Я кинулся к машине и открыл дверцу. Именно этого я и боялся: крапчатый красавец зачоченел в ужасной судороге — спина выгнута, голова запрокинута, ноги, твердые, как палки, тщетно ищут точку опоры.

Не тратя времени на расспросы, я побежал в дом за шприцем и лекарствами, подстелил под голову собаки газеты и ввел апоморфин. Теперь оставалось только ждать.

Хозяин Джаспера поглядел на меня со страхом:

— Что это?

— Стрихнин, мистер Бартл. Я сделал инъекцию апоморфина, чтобы очистить желудок.

Я еще не договорил, а собаку уже вырвало на газеты.

— Теперь он поправится?

— Все зависит от того, сколько яда успело всосаться. — У меня не хватило духа сказать ему, что смертельный исход почти неминуем, что за последнюю неделю через мои руки прошло шесть собак в подобном состоянии и, несмотря на все мои старания, они погибли. — Нам остается только надеяться на лучшее.

Он смотрел, как я набираю в другой шприц нембутал.

— А это зачем?

— Чтобы усыпить его.

Я вколол иглу в лучевую вену, и, пока жидкость медленно, по каплям, шла в кровоток, напряженные мышцы расслабились и пес погрузился в глубокий сон.

— Ему уже как будто полегчало, — сказал мистер Бартл.

— Да. Но, когда действие инъекции кончится, судороги могут возобновиться. Как я уже сказал, все зависит от того, какое количество

стрихнина успело всосаться. Устройте его в каком-нибудь тихом помещении. Любой громкий звук может вызвать судороги. При первых признаках пробуждения позвоните мне.

Я вернулся в дом. Семь отравлений стрихнином за неделю! Это было страшно, невыносимо, но больше сомневаться я не мог — злой умысел! В нашем маленьком городке какой-то психопат сознательно подбрасывает собакам яд. Собаки время от времени становились жертвой стрихнина: лесники, да и не только они, прибегали к его смертоносным услугам, чтобы избавляться от тех или иных «вредных тварей», как они выражались, но обычно с ним обращались очень осторожно и принимали все меры, чтобы уберечь домашних животных. Беда случалась, если собака, залезая в нору, натыкалась на отравленную приманку. Но тут было другое.

Следовало как-то предупредить владельцев собак. Я позвонил репортеру местной газеты, и он обещал поместить заметку о случившемся в ближайшем номере, сопроводив ее рекомендацией не спускать собак с поводка во время прогулок и вообще оберегать их.

Затем я позвонил в участок. Дежурный полицейский внимательно выслушал меня.

— Да, мистер Хэрриот, я с вами согласен, тут орудует какой-то ненормальный, и мы безусловно займемся этим делом. Если бы вы сообщили мне фамилии владельцев, чьи собаки... спасибо... спасибо. Мы опросим их и проверим в аптеках, не покупал ли кто-нибудь в последнее время стрихнин. Ну и, конечно, мы теперь будем настороже.

Я отошел от телефона, надеясь, что хоть как-то помог предотвратить дальнейшие трагедии, и тем не менее меня продолжали грызть мрачные предчувствия. Но тут я увидел в приемной Джонни Клиффорда, и настроение у меня сразу улучшилось.

Джонни, примерно мой ровесник, всегда действовал на меня таким образом, потому что был удивительно жизнерадостным человеком и веселая улыбка никогда не исчезала надолго с его лица, хотя он и был слеп. Он сидел в обычной позе — положив руку на голову Фергуса, своего четвероногого поводыря.

— Опять подошло время осмотра, Джонни?

— Ага, мистер Хэрриот, оно опять подошло. Шесть месяцев пролетело, а я и не заметил. — Он со смехом протянул мне ветеринарную карту.

Присев на корточки, я осмотрел морду крупной немецкой овчарки, которая чинно сидела рядом с хозяином.

— Ну и как Фергус?

— Лучше не надо. Ест хорошо и прыткости хоть отбавляй. — Его рука ласково скользнула к ушам, и Фергус начал подметать хвостом пол приемной.

Заметив, какой гордостью и нежностью засветилось лицо молодого человека, я особенно остро осознал, что такое для него эта собака. Джонни однажды рассказал мне, какое отчаяние терзало его, когда на двадцать втором году жизни после нескольких лет полуслепоты он окончательно потерял зрение, — терзало, пока его не направили в школу собак-поводырей, где он познакомился с Фергусом и приобрел не просто замену для своих глаз, но и спутника, и друга, разделяющего каждую минуту его жизни.

— Ну, так начнем, — сказал я. — Встань-ка, старина, я измерю тебе температуру.

Температура оказалась нормальной, и я прошелся по груди могучего пса стетоскопом, с удовольствием слушая мерные удары сердца. Раздвинув шерсть у него на шее и спине, чтобы осмотреть кожу, я засмеялся:

— Джонни, я только напрасно трачу на это время. С такой шерстью его хоть на выставку.

— Да, он каждый день получает полную чистку.

Я сам не раз видел, как Джонни без устали орудует гребенкой и щеткой, так что густая шерсть обрела особый глянец. И ничто не доставляло ему такой радости, как слова: «Какая у вас красивая собака!» Он чрезвычайно гордился этой красотой, хотя сам никогда ее не видел.

На мой взгляд, осмотр и лечение собак-поводырей — самая почетная и радостная из всех обязанностей ветеринара, почти привилегия. И не только потому, что эти великолепные собаки превосходно обучены и стоят очень дорого, но главное потому, что они наиболее полно воплощают идею, вокруг которой в конечном счете строилась вся моя жизнь — взаимозависимость, доверие и любовь, связывающие человека и животное.

И после встречи с их слепыми хозяевами я возвращался к обычной своей работе с каким-то смирением — с благодарностью за все, чем меня одарила жизнь.

Я открыл рот Фергуса и осмотрел большие блестящие зубы. С некоторыми овчарками эта процедура чревата значительным риском, но Фергусу вы могли бы почти сунуть голову в зияющую пасть, и он только лизнул бы вам ухо. Собственно говоря, едва моя щека оказалась в пределах досягаемости, как по ней быстро скользнул его широкий влажный язык.

— Э-эй, Фергус, воздержись! — Я отодвинулся и вытащил носовой платок. — Я уже умывался утром, да и вообще лижутся только дамские

собачки, а не свирепые немецкие овчарки!

Джонни откинул голову и засмеялся:

— Ну уж свирепости в нем нет вовсе. Одна нежность.

— Мне такие собаки и нравится, — заметил я и взял зубной скребок. — Камень на одном из задних зубов. Я его сейчас и сниму.

Покончив с зубами, я проверил уши ауроскопом. Все оказалось в порядке, и я только удалил накопившуюся серу.

Потом я осмотрел лапы и когти. Эти огромные, широкие лапы меня всегда прямо-таки завораживали, хотя, конечно, они и должны были быть такими — ведь они несут тяжесть мощного тела.

— Отлично, Джонни. Только опять этот коготь отрос.

— Тот, который вы всегда подстригаете? Да, я и сам заметил, что он длинен становится.

— Он чуть-чуть искривлен, а потому не стачивается при ходьбе, как все остальные. Тебе ведь повезло, Фергус — гуляешь весь день, а?

Я увернулся от новой попытки облизать мне лицо и наложил щипцы на коготь. Нажать пришлось с такой силой, что у меня глаза на лоб полезли, и только тогда наконец отросший кончик с громким треском отлетел.

— Если бы у всех собак были такие когти, мы бы не успевали запасаться щипцами, — еле выговорил я, задохнувшись. — Как он здесь побывает, хоть меняй их!

Джонни снова засмеялся и положил ладонь на массивную голову бесконечно выразительным жестом. Я взял карту, поставил дату, записал результаты осмотра, а также принятые мною меры и отдал ее Джонни.

— Вот и все. Он в прекрасной форме, и больше ему ничего не требуется.

— Спасибо, мистер Хэрриот, ну, так до следующего раза!

Молодой человек взял поводок, я проводил их обоих по коридору до двери и задержался на пороге, наблюдая, как Фергус постоял у обочины, пропустил автомобиль и только потом повел хозяина через улицу.

Они было пошли по противоположному тротуару, но тут их остановила женщина с хозяйственной сумкой и принялась что-то оживленно говорить, то и дело поглядывая на красавца-пса. Несомненно, она говорила о Фергусе, а Джонни поглаживал благородную голову, улыбался и кивал — говорить и слушать про Фергуса он мог без конца.

Около двух позвонил мистер Бартл и сказал, что у Джаспера вроде бы опять начинаются судороги. Забыв про обед, я помчался к нему и повторил инъекцию нембутала. Мистер Бартл, владелец фабрички сухих кормов для крупного рогатого скота, был очень приятным и неглупым человеком.

— Мистер Хэрриот! — сказал он. — Пожалуйста, поймите меня правильно. Я вполне вам доверяю, но неужели вы больше ничего сделать не можете? Я так привязан к этой собаке...

Мне оставалось только безнадежно пожать плечами.

— Если бы это зависело от меня! Но других средств нет.

— А какое-нибудь противоядие?

— Боюсь, его не существует.

— Так что же... — Он страдальчески посмотрел на неподвижно вытянувшегося пса. — В чем, собственно, дело? Почему Джаспера сводят такие судороги? Я в этом не разбираюсь, но мне хотелось бы понять, в чем суть.

— Ну, я попробую объяснить, — сказал я. — Стрихнин воздействует на нервную систему, увеличивая проводимость спинного мозга.

— А что это означает?

— Мышцы становятся более чувствительными к внешним раздражителям, и при малейшем прикосновении или даже звуке они резко сокращаются.

— Но почему собаку так выгибает?

— Потому что мышцы-разгибатели сильнее мышц-сгибателей, и в результате спина выгибается, а ноги вытягиваются.

Он кивнул.

— Понимаю, но... Ведь такое отравление чаще всего смертельно? Так что именно... убивает их?

— Они погибают от удушья в результате паралича дыхательного центра или мощного сокращения диафрагмы.

Возможно, некоторые его недоумения остались неразрешенными, но разговор был для него слишком тяжел, и он замолчал.

— Мне хотелось бы, чтобы вы знали одно, мистер Бартл, — сказал я после паузы. — Почти наверное они при этом не испытывают боли.

— Спасибо! — Он нагнулся и слегка погладил спящего пса. — Значит, ничего больше сделать нельзя?

Я покачал головой.

— Снотворное препятствует возникновению судорог, и нам остается надеяться, что в его организме осталось не слишком много стрихнина. Я загляну попозже, а если ему станет хуже, сразу позвоните, и я буду у вас через несколько минут.

На обратном пути мне пришло в голову, что те же причины, по которым Дарроуби был раем для любителей собак, превратили его в рай и для их отравителей. Повсюду вились соблазнительные зеленые тропинки

— по берегу реки, по склонам холмов и среди вереска на вершинах. Сколько раз я сочувствовал владельцам собак в больших городах, где их негде прогуливать! У нас в Дарроуби в этом смысле никаких затруднений не возникало. Но и для отравителя тоже. Он мог разбрасывать свою смертоносную приманку буквально где хотел, оставаясь незамеченным.

Я кончал дневной прием, когда зазвонил телефон. В трубке раздался голос мистера Бартла, и я спросил:

— Опять начались судороги?

— Нет. — Он помолчал. — Видите ли, Джаспер умер. Он так и не очнулся.

— А... Мне очень жаль.

Меня охватило тупое отчаяние. Седьмая собака за неделю!

— Во всяком случае, благодарю вас, мистер Хэрриот. Я понимаю, что спасти его было невозможно.

Я с тоской повесил трубку. Он был прав: никто ничего тут сделать не мог бы, такого средства не существовало. Но мне от этого легче не становилось. Когда животное, которое ты лечишь, погибает, значит, ты потерпел поражение. И это тягостное чувство долго не проходит.

На следующий день мне пришлось поехать за город; жена фермера встретила меня на крыльце со словами:

— Вас просили сейчас же позвонить в приемную.

Трубку сняла Хелен:

— Только что пришел Джек Бримен со своей собакой. По-моему, опять стрихнин.

Я извинился перед фермершей и на предельной скорости помчался назад в Дарроуби. Джек Бримен был каменщиком. Какую бы работу ему ни поручали — чинить дымоходы, крыши, ограды, — он всегда приходил в сопровождении своего белого жесткошерстного терьера, и юркая собачка весь день вертелась между штабелями кирпича или обследовала окрестные луга.

Джек был моим хорошим знакомым — мы с ним часто пили пиво у «Гуртовщиков», — и я сразу узнал его фургон у крыльца Скелдейл-Хауса. Пробежав по коридору, я увидел, что он стоит, нагнувшись над столом в смотровой. Его песик лежал на столе в позе, которой я так страшился.

— Джим, он умер...

Я поглядел на мохнатое тельце. Оно было неподвижно, глаза остекленели. Ноги судорожно вытянулись на полированной поверхности стола. Зная, что это бесполезно, я все-таки нащупал бедренную артерию, но, конечно, пульса не обнаружил.

— Мне очень жаль, Джек, — сказал я неловко.

Он заговорил не сразу:

— Джим, я ведь читал в газете про других собак, но никак не думал, что и со мной может случиться такое. Черт-те что, а?

Я кивнул. Это был немолодой йоркширец с рубленным лицом, чья суровая внешность прятала чувство юмора, неколебимую внутреннюю честность и привязчивое сердце, которое он отдал своей собаке. Что я мог ему ответить?

— Да кто ж это вытворяет? — спросил он словно про себя.

— Не знаю, Джек. И никто не знает.

— Эх, поговорил бы я с ним по душам минут пять!

Он поднял застывшее тельце и ушел.

Но проклятый день еще не кончился. В одиннадцать, как раз когда я уснул, Хелен растолкала меня:

— Джим, по-моему, в дверь стучат.

Я открыл окно и выглянул. На крыльце стоял старик Бордмен, хромой ветеран первой мировой войны, который иногда делал у нас кое-какие работы по дому.

— Мистер Хэрриот, — крикнул он. — Простите, что беспокою вас ночью, но Рыжего прихватило.

Я свесился из окна:

— Что с ним?

— Да словно одеревенел весь... и лежит на боку.

Я не стал тратить времени на одевание, а натянул на пижаму старые вельветовые брюки, сбежал с лестницы, перепрыгивая через две ступеньки, схватил в аптеке все необходимое и распахнул дверь. Старик, тоже без пиджака, вцепился мне в руку.

— Быстрее, быстрее, мистер Хэрриот! — пробормотал он и заковылял к своему домику в проулке за углом, до которого было шагов тридцать.

Рыжий был скован судорогой, как и все остальные. Толстый спаниель, которого я столько раз видел, когда он вперевалку прогуливался со своим хозяином, лежал все в той же жуткой позе на кухонном полу. Правда, его вырвало, и это немного меня обнадежило. Я сделал инъекцию в вену, но не успел еще извлечь иглы, как дыхание остановилось.

Миссис Бордмен в халате и шлепанцах упала на колени и протянула дрожащую руку к неподвижному телу.

— Рыженький... — Она обернулась и посмотрела на меня недоумевающими глазами. — Он же умер...

Я положил ладонь ей на плечо и забормотал слова утешения, мрачно

подумав, что уже заметно в этом напрактиковался. Уходя, я оглянулся на стариков. Бордмен тоже опустился на колени рядом с женой, и, даже закрыв дверь, я продолжал слышать их голоса:

— Рыженький... Рыженький...

Я побрел домой, но, прежде чем войти, остановился на пустой улице, вдыхая свежий прохладный воздух и пытаясь собраться с мыслями. Смерть Рыжего была уже почти личной трагедией. Я ведь каждый день видел этого спаниеля. Собственно, все погибшие собаки были моими старыми друзьями — в маленьком городке вроде Дарроуби каждый пациент скоро становится хорошим знакомым. Когда же это кончится?

До утра я почти не сомкнул глаз и все следующие дни мучился зловещими предчувствиями. Едва телефон начинал звонить, я уже гадал, какая собака стала очередной жертвой, а Сэма, нашего с Хелен пса, в окрестностях города не выпускал из машины. Спасибо моей профессии — я мог прогуливать его далеко отсюда, на вершинах холмов, но даже и там не позволял ему отходить от меня.

На четвертый день меня немного отпустило. Может быть, этот кошмар кончился? Под вечер я возвращался домой мимо серых домиков в конце Холтон-роуд, как вдруг на мостовую выбежала женщина, отчаянно размахивая руками.

— Мистер Хэрриот! — крикнула она, когда я остановился. — Я как раз бежала к телефонной будке, когда увидела вас.

Я свернул к обочине.

— Вы ведь миссис Клиффорд?

— Да-да. Джонни только что вернулся, а Фергус вдруг рухнул на пол и остался лежать.

— Только не это! — Я уставился на нее не в силах пошевелиться, а по спине у меня пробежала холодная дрожь. Потом я выскочил из машины и следом за матерью Джонни стремглав бросился к последнему домику. На пороге маленькой комнаты я в ужасе остановился. Когда лапы благородного пса беспомощно скребут линолеум, в этом есть что-то кошунственное, но стрихнин скручивает в судорогах всех без разбора.

— Боже мой! — прошептал я. — Джонни, его тошнило?

— Да. Мать сказала, что его вытошнило в саду за домом, когда мы вернулись.

Слепой сидел выпрямившись на стуле рядом с собакой. Губы его складывались в полуулыбку, но тут он машинально протянул руку в привычном жесте и не почувствовал под ладонью головы, которой следовало там быть. Его лицо как-то сразу осунулось.

Флакон со снотворным плясал в моих пальцах, пока я наполнял шприц, стараясь отогнать мысль, что эту же инъекцию я делал тем, другим собакам — тем, которые погибли. Фергус у моих ног тяжело дышал, а когда я нагнулся к нему, он внезапно замер и его сковала типичная судорога — могучие, столь хорошо знакомые мне ноги напряженно вытянулись в воздухе, голову нелепо откинуло к позвоночнику.

Вот так они и погибали — при полном сокращении мышц. Снотворное пошло в вену, но признаки расслабления, которых я ждал, не появились. Фергус был примерно вдвое тяжелее прочих жертв, и шприц опустел без малейших результатов.

Я быстро набрал новую дозу и начал вводить ее, а внутри у меня все сжималось, потому что она была слишком велика. Полагается один кубик на пять фунтов веса тела, и превышение может привести к гибели животного. Я не отрываясь следил за делениями на стеклянном цилиндре шприца, и, когда поршень прошел черту безопасности, во рту у меня пересохло. Но эту судорогу необходимо было расслабить, и я продолжал упрямо нажимать на шток.

И, нажимая, думал, что, если Фергус сейчас погибнет, я так и не буду знать, винить ли в этом стрихнин или себя.

Фергус получил дозу заметно больше смертельной, но наконец его напряженное тело начало расслабляться, а я, сидя на корточках рядом с ним, боялся взглянуть на него: вдруг я все-таки его убил? Наступил долгий мучительный момент, когда он безжизненно замер, но потом грудная клетка почти незаметно поднялась, опустилась и дыхание возобновилось.

Однако легче мне не стало. Сон был таким глубоким, что пес находился на грани смерти, и тем не менее я знал, что его необходимо держать в таком состоянии, иначе у него не будет никаких шансов. Я послал миссис Клиффорд позвонить Зигфриду и объяснить, что я пока должен остаться у них, придвинул стул, сел и приготовился к бесконечному ожиданию.

Шли часы, а мы с Джонни все сидели возле вытянувшейся на полу собаки. Джонни говорил о случившемся спокойно, не ища сочувствия к себе, словно у его ног лежал просто их домашний пес, — и только его ладонь нет-нет да и искала голову там, где ее больше не было.

Время от времени у Фергуса появлялись признаки приближения новой судороги, и каждый раз я вновь погружал его в бесчувственное состояние, возвращая на грань смерти. Но иного выхода не было.

Уже далеко за полночь я, с трудом раскрывая слипающиеся глаза, вышел на темную улицу. Я чувствовал себя совершенно опустошенным.

Нелегко было следить, как жизнь дружелюбной, умной собаки, которая не раз облизывала тебе лицо, то совсем затухает, то вновь начинает еле-еле теплиться. Когда я ушел, он спал — по-прежнему под действием снотворного, однако дыхание стало глубоким и регулярным. Начнется ли прежний ужас опять, когда он проснется? Этого я не знал, но оставаться дольше не мог: меня ждали и другие животные.

Тем не менее тревога разбудила меня ни свет ни заря. Я проворочался на постели до половины восьмого, убеждая себя, что ветеринар не имеет права позволять себе подобное, что так жить попросту невозможно. Но тревога была сильнее голоса рассудка, и я ускользнул из дома, не дожидаясь завтрака.

Когда я постучал в дверь серого домика, нервы у меня были натянуты до предела. Мне открыла миссис Клиффорд, но я не успел ее ни о чем спросить: из комнаты в прихожую вышел Фергус.

Его все еще пошатывало от лошадиных доз снотворного, но он был весел и выглядел вполне нормальным — все симптомы исчезли. Вне себя от радости я присел на корточки и зажал в ладонях тяжелую голову. Фергус тут же прошелся по моему лицу влажным языком, и я еле отпихнул его.

Он затрусил за мной в комнату, где Джонни пил чай, и тотчас сел на свое обычное место возле хозяина, гордо выпрямившись.

— Может, выпьете чашечку чаю, мистер Хэрриот? — спросила миссис Клиффорд, приподняв чайник.

— Спасибо. С большим удовольствием, миссис Клиффорд, — ответил я.

В жизни мне не доводилось пить такого вкусного чая. Я прихлебывал, не спуская глаз с улыбающегося Джонни.

— Даже трудно сказать, какое это было облегчение, мистер Хэрриот! Я сидел с ним всю ночь и слушал, как бьют часы на церкви. И вот после четырех я понял, что мы одержали верх: он поднялся с пола и пошел вроде бы пошатываясь. Ну, тут я перестал бояться и просто слушал, как его когти стучат по линолеуму. Такой чудесный звук!

Он повернул ко мне счастливое лицо с чуть заведенными кверху глазами.

— Я бы пропал без Фергуса, — сказал он тихо. — Не знаю даже, как мне вас благодарить.

Но когда он машинально положил ладонь на голову могучего пса, который был его гордостью и радостью, я почувствовал, что никакой другой благодарности мне не нужно.

На этом эпидемия стрихнинных отравлений в Дарроуби кончилась.

Пожилые люди все еще ее вспоминают, но кто был отравитель, остается тайной и по сей день.

Вероятно, меры, принятые полицией, и предупреждения в газетах напугали этого психически неуравновешенного человека. Но как бы то ни было, с тех пор все редкие отравления стрихнином носили явно случайный характер.

А мне осталось грустное воспоминание о полном моем бессилии. Ведь выжил только Фергус, и я не знаю почему. Не исключено, что тут сыграли роль опасные дозы снотворного, на которые я решился только от отчаяния. А может быть, он просто проглотил меньше яда, чем другие? Этого я никогда не узнаю.

Но многие годы, глядя, как великолепный пес величественно выступает, безошибочно ведя своего хозяина по улицам Дарроуби, я ловил себя все на той же мысли: раз уж спастись суждено было только одной собаке, хорошо, что это был именно Фергус.

В памяти всплывают и всплывают все новые эпизоды. Первые месяцы в Скелдейл-Хаусе. Еще задолго до Хелен.

Мы с Зигфридом завтракаем в большой столовой. Мой патрон оторвался от письма, которое читал.

— Джеймс, вы помните Стьюи Брэннана?

Я улыбнулся:

— Ну конечно. Скачки в Бротоне?

Приятель Зигфрида со студенческой скамьи. Дружелюбный медведь. Конечно, я его не забыл.

— Да-да. — Зигфрид кивнул. — Ну так я получил от него письмо. У него уже успел родиться шестой. И хотя он не жалуется, не думаю, что ему хорошо живется в такой дыре, как его Хенсфилд. Еле-еле на хлеб зарабатывает. — Он задумчиво подергал себя за ухо. — Знаете, Джеймс, было бы неплохо дать ему возможность отдохнуть. Вы не согласились бы поехать туда и подменить его недельки на две, чтобы он свозил свое семейство к морю?

— Конечно. С удовольствием. Но ведь вам одному нелегко придется?

— Мне полезно поражаться, — отмахнулся Зигфрид. — Да и вообще у нас сейчас тихое время. Так я ему сегодня же напишу.

Стьюи с благодарностью ухватился за это предложение, и несколько дней спустя я отправился в Хенсфилд. Йоркшир — самое большое графство в Англии и, пожалуй, может похвастать наибольшим разнообразием. Меня просто потрясло, когда, покинув зеленые холмы и прозрачный воздух Дарроуби, я через какие-нибудь два часа увидел, как из рыжей пелены лесом встают фабричные трубы.

Тут начинался промышленный Йоркшир, и я проезжал мимо фабрик, угрюмых и сатанинских, какие могут привидеться только в кошмаре, мимо длинных рядов унылых одинаковых домов, в которых жили рабочие. Все было черным — дома, фабрики, заборы, деревья, даже окружающие холмы, закопченные и изуродованные дымом, извергаемым на город сотнями гигантских труб.

Приемная Стьюи находилась в самом сердце этого ада, в мрачном здании, покрытом слоем сажи. Нажав на кнопку звонка, я прочитал на дощечке: «Стюарт Брэннан, ветеринарный хирург, член Королевского ветеринарного колледжа и специалист по собакам». Интересно, подумал я,

как отнеслись бы к этому добавлению светила Королевского ветеринарного колледжа, но тут дверь открылась, и я увидел своего коллегу.

Он совсем заполнил дверной проем. Пожалуй, со времени нашей первой и последней встречи он стал еще толще, и, поскольку был конец августа, он, естественно, не надел запомнившейся мне флотской шинели, но в остальном с того времени, когда мы познакомились в Дарроуби, внешне нисколько не изменился — круглое мясистое добродушное лицо, темная влажная прядь, прилипшая ко лбу, всегда орошенному капельками пота.

Он ухватил меня за руку и радостно втащил в дверь.

— Джим! Очень рад вас видеть! Мои все в восторге — отправились за покупками перед поездкой. Мы уже списались насчет квартиры в Блэ KPUле. — Его неугасимая улыбка стала еще шире.

Мы прошли в заднюю комнату, где на буром линолеуме стоял шаткий раскладной стол. Я увидел раковину в углу, несколько полок с бутылками и шкафчик, выкрашенный белой краской. В воздухе стоял легкий застарелый запах карболки и кошачьей мочи.

— Тут я осматриваю животных, — не без гордости объяснил Стьюи и посмотрел на часы. — Двадцать минут шестого. Через десять минут начинается прием. А пока давайте я покажу, что тут и как.

Осмотр продолжался недолго, потому что смотреть, собственно, было нечего. Я знал, что в Хенсфилде подвизается весьма фешенебельная ветеринарная фирма, а Стьюи обслуживает главным образом бедняков. И его приемная была типична для практики, которая дышит на ладан. Все имелось словно бы в единственном числе — одна прямая хирургическая игла, одна изогнутая, одни ножницы, один шприц. Выбор лекарств был крайне ограничен, но зато пузырьки и банки для них отличались редким разнообразием — особенно пузырьки: таких неожиданных форм мне в ветеринарных аптеках видеть еще не доводилось.

— Конечно, тут похвастать особенно нечем, Джим, — сказал Стьюи, словно читал мои мысли. — Практика у меня не модная и зарабатываю я мало. Но концы с концами мы сводим, а ведь это главное.

Я вспомнил, что ту же фразу он сказал в тот день, когда мы познакомились на скачках. По-видимому, дальше, чем сводить концы с концами, его честолюбие не шло.

Он приподнял занавеску, отделявшую дальнюю часть комнаты.

— А это, так сказать, зал ожидания. — Он улыбнулся, заметив, с каким удивлением я оглядел десяток стульев, расставленных у трех стен. — Не слишком роскошно, Джим, и очереди на улице не выстраиваются. Но

ничего, живем.

В дверь уже входили клиенты Стьюи: две девочки с черной собакой, старик в кепке с терьером на веревочке, подросток с кроликом в корзине.

— Ну что ж, начнем, — сказал Стьюи, натянул белый халат, откинул занавеску и пригласил: — Пожалуйста, кто первый?

Девочки поставили свою собаку на стол: длиннохвостая многопородная дворняжка содрогалась от страха, опасливо косясь на белый халат.

— Ну-ну, малышка, — проворковал Стьюи, — я тебе больно не сделаю. — Он ласково погладил дрожащую голову и только потом повернулся к девочкам: — Так в чем беда?

— Она на ногу припадает, — ответила одна из них.

Словно в подтверждение, собачонка жалобно подняла переднюю лапу. Стьюи забрал ее в огромную ручищу и начал бережно ощупывать. Меня поразила эта мягкая нежность в таком, казалось бы, неуклюжем великане.

— Кости целы, — объявил он. — Просто немножко потянула плечо. Постарайтесь, чтобы она поменьше бегала, а утром и вечером втирайте вот это.

Он отлил беловатое притирание из бутылки в пузырек непонятной формы и протянул его девочкам.

Одна из них разжала кулачок, стискивавший шиллинг.

— Спасибо, — сказал Стьюи без малейшего удивления. — До свидания.

Он осмотрел еще нескольких животных и уже снова направился к занавеске, чтобы позвать следующего, но тут через другую дверь вошли два уличных оборвыша, таща бельевую корзинку со всевозможными бутылками и склянками.

Стьюи нагнулся над корзиной и начал с видом знатока перебирать бутылочки из-под соусов, банки из-под маринадов, бывшие вместилища кетчупа. Наконец он принял решение и заявил:

— Три пенса.

— Шесть, — хором сказали оборвыши.

— Четыре, — буркнул Стьюи.

— Шесть, — пропели оборвыши.

— Пять, — не сдавался мой коллега.

— Шесть! — Их тон стал победоносным.

— Ну ладно, — вздохнул Стьюи, отдал требуемую монетку и начал складывать свое новое приобретение под раковину.

— Я сдираю этикетки, Джим, и кипячу их как следует.

— Угу.

— Все-таки экономия.

Так я узнал тайну этой странной аптечной посуды.

Последний клиент появился из-за занавески в половине седьмого. Весь прием я наблюдал, с каким тщанием Стьюи неторопливо осматривал каждое животное и выбирал наилучшее лечение в пределах своих ограниченных ресурсов. Гонорар его исчерпывался одним-двумя шиллингами, и я понял, почему он только-только сводит концы с концами.

И еще я заметил, что всем клиентам он нравится. Да, его приемная оставляла желать лучшего, но зато он сам был неизменно внимателен и добр.

Последней была дородная дама, очень чопорная и выражавшаяся на самом изысканном литературном языке.

— Моя собачка была на прошлой неделе укушена в шею, — объявила она, — и боюсь, в рану проникла инфекция.

— Да-да, — озабоченно кивнул Стьюи, и пальцы-бананы порхающим движением ощупали распухшую шею животного. — Ничего хорошего. Если мы не примем мер, дело может кончиться абсцессом.

Он долго выстригал шерсть и обрабатывал глубокую ранку перекисью водорода. Потом вдул в нее присыпку, наложил ватный тампон и забинтовал. Затем он сделал антистафилококковую инъекцию, а в заключение вручил даме бутылку из-под соуса, по горлышко полную раствора акрифлавина.

— Применяйте, как указано в рецепте, — сказал он.

Наступила пауза, и дама выжидательно открыла кошелек.

После долгой внутренней борьбы, о которой свидетельствовало подергивание щек и век, он наконец решительно расправил плечи:

— Три шиллинга шесть пенсов.

По меркам Стьюи это был огромный гонорар, хотя в любой другой ветеринарной лечебнице такая сумма составила бы минимум, и я даже не уверен, не назначил ли он ее в убыток себе.

Когда дама удалилась, во внутренних комнатах внезапно поднялся оглушительный гвалт. Стьюи одарил меня сияющей улыбкой:

— Мег вернулась с ребятами. Идемте, я вас познакомлю.

На следующее утро я проводил счастливее семейство. Стьюи за рулем большого проржавевшего форда кивал и помахивал рукой, Мег рядом с ним улыбнулась измученной улыбкой, а за треснутыми боковыми стеклами куча ребятшек и собак сражалась за самые удобные места. Машина тронулась, кровать, коляска и чемоданы на крыше угрожающе закачались,

дети завопили, собаки залаяли, младенец заплакал, и они укатили.

Когда я вошел в дом, меня окутала глубокая тишина и принесла с собой ощущение тревоги. Мне предстояло две недели заменять Стьюи, и мысль об этой плохо оборудованной операционной меня отнюдь не успокоила. Если случай окажется действительно серьезным, я попаду в трудное положение!

Но я тут же ободрился. Судя по тому, что мне пришлось увидеть, ничего из ряда вон выходящего ждать не приходилось. Стьюи упомянул, что главный доход ему приносит кастрация котов. Ну, прибавим экзему ушной раковины, еще два-три легких заболевания — наверное, этим все и ограничится.

Утренний прием только подтвердил мои предположения. Бедно одетые люди приводили дворняжек, приносили кошек и кроликов с пустячными недомоганиями, и я благодушно роздал немало бутылок из-под минеральной воды и баночек из-под паштета, вполне обходясь небогатым ассортиментом лекарств в аптеке Стьюи.

Хлопоты мне причинял только стол, который то и дело складывался, когда я поднимал на него животных. Металлические распорки имели обыкновение в решающий момент срываться с упора, ножки подламывались, и пациент соскальзывал на пол. Но через некоторое время я приспособился и, осматривая животное, подпирал распорку коленом.

Около половины одиннадцатого, приподняв занавеску в последний раз, я убедился, что в приемной больше никого нет, — только в воздухе еще висел особый собачье-кошачий запах. Запирая дверь, я подумал, что до вечернего приема мне, собственно, совершенно нечего делать. В Дарроуби я сразу побежал бы к машине, чтобы отправиться в дневной объезд, но тут почти вся работа велась в операционной.

Я раздумывал, чем бы заняться после единственного вызова, значившегося в еженедельнике, но тут в дверь позвонили. Еще один звонок и отчаянный стук. Я нырнул под занавеску и повернул ключ. На крыльце стояла молодая элегантно одетая пара. Мужчина держал на руках курчавого лабрадора-ретривера, а у тротуара позади них виднелась большая сверкающая машина с домиком-прицепом.

— Вы ветеринар? — еле выговорила молодая женщина. Ей было лет двадцать пять — каштановые волосы, красивое лицо и полные ужаса глаза.

Я кивнул:

— Да-да. Что случилось?

— Наш пес... — хрипло сказал молодой человек. Лицо его побелело. — Он попал под машину.

Я посмотрел на золотистое неподвижное тело:

— Тяжелая травма?

После короткой паузы женщина прошептала:

— Поглядите на его заднюю ногу.

Я шагнул вперед — и меня мороз продрал по коже. В заплюсневом суставе нога была оторвана. Нет, не сломана, а именно оторвана и болталась на лоскуте кожи. В ярких солнечных лучах отвратительно поблескивали белые концы обнаженных костей.

Казалось, я очень долго, словно в столбняке, тупо глядел на собаку, а когда наконец обрел голос, он прозвучал как чужой.

— Войдите, — пробормотал я и повел их через благоуханную приемную к столу, горько сознавая, насколько я ошибся, когда решил, что меня тут никакие трагедии не подстерегают.

Я отдернул занавеску, и молодой человек, пошатываясь, положил свою ношу на стол. Теперь можно было рассмотреть типичные признаки дорожного происшествия: грязь, буквально вбитая в глянцевитое золото шерсти, множество царапин и ссадин. Но вот изувеченная нога не была типичной. Ничего подобного мне еще видеть не приходилось.

Я отвел взгляд и спросил хозяйку собаки:

— Как это случилось?

— В одну секунду. — Ее глаза наполнились слезами. — Мы путешествуем и даже не собирались останавливаться в Хенсфилде. («Еще бы!» — подумал я.) Только хотели купить газету, а Ким выпрыгнул из машины... И вот...

Я поглядел на пса, неподвижно распростертого на столе, и легонько погладил благородную голову.

— Бедняга! — пробормотал я, и на мгновение прекрасные карие глаза обратились на меня, а хвост раза два стукнул по столу.

— Откуда вы? — спросил я.

— Из Суррея, — ответил молодой человек.

— Ах так... — Я потер подбородок. В черном туннеле вдруг забрезжил свет спасительной лазейки. — Может быть, я сделаю перевязку и вы отвезете его домой, к собственному ветеринару?

Он посмотрел на жену, потом снова повернулся ко мне:

— И что тогда? Ему ампутировать ногу?

Я ничего не ответил. Конечно, именно так и поступят в хорошо оборудованной ветеринарной лечебнице, где много умелых помощников и операционная отвечает всем современным требованиям. Да и что еще можно сделать?

От этих мыслей меня отвлекла хозяйка собаки.

— Но если все-таки есть шанс спасти ногу, меры надо принять немедленно, ведь верно? — Она умоляюще посмотрела на меня.

— Да, — хрипло ответил я. — Конечно.

И начал осмотр. Повреждения кожи оказались пустяковыми. Пес был в шоке, но слизистые оболочки оставались розовыми — по-видимому, дело обошлось без внутреннего кровотечения. Да, случай был бы легкий, если бы не эта страшная нога.

Я уставился на нее, и меня снова ужаснуло поблескивание гладких

поверхностей плюсневого сустава. Было что-то почти непристойное в том, что они обнажились у живой собаки. Казалось, жестокие любопытные руки нарочно разломали сустав.

Я начал лихорадочно обыскивать операционную, вытаскивал ящики, распахивал дверцы шкафов, открывал коробки. При каждой полезной находке у меня колотилось сердце: банка кетгута в спирту, пачка ваты, йодоформ в пульверизаторе и — вот действительно сокровище! — флакон снотворного для анестезии.

Больше всего пользы принесли бы антибиотики, но их я, конечно, даже не искал — в те дни они еще не были открыты. Я лихорадочно рылся в поисках хотя бы одной-двух унций сульфаниламида, но тщетно — такой роскоши в хозяйстве Стюи не водилось. Тут я наткнулся на коробку с гипсовыми бинтами, и она мне кое-что напомнила.

В то время, на исходе тридцатых годов, у всех еще была жива в памяти гражданская война в Испании. В ее последние месяцы медикаментов настолько не хватало, что нередко страшнейшие раны просто заключали в гипс, чтобы они «поварились в собственном соку», по мрачному выражению тех лет. Но результаты порой оказывались на удивление хорошими.

Я схватил бинты. Теперь я знал, что мне делать. Полный суровой решимости, я ввел иглу в вену и медленно впрыснул снотворное. Ким мигнул, лениво зевнул и погрузился в сон. Быстро разложив свой скудный арсенал, я попробовал повернуть собаку поудобнее. Но особенности стола вылетели у меня из головы, и едва я приподнял задние лапы, как он накренился и тело собаки беспомощно заскользило на пол.

— Хватайте его! — Мой отчаянный вопль возымел действие: хозяин успел подхватить расслабленное тело, а я торопливо вернул распорки на место и поверхность стола снова приняла горизонтальное положение.

— Подсуньте колено вот сюда! — пропыхтел я и повернулся к его жене: — И вы тоже, пожалуйста, с той стороны. Нельзя, чтобы стол рухнул, пока я буду оперировать.

Они молча выполнили мою просьбу, а я, взглянув на колени, поддерживающие распорки снизу, почувствовал острый стыд. Что они могут подумать о подобной убогости?

Потом я надолго забыл обо всем. Сначала я вернул сустав на место, вдвинув гребни плюсневого блока в бороздки на нижней поверхности голени, как много раз делал на практических занятиях по анатомии в колледже. И тут мелькнул первый луч надежды: некоторые связки полностью сохранились и, что было еще важнее, уцелело несколько

крупных кровеносных сосудов.

Я молча чистил и обеззараживал, вдвывая йодоформ в каждый просвет, а потом начал сшивать, соединяя сухожилия, восстанавливая суставную сумку и связки, — казалось, этому не будет конца. Утро выдалось жаркое, и под бьющими в окно косыми лучами на лбу у меня выступил пот. Когда я накладывал швы на кожу, по моему носу уже весело бежал ручеек, каплями срываясь с кончика. Ну, еще йодоформ, потом вата и наконец два гипсовых бинта. Нога от голени до лапы была теперь заключена в жесткий лубок.

Я выпрямился и посмотрел на молодых супругов. Все это время они поддерживали стол в очень неудобных позах, ни разу не шелохнувшись, но теперь мне показалось, будто я вижу их впервые. Я вытер лоб и глубоко вздохнул:

— Ну, вот так. Пожалуй, неделю ничего делать не надо, а тогда покажите его ветеринару — там, где вы остановитесь.

Они помолчали, потом жена сказала:

— Я бы хотела, чтобы его снова посмотрели вы.

Муж кивнул.

— Правда? — Я был искренне удивлен. Мне казалось, что они предпочтут никогда больше не видеть ни меня, ни мою пропахшую кошками приемную, ни мой складывающийся стол.

— Но это же естественно, — сказал муж. — Вы были так внимательны и делали все с таким тщанием. Каков бы ни был исход, мы вам глубоко благодарны, мистер Брэннан.

— Я не мистер Брэннан. Он в отъезде, я его временно заменяю. Моя фамилия Хэрриот.

— Ну так еще раз спасибо, мистер Хэрриот! — Он протянул руку: — Я Питер Гиллард, а это моя жена Марджори.

Мы обменялись рукопожатием, он поднял собаку со стола, и они пошли к машине.

Все следующие дни нога Кима постоянно маячила у меня перед глазами. Иногда мне казалось, что только идиот попытался бы спасти лапу, соединенную с остальной ногой лишь лоскутком кожи. Ни с чем, хоть отдаленно похожим на этот случай, я ни разу не сталкивался, и в свободные минуты перед моим мысленным взором вдруг проплывал заплюсневый сустав со всеми его сложными компонентами.

А свободных минут хватало, потому что Стьюи работой завален отнюдь не был. Если не считать трех приемов в день, делать было почти нечего, а уж о ночных вызовах, как в Дарроуби, тут и не слыхали.

Уезжая, Брэннаны поручили и дом, и меня заботам миссис Холройд,

пожилой вдовы с испытанным лицом, которая неторопливо прохаживалась по комнатам в цветастом комбинезоне, обсыпая его пеплом сигареты, неизменно торчавшей в уголке ее рта. Вставала она поздно и скоро меня выдрессировала: когда в первые два-три дня она не появилась с утра, я состряпал себе завтрак сам, а потом так это и продолжалось.

Но в остальное время она заботилась обо мне очень хорошо. Готовила она простые блюда, зато вкусно, и за обедом и ужином со словами «кушайте на здоровье, голубчик» ставила передо мной полные, аппетитно пахнущие тарелки, не спуская с меня спокойных глаз, пока я не начинал есть. Единственным облачком, омрачавшим мое удовольствие, был длинный трепещущий палец пепла, которым грозила моей еде очередная сигарета.

Кроме того, миссис Холройд записывала вызовы по телефону, если меня не оказывалось рядом. Их было немного, но один надолго запечатлелся в моей памяти.

Я заглянул в блокнот и прочел запись, сделанную аккуратным наклонным почерком миссис Холройд: «Мистер Пимизров просил приехать посмотреть бульдога».

— Пимизров? — переспросил я. — Он что, русский, этот джентльмен?

— Не знаю, голубчик. Я не спрашивала.

— А... а он говорил, как иностранец? Неправильно произносил слова?

— Нет, голубчик. Произносил, как я, по-йоркширски.

— Ну да неважно, миссис Холройд. А его адрес?

Она посмотрела на меня с удивлением:

— Откуда мне знать? Он же не сказал.

— Но... миссис Холройд, как же я могу к нему поехать, если не знаю, где он живет?

— Это уж вам виднее, голубчик.

Я был в полном недоумении.

— Но ведь он должен был сказать вам!

— Пимизров — вот и все, что он мне сказал, молодой человек. И еще сказал, что вы сами знаете. — Она выставила подбородок и смерила меня ледяным взглядом. Сигарета затрепетала. Возможно, такие недоразумения у нее бывали и со Стьюи — во всяком случае, я понял, что разговор окончен.

Весь день я старался не думать об этом, но меня томило сознание, что где-то неподалеку страдает больной бульдог, а я не могу прийти ему на помощь.

Телефонный звонок в семь вечера покончил с моими терзаниями.

— Это что, ветеринар? — ворчливо спросил грубый голос.

— Да... слушаю...

— Я весь день прождал. Когда же вы соберетесь посмотреть моего бульдога?

Ситуация начала проясняться. Но с другой стороны... это йоркширское произношение... ни намека на Россию... на степное раздолье...

— Очень сожалею, — забормотал я. — Боюсь, произошло маленькое недоразумение. Я заменяю мистера Брэннана и не знаю здешних мест. От души надеюсь, что у вашей собаки нет ничего серьезного.

— Серьезного-то нет, так, покашливает. Но я хочу его подлечить.

— Разумеется, разумеется. Я сейчас же приеду, мистер... Э...

— Пим моя фамилия, а живу я рядом с почтой в Роффе.

— В Роффе?

— Ну да. В двух милях от Хенсфилда.

Я облегченно вздохнул.

— Хорошо, мистер Пим. Я выезжаю.

— Спасибо, — голос немного смягчился. — Теперь, значит, не спутаете. Пим из Роффа, вот я кто.

Все стало ясно: Пим из Роффа — Пимизров! Такое простое объяснение.

Подобные мелкие происшествия оживляли неделю, но я с нарастающим напряжением ожидал возвращения Гиллардов. И даже наступление седьмого дня его не сняло, потому что на утреннем приеме они не появились. Когда же они не приехали и днем, я решил, что они благоразумно предпочли отправиться домой и обратиться в лечебницу, оборудованную по последнему слову науки. Но в половине шестого они пришли.

Я понял это, еще не откинув занавески. Роковой запах разлился по всему дому, а когда я вышел за занавеску, он оглушил меня — тошнотворный смрад разложения.

Гангрена. Всю неделю я опасался ее — и, как оказалось, не напрасно.

Остальные клиенты — человек шесть — постарались отодвинуться от Гиллардов как можно дальше, а они смотрели на меня с вымученной улыбкой. Ким попытался подняться мне навстречу, но я видел только беспомощно болтающуюся заднюю ногу под разбухшими складками моей недавно такой твердой гипсовой повязки!

И надо же было, чтобы Гилларды оказались последними! Мне пришлось прежде принять остальных животных. Я осматривал их,

назначал лечение, мучаясь от бессилия и стыда. Что я сделал с этим чудесным псом? Какое безумие толкнуло меня на подобный эксперимент? Раз началась гангрена, даже ампутация ноги его, возможно, уже не спасет. Ему грозит гибель от сепсиса, а что я могу сделать в этой дыре?

Когда наконец настала очередь Гиллардов, они вошли, ведя хромящего Кима, и мне стало еще тяжелее, потому что я снова увидел, какой он красавец. Я нагнулся над большой золотистой головой, а он дружелюбно заглянул мне в глаза и помахал хвостом.

Подсунув руки ему под грудь, я сказал Питеру Гилларду:

— Перехватите его под задние ноги. Вот так.

Мы подняли тяжелого пса на стол, хлипкая мебель немедленно перекосилась, но на этот раз Гилларды были наготове и подставили колени под распорки отлично слаженным движением.

Кима мы положили на бок, и я потрогал повязку. Обычно гипсовый лубок снимают с помощью особой пилы, и эта операция требует большого терпения и времени, но тут под моими пальцами были только вонючие тряпки. Дрожащей рукой я разрезал повязку ножницами вдоль и снял ее.

Вот сейчас я увижу холодную мертвую ногу характерного зеленоватого оттенка... Однако под гноем и сукровицей подживающие мышцы были на удивление здорового розового цвета. Я взял лапу в руки, и сердце у меня радостно забилося. Лапа была теплой — и вся нога до заплюсневого сустава тоже. Ни малейших признаков гангрены!

Меня вдруг сковала страшная слабость, и я прислонился к столу.

— Запах, конечно, ужасный... Но ведь гной и прочие выделения неделю разлагались под повязкой. А нога выглядит гораздо лучше, чем я ожидал.

— Вы... вы думаете, что можете ее спасти? — дрожащим голосом спросила Марджори Гиллард.

— Не знаю. Нет, я правда не знаю. Предстоит еще столько всякого... Но пока, на мой взгляд, все идет хорошо.

Я обработал поверхность спиртом, присыпал йодоформом, наложил свежую вату и еще два гипсовых бинта.

— Теперь, Ким, тебе будет полегче, — сказал я, и пес, услышав свое имя, хлопнул хвостом по столу.

Я повернулся к его хозяевам:

— Ему надо еще неделю побыть в гипсе. Так что вы думаете делать дальше?

— Останемся здесь, — ответил Питер Гиллард. — Мы нашли удобное местечко у реки. И довольно приятное.

— Отлично. Ну, так до следующей субботы.

Я смотрел, как Ким проковылял на улицу, высоко держа свой новый белый лубок, и на меня нахлынула теплая волна радости.

Однако где-то в глубине сознания предостерегающе звучал тихий голосок: до выздоровления еще далеко.

Вторая неделя прошла тихо. Я получил открытку с видом Блэкпулской башни от семейства Стьюи. Погода стоит знойная, и они еще никогда так чудесно не отдыхали. Я попытался представить себе, как они проводят время, а несколько недель спустя, уже в Дарроуби, получил наглядное доказательство — снимок, сделанный пляжным фотографом. Все семейство стояло в море, улыбаясь прямо в объектив, а волны лизали им колени. Дети размахивали совками и ведерками, младенец болтал над водой кривыми ножками, но особенно умилил меня Стьюи: из-под повязанного на голове носового платка сияла блаженная улыбка, крепкие подтяжки поддерживали мешковатые брюки, аккуратно подвернутые до колен. Он был живым воплощением британского папаши на отдыхе.

И вот настало утро, когда я проснулся с мыслью, что это мой последний день в Хенсфилде. К обеду должен был вернуться Стьюи.

Когда я, начиная утренний прием, откинул ставшую уже такой привычной занавеску, настроение у меня сразу повысилось. Среди разнокалиберных стульев меня поджидал только один пациент — но пациентом этим был Ким! Могучий золотистый красавец ретривер сидел на полу между своими хозяевами. При виде меня он вскочил, размахивая хвостом и растягивая губы, словно от смеха.

Ни намек на запах, ужаснувший меня в предыдущий раз, но, еще раз взглянув на пса, я словно ощутил особое благоухание — благоухание успеха. Он прикоснулся этой ногой к полу. Нет, не опирался на нее всей тяжестью, но тем не менее опускал ее и дотрагивался до пола все время, пока прыгал вокруг меня.

У меня зачесались руки.

— Положите его на стол, — скомандовал я и не мог удержаться от смеха, потому что Гилларды немедленно подсунули колени под распорки. Они хорошо усвоили свои ассистентские обязанности!

Сняв лубки, я чуть не пустился в пляс. Немного засохшего гноя и других выделений, но когда я их смыл, повсюду открылась здоровая гранулирующая ткань. Новая розовая плоть скрепила разбитый сустав, сгладила и спрятала следы повреждений.

— За ногу можно не опасаться? — робко спросила Марджори Гиллард. Я поглядел на нее с улыбкой.

— Да, безусловно. Теперь уже нет сомнений. — Я почесал Киму шею,

и хвост весело застучал по столу. — Сустав, вероятно, утратит подвижность, но ведь это не так уж важно, правда?

Я использовал последние гипсовые бинты Стьюи, и мы сняли Кима со стола.

— Ну вот и все, — сказал я. — Недели через две покажите его своему ветеринару. Но, думаю, больше перевязок не потребуется.

Гилларды отправились в обратный путь, а часа через два появился Стьюи со своим семейством. Все дети стали шоколадно-коричневыми и даже младенец, по-прежнему буйно вопивший, покрылся красивым загаром. Нос у Мег облупился, но вид у нее был свежий и отдохнувший. Стьюи в рубашке с открытым воротом, весь красный, как вареный рак, казалось, еще потолстел.

— Этот отдых спас нам жизнь, Джим, — сказал он. — Просто не знаю, как вас благодарить, и, пожалуйста, скажите от нас спасибо Зигфриду. — Он с нежностью поглядел на свое ринувшееся в дом неумное потомство и, словно вспомнив что-то, опять повернулся ко мне: — А тут как? Все было в порядке?

— Да, Стьюи. Конечно, случались и удачи, и неудачи.

— А у кого их не бывает? — засмеялся он.

— Естественно. Но сейчас все хорошо.

Ощущение, что все хорошо, оставалось со мной и когда дымящие трубы скрылись позади. Вот поредели и исчезли последние дома, а впереди распахнулся совсем другой, чистый мир, и вдали поднялась зеленая линия холмов, громоздящихся над Дарроуби.

Вероятно, мы все любим возвращаться к приятным воспоминаниям, но у меня выбора и не было: на рождество я получил письмо от Гиллардов с целой пачкой фотографий — большой золотистый пес прыгает через барьер, взмывает высоко в воздух за мячом, гордо несет в пасти палку. Нога сгибается почти нормально, писали они, и он совершенно здоров.

Вот почему даже теперь, когда я вспоминаю эти две недели в Хенсфилде, первым в памяти у меня всплывает Ким.

По-моему, мне не доводилось встречать человека, который мощью голоса мог бы потягаться с Леном Хэмпсоном.

По дороге на ферму Лена мне захотелось остановиться. Я свернул к обочине и положил локти на руль. День выдался жаркий и тихий, а этот удивительно красивый уголок был защищен холмами от резких ветров, которые иссушали на вершинах все, кроме вереска и жесткой травы пустошей.

Тут в зеленых ложбинах и овражках поднимали к небу свои могучие ветви величавые дубы, вязы, тополя, и их пышная листва даже не трепетала — таким неподвижным был воздух.

В зеленых просторах вокруг — ни единого движения, а тишину нарушают только жужжание пролетающей пчелы и блеяние овец где-то вдали.

В открытые окна машины лились запахи лета — дыхание нагретой травы и клевера, ароматы невидимых цветов. Но в машине им приходилось вступать в соперничество с густым коровьим запахом. Перед этим я целый час вакцинировал вольно пасущееся стадо в пятьдесят голов и теперь сонно взирал на безмятежный пейзаж, сидя в замызганных брюках и заскорузлой от пота рубашке.

Я открыл дверцу. Сэм, наш с Хелен пес, радостно спрыгнул на землю и скрылся в лесочке. Я последовал за ним в прохладную тень, где среди толстых темных стволов веяло сосновой хвоей и сыростью опавших листьев. Откуда-то сверху, из сплетения ветвей, доносилось воркование горлицы — самые мирные звуки в мире.

И вот тут, хотя от фермы нас отделяло два луга, я услышал голос Лена Хэмпсона. Нет, он не скликал разбредшихся коров, а просто беседовал с членами своей семьи — как обычно, на пределе мощности своих неутомимых голосовых связок.

Когда я подъехал к ферме, Лен открыл мне ворота.

— Доброе утро, мистер Хэмпсон, — сказал я.

— ВАША ПРАВДА, МИСТЕР ХЭРРИОТ, — загремел он. — УТРО РАСЧУДЕСНОЕ. Я даже попятился, но трое его сыновей только весело ухмыльнулись. К чему, к чему, а уж к голосу отца они, конечно, привыкли.

— Вы хотели показать мне свинью? — сказал я, держась на почтительном расстоянии.

— АГА. ХОРОШИЙ ТАКОЙ БОРОВОК. ЧТО-ТО С НИМ ПРИКЛЮЧИЛОСЬ. ДВА ДНЯ НИЧЕГО НЕ ЕСТ.

Мы вошли в хлев, и я сразу же определил, кого мне предстоит лечить. Все дородные бело-розовые обитатели хлева заметались при виде чужого человека — все, кроме одного, который, понурившись, стоял в углу.

Свиньи обычно сопротивляются попыткам смерить им температуру, но этот боровок даже не пошевелился, когда я вставил термометр в прямую кишку. Температура оказалась лишь немного выше нормальной, но вид у животного был обреченный. Он застыл в неподвижности, чуть выгнув спину, избегая любых движений, а глаза у него были мутные и испуганные.

Я поглядел на красную физиономию Лена Хэмпсона, который всем весом навалился на загородку.

— Это началось сразу или постепенно? — спросил я.

— ЗА ОДНУ МИНУТУ! — В тесном помещении рев был совершенно оглушительным. — ВЕЧЕРОМ В ПОНЕДЕЛЬНИК БЫЛ ЗДОРОВЕХОНЕК, А УТРОМ ВО ВТОРНИК — НА ТЕБЕ!

Я ощупал живот боровка. Мышцы были напряжены и тверды, как доски, так что обнаружить что-либо определенное с помощью пальпации не удалось, но брюшная стенка была болезненна повсюду.

— Мне уже приходилось видеть их в таком состоянии, — сказал я. — У него разрыв кишечника. Это случается, когда свиньи дерутся или толкают друг друга, особенно сразу после кормежки.

— И ЧТО ТЕПЕРЬ БУДЕТ?

— Дело и том, что содержимое кишечника попало в брюшину и вызвало перитонит. Я вскрывал таких свиней — в брюшной полости сплошные спайки, словно все органы срослись. Боюсь, шансов на выздоровление почти нет.

Лен снял кепку, почесал лысый затылок и водрузил потрепанный головной убор на место.

— УЖ ОЧЕНЬ ХОРОШИЙ БОРОВОК! ТАК ЧТО, ДЕЛО БЕЗНАДЕЖНОЕ, ЧТО ЛИ? — Несмотря на огорчение, он не понизил голоса ни на полтона.

— Боюсь, что так. Они обычно едят очень мало и стремительно худеют. Разумней будет теперь же его забить.

— НЕ НРАВИТСЯ МНЕ ЭТО! НЕ ЛЮБЛЮ ТАК ПРЯМО СДАВАТЬСЯ. МОЖЕТ, НАЙДЕТСЯ КАКОЕ СРЕДСТВО? ПОКА ЕСТЬ ЖИЗНЬ, ЕСТЬ И НАДЕЖДА, ВЕРНО?

Я улыбнулся.

— Ну, какая-то надежда всегда есть, мистер Хэмпсон.

— А РАЗ ТАК, ДАВАЙТЕ ПОПРОБУЕМ. ПОПЫТКА НЕ ПЫТКА, А?

— Ну хорошо. — Я пожал плечами. — Боли он особой не испытывает, просто чувствует себя неважно. Значит, можно попытаться. Я оставлю вам порошки.

Пробираясь наружу из хлева, я невольно залюбовался остальными свиньями.

— Просто загляденье! — сказал я. — Таких отличных свиней мне, честное слово, видеть еще не приходилось. Видно, что вы хорошо их кормите.

Это была ошибка. Удовольствие добавило к его голосу много лишних децибелов.

— АГА! — взревел он. — КОРМИ ИХ КАК СЛЕДУЕТ, И УЖ ОНИ ТЕБЯ ОТБЛАГОДАРЯТ!

Когда я добрался до машины и открыл багажник, у меня все еще звенело в голове. Я вручил Лену пакет моих верных сульфаниламидных порошков. Они не раз выручали меня, но тут я от них особых чудес не ждал.

По иронии судьбы мне пришлось отправиться от чемпиона по крику среди наших клиентов к чемпиону шептателей. Элайджа Уэнтворт общался с себе подобными только на пониженных тонах.

Когда я подъехал, мистер Уэнтворт мыл из шланга коровник. Он обернулся и поглядел на меня с обычным своим глубоко серьезным выражением. Этот высокий худой человек отличался чрезвычайной правильностью речи, чинностью манер и внешне совершенно не походил на небогатого фермера, работающего в поте лица своего с утра до ночи. Такому впечатлению способствовала и его одежда, которая больше подходила для канцелярской работы, чем для его тяжелого труда.

На голове у него была аккуратно надета почти новая фетровая шляпа, которую я волей-неволей изучил во всех деталях, потому что он подошел ко мне почти вплотную, быстро оглянулся по сторонам и зашептал:

— Мистер Хэрриот, боюсь, это что-то очень серьезное. — Он всегда говорил так, словно сообщал нечто чрезвычайно важное и секретное.

— Очень жаль. А в чем дело?

— Отличный бычок, мистер Хэрриот, и тает прямо на глазах. — Он придвинулся ко мне еще ближе и шепнул мне прямо в ухо: — Подозреваю туберкулез! — Потом попятился, страдальчески хмурясь.

— Действительно нехорошо, — сказал я. — А где он?

Мистер Уэнтворт поманил меня пальцем, и я последовал за ним в стойло. Бычок был херфордширским гибридом и, если бы не исхудал и не

ослабел, должен был бы весить около полутонны. Тревога мистера Уэнтворта была мне понятна, но у меня уже выработалось диагностическое чутье, и я ни на секунду не усомнился, что туберкулез тут ни при чем.

— Он кашляет? — спросил я.

— Нет, совсем не кашляет. А вот понос наблюдается.

Я внимательно осмотрел бычка, и типичные симптомы — отечность в подчелюстной области, вздутость живота, желтушность слизистых оболочек — сразу подсказали мне диагноз.

— По-моему, мистер Уэнтворт, это фасциолез. Причина его состояния — печеночный сосальщик. Я пошлю пробу навоза для анализа на яйца сосальщика, но лечить начну немедленно.

— Печеночный сосальщик? Где же он мог его подхватить?

— На сыром пастбище. Вы где его последнее время пасли?

— Вон там, — фермер указал куда-то за дверь. — Пойдемте, я вам покажу.

Через несколько сот шагов мы прошли через ворота, потом через вторые и оказались на широком ровном лугу у подножия холма. Упругость дерна под ногами и растущая кое-где болотная трава говорили сами за себя.

— Самое подходящее место, — сказал я. — Как вам известно, это паразит, внедряющийся в печень, но на протяжении своего жизненного цикла он некоторое время развивается в малом прудовике, а эта улитка обитает поблизости от воды.

Мистер Уэнтворт несколько раз торжественно кивнул и принялся оглядываться по сторонам, из чего я заключил, что он намеревается что-то сказать. Он вновь вплотную придвинулся ко мне и внимательно осмотрел горизонт. На милях вокруг раскинулись луга, нигде не было видно ни единой живой души, и тем не менее он как будто опасался, что его подслушают.

Почти касаясь щекой моей щеки, он шепнул мне на ухо:

— Я знаю, кто в этом виноват.

— Неужели? И кто же?

Он вновь быстро удостоверился, что рядом никто не возник из-под земли, и опять обдал меня жарким дыханием:

— Помещик, у которого я арендую землю.

— Но при чем тут он?

— Палец о палец не ударит. — Мистер Уэнтворт повернул ко мне лицо с широко раскрытыми глазами, а затем вновь прильнул к моему уху: — Сколько лет обещает осушить этот луг — и ничего не делает.

Я отступил на шаг.

— Тут я ничем вам помочь не могу, мистер Уэнтворт. Но в любом случае у вас есть и другой выход — истребить улиток медным купоросом. Потом я объясню вам как, но для начала займусь бычком.

У меня в багажнике был гексахлорэтан. Я разболтал его в бутылке воды и подошел к бычку. Могучее животное без сопротивления позволило открыть ему рот и влить лекарство в глотку.

— Он очень ослабел, — заметил я.

— Очень! — Мистер Уэнтворт тревожно посмотрел на меня. — Я думаю, он скоро ноги протянет.

— Зачем же так мрачно, мистер Уэнтворт! Выглядит он, конечно, очень плохо, но, если это сосальщик, лекарство должно помочь. Сообщите мне, как он будет себя чувствовать.

Примерно месяц спустя я прохаживался в рыночный день между прилавками, установленными на булыжнике. У дверей «Гуртовщиков», как всегда, толпились фермеры, разговаривая между собой, заключая сделки с торговцами скотом и зерном, но все заглушали зазывные выкрики продавцов.

Меня прямо-таки заворожил продавец сладостей. Он горстями сыпал их в бумажные пакеты, бойко приговаривая:

— Мятные лепешки, лучше не найти! Лакричные палочки всех сортов! Леденчики тоже не помешают! Вложим парочку шоколадок! Подсыплем ирисок! Добавим рахат-лукумчику! — И, помахивая набитым пакетом, торжествующе выкрикивал: — Давай налетай! Шесть пенсов все удовольствие!

«Поразительно! — подумал я, отходя. — Как это у него ловко получается!»

И тут от дверей «Гуртовщиков» меня окликнул знакомый голос.

— ЭЙ, МИСТЕР ХЭРРИОТ! — Не узнать Лена Хэмпсона было невозможно. Он надвинулся на меня, краснолицый и бодрый. — ПОМНИТЕ БОРОВКА, КОТОРОГО ВЫ У МЕНЯ ПОЛЬЗОВАЛИ? — Он, несомненно, выпил по поводу рыночного дня пару-другую кружек пива, и его голос не стал от этого тише.

Фермеры кругом наострили уши. Болезни чужого скота извечная тема, полная животрепещущего интереса.

— Конечно, помню, мистер Хэмпсон, — ответил я.

— ОН ТАК И ЗАЧАХ, — взревел Лен.

Я заметил, как вспыхнули глаза фермеров. Плохой исход — это даже еще интереснее.

— Да? Мне очень жаль.

— АГА! В ЖИЗНИ НЕ ВИДЕЛ, ЧТОБ СВИНЬЯ ТАК ХУДЕЛА!

— Да?

— ТАЯЛ, МОЖНО СКАЗАТЬ, НЕ ПО ДНЯМ, А ПО ЧАСАМ!

— Очень жаль. Но если вы помните, я предупреждал...

— ТОЛЬКО КОЖА ДА КОСТИ ОСТАЛИСЬ! — громовой рев раскатывался по рыночной площади, заглушая жалкие выкрики продавцов. А торговец сладостями даже умолк и слушал с таким же жадным любопытством, как и все вокруг.

Я тревожно посмотрел по сторонам.

— Что же, мистер Хэмпсон, я ведь вам сразу объяснил...

— НУ НИ ДАТЬ НИ ВЗЯТЬ ЖИВОЙ СКЕЛЕТ! ПРЯМО ЖУТЬ БРАЛА, НА НЕГО ГЛЯДЯ.

Я понимал, что Лен вовсе не жалуется, а просто делится со мной впечатлениями, но я предпочел бы, чтобы он воздержался.

— Спасибо, что вы мне рассказали — пробормотал я. — Но мне пора...

— УЖ НЕ ЗНАЮ, ЧТО ЗА ПОРОШОЧКИ ВЫ ЕМУ ОСТАВИЛИ...

Я откашлялся:

— В них входили...

— ...ТОЛЬКО ПОЛЬЗЫ ОНИ ЕМУ НИКАКОЙ НЕ ПРИНЕСЛИ!

— Ах так. Но мне действительно пора...

— НА ТОЙ НЕДЕЛЕ Я СДАЛ ЕГО ЖИВОДЕРУ.

— К сожалению...

— ПОШЕЛ НА СОБАЧЬЕ МЯСО, БЕДНЯГА!

— Да, конечно...

— НУ ТАК ВСЕГО ВАМ ХОРОШЕГО, МИСТЕР ХЭРРИОТ!

Он повернулся и ушел, а кругом воцарилась вибрирующая тишина. Чувствуя себя центром нежелательного внимания, я собрался было улизнуть, но тут кто-то мягко потрогал меня за локоть. Обернувшись, я увидел Элайджу Уэнтворта.

— Мистер Хэрриот, — шепнул он. — Помните бычка?

Я уставился на него. Только этого мне не хватало! Фермеры тоже уставились на него, но с явным предвкушением.

— Так что же, мистер Уэнтворт?

— Знаете, — он нагнулся и прошепестел мне в ухо, — это же просто чудо. Начал поправляться, как только вы дали ему это лекарство.

Я отступил на шаг.

— Прекрасно! Но если можно, говорите погромче. Очень трудно что-нибудь расслышать! — Я торжествующе поглядел по сторонам.

Он настиг меня и положил подбородок мне на плечо.

— Я, конечно, не знаю, что вы ему дали, но лекарство чудесное. Просто поверить трудно. Каждый день глядел на него, а он все тучнее становился.

— Отлично! Но не могли бы вы говорить чуточку погромче? — настойчиво попросил я.

— Такой стал жирный, хоть на хлеб намазывай! — Еле слышный шепот защекотал мне ухо. — На аукционе за него дадут высшую цену.

Я снова попятился.

— Да... Да... Простите, я не расслышал.

— Я уж думал, ему не выжить, мистер Хэрриот, но вы спасли его своим искусством, — сказал он, произнося каждое слово мне в ухо самым нежным пианиссимо.

Фермеры ничего не услышали, их интерес угас, и они начали разговаривать между собой. Продавец сластей принялся снова наполнять пакеты и восхвалять их содержимое, и тут мистер Уэнтворт доверил мне свою главную тайну:

— Такого блистательного, можно сказать, волшебного исцеления мне еще видеть не доводилось!

Я не раз спрашивал себя, почему наше с Зигфридом сотрудничество оказалось столь успешным.

Даже сейчас, когда и тридцать пять лет спустя мы по-прежнему отлично ладим, я не перестаю этому удивляться. Конечно, он сразу мне понравился, когда я впервые увидел его в саду Скелдейл-Хауса, но, по моему, сработались мы по другой причине.

Возможно, потому, что мы с ним — прямая противоположность друг другу. Неуемная энергия Зигфрида то и дело побуждает его что-нибудь изменять, тогда как я терпеть не могу перемен. Очень многие назовут его блистательно талантливым, а про меня этого не скажут даже самые близкие друзья. В его уме непрерывно бурлят идеи — замечательные, сомнительные, а то и весьма странные. А меня, наоборот, идеи осеняют крайне редко. Он любит лисью травлю, охоту на фазанов, рыбную ловлю. Я предпочитаю футбол, крикет и теннис. Я мог бы еще долго перечислять наши различия (мы даже физически — полная противоположность друг другу), и тем не менее, как я уже сказал, мы прекрасно ладим.

Это, разумеется, вовсе не значит, что между нами не бывает споров: стычек по всяким мелким поводам за прошедшие десятилетия случалось предостаточно.

Одна, насколько помню, произошла из-за пластмассовых впрыскивателей для введения кальция. Новинка! А потому Зигфриду они понравились, но я по той же причине отнесся к ним с глубочайшим недоверием.

Мои сомнения усугублялись тем, что любая моя попытка ими воспользоваться неизменно оканчивалась полным фиаско. Теперь их первоначальные недостатки исправлены, но в те времена они были настолько капризны, что я решил с ними больше не связываться.

Зигфрид как-то увидел, что я промываю под краном в операционной диафрагменный насос, и немедленно взвился.

— Господи, Джеймс! Неужели вы еще пользуетесь этим старьем?

— Боюсь, что да.

— Но ведь вы же испробовали пластмассовые впрыскиватели?

— Да.

— Так почему же?..

— Я с ними не справляюсь, Зигфрид.

— Не справляетесь? То есть как?

Я вытряхнул последнюю каплю воды из трубки, свернул ее и убрал в футляр.

— Ну... в последний раз, когда я попробовал, кальций разбрызгало по всему коровнику. А он жутко липкий. У меня пиджак был весь в белых потеках.

— Но, Джеймс! — Он недоверчиво усмехнулся. — Какая нелепость! Они настолько просты, что с ними и ребенок справится. У меня ни разу никаких затруднений не возникало.

— Охотно верю, — ответил я. — Но вы же меня знаете. Ни малейших способностей к технике.

— Господи, ну при чем тут способности к технике? Эти впрыскиватели работают безотказно!

— Только не в моих руках. И с меня их хватит!

Зигфрид положил мне ладонь на плечо, и на его лице забрезжило выражение снисходительного терпения.

— Джеймс, Джеймс, где ваше упорство? — Он наставительно поднял палец. — И ведь тут есть еще один аспект.

— Какой же?

— Вопрос антисептики. Как вы можете быть уверены, что эта длинная резиновая трубка действительно чиста?

— Ну... после употребления я ее как следует мою. И пользуюсь стерильными иглами. А кроме того...

— Но, мой милый, вы ведь тратите массу усилий, чтобы добиться того, что уже присутствует во впрыскивателе, который предназначен для разового применения и вполне стерилен.

— А, я все это прекрасно знаю! Но что толку, если содержимое в корову не попадает? — спросил я сердито.

— Отговорки, Джеймс! — Лицо Зигфрида стало торжественно-серьезным. — От вас требуется лишь минимум старания, и я обязан подчеркнуть, что ваше упрямство — это чистейший консерватизм. Поймите, мы обязаны идти в ногу со временем, а всякий раз, когда вы пользуетесь этим вашим допотопным приспособлением, вы тем самым отрицаете прогресс.

Так мы и стояли, сверля друг друга глазами — не столь уж редкая для нас поза, — как вдруг он улыбнулся.

— Послушайте, вы ведь сейчас едете поглядеть корову Джона Тиллота, которой я сделал инъекцию от пареза. Насколько я понял, она еще не поднялась.

— Совершенно верно.

— Ну так просто как личное одолжение мне испробуйте новый впрыскиватель, хорошо?

— Ладно, Зигфрид, попытаюсь еще раз, — ответил я после некоторого размышления.

Добравшись до фермы, я увидел корову, уютно разлегшуюся на лугу среди волнующегося моря золотых лютиков.

— Вставать она пробует, — сообщил фермер. — Но что-то не получается.

— Ну так сделаем ей еще одну инъекцию. — Я направился к машине, в которой, подпрыгивая на кочках и рытвинах, добрался до середины луга, и вытащил из багажника пластмассовый впрыскиватель.

Мистер Тиллот встретил меня удивленным взглядом.

— Одна из этих новых штучек, а?

— Да, мистер Тиллот, новейшее изобретение. Полная стерильность.

— Хоть бы и так, только мне они не по нутру.

— Не по нутру?

— Нет!

— Но... почему же?

— А вот послушайте. Мистер Фарнон нынче утром тоже взял такую штуку. Немножко этой дряни угодило мне в глаз, немножко — ему в ухо, остальное заляпало его брюки, а в корову, по-моему, ни капли не попало.

И был другой случай, когда Зигфрид счел нужным прочесть мне нотацию. Старик-пенсционер вошел в смотровую, ведя на веревочке небольшую дворняжку. Я похлопал ладонью по столу.

— Поднимите ее сюда, пожалуйста, — сказал я.

Старик медленно нагнулся, охая и отдуваясь.

— Погодите, — я потрогал его за плечо. — Дайте-ка мне! — И я подхватил собачонку.

— Спасибо, сэр! — Старик с трудом выпрямился, потирая спину и ногу. — Ревматизм меня совсем доконал и поднимать-то мне не очень сподручно. Фамилия моя Бейли, а живу я в муниципальных домах.

— Ну, мистер Бейли, так что с вашей собачкой?

— Да кашляет она. Чуть не все время. А под конец вроде как бы срыгивает.

— Ах так... А сколько ей лет?

— В прошлом месяце десять сравнялось.

— А-а... — Я измерил температуру и тщательно прослушал грудную клетку. Пока я водил стетоскопом по ребрам, вошел Зигфрид и начал

рыться в шкафу.

— У нее хронический бронхит, мистер Бейли, — сказал я. — У собак в старости это часто бывает, как и у людей.

Он засмеялся:

— Да, я и сам иногда покашливаю.

— Вполне естественно. Только кашель ведь вас не мучит, верно?

— Нет-нет.

— Вот и с вашей собачкой то же. Я сделаю ей инъекцию и дам таблетки. Боюсь, полностью кашель не пройдет, но если потом ей станет хуже, приводите ее опять.

Старик закивал:

— Обязательно, сэр. Большое спасибо, сэр.

Пока Зигфрид продолжал возиться в шкафу, я сделал инъекцию и отсчитал двадцать таблеток новейшего средства — М-Б 693.

Старик с интересом поглядел на них, потом положил в карман.

— Сколько я вам должен, мистер Хэрриот?

Я поглядел на ветхий галстук, тщательно повязанный под обтрепанным воротничком, на вытертый до прозрачности пиджак. Брюки его были залатаны на коленях, но сбоку в прорехе розовела кожа.

— Ничего, мистер Бейли. Последите, как она будет себя чувствовать.

— А?

— Вы ничего за прием не должны.

— Но...

— Не беспокойтесь, это же все пустяки. Только не забывайте давать ей таблетки.

— Обязательно, сэр, и большое спасибо. Я ведь и не думал...

— Знаю, мистер Бейли. До свидания, и если в ближайшие дни ей не станет заметно лучше, приведите ее еще раз.

Едва шаги старика затихли в коридоре, как Зигфрид вынырнул из шкафа.

— Битый час я их искал. Нет, Джеймс, вы нарочно все от меня прячете!

Я улыбнулся, но промолчал, убирая шприц, а Зигфрид снова заговорил:

— Джеймс, мне неприятно этого касаться, но не кажется ли вам, что вы поступаете легкомысленно, работая даром?

Я посмотрел на него с удивлением:

— Но он живет на пенсию по старости. И наверное, очень нуждается.

— Вполне возможно, и тем не менее вы не имеете права предлагать

свои услуги бесплатно.

— Но изредка, Зигфрид! В случаях вроде этого...

— Нет, Джеймс. Даже изредка — нет. Это непрактично.

— А сами вы? Я же видел... и много раз!

— Я? — Его глаза изумленно раскрылись. — Да никогда в жизни! Я-то отдаю себе отчет в суровой реальности нашего существования. Все стало безумно дорого. Например, вы же горстями сыпали ему М-Б шестьсот девяносто три? Господи помилуй! Да вы знаете, что одна такая таблетка стоит три пенса? И не возражайте! Вы ни при каких обстоятельствах не должны работать без гонорара.

— Но, черт побери, сами-то вы! — не выдержал я. — Не далее как на прошлой неделе...

Зигфрид поднял ладонь.

— Успокойтесь, Джеймс. Успокойтесь. У вас необузданное воображение, вот в чем ваша беда.

Вероятно, я поглядел на него очень свирепо, потому что он протянул руку и потрепал меня по плечу.

— Поверьте, дорогой мой, я все прекрасно понимаю. Вы действовали из благороднейших побуждений, и у меня самого бывает искушение поступить так же. Но надо быть твердым. Времена теперь суровые, и, чтобы продержаться на поверхности, нужна суровость. Так что запомните на будущее: никакого робингудства, мы не можем позволить себе такую роскошь.

Я кивнул и отправился на вызовы в несколько ошарашенном состоянии. Впрочем, вскоре я забыл об этой стычке, и она совсем изгладилась бы из моей памяти, если бы неделю спустя мне не довелось снова увидеть мистера Бейли.

Его собачонка вновь лежала на столе в смотровой, и Зигфрид делал ей инъекцию. Я не стал мешать, а вернулся по коридору в приемную и принялся приводить в порядок еженедельник. День был летний, и между занавесками открытого окна я видел крыльцо и ступеньки.

Склоняясь над еженедельником, я услышал, как Зигфрид и старик прошли к дверям. На крыльце они остановились. Собачонка на веревочке выглядела совершенно так же, как и раньше.

— Ну что же, мистер Бейли, — говорил Зигфрид, — я могу только подтвердить слова мистера Хэрриота. Боюсь, кашлять она будет до конца своих дней, но при ухудшениях приходите к нам.

— Хорошо, сэр. — Старик опустил руку в карман. — Скажите, пожалуйста, сколько с меня причитается?

— Причитается?.. Ах да, причитается... — Зигфрид откашлялся, словно на секунду утратил дар речи. Он поглядывал то на дворняжку, то на потрепанную одежду старика, а потом покосился на дом и произнес хриплым шепотом:

— Ничего не причитается, мистер Бейли.

— Но, мистер Фарнон, как же можно?..

— Ш-ш-ш! Ш-ш-ш! — Зигфрид тревожно замахал рукой на старика. — Ни слова больше. Я ничего не желаю об этом слушать.

Принудив мистера Бейли замолчать, он протянул ему внушительный мешочек и, настороженно оглядываясь через плечо, объяснил:

— Тут сотня таблеток М-Б. Ей они будут часто нужны, а потому возьмите про запас.

Я понял, что Зигфрид заметил прореху у колена, потому что он долго смотрел на нее, а потом сунул руку в карман.

— Погодите минутку.

Он извлек горсть самых разных предметов. Несколько монет скатилось с его ладони, пока он перебирал на ней ножницы, термометры, обрывки бечевки, ключи для открывания бутылок. В конце концов его поиски увенчались успехом и он ухватил банкноту.

— Вот фунт, — прошептал он и снова нервно зашипел на старика, когда тот попытался возражать.

Мистер Бейли понял, что спорить бесполезно, и спрятал бумажку в карман.

— Ну спасибо вам, мистер Фарнон. Я на это свожу свою хозяйку в Скарборо.

— Вот и хорошо, вот и молодец, — пробормотал Зигфрид, виновато косясь по сторонам. — Ну так до свидания.

Старик приподнял кепку и зашаркал по тротуару, тяжело передвигая ноги.

— Э-эй, погодите! — крикнул Зигфрид ему вслед. — В чем дело? Что у вас с ногами?

— Все ревматизм проклятый. Ну да помаленечку, полегонечку дойду.

— До муниципальных домов? — Зигфрид нерешительно потер подбородок. — Далековато... — Он последний раз воровато заглянул в коридор у себя за спиной, а потом указал пальцем. — Вон там моя машина, — шепнул он. — Забирайтесь в нее, я вас подвезу.

Иногда мы сцеплялись насмерть, но быстро остывали.

Я сидел за обеденным столом, потирая и сгибая локоть. Зигфрид, увлеченно нарезавший жареную баранину, оторвался от своего занятия:

- Что у вас с рукой, Джеймс? Невралгия?
- Нет. Утром меня корова задела рогом. Прямо по косточке.
- Не повезло. А вы что, пытались ухватить ее за нос?
- Нет. Делал ей инъекцию.

Рука Зигфрида с куском предназначенной мне баранины замерла в воздухе.

- Инъекцию? С этого конца?
 - Ну да. В шею.
 - Вы делаете инъекции в шею?
 - Конечно. А что?
 - Да просто то, что, прошу извинения, место, по-моему, довольно дурацкое. Я всегда делаю инъекции в круп.
 - Неужели? — Я положил себе пюре. — А чем плоха шея?
 - Но вы же сами продемонстрировали — чем, не так ли? Ну, первых, от нее чертовски близко до рогов...
 - Ну а от крупы чертовски близко до задних ног.
 - Ну послушайте, Джеймс! Вы же прекрасно знаете, что после инъекции в круп коровы брыкаются крайне редко.
 - Предположим. Но хватит и одного-единственного раза.
 - Одного-единственного раза хватит и с рогами, а?
- Я промолчал. Зигфрид полил соусом баранину, и мы принялись за еду. Но после первого же глотка он возобновил атаку:
- Во-вторых, круп обращен к проходу. А к шее вы должны протискиваться между коровами.
 - Ну и что?
 - Только то, что вам сдавят ребра и оттопчут ноги.
 - Пусть так. — Я зачерпнул из миски зеленой фасоли. — Но ваш способ обещает немало шансов получить в лицо залп коровьего навоза.
 - Чепуха, Джеймс, вы просто подыскиваете оправдания! — Он с яростью принялся кромсать свою баранину.
 - Вовсе нет, — возразил я. — Просто таково мое убеждение. А вы не выдвинули ни единого веского аргумента против шеи.
 - Ни единого? Да я могу привести их сколько угодно! Хотя бы то, что инъекция в шею болезненней.
 - А круп легче инфицируется, — отпарировал я.
 - Мускулатура шеи бывает очень тонкой, — огрызнулся Зигфрид. — Там нет удобной мышечной подушки, куда втыкать иглу.
 - Зато и хвоста нет, — огрызнулся я в свою очередь.
 - Хвоста? Да о чем вы говорите?

— О хвосте. Хорошо, если есть кому его держать, чтобы он не хлестал по чем зря.

Зигфрид быстро прожевал мясо.

— Хлестал? Господи помилуй, ну при чем здесь это?

— Очень даже при том, — ответил я. — Возможно, вам нравится, когда вас бьют по физиономии вонючим хвостом, но я этого не люблю.

Наступила пауза. Мы оба тяжело дышали. Затем Зигфрид произнес зловеще спокойным голосом:

— Может быть, вам хочется еще что-нибудь сказать о хвосте?

— Да, хочется. Некоторые коровы очень ловко выбивают хвостом шприц из руки. Совсем недавно одна такая зацепила мой большой, на пятьдесят кубиков, и грохнула его об стену. Осколки так и брызнули по всему полу.

Зигфрид слегка покраснел и положил нож и вилку.

— Джеймс, мне неприятно говорить вам это, но я все-таки обязан сказать, что вы несете полную, отпетую и идиотскую чушь.

Я прожег его взглядом:

— Вы так считаете?

— Да, Джеймс.

— Значит, так?

— Значит, так.

— Ну ладно.

— Очень хорошо.

Обед мы доели в молчании.

Но в последующие дни я постоянно вспоминал наш спор. Зигфрид умел быть убедительным, и я нет-нет да и ловил себя на мысли, что во многом он, пожалуй, прав.

Неделю спустя я, держа в руке шприц, уже собрался проскользнуть между коровами — и вдруг остановился. Моя пациентка и ее соседка, разгадав, как обычно, мое намерение, сдвинули могучие крупы и преградили мне путь. Да, черт побери, Зигфрид говорил дело! Зачем мне протискиваться вперед, когда задний конец — вот он и прямо напрашивается на инъекцию? Я принял решение.

— Подержите хвост, будьте так добры, — попросил я фермера и вогнал иглу в круп.

Корова не шелохнулась, и, пока я делал инъекцию и вытаскивал иглу, меня помучивал стыд. Очаровательная толстая ягодичная мышца, такая доступная! Нет, Зигфрид совершенно прав, а я упрямый осел. Но теперь-то я буду знать, что делать.

Фермер попятился, перешагнул через сток и засмеялся.

— Странно, как вы, ребята, все делаете по-разному!

— А именно?

— Так вчера мистер Фарнон впрыскивал что-то вон той корове...

— Да? — На меня снизошло озарение: а вдруг даром убеждения владеет в Скелдейл-Хаусе не только Зигфрид? — Ну и что?

— Да просто он это делает не так, как вы. Очень понятно объяснил, почему к крупу лучше не подходить. И колот в шею.

По-видимому, что-то в моем лице его насторожило.

— Ну-ну, мистер Хэрриот, не принимайте к сердцу. — Он сочувственно погладил меня по локтю. — Вы же еще молоды. А мистер Фарнон — человек с большим опытом.

Ветер с ревом бил в окна нашей квартирki. Наступил ноябрь, и золотая осень с неумолимой внезапностью сменилась промозглым холодом. Две недели ледяной дождь хлестал по серым городкам и деревушкам, приютившимся среди йоркширских холмов, превращая луга в озера, а дворы ферм — в трясины чмокающей грязи.

Все были простужены. Речь даже шла об эпидемии гриппа, во всяком случае, здоровых людей оставалось совсем мало. Половина обитателей Дарроуби слегла, а другая половина обчихивала друг друга.

Сам я чувствовал, что вот-вот свалюсь. Пристроившись поближе к огню, я посасывал противогриппозный леденец и морщился всякий раз, когда приходилось сглатывать. Горло словно ободрали теркой, в носу зловеще свербило. Ветер швырял в стекла дождевые струи, и меня пробирала дрожь. Зигфрид уехал на несколько дней, вся практика осталась на моих руках, и я просто не смел заболеть.

Нынешний вечер был решающим. Если я останусь дома и выплыву — все будет в порядке. Но я взглянул на телефон на тумбочке у кровати, и мне показалось, что это хищный зверь, припавший к земле перед прыжком.

Хелен сидела с вязаньем по другую сторону камина. Насморка у нее не было — она вообще никогда не простужалась. Даже тогда, в первые годы нашего брака, я в глубине души считал, что это нечестно с ее стороны. Но и теперь, тридцать пять лет спустя, все остается по-прежнему, и, когда я хлюпаю носом и чихаю, меня по-прежнему уязвляет ее упрямое нежелание последовать моему примеру.

Я придвинул кресло к самому огню. У деревенского ветеринара всегда хватает ночной работы, но, может быть, мне повезет. Уже восемь, а телефон ни разу даже не пискнул — вдруг судьба смиляется над моей простудой и избавит меня от необходимости тащиться куда-то в сырой мрак?

Хелен довязала ряд и расправила готовую половину моего будущего свитера.

— Как он выглядит, Джим?

Я улыбнулся. Ее жест словно символизировал нашу семейную жизнь. Мои губы уже шевельнулись, чтобы произнести «потрясающе!», и тут раздался такой пронзительный звонок, что я от неожиданности прикусил язык. Моя дрожащая рука потянулась к трубке, а перед глазами поплыли

кошмарные видения телящихся молодых коров. Час без рубашки — и я наверняка лягу.

— Говорит Соуден с фермы Лонг-Пасчер, — просипел голос мне в ухо.

— Что у вас, мистер Соуден? — Мои пальцы судорожно стиснули трубку: еще секунда, и я узнаю, что мне уготовано.

— Теленок тут у меня. Квельый какой — то и все кряхтит. Вы приедете?

У меня вырвался вздох облегчения. Теленок, у которого предположительно что-то с желудком. Могло быть куда хуже.

— Хорошо. Буду у вас минут через двадцать, — сказал я.

Но когда я обвел взглядом нашу теплую уютную комнату, мне стало горько от жестокой несправедливости жизни.

— Мне надо ехать, Хелен.

— Бедненький!

— Да, а у меня простуда, — простонал я. — И ты только послушай, как дождь хлещет!

— Обязательно оденься потеплее, Джим.

Я сердито посмотрел на нее.

— Тащиться туда целых десять миль! И ведь это страшная дыра, ни единого теплого уголка. — Я погладил ноющее горло. — Именно поездки туда мне и не хватало: у меня же наверняка температура. — Не знаю, все ли ветеринары винят своих жен, когда им приходится ехать по неприятному вызову, но, каюсь, я всю жизнь только это и делал.

Вместо того чтобы наградить меня хорошим пинком, Хелен улыбнулась:

— Мне очень жаль тебя, Джим, но, может быть, ты справишься быстро. А когда вернешься, тебя будет ждать тарелка горячего супа.

Я мрачно кивнул. Да, эта мысль могла послужить утешением. Хелен сварила к обеду крепкий мясной бульон, заправила его сельдереем, пореем и морковью — он так благоухал, что и мертвого воскресил бы. Я встал, поцеловал ее и побрел в ночной мрак.

Ферма мистера Соудена примыкала к деревушке Даусетт, и я много раз ездил по этой узкой дороге. Она змеилась вверх по склонам безлесных холмов, безмятежно красивых летом, несмотря на суровую строгость. И какой чистый ветер гулял по этим травянистым просторам!

Но в этот вечер я уныло щурился сквозь заливаемое дождем лобовое стекло, а мрак осязаемо громоздился вокруг, и мое воображение рисовало тянущиеся к вершинам мокрые каменные ограды, над которыми несутся косые струи, заливая вереск и папоротник, превращая темные зеркала

бочагов во взбаламученную жидкую грязь.

При виде мистера Соудена мне стало ясно, что я-то еще практически здоров. Жертвой эпидемии он явно стал уже несколько дней назад, но, как почти все фермеры, не позволил себе даже короткой передышки от тяжелого нескончаемого труда. Он поглядел на меня слезящимися глазами, закашлялся так, что, казалось, грудь у него вот-вот разорвется, и зашагал к службам. Мы вошли в высокий сарай; мистер Соуден поднял повыше керосиновый фонарь, и в его слабом свете я различил ржавеющие сельскохозяйственные орудия, кучу картошки, кучу турнепса, а в углу — наспех сооруженный закуток, где стоял мой пациент. Нет, не двухнедельный сосунок, как я почему-то ждал, а полугодовалый, но, правда, малорослый, хилый, кособрюхий — одним словом, заморыш. Светло-рыжая шерсть свисала под животом длинными патлами.

— Таким уж недоноском уродился, — просипел мистер Соуден между двумя припадками кашля. — И тела вовсе не набирает. Нынче с утра дождь поутих, и я его выпустил подышать. А он — на тебе!

Я забрался в закуток, поставил термометру и оглядел теленка. Когда я легонько толкнул его в сторону, он покорно подвинулся. Низко опустив голову, он тупо смотрел в пол глубоко запавшими глазами. Но хуже всего были звуки, которые он испускал каждые несколько секунд, — не кряхтенье, а долгие болезненные стоны.

— Да, это желудок, — сказал я. — На какой луг вы его сегодня выпускали?

— Он у меня в саду пасся, часа эдак два.

— Ах так! — Я посмотрел на термометр: температура была ниже нормальной. — Наверное, там паданцы валяются?

Мистер Соуден снова закашлялся, а потом оперся грудью на перегородку, чтобы отдышаться.

— Ну да. Яблоки и груши так в траве и лежат. Урожай в этом году был редкостный.

Я прижал стетоскоп к рубцу, но вместо шелеста и шороха, свидетельствующих о нормальном состоянии желудка, услышал только мертвую тишину. Я прощупал бок и почувствовал под пальцами типичную тестоватую консистенцию содержимого рубца. Явное переполнение.

— По моему мнению, мистер Соуден, он объелся паданцами и в результате пищеварение полностью прекратилось. Состояние у него тяжелое.

Фермер пожал плечами.

— Ну коли его заперло, так льняное масло живо все вычистит.

— Боюсь, это не так просто, — сказал я. — Положение очень серьезное.

— Ну и что же надо делать? — Он утер нос и угрюмо поглядел на меня.

Я колебался. В старом сарае стоял жуткий холод, меня уже пробирал озноб, горло невыносимо саднило. Мысль о Хелен, о нашей уютной комнате и жарком огне была невыносимо соблазнительна. Но я уже сталкивался с подобными переполнениями рубца и пробовал применять слабительное. Без малейшего толка. Температура тельца спускалась к критическому пределу, глазные яблоки у него запали; если я немедленно не приму решительных мер, он не дотянет до утра.

— Спасти его может только одно, — сказал я. — Руменотомия.

— Чего-чего?

— Операция. Надо вскрыть его первый желудок и извлечь все лишнее.

— А по-другому нельзя? Пинта масла его в порядок не приведет, как по-вашему? Куда бы проще!

Конечно, проще. На мгновение камин и Хелен засияли передо мной, точно драгоценный клад в пещере, но тут я поглядел на тельца. Тощий, патлатый, он выглядел таким никому не нужным, таким беспомощным и незащищенным! Да, проще всего было бы бросить его тут стонать в темноте до утра.

— Нет, по-другому нельзя, мистер Соуден. Он так ослабел, что можно обойтись местной анестезией. И значит, нам потребуется помощь.

Фермер медленно кивнул.

— Ну ладно. Так я схожу в деревню за Джорджем Хиндли. — Он тяжело закашлялся. — Только этого мне сейчас не хватало. Не иначе как мокротуха меня одолела.

Мокротуха, или, в просторечии, бронхит, была в те дни обычной болезнью фермеров, и беднягу она бесспорно замучила; однако мое сочувствие несколько поугасло, когда мистер Соуден ушел, потому что он забрал с собой фонарь и оставил меня в непроглядной тьме.

Есть сараи и сараи. Попадают среди них небольшие, уютные, сладко пахнущие сеном, но этот был ужасен. Мне доводилось входить в него, когда с неба лились лучи полуденного летнего солнца, но даже и тогда его крошащиеся стены и гнилые стропила окутывал сырой сумрак — под этими натянутыми паутиной потолочными балками не было места ни теплу, ни бодрости. Я часто думал, что людей, которым сельская жизнь рисуется тихой идиллией, следовало бы сводить в такой сарай, словно вобравший в себя всю ее суровость.

И вот теперь я стоял в нем совсем один, слушая, как ветер стучит дверью и закручивает вокруг меня сквозняки, а с протекающей кровли на голову и за шиворот неумолимо падают ледяные капли. Скоро я уже начал приплясывать в тщетной надежде согреться.

Йоркширские фермеры — народ неторопливый, и быстрого возвращения мистера Соудена я не ожидал, однако после четверти часа в смоляной мгле меня начали одолевать злобные подозрения. Куда он, черт побери, запропастился? Может, они с Джорджем Хиндли решили попить чайку или сели сыграть партию в домино? К тому времени, когда керосиновый фонарь закачался в дверях, освещая путь мистеру Соудену и его соседу, ноги меня почти не держали.

— Добрый вечер, Джордж, — сказал я. — Как поживаете?

— Да так себе, мистер Хэрриот. — Мистер Хиндли шмыгнул носом. — Чертова простуда меня — а-апчхи... прямо-таки одолевает. — Он звучно высморкался в красный носовой платок и уставился на меня затуманенными глазами.

Я посмотрел по сторонам.

— Ну, примемся за дело. Нам нужен операционный стол. Вы не принесли бы сюда несколько тючков соломы?

Они побрели в темноту и вернулись с парой тючков каждый. Уложенные друг на друга, тючки обеспечивали достаточную высоту, но были слишком упруги.

— Лучше бы накрыть их доской пошире. — Я подул на немеющие пальцы и притопнул ногами. — Есть что-нибудь подходящее?

Мистер Соуден почесал подбородок.

— Разве что дверь... — Он побрел во двор с фонарем и начал снимать с петель дверь коровника. Джордж пошел помочь ему, и, пока они дергали и тянули, я уныло размышлял, что операции меня из равновесия не выводят, но вот подготовка к ним выматывает все нервы.

Наконец они втащили дверь в сарай, положили ее на кучу соломы, и операционная была готова.

— Давайте его сюда, — прохрипел я.

Мы подняли покорного теленка на импровизированный стол и уложили на правый бок. Мистер Соуден держал голову, а Джордж опекал хвост и задние ноги.

Я быстро разложил инструменты, снял пальто и пиджак, закатал рукава рубашки и выругался:

— Черт! Нам же нужна горячая вода. Вы не принесете, мистер Соуден?

Я ухватил голову теленка, и вновь началось бесконечное ожидание, пока фермер ходил за водой. Только теперь я был раздет и холод пронизывал меня насквозь, а я рисовал себе, как мистер Соуден входит в кухню, медленно зачерпывает воду из вмазанного в плиту котла, льет ее в ведро, снова зачерпывает... и наконец отправляется в обратный путь к сараю.

Когда мистер Соуден все-таки вернулся, я подлил в ведро антисептическую жидкость и лихорадочно вымыл руки. Потом выстриг волосы на левом боку и наполнил шприц раствором для местной анестезии. Но когда я приготовился сделать укол, у меня упало сердце.

— Совершенно ничего не вижу! — Мой взгляд беспомощно обратился на фонарь, покачивающийся рядом на свеклорезке. — Свет не с той стороны.

Без единого слова мистер Соуден взял плужный ремень и принялся привязывать его к балке. Потом перекинул его через другую балку, закрепил и только тогда подвесил на него фонарь прямо над теленком. Теперь можно было оперировать, но возня с фонарем заняла столько времени, что у меня не осталось никакой надежды справиться с простудой. Я промерз до кости, в груди сильно жгло. Скоро я буду чихать и кашлять не хуже моих помощников. Да, мокротухи мне не миновать.

Но хотя бы можно было начинать, и я с рекордной быстротой рассек кожу, мышцы, брюшину и стенку рубца. Моя рука нырнула в его глубину сквозь полужидкое содержимое, и все тревоги остались позади. Рубец был буквально выстлан слоями яблок и груш, за редкими исключениями даже не раскушенных. Крупный рогатый скот обычно проглатывает корм большими порциями, а пережевывает его позже, на досуге, но даже могучий бык не смог бы превратить этот фруктовый сад в жвачку. Я радостно поднял голову.

— Как я и думал! Рубец битком набит паданцами.

— Хр-р-ры-ы-ымп! — ответил мистер Соуден. Кашель бывает разным, но этот выдался оглушительным и основательным. Он возник где-то в подошвах его кованых сапог и взорвался прямо мне в лицо. Я не сразу сообразил, в сколь уязвимой оказался позиции, когда в начале операции он наклонился через шею теленка, почти упираясь носом в мой нос. — Хр-р-ры-ы-ыми! — повторил он, я второй залп нашпигованных вирусами брызг ударил мне в лицо. По-видимому, мистер Соуден либо понятия не имел о капельной инфекции, либо не верил в нее, а я, копаясь во внутренностях моего пациента, не мог принять никаких мер и лишь инстинктивно чуть-чуть отвернулся.

— А-а-апчхи! — грянул Джордж. Да, конечно, он не закашлялся, а только чихнул, но на мою вторую щеку посыпался не менее смертоносный дождь. Я понял, что спасения нет: я был заперт между ними, как в ловушке.

Но, как я уже упомянул, настроение у меня заметно повысилось. Я начал торопливо выгребать пригоршни опасных плодов, и вскоре пол вокруг усеяли брэмлейская китайка и груши «конференс».

— Прямо хоть лавочку открывай! — засмеялся я.

— Хр-р-ры-ымп! — откликнулся мистер Соуден.

— А-а-апчхи! — поддержал его Джордж.

Я выкинул последние плоды, снова вымыл руки и начал шить. Это самая долгая и однообразная часть руменотомии. Напряжение и волнение, связанные с постановкой диагноза и операцией, уже позади, и наступает этап, наиболее подходящий для неторопливой беседы, обмена анекдотами или других способов скоротать время.

Но здесь, в кружке слабого желтого света, где на мои ноги из окружающего мрака налетали сквозняки, а по спине нет-нет да и скатывались ледяные струйки дождя, как-то не хотелось болтать о том о сем, тем более что оба мои помощника, истомленные своими недугами, тоже не были расположены поддерживать шутливый разговор.

Я уже накладывал швы на кожу, когда в носу невыносимо защекотало и мне пришлось оставить иглу и выпрямиться.

— А-а-апчхи! — Я потер носом по плечу.

— И его проняло, — пробормотал Джордж с мрачным удовлетворением.

— Да, начинает хлюпать, — согласился мистер Соуден, явно повеселев.

Меня это не слишком расстроило: я давно смирился с мыслью, что теперь уж обязательно слягу. Даже без непрерывной бомбардировки вирусами справа и слева я слишком долго мерз без пиджака, чтобы это могло сойти мне с рук. Дальнейшая моя судьба меня теперь не тревожила, и когда, наложив последний шов, я помог теленку спуститься с операционного стола, то ощутил бескорыстную радость: он уже не стонал, а поглядывал по сторонам, словно вернувшись после долгого отсутствия. Бодрым его нельзя было назвать, но я знал, что боль утихла и гибель ему больше не грозит.

— Уложите его получше, мистер Соуден, — сказал я, ополаскивая инструменты в ведре. — И для тепла заверните в пару мешков. Я заеду через полмесяца снять швы.

Эти полмесяца тянулись нескончаемо долго. Простуда, не обманув

моих ожиданий, разыгралась вовсю и перешла в неизбежную мокротуху с таким кашлем, что я, пожалуй, посрамил бы даже мистера Соудена.

Он никогда не был склонен к восторженным излияниям, но все же, снимая швы, я подумал, что он мог бы выглядеть и повеселее, ведь теленок был полон сил и мне пришлось довольно долго гоняться за ним по сараю.

Хотя в груди у меня жгло, упоительное сознание успеха служило хорошей поддержкой.

— Ну что же, — объявил я, — он совсем молодец и обещает стать отличным бычком.

Фермер угрюмо пожал плечами:

— Стать-то, может, и станет. Да только ни к чему было затевать все это.

— Ни к чему?

— Ага. Я тут кое-кому рассказал, как было дело, и все до единого говорят, что резать его можно было только сдуру. Дал бы я ему пинту льняного масла, как собирался, и конец.

— Мистер Соуден, уверяю вас...

— А теперь вот плати по счету бог знает сколько! — Он поглубже засунул руки в карманы.

— Поверьте, это вполне себя оправдало.

— Как бы не так! — Он повернулся, чтобы уйти, но потом поглядел на меня через плечо. — Лучше бы вы не приезжали!

В одном отношении люди похожи на животных. Нет, не «звериным нутром». Да и есть ли это нутро у самих животных? Я имею в виду удивительное индивидуальное разнообразие. Многие считают, что все мои сельские пациенты характером похожи друг на друга как две капли воды, но коровы, свиньи, овцы и лошади бывают угрюмыми и добродушными, капризными и кроткими, злобными и привязчивыми.

Вот, например, свинья по кличке Гертруда... но, прежде чем перейти к ней, мне придется начать с мистера Барджа.

Был он представителем фирмы тонкого органического синтеза «Каргилл и сыновья», основанной в 1850 году, и достиг столь почтенного возраста, что, казалось, служил в ней со дня ее основания.

Как-то в морозный день на исходе зимы я пошел открыть дверь и увидел перед собой мистера Барджа. Он приподнял черную фетровую шляпу над редкими прядями серебряных волос, и по его розовому лицу разлилась благожелательнейшая улыбка. Он всегда обходился со мной, как с любимым сыном, и мне это льстило, потому что он был истинным воплощением солидности и респектабельности.

— Мистер Хэрриот! — проворковал он и слегка поклонился. Поклон был исполнен неизъяснимого достоинства и необыкновенно гармонировал с темным сюртуком, полосатыми брюками и лакированной кожаной папкой.

— Добро пожаловать, мистер Бардж, — сказал я, широко распахивая дверь, и проводил его в столовую.

Он всегда являлся после полудня и оставался обедать. Зигфрид при всей своей неукротимости с мистером Барджем держался весьма почтительно — собственно говоря, его визиты были проникнуты какой-то официальной торжественностью.

Современный представитель фармацевтической компании вихрем влетает в дом, выпаливает два-три слова об уровне антибиотиков и стероидов в крови, упоминает оптовую скидку, бросает на письменный стол несколько проспектов и упархивает. Мне вчуже жаль этих молодых людей, потому что все они, за редкими исключениями, продают одно и то же.

А вот мистер Бардж, как и все его современники, возил с собой толстый каталог редкостных медикаментов, и каждый был патентованной

собственностью только его фирмы и никакой другой.

Зигфрид отодвинул стул во главе стола.

— Прошу вас, мистер Бардж.

— Вы очень любезны. — Старец слегка наклонил голову и сел.

Как обычно, за обедом о делах не упоминалось, и лишь за кофе мистер Бардж небрежно положил на стол свой каталог, словно только сейчас случайно про него вспомнил.

Мы с Зигфридом погрузились в его страницы, смакуя тот аромат колдовства, который ветер науки вымел теперь из сфер нашей профессии. Отрывался мой патрон только для того, чтобы сделать заказ:

— Нам, пожалуй, потребуются две дюжины банок электуария, мистер Бардж.

— Весьма вам благодарен. — Старец открыл записную книжку в кожаном переплете и сделал запись серебряным карандашиком.

— И жаропонижающие микстуры у нас на исходе, не так ли, Джеймс? — Зигфрид посмотрел на меня. — Да, нам будет нужен гросс, [\[16\]](#) будьте так добры.

— Чрезвычайно вам благодарен, — прошелестел мистер Бардж и снова пустил в ход карандашик.

Мой патрон продолжал листать каталог и перечислять свои просьбы. Бутыль эфира, бутыль формалина, кастрационные решетки, тройной бром, березовый деготь — все то, чем мы больше не пользуемся, а мистер Бардж торжественно произносил «от души благодарю вас» или «примите мою благодарность» и черкал серебряным карандашиком.

Наконец Зигфрид откинулся на спинку стула.

— Ну что же, мистер Бардж, вот как будто и все. Если, конечно, у вас нет чего-нибудь новенького.

— Кое-что, мой дорогой мистер Фарнон, у нас есть. — Глаза над розовыми щеками лукаво заблестели. — Могу предложить наш последний препарат «усмирин», превосходное успокоительное средство.

Мы с Зигфридом наострили уши: ветеринары живо интересуются успокоительными средствами. Все, что делает наших пациентов более кроткими, всегда заслуживает внимания. Мистер Бардж произнес панегирик уникальным свойствам «усмирина», и мы начали задавать вопросы.

— А свиноматки с извращенным материнским инстинктом? — поинтересовался я. — Те, которые набрасываются на собственных поросят... На них он, вероятно, не действует?

— Мой дорогой и юный друг! — Мистер Бардж одарил меня

сострадательной улыбкой, словно епископ, выговаривающий молодому и неопытному священнику. — «Усмирин» специально рассчитан на это состояние. Одна инъекция опоросившейся свинье, и вы не будете знать никаких забот.

— Чудесно! — сказал я. — А на собак, которые плохо переносят поездки в автомобилях, он действует?

Благородные черты почтенного старца озарило тихое торжество.

— Еще одно классическое показание, мистер Хэрриот. «Усмирин» в таблетках выпускается специально для этой цели.

— Превосходно! — Зигфрид допил кофе и встал из-за стола. — В таком случае пришлите нам достаточный запас. А теперь, мистер Бардж, извините нас: нам пора отправляться по вызовам. Благодарю, что вы заехали.

Мы обменялись рукопожатиями. На крыльце мистер Бардж и новь приподнял шляпу, и очередной торжественный визит завершился.

Неделю спустя фирма «Каргилл и сыновья» прислала все, что было заказано. В те дни лекарства пересылались в чайных ящиках, и, отодрав деревянную крышку, я с интересом уставился на изящно упакованные флаконы и коробочки с «усмирином». И надо же было так случиться, что мне тут же представилась возможность использовать новое средство.

В тот же самый день в приемной появился мистер Рональд Берсфорд, управляющий местного банка, очень высокий и очень худой не улыбочивый человек.

— Мистер Хэрриот, — сказал он. — Как вам известно, я прослужил здесь несколько лет, но мне предложили место управляющего более крупного филиала, и завтра я уезжаю в Портсмут.

— Портсмут! Путь не близкий.

— Безусловно. Примерно триста миль. И тут возникает одна трудность.

— Да?

— Боюсь, что да. Я недавно приобрел шестимесячного коккер-спаниеля. Это во всех отношениях превосходная собачка, но только в машине она ведет себя несколько странно.

— В каком смысле?

Мистер Берсфорд ответил после некоторого размышления:

— Ну, он у меня в машине. Если у вас найдется лишняя минута, я мог бы показать наглядно.

— Конечно, — сказал я. — Идемте.

Мы вышли. Сидевшая в машине жена мистера Берсфорда — настолько

же толстая, насколько ее муж был тощ, но столь же чопорно сухая — холодно кивнула мне. Зато прелестный песик у нее на коленях приветствовал меня с восторгом.

Я погладил длинные шелковистые уши:

— Очень милый щенок.

Мистер Берсфорд поглядел на меня искоса:

— Да. Его зовут Коко, и он очарователен. Неприятности начинаются, только когда работает мотор.

Я сел на заднее сиденье, он включил стартер — и я тут же понял, что он подразумевал под «неприятностями». Спаниель весь напрягся, задрал голову к потолку, вытянул губы трубочкой и пронзительно завыл.

— У-у-у, у-у-у, — терзался Коко.

Я даже вздрогнул: мне никогда еще не приходилось слышать ничего подобного. Не знаю, заключалась ли причина в ритмичности этого воя, в его визгливой пронзительности или в непрерывности, но через две минуты поездки по городу у меня зазвенело в ушах и начало колоть виски. Когда мы остановились у нашего крыльца, я ощутил невыразимое облегчение.

Мистер Берсфорд выключил мотор, и песик, мгновенно смолкнув, радостно принялся лизать мне руки.

— Да... — сказал я. — Безусловно, ситуация не из легких.

Он нервно поправил галстук.

— И чем дальше, тем громче. Разрешите, мы сделаем еще один круг...

— Нет-нет, не стоит, — поспешно сказал я. — Не имеет смысла. Мне и так совершенно ясно, в каком вы положении. Но, по вашим словам, Коко у вас недавно. И он еще щенок. Несомненно, со временем он привыкнет к машине.

— Вполне возможно. Но я думаю о том, что будет завтра. — Голос мистера Берсфорда дрогнул. — Нам предстоит завтра ехать с ним в Портсмут, а таблетки от укачивания никакого действия не оказали.

Целый день слушать этот вой? Немыслимо... И тут перед моим умственным взором возник образ мистера Барджа. Почтенный старец парил на широких белых крыльях, как ангел-хранитель не первой молодости. Какое невероятно удачное совпадение!

— К счастью, — сказал я с ободряющей улыбкой, — теперь появилось новое средство против подобных явлений, и как раз сегодня мы получили первую партию. Пойдемте, я дам вам таблетки.

— Ну слава богу! — Мистер Берсфорд оглядел коробочку. — Одну за полчаса до отъезда, и все будет в порядке?

— Вот именно, — ответил я весело. — И хватит на будущие поездки.

— Чрезвычайно вам благодарен. Вы просто меня спасли.

Мистер Берсфорд направился к машине и включил мотор. Словно по сигналу, золотистая головка на заднем сиденье откинулась, губы сложились трубочкой.

— У-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у, — вопил Коко, и его хозяин, отъезжая от тротуара, бросил на меня взгляд, исполненный отчаяния.

Я задержался на крыльце. В Дарроуби мистера Берсфорда недолюбливали — вероятно, из-за его сухой сдержанности, но мне казалось, что он неплохой человек, и в любом случае я ему от души сочувствовал. Машина давно уже скрылась за углом, а я все еще слышал вопли Коко:

— У-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у...

В тот же день мне часов около семи вечера позвонил Уилл Холлин.

— Гертруда поросится! — сказал он тревожно. — И кидается на малышей!

Скверно! Свиньи иногда набрасываются на новорожденных поросят и, если не помешать, даже убивают их. Поросят, конечно, можно забрать, но тогда им грозит голодная смерть.

Проблема при любых обстоятельствах крайне сложная, а в этом случае особенно, так как Гертруда была племенной свиноматкой и Уилл Холлин, решив улучшить породу своих свиней, заплатил за нее большие деньги.

— Сколько их уже? — спросил я.

— Четверо. И на каждого она набрасывалась! — Его голос прерывался от волнения.

Тут я снова вспомнил про «усмирин» и снова благословил мистера Барджа.

— У меня есть новейшее средство, мистер Холлин. — Я улыбнулся в трубку. — Прислали как раз сегодня. Буду у вас немедленно.

Я рысцой влетел в аптеку, вскрыл ящик с флаконами и прочел приложенное описание: «Десять кубических сантиметров внутримышечно, и свиноматка подпустит поросят менее чем через двадцать минут».

До фермы Холлинов было недалеко, и, мчась сквозь вечерний мрак, я думал о неисповедимых путях судьбы. «Усмирин» прибыл утром — и сразу же два случая, настоятельно требующих его применения. Нет, что ни говорите, а мистер Бардж приехал не случайно — какие еще нужны доказательства предопределенности, управляющей нашим существованием? При этой мысли у меня даже мурашки поползли по коже.

Мне не терпелось поскорее сделать инъекцию, и я сразу залез в закут. Гертруде не понравилось, что ей в бедро вогнали иглу, и она повернулась ко

мне с грозным хрюканьем, однако я успел ввести ей все десять кубиков, прежде чем ретировался.

— Значит, нам только двадцать минут подождать — и все? — Уилл Холлин оперся о загородку и тревожно посмотрел на свинью. Ему было за пятьдесят, он еле сводил концы с концами, и я знал, как много значат для него эти поросята.

Я собирался сказать что-нибудь оптимистичное, но тут на свет появился еще один розовый барахтающийся поросенок. Фермер нагнулся и осторожно подтолкнул малыша к соскам лежащей на боку свиньи, но при первом прикосновении его пяточка Гертруда взвилась, яростно ворча и обнажая желтые зубы.

Уилл быстро схватил поросенка и опустил его в картонный ящик, в котором копошились его старшие братья и сестры.

— Ну вот видите, мистер Хэрриот.

— Да-да. А сколько их там уже у вас?

— С этим шесть. И все отличные, как на подбор.

Я заглянул в ящик. Да, у всех породистые вытянутые туловища.

— Действительно. А судя по ее виду, она еще и до половины не дошла.

Он кивнул, и мы приготовились ждать.

Двадцать минут тянулись, как вечность, но вот я взял пару поросят, влез с ними в закут и уже собрался приложить их к соскам, когда один из них пискнул. Гертруда ринулась на меня с яростным ревом, разинув пасть, и я перелетел через перегородку с резвостью, какой в себе и не предполагал.

— Вроде бы сон ее не совсем разобрал? — заметил мистер Холлин.

— Э... да... совершенно верно. Пожалуй, надо еще подождать.

Мы дали ей еще десять минут, а потом все повторилось снова. Я ввел ей дополнительные десять кубиков «усмирина», а час спустя — новые десять. К девяти часам Гертруда произвела на свет пятнадцать чудесных поросят и шесть раз изгоняла меня из закута вместе со своими отпрысками. Она стала, пожалуй, даже еще более подвижной и свирепой, чем до первой инъекции.

— Вон послед вышел, — мрачно сказал мистер Холлин. — Значит, она кончила. — Он печально посмотрел на картонный ящик. — А мне теперь надо вскормить пятнадцать поросят без материнского молока. Того и гляди, все передохнут.

— Нет уж, не передохнут, — произнес голос у нас за спиной.

Я оглянулся. В дверях, улыбаясь своей обычной лукавой улыбкой, стоял дед Холлин. Он вошел в закут и ткнул Гертруду палкой в бок. Она с

рыком вперила в него злобный взгляд, и его улыбка поползла к ушам.

— Ну, я тебя живо приструню, старуха.

— Приструните? — Я неловко переступил с ноги на ногу. — Каким образом?

— Так ее же надо поуспокоить чуток, и все дела.

Я перевел дух.

— Конечно, мистер Холлин! Этого я и добивался.

— Так-то оно так, да взялись вы за это не с того конца, молодой человек.

Я пристально поглядел на него. Всезнайка, щедрый на советы в чужой беде, — кому из ветеринаров не приходилось терпеть его присутствия? Но дед Холлин не вызвал у меня обычного раздражения. Мне он нравился. Хороший человек, патриарх прекрасной семьи (Уилл был старшим из четырех его сыновей), и уже несколько его внуков завели собственное хозяйство в наших же краях.

Да и какое у меня было право задирать перед ним нос после моей жалкой неудачи?

— Я ввел ей новейшее лекарство, — буркнул я.

Он мотнул головой.

— Ее лекарствами не проймешь. Ей пиво требуется.

— А?

— Пиво, молодой человек. Глоток-другой доброго эля. — Он повернулся к Уиллу: — Чистое ведерко у тебя найдется, сынок?

— В молочной стоит. Только что ошпаренное.

— Вот и ладно. Я схожу в трактир. Долго не задержусь. — Старик повернулся на каблуках и скрылся в темноте. Ему было под восемьдесят, но сзади он выглядел как молодой парень — прямая спина, широкие плечи, легкая походка.

Нам с Уиллом разговаривать не хотелось. Его терзала тревога, а меня стыд, и оба мы почувствовали облегчение, когда в хлев вошел дед Холлин с эмалированным ведром, до краев полным пенящейся коричневой жидкостью.

— Хо-хо! Видели бы вы, как у них в «Фургоне с лошадьми» глаза на лоб полезли! Небось никогда еще такого не было, чтобы кто зараз два галлона требовал!

Я даже рот раскрыл.

— Вы взяли два галлона пива?

— Два, молодой человек. Меньше толку не будет. — Он снова повернулся к сыну: — Она же у тебя давно не пила, а, Уилл?

— Ага. Я хотел дать ей водички, когда она кончит, да так и не успел.

Дед Холлин поднял ведро.

— Ну так, значит, у нее в горле совсем пересохло!

Он наклонился над загородкой, и в пустое корыто обрушился темный пенный каскад.

Гертруда угрюмо направилась к корыту и подозрительно понюхала неизвестную жидкость. Поколебавшись, она сунула в нее рыло, осторожно сделала глоток, и хлев тут же огласился звучным хлюпаньем.

— Черт, во вкус вошла! — воскликнул Уилл.

— Еще бы не вошла, — вздохнул старик. — Это же самый лучший портер!

Корыто опустело с поразительной быстротой, но, прежде чем отойти, могучая свинья тщательно его вылизала. По-видимому, соломенное ложе ее не манило, и она начала прогуливаться по закутку, время от времени проверяя, не осталось ли в корыте пива, и поглядывая на три лица над бревенчатой загородкой.

И тут я, к своему полному изумлению, вдруг заметил, что свирепый огонь в ее глазках погас и они выражают теперь только тихое благодушие. Мне даже почудилось, что она улыбается.

С каждой минутой ее движения становились все более неуверенными. Она начала спотыкаться, а затем, громко и откровенно икнув, плюхнулась на солому и перекатилась на бок.

Дед Холлин, немелодично насвистывая, несколько секунд смотрел на нее, потом перегнулся через загородку и ткнул свинью в мясистое бедро, на что она только блаженно хрюкнула и даже не шевельнулась.

Гертруда наклюкалась в лежку.

Старик махнул на картонный ящик:

— Тащи поросят.

Уилл принес в закут одну барахтающуюся охапку, потом вторую. Как всем новорожденным, им не требовалось объяснять, что они должны делать дальше. Пятнадцать изголодавшихся ртов прильнули к материнским соскам, и я со смешанным чувством созерцал картину, которая, увы, ничем не была обязана моему самому современному ветеринарному искусству, — длинный рядок розовых поросят, наполняющих свои брюшки животворной жидкостью.

Что поделаешь! Я оказался бессилен, и восьмидесятилетний фермер утер мне нос с помощью двух галлонов портера. Настроение у меня было далеко не радужное.

Я смущенно закрыл ящик с флаконами «усмирина» и уже тихонько

отступал к машине, но тут меня окликнул Уилл Холлин:

— Заходите в дом, мистер Хэрриот. Выпейте кофе на дорожку. — Голос звучал дружески, словно я не проторчал тут весь вечер без малейшего толку.

Я повернулся и пошел на кухню. Когда я направился к столу, Уилл ткнул меня локтем в бок.

— Да вы поглядите! — Он приподнял эмалированное ведро, на дне которого плескалось пиво. — Это получше кофе будет. Наберется на две хорошие кружки. Сейчас я их достану.

Он нырнул за дверцу буфета, и тут в кухню вошел дед Холлин. Он повесил шляпу и палку на крючок в углу и потер руки.

— Достань-ка и третью кружку, Уилл, — распорядился он. — Кто пиво-то в корыто лил? Так я на троих его и сберег.

Возможно, на следующее утро я продолжал бы мучиться из-за своего тягостного фиаско, но на рассвете меня вызвали к корове с выпадением матки, а против хандры нет средства лучше, чем часок-другой отчаянных усилий.

В Дарроуби я вернулся около восьми часов и решил заправиться бензином на рыночной бензоколонке. В приятном рассеянии мыслей я смотрел, как Боб Купер наполняет мой бак, но тут издали донеслись протяжные звуки:

— У-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у...

Содрогнувшись, я обвел взглядом площадь. Она была пуста, но душераздирающий вой неумолимо приближался; и вот из-за дальнего угла показался автомобиль мистера Берсфорда и свернул к бензоколонке.

Я попытался спрятаться за пожарный кран, но тщетно! Меня увидели, и машина, запрыгав по булыжнику, под визг тормозов остановилась рядом со мной.

— У-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у!

На близком расстоянии вой был нестерпимым.

Я выглянул из-за крана и прямо перед собой увидел выпученные глаза управляющего банком, который опустил стекло в дверце. Он выключил мотор, и Коко на заднем сиденье, тотчас успокоившись, дружески завилял мне хвостом. Однако у его хозяина вид был отнюдь не дружеский.

— Доброе утро, мистер Хэрриот, — сказал он угрюмо.

— Доброе утро, — ответил я хрипло и, растянув губы в улыбке, нагнулся к окну: — Доброе утро, миссис Берсфорд.

Она испепелила меня взглядом и открыла было рот, но муж опередил ее:

— Рано утром я по вашему совету дал ему одну из новейших чудотворных таблеток... — Подбородок у него задрожал.

— Ах так?

— Да, так. И она совершенно не подействовала, а потому я дал ему вторую! — Он помолчал. — Поскольку результат оказался таким же, я дал третью, затем четвертую.

— Неужели?.. — Я с трудом сглотнул.

— Вот именно. — Его взгляд стал ледяным. — А потому я вынужден прийти к заключению, что таблетки эти бесполезны.

— Ну... э... да, конечно, судя по...

Он предостерегающе поднял ладонь.

— Мне некогда слушать объяснения. Я и так уже сильно задержался, а мне предстоит проехать триста миль.

— Я искренно сожалею... — начал я, но он уже поднял стекло и включил мотор, а Коко тотчас замер, задрал морду, словно миниатюрный волк, и стянул губы в кружок. Я смотрел, как автомобиль мистера Берсфорда проехал площадь и исчез из виду за поворотом южного шоссе, но до меня еще долго доносились вопли Коко:

— У-у-у, у-у-у, у-у-у, у-у-у.

Внезапно ослабев, я прислонился к крану. Сердце у меня сжалось от сочувствия к мистеру Берсфорду. Я уже говорил, что миг он казался очень порядочным человеком.

Собственно говоря, он мне даже нравился, и тем не менее я с большой радостью подумал, что мы вряд ли когда-нибудь еще встретимся.

Наши свидания с мистером Барджем обычно происходили раз в три месяца, и вновь во главе нашего обеденного стола я увидел его только в середине июня. Он попивал кофе, ронял вежливые фразы, и летнее солнце озаряло его серебристую голову. Наконец, утерев губы салфеткой, он неторопливо пододвинул нам свой каталог. Беря в руки увесистую книжку, Зигфрид задал неизменный вопрос:

— Что-нибудь новенькое, мистер Бардж?

— Любезный сэр! — Улыбка старца яснее всяких слов говорила, что наивность юности хотя и ставит его несколько в тупик, но тем не менее восхитительна. — Фирма «Каргилл и сыновья» никогда не посылает меня к вам без изобилия новых лечебных средств, многие из которых уникальны и все без исключения весьма действенны. Могу предложить вам огромный выбор чудодейственных лекарств.

Вероятно, я приглушенно охнул, потому что он повернулся ко мне и, затопляя меня волнами снисходительной благожелательности, осведомился

с чуть шутливой улыбкой:

— Мистер Хэрриот? Вы, кажется, что-то сказали, мой юный и уважаемый друг?

Я раза два сглотнул, открыл было рот, но, по обыкновению, оказался бессилен против его неколебимого и невозмутимого достоинства.

— Нет... ничего, мистер Бардж, — ответил я, понимая, что у меня никогда не останется духа рассказать ему про чудодейственность «усмирина».

Течение нашей жизни определялось внезапными тревогами и неожиданными происшествиями.

Тристан, впрочем, был выше всего этого. Как-то вечером мы с ним сидели в гостиной Скелдейл-Хауса, и вдруг наш покой нарушил пронзительный звон телефона.

Тристан, не вставая с кресла, протянул руку к трубке:

— Аллоу? Ктоу говоритто?

Несколько секунд он внимательно слушал, потом потряс головой:

— Нетто, нетто, извинитто. Мистероу Фарноно дома нетто. Хорошоу, я скажай, когда он приходитто. Наше-ваше с кисточкоу!

Он положил трубку. Я изумленно смотрел на него со своего места по другую сторону камина. Этот нелепый акцент был лишь одним из проявлений его твердой решимости отыскивать крупницы развлечений в чем бы то ни было. Конечно, так он забавлялся отнюдь не всегда, но фермеры нет-нет да и упоминали, что с ними говорил «какой-то иностранец».

Тристан уютно устроился с «Дейли миррор» и вскрыл новую пачку сигарет, но тут опять затрезвонил телефон, и ему пришлось взять трубку.

— Та, та, тобры фетчер, как поживайт. Што фам уютно?

В трубке басисто зарокотало, и Тристан вдруг выпрямился. «Дейли миррор» и сигареты соскользнули на пол.

— Да, мистер Маунт, — быстро сказал он. — Нет, мистер Маунт. Да, конечно, мистер Маунт, я немедленно передам. Благодарю вас. Всего хорошего. — Он откинулся на спинку кресла и перевел дух. — Это был мистер Маунт!

— Я догадался. И он-таки заставил тебя поджать хвост, Трис.

— Ну... Да... я как-то не ожидал... — Он поднял сигареты и задумчиво закурил.

— Вот именно, — сказал я. — А зачем он звонил?

— Просит завтра утром посмотреть какую-то его рабочую лошадь. У нее с задними ногами неладно.

Я сделал запись в блокноте и поглядел на Тристана:

— Не берусь судить, как ты выкраиваешь время в бурном вихре своих любовных увлечений, но последнее время ты крутишь с его дочкой, а?

Тристан вынул сигарету изо рта и внимательно оглядел тлеющий кончик.

— Действительно, я несколько раз приглашал Дебору Маунт в кино и на танцы, а что?

— Да так. Уж очень у нее папаша внушительный, только и всего.

У меня перед глазами всплыл мистер Маунт — такой, каким я его видел в последний раз: настоящий человек-гора под семь футов ростом. Над плечами, которые походили на отроги холма за его фермой, поднимался могучий утес головы с каменным подбородком, скулами и лбом. А таких широких ладоней я в жизни не видел — раза в три шире моих.

— Ну и пусть его! — отозвался Тристан. — Человек он вполне приличный.

— О, вполне. Я о нем ничего плохого сказать не хочу. (Мистер Маунт отличался большой религиозностью и был, по слухам, суров, но справедлив.) Просто мне бы не хотелось, чтобы он потребовал от меня отчета, на каком основании ты кружишь голову его дочери.

Тристан поперхнулся, и в глазах у него мелькнула тревога.

— Чушь какая! Мы с Деборой друзья, и ничего больше.

— Рад это слышать. А то говорят, папаша бережет ее пуще собственного глаза, и я бы не хотел почувствовать его лапищи на своем горле.

Тристан смерил меня ледяным взглядом:

— Есть в тебе, Джим, какой-то садизм. Только потому, что мне иногда приятно пригласить девушку в кино...

— Да ладно тебе, Трис. Или ты шуток не понимаешь? Обещаю завтра у Маунта ни словом не упоминать, что ты зачислил Дебору в свой гарем... — Я ловко увернулся от летящей подушки и пошел в аптеку собрать все нужное для завтрашнего объезда.

Но когда утром я увидел мистера Маунта в дверях его дома, мне стало ясно, что моя шуточка была как нельзя кстати: на мгновение его фигура заполнила весь дверной проем, затем он мерной походкой приблизился ко мне по булыжнику, заслоня солнце, погружая в тень и меня, и все вокруг.

— Этот молодой человек, Тристан... — начал он без всяких предисловий. — Вчера он заговорил со мной по телефону как-то странно. Что он за человек?

Я посмотрел вверх, на нависающее надо мной лицо, — на пронзительные серые глаза под мохнатыми бровями и невнятно пролепетал:

— Тристан? Да очень хороший. Просто отличный.

— Хм. — Великан продолжал сверлить меня взглядом, потирая

подбородок пальцем, длинным и толстым, как банан. — А он пьет?

Мистер Маунт был известен как заклятый враг спиртного, и я поберегся упомянуть, что Тристан пользуется всеобщей любовью и уважением в большинстве местных питейных заведений.

— А... э... — пролепетал я. — Почти нет... весьма умеренно...

В этот момент из дверей выпорхнула Дебора и направилась через двор к молочной.

На ней было цветастое ситцевое платье. Девятнадцать лет, ласковые карие глаза, золотистые волосы падают на плечи, пышная, здоровая красота деревенской девушки... Она улыбнулась мне, блеснув белыми зубами, и пробежала мимо. Это было еще до того, как я познакомился с Хелен, и хорошенькие девушки меня, естественно, очень интересовали. Я поймал себя на том, что восхищенно смотрю ей вслед.

И тут я почти физически ощутил на себе взгляд ее отца. На его лице появилось новое выражение — столь сурового неодобрения, что меня даже дрожь пробрала. Я сразу же решил про себя, что Дебора, конечно, прелесть и характер у нее как будто приятный, но... нет, нет и нет! Явно Тристан много храбрее меня.

Мистер Маунт резко повернулся.

— Лошадь вон там, в конюшне, — буркнул он.

Тогда, на исходе тридцатых годов, трактор уже почти заменил лошадей в полях, но фермеры, как правило, еще держали их — возможно, потому, что лошадь прочно вошла в традиционный уклад жизни, а может быть, и просто ради удовольствия владеть великолепными животными вроде красавца, которого я увидел сейчас.

Это был рослый шайрский мерин, футов шести в холке, воплощение мышечной мощи, но когда он оглянулся на голос хозяина, большая морда с белой звездой на лбу дышала тихой кротостью.

Фермер похлопал его по крупу.

— Бобби у нас по всем статьям хорош, да и работяга к тому же. Я сперва что заметил — пахнет у него от задних копыт. Ну и посмотрел — просто в жизни такого не видал!

Я нагнулся и зажал в горсть мохнатые пряди шерсти с задней стороны пута. Бобби продолжал спокойно стоять, когда я поднял широкое, словно тарелка, копыто и положил его к себе на колени. Оно полностью их закрыло, но меня поразила не его величина. Мистер Маунт в жизни такого не видел — и я тоже. Подошва превратилась в набухшие лохмотья, из-под рогового слоя сочился вонючий экссудат. Но ошеломило меня даже не это, а странные выросты, торчавшие из каждой трещины, словно привидевшиеся

в бреду поганки — длинные папиллы с роговыми шапочками, усеявшие пораженную поверхность.

Я читал о них в учебниках. Назывались они «эрготы», но мне и в голову не приходило, что их может быть так много. Я отпустил копыто и поднял другую заднюю ногу, а мысли вихрем неслись у меня в голове. Опять та же картина. Если не хуже.

Я получил диплом лишь несколько месяцев назад, а потому все еще должен был завоевывать доверие фермеров. И вот — пожалуйста!

— Так что же это такое? — спросил мистер Маунт, по-прежнему сверля меня немигающим взглядом.

Я выпрямился и потер ладони.

— Язва, но очень запущенная. — Теоретически я во всем разобрался, — теоретических сведений у меня было хоть отбавляй, но применить их вот к этой больной лошади оказалось не так-то просто.

— И как же вы будете ее лечить? — У мистера Маунта была неприятная привычка сразу переходить к сути дела.

— Ну, видите ли, сначала нужно удалить весь отслоившийся рог, а также все эти выросты, а затем обработать поверхность перманганатом калия, — ответил я и почувствовал, что в таком изложении выглядит все это довольно просто.

— А само собой, значит, не пройдет?

— Нет. Если не принять мер, подошва полностью разрушится и обнажится копытцевая кость. Кроме того, выделения будут проникать под стенку и он может вообще потерять копыто.

Фермер кивнул.

— Да, уж тогда ему не ходить, и, значит, прощай, Бобби.

— Боюсь, что так.

— Ну ладно. — Мистер Маунт решительно вскинул голову. — Когда вы за это возьметесь?

Очень неприятный вопрос: ведь я в эту минуту лихорадочно обдумывал, каким должно быть лечение, а не когда к нему приступить.

— Дайте сообразить, — сказал я сипло. — Пожалуй, следует...

Но он меня перебил:

— Всю эту неделю мы сено убираем. А вам ведь помощники понадобятся? Как насчет следующего понедельника?

Я испытал невыразимое облегчение. Слава богу, что он не сказал «завтра». Теперь у меня было время подумать.

— Хорошо, мистер Маунт. Меня это вполне устраивает. В воскресенье не давайте ему корма, потому что его придется анестезировать.

Всю дорогу домой меня одолевали гнетущие мысли. Неужели я по невежеству погублю этого красавца? Язва подошвы — штука скверная, и в эпоху рабочих лошадей встречалась она отнюдь не редко, но этот случай был явно необычным. Впрочем, многие мои современники, несомненно, видели копыта даже в еще более худшее состоянии, хотя для нынешних молодых ветеринаров от всего этого, конечно, веет глубокой стариной, словно от заветов средневекового коновала.

Как обычно, столкнувшись с трудной проблемой, я сразу же принялся перебирать всяческие возможности. Не спуская глаз с шоссе, я мысленно прикидывал, как провести операцию. Уложит ли этого великана намордник с хлороформом? Или же связать его и опрокинуть, заручившись помощью всех работников мистера Маунта? Но, пожалуй, с тем же успехом можно попытаться опрокинуть собор святого Павла! Ну а потом — сколько времени мне потребуется, чтобы убрать весь этот разрушенный рог, все эти жуткие выросты?

Мои ладони стали скользкими от пота, и мне невыносимо захотелось переложить все эти сложности на Зигфрида. Но ведь я должен завоевать доверие не только фермеров, а и моего патрона! Какой ему толк от помощника, который ни с чем самостоятельно справиться не может?

И, как всегда в минуты растерянности, я свернул на обочину, вылез из машины и пошел через вереск по тропке, вившейся у самого гребня холма над фермой мистера Маунта. Отойдя подальше, я бросился в траву и устремил взгляд на озаренную солнцем долину далеко внизу.

Обычно даже в самом уединенном месте всегда что-нибудь слышно — крик птицы, шум проезжающей где-то машины, но тут царил полная тишина, только ветер иногда срывался с гребня и шелестел стеблями вокруг.

Среди окружавших ее суровых холмов долина выглядела райским местечком — вся в сочной зелени ровных лугов, где вольготно пасся скот и тянулись аккуратные ряды свежескошенного сена.

И все же истинную безмятежность искать надо было не там, а здесь, на высотах, среди вересковых пустошей, где все дышало покоем — и тишина, и метелки трав, и черная торфяная земля.

Теплые волны летнего воздуха приносили снизу благоухание сена, и, как всегда, я почувствовал, что мои тревоги рассеиваются. Даже и теперь, столько лет спустя, я не перестаю радоваться этой моей способности обретать душевный мир среди пустынных холмов.

Я поднялся и пошел назад к машине, приняв твердое решение. Так или иначе, но я сделаю все, что нужно. Конечно, я сумею справиться сам, не

беспокоя Зигфрида.

Во всяком случае, когда мы встретились за обедом, Зигфриду было явно не до моих трудностей: он загорелся очередной идеей.

— Сегодня утром я был в Хартингтоне и заглянул к Гранвиллу Беннетту, — сказал он, накладывая себе молодого картофеля, только утром выкопанного из грядки в саду. — И должен сказать, его приемная произвела на меня большое впечатление. Столько журналов! Конечно, клиентов у нас тут бывает меньше, но все-таки фермерам нередко приходится ждать в приемной. — Он полил картофель соусом. — Тристан, займись-ка этим. Побывай на почте и распорядись, чтобы нам каждую неделю доставляли несколько подходящих журналов, слышишь?

— Ладно. Сегодня же и сделаю.

— Чудесно! — Зигфрид принялся за еду. — Мы должны во всех отношениях не отставать от прогресса. Джеймс, возьмите еще картошки. Очень вкусно.

Тристан не подвел, и два дня спустя на столе и полках нашей приемной появились номера журналов, выбранных со знанием дела, — специальных сельскохозяйственных, иллюстрированных и юмористических. Но конечно же, остановиться на этом он не мог.

— Погляди-ка, Джим, — шепнул он как-то днем и втащил меня в приемную. — Я тут тихонько развлекаюсь.

— Ты о чем? — Я с недоумением поглядел вокруг.

Тристан молча указал на одну из полок. Там среди невинной периодики притаился немецкий журнальчик нудистского пошиба с весьма лихим изображением совершенно нагой натуры на обложке. Даже в нынешние, ко всему привыкшие дни эта обложка заставила бы подняться не одну бровь, а в сельском йоркшире тридцатых годов она была хуже динамитного заряда.

— Где ты его раздобыл, черт тебя подери? — пробурчал я, торопливо перелистывая журнал (внутри было то же самое). — И зачем?

Тристан хихикнул.

— У одного приятеля в колледже. И знаешь, очень бывает любопытно заглянуть сюда и застать над ним какого-нибудь почтенного отца семейства, вообразившего, что он совсем один. Опыт проходит более чем успешно. К настоящему времени среди самых выдающихся моих охотничьих трофеев числятся муниципальный советник, мировой судья и баптистский проповедник.

Я покачал головой.

— По-моему, ты слишком рискуешь. Что, если он попадетс

Зигфриду?

— Не попадется, — с обычным оптимизмом ответил Тристан. — Он сюда редко заглядывает, и то второпях. Да и журнал лежит не на виду.

Я пожал плечами. Я завидовал изобретательному уму Тристана, но слишком уж часто он расходовал его на всякие пустяки. Впрочем, в тот момент мне было не до его проказ. Мои мысли занимало совсем другое.

Тысячи раз днем и ночью я бесчисленными способами укладывал на бок Бобби и приводил в порядок его ноги. При свете солнца за рулем это было еще терпимо, но операции, которые я проделывал, лежа в постели, превосходили всякое вероятное. И все время меня не оставляло чувство, что в картине того, как я одним махом убираю эти чудовищные выросты, кроется какая-то роковая ошибка. В конце концов я решил забыть про свою гордость.

— Зигфрид, — сказал я как-то после обеда, когда дневных вызовов у нас не оказалось. — Мне надо оперировать лошадь по довольно-таки жутковатому поводу.

Глаза моего патрона заблестели и губы под рыжеватыми усиками изогнулись в улыбке — слово «лошадь» всегда производило на него такое действие.

— Вот как, Джеймс? Ну-ка расскажите.

Я рассказал.

— Да... да... — сказал он задумчиво. — Пожалуй, нам стоит посмотреть его вместе.

В доме и во дворе мистера Маунта никого не было: все лихорадочно убирали сено, чтобы сполна использовать погожий день.

— Так где он? — спросил Зигфрид.

— Вон там! — И я повел его в конюшню.

Зигфрид поднял заднюю ногу мерина и негромко свистнул. Потом зашел с другого бока и осмотрел вторую ногу. Целую минуту он разглядывал чудовищные грибы, лезущие из разлохмаченного смердящего рога. Потом выпрямился и бросил на меня непроницаемый взгляд. Заговорил он не сразу.

— И вы думали просто заскочить сюда в понедельник, опрокинуть этого молодца на травку и привести его копыта в порядок?

— Да, — ответил я. — Примерно так.

Лицо моего патрона озарила удивительная улыбка — в ней были и изумление, и жалость, и легкая насмешка, и даже восхищение. Потом он засмеялся и покачал головой.

— О простодушие юности! — пробормотал он.

— То есть как? — В конце-то концов, я был моложе его всего на шесть лет.

Он подошел и потрепал меня по плечу:

— Я вовсе не смеюсь над вами, Джеймс. Такой язвы мне еще не приходилось видеть, хотя я их нагладелся достаточно.

— Вы имеете в виду, что за один раз я с ней не управлюсь?

— Совершенно верно, именно это я и имею в виду. Здесь работы на полтора месяца, Джеймс.

— На полтора месяца?

— Да, и нужны будут три человека. Придется поместить этого мерина в стойло на конюшне Скелдейл-Хауса, а там мы с вами и еще с кузнецом возьмемся за дело всерьез. После чего его ноги нужно будет каждый день перевязывать заново в станке.

— Понимаю...

— Да-да, — Зигфрид начал увлекаться. — Для прижигания возьмем что-нибудь покрепче — азотную кислоту — и подкуем его особыми подковами с металлическими пластинками, чтобы подошва непрерывно находилась под давлением. — Он умолк, возможно заметив мой растерянный вид, а потом продолжал уже менее бурно: — Поверьте, Джеймс, все это необходимо. Иначе этого красавца придется пристрелить. Ведь так он долго не протянет.

Я поглядел на Бобби, на повернутую к нам белую морду. Пробить пулей эту благородную голову? Ужасно!

— Хорошо, Зигфрид. Как считаете нужным, — пробормотал я, и тут в дверном проеме, заслоняя свет, возникла могучая фигура мистера Маунта.

— А, мистер Маунт! Добрый день, — сказал мой патрон. — Надеюсь, сена в этом году много?

— Спасибо, мистер Фарнон. Не жалуемся. И погода стоит — лучше некуда.

Фермер смотрел на нас с некоторым любопытством, и Зигфрид сказал поспешно:

— Мистер Хэрриот попросил меня посмотреть вашу лошадь. Взвесив все обстоятельства, он решил, что лучше будет отвести ее для лечения на несколько недель к нам. Должен сказать, я с ним совершенно согласен. Случай очень тяжелый, а тогда шансы на полное излечение заметно повысятся.

Мысленно я от души поблагодарил Зигфрида. А я-то опасался, что буду выглядеть дурак дураком, и вдруг все оказалось в порядке. В сотый раз я поздравил себя с тем, что работаю у человека, на которого всегда

можно положиться. Мистер Маунт снял шляпу и утер мокрый лоб.

— Ну, раз вы так считаете, вы оба, будь по-вашему. Я для Бобби ничего не пожалею. Другой такой лошади у меня нет.

— Да, мистер Маунт, отличный конь. — Зигфрид обошел Бобби, поглаживая его и похлопывая, и всю дорогу до машины поддерживал с фермером непринужденный разговор. Мне этот грузный великан всегда внушал какую-то робость. Но в присутствии Зигфрида он совсем оттаял, стал словоохотлив и раза два даже почти улыбнулся.

На помощь нам явился Пат Дженнер, кузнец, с полным набором своих инструментов, и вместе, сменяя друг друга, мы убрали все выросты и пораженную ткань, оставив только совершенно здоровый рог. Зигфрид продезинфицировал раны кислотой, а затем наложил на подошвы скрученную пеньку, которая удерживалась на месте с помощью подведенной под подкову особой пластинки. Пластинки эти точно по мерке изготовил Пат. Давление, создаваемое пенькой, было необходимо для полного заживления.

Неделю спустя ежедневные перевязки я делал уже один. Вот тогда-то я полностью оценил станок из бревен, забитых глубоко в землю посреди булыжного двора. Все становилось много проще, когда я заводил Бобби в станок, поднимал его ногу и закреплял в наиболее удобном для меня положении.

Иногда в это время приходил Пат Дженнер проверить подковы. Как-то, когда мы с ним возились в станке, из проулка донеслось знакомое погромыхивание моего маленького «остина». Большие двойные двери были открыты, и я увидел, как автомобиль, развернувшись, остановился напротив них. Пат оглянулся, и у него глаза полезли на лоб.

— Черт-те что! — ахнул он, и я его прекрасно понял: автомобиль ехал сам, без шофера. Во всяком случае, такое создавалось впечатление, потому что, когда машина вынырнула из проулка, на сиденье за рулем никого видно не было.

Автомобиль, движущийся без шофера, — зрелище не из обычных, и Пат продолжал смотреть на «остин» с разинутым ртом. Я уже хотел открыть ему секрет, но тут за стеклом с пронзительным воплем возник Тристан:

— Э-ге-ге-гей!

Пат уронил молоток и попятился.

— Господи помилуй! — прошептал он.

Я сохранял невозмутимость, потому что мне этот трюк был давно знаком. Если я был занят во дворе, а меня куда-нибудь вызывали, Тристан

для экономии времени пригонял машину с улицы. Конечно, это ему скоро надоело, и он попытался внести некоторое разнообразие в управление автомобилем.

После недолгой практики он овладел искусством езды без шофера. Скорчившись на полу, он нажимал ногой педаль газа, а рукой поворачивал снизу рулевое колесо и в первый раз напугал меня чуть не до смерти. Но теперь я глядел на его фокус с пресыщенным равнодушием.

Несколько дней спустя мне довелось стать свидетелем еще одной шуточки. Свернув в длинный коридор, я увидел Тристана у приоткрытой двери приемной.

— Вроде бы еще один попался на крючок, — шепнул он. — Поглядим, что будет! — И бесшумно отворив дверь пошире, он на цыпочках вошел внутрь.

Я заглянул в щель и убедился, что он действительно может похвастать еще одним триумфом: спиной к нам стоял какой-то солидный мужчина, углубившийся в нудистский журнал. Он неторопливо листал страницы и с явным интересом поворачивал журнал к свету, наклоняя голову то так, то эдак, чтобы рассмотреть фотографию под разными углами. Казалось, он мог бы простоять так весь день, но тут Тристан, точно рассчитав момент, слегка кашлянул. Посетитель выронил журнал, словно раскаленный уголь, и поспешно схватил сельскохозяйственный альманах.

И вот тогда-то торжество Тристана обернулось катастрофой. Это был мистер Маунт.

Несколько секунд великан фермер буквально нависал над ним, а затем процедил сквозь зубы рокошующим басом:

— А, так это вы?

Он быстро перевел взгляд с Тристана на непристойный журнал, потом снова уставился на Тристана, и глаза на суровом лице зловеще сощурились.

— Да... а, да... да, мистер Маунт, — пролепетал бедняга. — Как вы поживаете, мистер Маунт?

— Хорошо.

— Отлично... ну просто превосходно. — Тристан попятился. — А как поживает Дебора?

Глаза под щетинистыми бровями сощурились еще больше.

— Хорошо.

Наступило долгое молчание, и я от души посочувствовал Тристану. Встреча оказалась не из приятных. Наконец он сумел криво улыбнуться:

— А... ну да... чем мы можем служить вам, мистер Маунт?

— Я приехал посмотреть мою лошадь.

— Да, конечно, разумеется, безусловно. По-моему, я видел мистера Хэрриота в коридоре.

Я повел мистера Маунта через сад во двор. Беседа с Тристаном явно не улучшила его мнения о легкомысленном студенте, и он угрюмо хмурился, пока я не открыл дверь стойла.

Но едва он увидел, что Бобби с удовольствием ест сено, лицо у него сразу просветлело. Он вошел и похлопал мерина по крутой шее.

— Ну, так как же он?

— Все отлично! — Я приподнял заднее копыто и показал ему металлическую пластинку. — Ее можно снять, чтобы вы взглядели.

— Нет, нет, не надо. Я только узнать хотел. Раз дела идут хорошо, так зачем трогать.

Перевязки продолжались еще недели две-три, но наконец Зигфрид решил, что рецидив исключен, и позвонил мистеру Маунту: утром он может забрать свою лошадь.

Всегда приятно быть участником победы, пусть даже самой маленькой, и я заглядывал Зигфриду через плечо, когда он поднимал ноги мерина и показывал его хозяину результаты лечения. Поверхность подошвы была чистой и гладкой, без каких-либо следов набухания, не говоря уж о лохмотьях отмирающей ткани.

Мистер Маунт отнюдь не был восторженной натурой, но, несомненно, это зрелище произвело на него глубокое впечатление. Он быстро закивал головой:

— Да уж, тут ничего не скажешь! Прямо-таки чудо.

Зигфрид отпустил копыто и выпрямился, удовлетворенно улыбаясь. Во дворе воцарилась атмосфера взаимной доброжелательности, и тут я услышал в проулке погромыхивание моей машины. По спине у меня побежали мурашки. Только не это, Тристан! Ну пожалуйста! Только не сейчас. Ты ведь не знаешь... Горло у меня сжалось от дурного предчувствия, но тут в распахнутых дверях сарая возник «остин», и я понял, что все погибло. Сиденье за лобовым стеклом было пусто.

Ощущая стремительное приближение неминуемой катастрофы, я смотрел, как машина, подкатив к мистеру Маунту и Зигфриду, остановилась шагах в двух от них. Оба растерянно глядели на нее.

Недоумение их длилось несколько секунд, а затем в открытом окне, точно чертик из коробочки, возник Тристан.

— Э-ге-ге-гей! — пронзительно завопил он, но радостная ухмылка сползла с его лица, едва он увидел перед собой брата и мистера Маунта.

Зигфрид посмотрел на него с обычной сердитой досадой, но фермер

потемнел как туча. Глаза на каменной физиономии превратились в щелочки, подбородок выпятился, мохнатые брови ошетинились. Было ясно, что его мнение о Тристане сложилось окончательно и бесповоротно.

Я считал, что Тристан пострадал достаточно, и недели две не упоминал о случившемся, а потом, когда мы как-то сидели в гостиной, он мимоходом сказал, что Дебору уже больше никуда приглашать не будет.

— Папаша ей запретил, — добавил он.

Я сочувственно пожал плечами и промолчал. Ведь этому роману с самого начала был сужден печальный конец.

Как и люди, животные нуждаются в друзьях. Вы когда-нибудь наблюдали их на лугу? Они могут принадлежать к разным видам — например, лошадь и овца, — но всегда держатся вместе. Это товарищество между животными неизменно меня поражает, и, по-моему, две собаки Джека Сэндерса служат наглядным примером такой взаимной преданности.

Одного пса звали Джинго, и, когда я делал инъекцию, обезболивая глубокую царапину, оставленную колючей проволокой, могучий белый буль-терьер вдруг жалобно взвизгнул. Но потом смирился с судьбой и застыл, стоически глядя перед собой, пока я не извлек иглу.

Все это время корги Шкипер, неразлучный друг Джинго, тихонько покусывал его заднюю ногу. Две собаки на столе одновременно — зрелище непривычное, но я знал об этой дружбе и промолчал, когда хозяин поднял на стол обеих.

Я обработал рану и начал ее зашивать, а Джинго, обнаружив, что ничего не чувствует, заметно расслабился.

— Может, Джинго, это тебя научит не лезть больше на колючую проволоку, — заметил я.

Джек Сэндерс рассмеялся.

— Вряд ли, мистер Хэрриот. Я думал, что на дороге мы никого не встретим, и взял его с собой, но он учуял собаку по ту сторону изгороди и кинулся туда. Хорошо еще, что это была борзая и он ее не догнал.

— Забияка ты, Джинго! — Я погладил своего пациента, и крупная морда с широким римским носом расплзлась в усмешке до ушей, а хвост радостно застучал по столу.

— Поразительно, правда? — сказал его хозяин. — Он все время затевает драки, а дети, да и взрослые, могут делать с ним что хотят. На редкость добродушный пес.

Я кончил накладывать швы и бросил иглу в кювет на столике с инструментами.

— Так ведь буль-терьеры специально для драк и выводились. Джинго просто следует извечному инстинкту своей породы.

— Я знаю. Вот и оглядываю окрестности, прежде чем спустить его с поводка. Он же на любую собаку бросится.

— Кроме этой, Джек! — Я засмеялся и кивнул на маленького корги, который насытился ногой своего приятеля и теперь грыз его ухо.

— Вы правы. Прямо-таки чудеса: по-моему, если бы он совсем откусил Джингу ухо, тот на него даже не зарычал бы.

И действительно, это смахивало на чудо. Корги шел двенадцатый год, и возраст уже заметно сказывался на его движениях и зрении, а трехлетний буль-терьер еще только приближался к полному расцвету сил. Коренастый, с широкой грудью, крепким костяком и литыми мышцами, он был грозным зверем, но когда объедание уха зашло слишком далеко, он лишь нежно забрал голову Шкипера в свои мощные челюсти и подождал, пока песик не угомонится. Эти челюсти могли быть безжалостными, как стальной капкан, но маленькую голову они удерживали, словно любящие руки.

Десять дней спустя Джек привел обоих псов, чтобы снять швы. Подняв их на стол, он с тревогой сказал:

— Джинго что-то плох, мистер Хэрриот. Уже два дня ничего не ест и ходит как в воду опущенный. Может быть, ему в рану попала инфекция?

— Не исключено! — Я торопливо нагнулся, и мои пальцы ощупали длинный рубец на боку. — Но никаких признаков воспаления нет. Припухлости и болезненности тоже. Рана прекрасно зажила.

Я сделал шаг назад и осмотрел буль-терьера. Вид у него был унылый — хвост поджат, глаза пустые, без искры интереса. Его приятель принялся деловито грызть ему лапу, но даже это не вывело Джинга из апатии.

Шкипера явно не устраивало такое невнимание, и, оставив лапу, он взялся за ухо. Снова ни малейшего впечатления. Тогда корги начал грызть и тянуть сильнее, так что массивная голова наклонилась, но буль-терьер по-прежнему его не замечал.

— Ну-ка, Шкипер, прекрати! Джинго сегодня не в настроении возиться и играть, — сказал я и бережно опустил корги на пол, где он негодуя завертелся между ножками стола.

Я внимательно осмотрел Джинго, но единственным угрожающим симптомом была высокая температура.

— У него сорок и шесть, Джек. Несомненно, он очень болен.

— Так что с ним?

— Судя по температуре, какое-то острое инфекционное заболевание. Но какое — сразу сказать трудно.

Я поглаживал широкую голову, водил пальцами по белой морде и лихорадочно думал.

Вдруг хвост слабо вильнул и пес дружески обратил глаза на меня, а потом на хозяина. И вот это-то движение глаз стало ключом к разгадке. Я быстро отвернул верхнее веко. Конъюнктивa выглядела нормально розовой, но в чистой, белой склере мне почудилась слабая желтизна.

— У него желтуха, — сказал я. — В его моче вы никаких особенностей не заметили?

Джек Сэндерс кивнул:

— Да. Теперь припоминаю. Он задрал ногу в саду, и струя была темной.

— Из-за желчи. — Я легонько надавил живот, и буль-терьер вздрогнул. — Да, участок явно болезненный.

— Желтуха? — Сэндерс поглядел на меня через стол. — Где он мог ее подцепить?

Я потер подбородок.

— Ну, при виде собаки в таком состоянии в первую очередь взвешиваю две возможности — отравление фосфором и лептоспироз. Но высокая температура указывает на лептоспироз.

— Он заразился от другой собаки?

— Возможно, но скорее от крысы. Он охотится на крыс?

— Иногда. Они кишмя кишат в старом курятнике на заднем дворе, и порой он бежит туда поразвлечься.

— Вот именно! — Я пожал плечами. — Других причин можно не искать.

Сэндерс кивнул.

— Во всяком случае, хорошо, что вы сразу установили болезнь. Тем скорее удастся ее вылечить.

Я несколько секунд молча смотрел на него. Все было далеко не так просто. Мне не хотелось его расстраивать, но ведь передо мной был умный, уравновешенный сорокалетний мужчина, учитель местной школы. Ему можно и нужно было сказать всю правду.

— Джек, эта штука почти не поддается лечению. Страшнее собаки с желтухой для меня ничего нет.

— Настолько серьезно?

— Боюсь, что да. Процент летальных исходов очень высок.

Его лицо страдальчески омрачилось, и у меня от жалости защемило сердце, но такое предупреждение смягчало предстоящий удар: ведь я знал, что Джинго может погибнуть в ближайшие дни. Даже теперь, тридцать лет спустя, я вздрагиваю, увидев в собачьих глазах этот желтоватый отлив. Пенициллин и другие антибиотики^[17] воздействуют на лептоспиры — штопорообразные микроорганизмы, возбудители этой болезни, но она все еще нередко завершается смертью.

— Ах так... — Он собирался с мыслями. — Но ведь что-то вы можете сделать?

— Ну разумеется, — сказал я энергично. — Я введу ему большую дозу противолептоспирозной вакцины и дам лекарства для приема внутрь. Положение не совсем безнадежно.

Я сделал инъекцию вакцины, хотя и знал, что на этом этапе она малоэффективна, — ведь иного средства в моем распоряжении не было. Вакцинировал я и Шкипера, но совсем с другим чувством: его это почти наверное уберегало от заражения.

— Еще одно, Джек, — добавил я. — Лептоспироз передается и людям, а потому, ухаживая за Джинго, принимайте все меры предосторожности. Хорошо?

Он кивнул и снял буль-терьера со стола. Могучий пес, подобно большинству моих пациентов, поторопился ускользнуть из смотровой, полной пугающих запахов, не говоря уж о моем белом халате. Джек проводил его взглядом и с надеждой повернулся ко мне:

— Посмотрите, как он бежит! Наверное, ему не так уж плохо?

Я промолчал, горячо желая, чтобы он оказался прав, но в моей душе росла гнетущая уверенность, что этот чудесный пес обречен. Ну, в любом случае скоро все станет ясно.

И все стало ясно. На следующее же утро. Джек Сэндерс потопил мне еще до девяти.

— Джинго что-то поскукнел, — сказал он, но дрожь в его голосе противоречила небрежности этих слов.

— Да? — Мое настроение сразу упало, как всегда в подобных случаях. — И как он себя ведет?

— Боюсь, что никак. Ничего не ест... лежит... словно мертвый. А иногда его рвет.

Ничего другого я и не ждал, но все равно чуть было не пнул ножку стола.

— Хорошо. Сейчас приеду.

Джинго уже не повилял мне хвостом. Он скорчился перед огнем, вяло глядя на рдеющие угли. Желтизна в его глазах стала темно-оранжевой, а температура поднялась еще выше. Я повторил инъекцию вакцины, но он словно не заметил укола. На прощание я погладил гладкую белую спину. Шкипер, по обыкновению, теребил приятеля, но Джинго не замечал и этого, замкнувшись в своих страданиях.

Я посещал его ежедневно и на четвертый день, войдя, увидел, что он лежит на боку почти в коматозном состоянии. Конъюнктивы, склера и слизистая ротовой полости были грязно-шоколадного цвета.

— Он очень мучается? — спросил Джек Сэндерс.

Я ответил не сразу.

— По-моему, боли он не испытывает. Неприятные ощущения, тошноту — бесспорно, но это все.

— Ну я предпочел бы продолжать лечение, — сказал он. — Я не хочу его усыплять, даже если вы и считаете положение безнадежным. А вы ведь именно так считаете?

Я неопределенно пожал плечами. Мое внимание отвлек Шкипер, который, по-видимому, был совсем сбит с толку. Он оставил свою прежнюю тактику и больше не теребил приятеля, а только недоуменно его обнюхивал. Всего лишь раз он очень нежно подергал бесчувственное ухо.

С ощущением полной беспомощности я проделал обычные процедуры и уехал, подозревая, что живым больше Джинго не увижу.

Но хотя я этого ждал, утренний звонок Джека Сэндерса омрачил мне предстоящий день.

— Джинго умер ночью, мистер Хэрриот. Я подумал, что надо вас предупредить. Вы же собирались заехать утром... — Он пытался говорить спокойно и деловито.

— Искренне вам сочувствую, Джек. Но я, собственно, и предполагал...

— Да, я знаю. И спасибо вам за все, что вы делали.

Когда люди в такие минуты выражают тебе признательность, на душе становится еще хуже. А у Сэндерсов не было детей, и они горячо любили своих собак. Я знал, каково ему сейчас.

У меня не хватало духа повесить трубку.

— Во всяком случае, Джек, у вас есть Шкипер. — Прозвучало это неловко, но все-таки вторая собака могла послужить утешением, даже и такая старая, как Шкипер.

— Да, правда, — ответил он. — Просто не знаю, что мы делали бы без него.

Надо было браться за работу. Пациенты не всегда выздоравливают, и смерть порой воспринимается как облегчение: ведь все уже позади. Разумеется, только в тех случаях, когда я твердо знаю, что она неизбежна, — как было и с Джинго.

Но на этом дело не кончилось. На той же неделе Джек Сэндерс снова позвонил мне.

— Шкипер... — сказал он. — По-моему, у него то же, что было у Джинго.

Холодная рука стиснула мне горло.

— Но... но... этого не может быть! Я сделал ему профилактическую инъекцию.

— Ну, не берусь судить. Только он еле передвигает ноги, ничего не ест и слабеет час от часу.

Я кинулся вон из дома и прыгнул в машину. Всю дорогу до окраины, где жили Сэндерсы, сердце у меня бешено колотилось, а в голове теснились панические мысли. Как он мог заразиться? Лечебные свойства вакцины не внушали мне особого доверия, но я считал ее надежным средством предотвращения болезни. И ведь для верности я сделал ему две инъекции! Конечно, страшно, если Сэндерсы потеряют и вторую собаку, но куда хуже, если это случится по моей вине.

Когда я вошел, маленький корги уныло побрел мне навстречу. Я подхватил его на руки, поставил на стол и сразу же завернул ему веко. Но никаких следов желтухи ни в склере, ни в слизистой рта не оказалось. Температура была совершенно нормальной, и я облегченно вздохнул.

— Во всяком случае, это не лептоспироз, — сказал я.

Миссис Сэндерс судорожно сжала руки.

— Слава богу! А мы уже не сомневались, что и он... У него такой плохой вид.

Я тщательно обследовал Шкипера, убрал стетоскоп в карман и сказал:

— Ничего сколько-нибудь серьезного я не нахожу. Небольшой шумок в сердце, но об этом я вам уже говорил. В конце-то концов, он стар.

— А не тоскует ли он по Джингу, как вам кажется? — спросил Джек Сэндерс.

— Вполне возможно. Они же были неразлучными друзьями. И естественно, он тоскует.

— Но это пройдет, правда?

— Конечно. Я дам для него таблетки очень мягкого успокоительного действия. Они должны помочь.

Несколько дней спустя мы с Джеком Сэндерсом случайно встретились на рыночной площади.

— Ну, как Шкипер? — спросил я.

Он тяжело вздохнул:

— Все так же, если не хуже. Главное — он ничего не ест и совсем исхудал.

Я не представлял себе, что еще могу сделать, но на следующее утро по дороге на вызов заглянул к Сэндерсам.

При виде Шкипера у меня сжалось сердце. Несмотря на свой возраст, он всегда был удивительно бойким и подвижным, а в их дружбе с Джингом, несомненно, играл первую скрипку. Но теперь от былой веселой энергии не осталось и следа. Он безучастно взглянул на меня тусклыми глазами,

заковылял к своей корзинке и свернулся там, словно стараясь укрыться от всего мира.

Я снова его осмотрел. Шум в сердце стал, пожалуй, заметнее, но все остальное было как будто в порядке, только выглядел он дряхлым и обессиленным.

— Знаете, я уже не так уверен, что он тоскует, — сказал я. — Возможно, все дело в старости. Ведь весной ему будет двенадцать, не так ли?

— Да, — миссис Сэндерс кивнула. — Так вы считаете... это конец?

— Не исключено.

Я понимал, о чем она думает: какие-нибудь две недели назад тут играли и возились две здоровые, веселые собаки, а теперь скоро не останется ни одной.

— Неужели ему ничем нельзя помочь?

— Ну, можно провести курс дигиталиса, чтобы поддержать сердце. И пожалуйста, принесите мне его мочу на анализ. Надо проверить работу почек.

Я сделал анализ мочи. Немного белка — но не больше, чем можно было ожидать у собаки его возраста. Значит, дело не в почках.

Дни шли. Я пробовал все новые и новые средства: витамины, железо, фосфорорганические соединения, но корги продолжал угасать. Меня позвали к нему снова примерно через месяц после смерти Джинго.

Шкипер лежал у себя в корзинке и, когда я его окликнул, медленно приподнял голову. Морда у него исхудала, мутные глаза глядели мимо меня.

— Ну-ка, ну-ка, милый! — позвал я. — Покажи, как ты умеешь вылезать из корзинки.

Джек Сэндерс покачал головой:

— Бесполезно, мистер Хэрриот. Он больше не покидает корзины, а когда мы его вынимаем, от слабости шагу ступить не может. И еще одно... ночью он пачкает здесь. Прежде этого с ним никогда не случалось.

Его слова прозвучали, как похоронный звон. Все признаки глубокой собачьей дряхлости. Я постарался говорить как можно мягче:

— Мне очень грустно, Джек, но, очевидно, старичок подошел к концу дороги. По-моему, тоска никак не может быть причиной всего этого.

Он не отвечая, посмотрел на жену, потом на бедного Шкипера.

— Да, конечно... мы и сами об этом думали. Но все время надеялись, что он начнет есть. Так что... вы посоветуете...

Произнести роковые слова я не смог.

— Мне кажется, мы не должны допускать, чтобы он страдал. От него остались только кожа да кости, и вряд ли жизнь доставляет ему хоть какую-то радость.

— Да, пожалуй, я согласен с вами. Он лежит вот так весь день напролет, ничем не интересуясь... — Он умолк и снова посмотрел на жену. — Вот что, мистер Хэрриот. Позвольте нам подумать до утра. Но во всяком случае, вы считаете, что надежды нет никакой?

— Да, Джек. Старые собаки нередко впадают перед концом в такое состояние. Шкипер просто сломался... Боюсь, это необратимо.

Он печально вздохнул.

— Ну, если я не позвоню вам завтра до восьми утра, то, может быть, вы заедете усыпить его?

Я не думал, что он позвонит. И он не позвонил. Случилось все это в первые месяцы нашего брака, и Хелен служила тогда секретаршей у владельца местной мельницы. Утром мы часто вместе спускались по длинным маршам лестницы, и я провожал ее до дверей, а потом собирал все, что требовалось мне для объезда.

На этот раз она, как всегда, поцеловала меня у двери, но, вместо того чтобы выйти на улицу, внимательно на меня посмотрела:

— Ты весь завтрак молчал, Джим. Что случилось?

— Да ничего, собственно. Обычное дело, — ответил я. Однако она все так же внимательно смотрела на меня, и мне пришлось рассказать ей про Шкипера.

Хелен погладила меня по плечу.

— Это очень грустно, Джим. Но нельзя так расстраиваться из-за неизбежного. Ты совсем себя замучишь.

— А-а, знаю я все это! Но что поделать, если я слюняй? Иногда я думаю, что напрасно пошел в ветеринары.

— И ошибаешься! — сказала она. — Никем иным я тебя даже вообразить не могу. Ты делаешь то, что должен делать, и делаешь это хорошо! — Она еще раз меня поцеловала, открыла дверь и сбежала с крыльца.

К Сэндерсам я приехал незадолго до полудня. Открыв багажник, я вынул шприц и флакон с концентрированным раствором снотворного. Во всяком случае, смерть старичка будет тихой и безболезненной.

Первое, что я увидел, войдя в кухню, был толстый белый щенок, который вперевалку прогуливался по полу.

— Откуда?.. — удивленно начал я.

Миссис Сэндерс с усилием мне улыбнулась:

— Мы с Джеком вчера поговорили. И поняли, что не можем совсем остаться без собаки. А потому поехали к миссис Палмер, у которой купили Джинго. Оказалось, что она как раз продает щенков нового помета. Просто судьба. Мы его тоже назвали Джинго.

— Чудесная мысль! — Я поднял щенка, он извернулся в моих пальцах, сыто твякнул и попытался лизнуть мне щеку. Во всяком случае, это облегчало мою тягостную задачу.

— По-моему, вы поступили очень разумно.

Незаметно вытащив флакон из кармана, я направился к корзинке в дальнем углу. Шкипер все так же лежал, свернувшись в неподвижный клубок, и у меня мелькнула спасительная мысль, что я всего лишь немного ускорю уже почти завершившийся процесс.

Проколов резиновую пробку иглой, я хотел было наполнить шприц, но тут заметил, что Шкипер поднял голову. Положив морду на край корзины, он, казалось, разглядывал щенка. Его глаза медленно двигались за малышом, который проковылял к блюдцу с молоком и принялся деловито лакать. И в этих глазах появилась давно исчезнувшая искорка.

Я замер, а корги после двух неудачных попыток кое-как поднялся на ноги. Из корзинки он не столько вылез, сколько вывалился и, пошатываясь, побрел через кухню. Добравшись до щенка, он остановился, несколько раз покачнулся — жалкая тень бывшего бодрого песика — и (я не поверил своим глазам!) забрал в пасть белое ушко.

Стоицизм мало свойствен щенкам, и Джинго Второй пронзительно взвизгнул. Но Шкипер ничтоже сумняшеся с блаженной сосредоточенностью продолжал свое занятие.

Я сунул шприц и флакон назад в карман.

— Дайте ему поесть, — сказал я негромко.

Миссис Сэндерс кинулась в кладовую и вернулась с кусочками мяса на блюде. Шкипер еще несколько секунд продолжал теревить ухо, потом не спеша обнюхал щенка и только тогда повернулся к блюдцу. У него почти не осталось сил глотать, но он взял мясо, и челюсти его медленно задвигались.

— Господи! — не выдержал Джек Сэндерс. — Он начал есть!

Миссис Сэндерс схватила меня за локоть:

— Что это значит, мистер Хэрриот? Мы же купили щенка только потому, что не мыслим дома без собаки.

— Скорее всего это значит, что их у вас опять будет две! — Я направился к двери, улыбаясь через плечо супругам, которые, словно замороженные, следили за тем, как корги справился с первым кусочком и

взял второй.

Примерно восемь месяцев спустя Джек Сэндерс вошел в смотровую и поставил на стол Джинго Второго. Щенок неузнаваемо вырос и уже щеголял широкой грудью и мощными ногами своей породы. Добродушная морда и дружески виляющий хвост живо напомнили мне первого Джинго.

— У него между пальцами что-то вроде экземы, — сказал Джек Сэндерс и поднял на стол Шкипера.

Я сразу забыл о моем пациенте: корги, упитанный, ясноглазый, принялся со всей былой бодростью и энергией грызть задние ноги буль-терьера.

— Нет, вы только посмотрите! — пробормотал я. — Словно время обратилось вспять.

Джек Сэндерс засмеялся:

— Вы правы. Они неразлучные друзья. Прямо как прежде...

— Пойди-ка сюда, Шкипер. — Я схватил корги и внимательно его осмотрел, хотя он и выкручивался из моих рук, торопясь вернуться к приятелю. — А знаете, я совершенно убежден, что ему еще жить да жить.

— Правда? — В глазах Джека Сэндерса заплясали лукавые огоньки. — А помнится, вы уже довольно давно сказали, что он утратил вкус к жизни и это необратимо...

Я перебил его:

— Не спорю, не спорю. Но иногда так приятно ошибиться!

У Бертуйслов был лишь один семейный недостаток — они все говорили разом. Мистер Бертуйсл толковал только о своей скотине, его половина обсуждала домашние дела, а их сын Лен, восемнадцатилетний гигант, не признавал иных тем для разговора, кроме футбола.

Я осматривал Нелли, большую белую корову, которая всегда стояла в сером каменном коровнике как раз напротив двери. Она уже неделю хромала, и мне очень не понравился ее вид.

— Лен, поднимите-ка ей заднюю ногу! — распорядился я. Как было приятно, что дюжий молодец берет на себя эту работу и можно обойтись без долгой возни с веревкой, перекинутой через балку.

Взглянув на зажатое в могучих ладонях раздвоенное копыто, я понял, что мои дурные предчувствия полностью оправдались. Межкопытная щель, правда, была чистой, но сустав второй фаланги заметно опух.

Я повернул голову:

— Видите, мистер Бертуйсл? Инфекция распространяется все ниже.

— Ага... ага... — Фермер прижал палец к опухоли, и Нелли вздрогнула. — Верно. Так и лезет с этой стороны. Я-то думал, что это просто копытная гниль, и мазал...

— Эх, черт! — перебил Лен. — Ребята в субботу здорово вынесли команду Хеллерби. Джонни Надд забил еще два гола, и...

— ...между копытцами жгучей мазью. — Мистер Бертуйсл, как всегда, словно не слышал сына. — Каждый вечер и каждое утро. И я вам скажу, как это лучше всего делать. Возьмите куриное перышко и...

— ...не удивлюсь, если он в воскресенье еще парочку забьет... — продолжал свое Лен. — Уж когда он получит мяч...

— ...окуните его в мазь да засуньте между копытцами поглубже. Действует прямо...

— ...под правую ногу, так вклеит в самую девятку...

— Погодите минутку, — перебил я их. — Поймите, у нее не копытная гниль. У нее гнойный артрит в этом суставе, вот тут, у самого венчика. Проще говоря, в суставной полости у нее полно гноя, а это очень скверная штука.

Мистер Бертуйсл неторопливо кивнул:

— Вроде нарыва, значит? Ну так надо бы его вскрыть. Если выпустить гной, так сразу...

— ...точно пушечное ядро, — продолжал Лен. — Я вам вот что скажу: Джонни наверняка пригласят на пробу в «Дарлингтон», и уж тогда...

Конечно, вежливость требует смотреть на вашего собеседника, но это превращается в трудную задачу, когда собеседников двое и они говорят одновременно, причем один согнулся в три погибели, а второй стоит у вас за спиной.

— Спасибо, Лен, — сказал я. — Можете отпустить ногу. — Я выпрямился и устремил взгляд между ними. — Беда в том, что при этой болезни дать отток гною еще мало. Очень часто оказывается, что гладкие поверхности сустава разъедены и любое движение причиняет острую боль.

Нелли, безусловно, согласилась бы со мной. Поражено было внешнее копытце, и она стояла, изгибая ногу в попытке перенести вес на здоровый внутренний палец.

Фермер задал неизбежный вопрос:

— Ну, так что же мы будем делать?

Я испытывал неприятную уверенность в том, что особого толку не будет, что бы мы ни делали, но сказать этого, естественно, не мог.

— Будем давать ей сульфаниламидные порошки, а кроме того, я хочу, чтобы вы трижды в день ставили ей на эту ногу припарки.

— Припарки? — Фермер даже просиял. — А я их уже ставил. Я...

— Если Джонни Надд подпишет контракт с «Дарлингтоном», так, моему...

— Погодите, Лен, — сказал я. — Какие припарки вы ставили, мистер Бертуисл?

— Коровьи лепешки, — провозгласил фермер. — Хорошая коровья лепешка живо всю дрянь вытянет. Я только ими и пользуюсь, когда...

— ...придется мне ездить в Дарлингтон вместо того, чтобы смотреть наших «Кестрелс», — перебил Лен. — Надо же будет поглядеть, как у Джонни пойдет дело с профессионалами. Что ни говори...

Я криво улыбнулся. Футбол мне самому нравится, а Лен был просто трогателен в своей приверженности деревенской команде, играющей перед двумя десятками зрителей. «Кестрелс» были ему дороже и интересней всех команд высшей лиги вместе взятых.

— Да-да, Лен, я вас понимаю! — И тут же повернулся к его отцу: — Но я имел в виду припарки совсем другого рода, мистер Бертуисл.

Лицо фермера вытянулось, уголки губ печально поползли вниз:

— Ну, средства лучше коровьих лепешек мне не встречались, а я за скотиной всю жизнь хожу.

Я стиснул зубы. В тридцатых годах эта деревенская панацея высоко

ценилась местными фермерами и, черт бы ее побрал, нередко действительно приносила пользу. Навоз, щедро налепленный на воспаленный участок, действовал не хуже любого согревающего компресса и успешно снимал раздражение. В те дни мне приходилось скрепя сердце смиряться со многими целебными средствами, но коровьих лепешек я еще не прописывал и не собирался прибегать к ним теперь.

— Возможно, — сказал я категоричным тоном, — но я имел в виду каолин. Возьмите его в нашей аптеке. Достаточно подержать жестянку в горячей воде и наложить припарку на больную ногу. Она будет греть несколько часов.

Мистеру Бертуислу мой совет явно пришелся не по вкусу, и я предложил другое средство:

— Или можете использовать отруби. Вон их целый мешок.

Он несколько повеселел.

— Ну что же, это дело.

— Значит, так: трижды в день прикладывайте горячие отруби, давайте порошки, а дня через два-три я заеду ее поглядеть еще раз.

Я не сомневался, что мистер Бертуисл выполнит мои инструкции, потому что он относился к своим животным с большой заботливостью, но мне уже доводилось сталкиваться с гнойными артритам, и на сердце у меня было неспокойно. Ничто так быстро не выводит хорошую корову из строя, как боли в ноге. Сколько раз на моих глазах страдания, причиняемые гнойным артритом, за несколько недель превращали крупное упитанное животное в скелет! Мне оставалось только надеяться, что этот случай окажется исключением.

— Ладно, мистер Хэрриот, — сказал фермер. — А теперь идемте в дом. У хозяйки готов для вас чаек.

Я редко отказываюсь от таких приглашений, но, войдя в кухню, сразу понял, что чаепитие обещает быть не из легких.

— А знаете, мистер Хэрриот, — с сияющей улыбкой начала фермерша, ставя передо мной дымящуюся кружку, — вчера на рыночной площади мы с миссис Хэрриот остановились поговорить, и она мне сказала, что...

— Так вы думаете, ваши порошочки ее подлечат? — Супруг миссис Бертуисл вопросительно заглянул мне в глаза. — Дай-то бог! Уж очень Нелли много молока дает. После первого отела мы надоили от нее никак не меньше...

— В халтонском кубке «Кестрелс» встречаются с «Дибхемом», — вставил Лен. — Вот это будет игра! В тот раз...

Миссис Бертуисл продолжала, не переводя дыхания:

— ...вы устроились на верхнем этаже Скелдейл-Хауса. Вид оттуда, конечно, красивый и...

— ...после первого отела по пять галлонов и не сбавляла до...

— ...они чуть не разнесли нас, но, черт подери, мы им...

— ...весь Дарроуби виден. Но толстухе вроде меня трудновато было бы. Вот я вашей хозяйке и говорю: чтобы там жить, надо молоденькой быть и тоненькой. По такой-то лестнице...

Я припал к кружке, чтобы сосредоточить на ней внимание и взгляд, пока вокруг меня лились непрерывные потоки слов. Каждый раз я быстро уставал слушать излияния всех троих Бертуислов одновременно, а смотреть на каждого из них и принимать соответствующее выражение было и вовсе выше сил человеческих.

Но вот что поразительно: они никогда не сердились друг на друга, не восклицали раздраженно: «Дай уж мне сказать!» или «Не перебивай!», а то и просто: «Да замолчи ты, ради бога!» Они жили в нерушимом ладу — каждый говорил свое и не слушал остальных, к полному взаимному удовольствию.

На следующей неделе Нелли стало хуже. Мистер Бертуисл точно выполнял все мои предписания, но, когда он пригнал ее с пастбища, было видно, что она еле ковыляет.

Ногу ей опять поднял Лен, и я уныло осмотрел заметно увеличившуюся припухлость. Она охватывала венчик полукругом от пяточной части до межкопытной щели, и при самом легком прикосновении корова страдальчески дергала ногой.

Говорить я ничего не стал, так как знал, что предстоит Нелли, и знал, что мистеру Бертуислу, когда я наконец ему скажу, это очень не понравится.

Я приехал снова в конце той же недели и, взглянув на лицо фермера, сразу понял, что оправдались худшие мои опасения. Против обыкновения, он был один и молча провел меня в коровник.

Нелли стояла теперь на трех ногах, боясь хотя бы слегка задеть пораженным копытом булыжный пол. И — что было еще хуже — она страшно исхудала: за какие-то две недели превратилась из гладкого, упитанного животного в мешок костей.

— Похоже, ей конец приходит, — пробормотал мистер Бертуисл.

Поднять заднюю ногу коровы не так-то просто, но на этот раз помощь мне не потребовалась, потому что Нелли было уже все равно. Я осмотрел распухший палец, похожий теперь на огромный бесформенный и безобразный нарост. Из него по копыту сочился гной.

— Он вот тут лопнул, — фермер указал пальцем на рваную ранку. —

Только легче ей не стало.

— И не могло стать, — заметил я. — Помните, я вам говорил, что сустав поражен изнутри.

— Ну что ж, и не такое случается, — ответил он. — Позвоню Мэллоку, и дело с концом. Она уже почти совсем не доится, бедняга, а на вид и вовсе пугало пугалом.

То, что я сказал теперь, я всегда говорил, только когда хозяин животного сам наконец решался вызвать живодера. С самого начала помочь Нелли могло только хирургическое вмешательство, но предлагать операцию при первом осмотре было бы бесполезно. Идея ампутации пальца у коровы или быка приводила фермеров в ужас, и я знал, что убедить мистера Бертуисла даже теперь будет нелегко.

— Ее вовсе не нужно забивать, — сказал я. — Есть ведь еще один способ лечения.

— Еще один? Так мы же вроде уже все перепробовали!

Я нагнулся и снова приподнял больную ногу.

— Вот поглядите! — Я ухватил внутреннее копытце и подвигал им. — Тут все в порядке. Этот палец совершенно здоров и легко выдержит полный ее вес.

— Так-то так... Ну а эта гадость?

— Я ее уберу.

— То есть... отрежете, что ли?

— Да.

Он энергично замотал головой.

— Нет, на такое я не согласен. Она уже и так настрадалась. Надо послать за Джеффом Мэллоком, да и конец.

Ну вот опять! Фермеры особой чувствительностью не отличаются, но мысль об ампутации всегда их пугает.

— Послушайте, мистер Бертуисл! — настаивал я. — Поймите же: она сразу почувствует облегчение. Будет опираться на здоровую часть, а тут все заживет.

— Я уже сказал, что нет, мистер Хэрриот. И опять то же скажу. Вы сделали, что могли, и большое вам спасибо, только ногу ей отпиливать я не позволю, и все тут. — Он повернулся и вышел из коровника.

Я беспомощно смотрел ему вслед. В подобных случаях я терпеть не могу уговаривать фермеров по одной простой причине: если операция окажется неудачной, вся вина ляжет на меня. Но тут я был совершенно твердо убежден, что какой-то час работы полностью вернет здоровье этой прекрасной корове, и не мог смириться с ее напрасной гибелью.

Я бросился за мистером Бертуислом, который уже подходил к дому, чтобы позвонить Мэллоку. Совсем запыхавшись, я перехватил его в дверях.

— Мистер Бертуисл, выслушайте меня. Я ведь не собираюсь отпиливать ей ногу. Просто уберу одно копытце.

— Так это же половина ноги, разве нет? — Он уставился на свои сапоги. — Мне такое не по нутру.

— Да она же ничего не почувствует! — умоляюще сказал я. — Дам ей общий наркоз. И почти наверное все пройдет как нельзя лучше.

— Мистер Хэрриот, ну не по душе мне это. Даже подумать противно. А если и выздоровеет, то все равно калекой останется. Каково будет на нее смотреть!

— Да ничего подобного! Тут вырастет роговая шишка, и вы ничего даже не заметите; хотите на спор?

Он искоса посмотрел на меня, явно начиная сдаваться.

— Мистер Бертуисл! — атаковал я его. — И месяца не пройдет, как Нелли нагуляет жиру и будет опять давать по пять галлонов в день.

Разумеется, все это было достаточно глупо и ветеринару не к лицу бросаться такими обещаниями, но мной овладело какое-то безумие. Я просто не мог стерпеть, чтобы эту корову пустили на мясо для собак, когда мне почти наверное удалось бы ее вылечить. И еще одно: пусть по-детски, но я уже смаковал удовольствие, которое получу, разом облегчив мучения коровы и чудодейственно ее исцелив. Оперируя крупный рогатый скот, редко приходится рассчитывать на подобные эффекты, но удаление фаланги пальца представляет одно из приятных исключений.

По-видимому, моя настойчивость подействовала на фермера. Он пристально посмотрел на меня, пожал плечами и спросил:

— А когда вы думаете это сделать?

— Завтра.

— Ну ладно. А помощников вам много понадобится?

— Никого, кроме вас с Леном. Так завтра в десять.

На следующий день, чувствуя, как солнце припекает мне спину, я разложил свои инструменты на лужке возле дома. Такова была моя обычная операционная для крупных животных в те годы: зеленая травка, серые каменные службы на переднем плане, а дальше — мирные громады холмов, в безмятежном равнодушии поднимающихся к белым клочьям облаков.

На то, чтобы привести туда Нелли, потребовалось много времени, хотя коровник был совсем рядом, и, когда я увидел, как костлявое пугало, держа на весу больную ногу, с трудом ковыляет ко мне, мои вчерашние страстные

доводы показались мне нелепыми.

— Отлично, — сказал я. — Остановитесь вот тут. Очень удобное место.

Я уже поставил там поднос с пилой, хлороформом, бинтами, ватой и йодоформом. Захватил я и длинную веревку, с помощью которой мы валили скот на землю, но у меня было предчувствие, что для Нелли она не понадобится. И я не ошибся. Едва я надел намордник и налил хлороформа на губку, как большая белая корова словно даже с удовольствием опустилась на прохладную траву.

— В среду вечером «Кестрелс» себя показали! — Лен радостно ухмыльнулся. — Джонни Надд, правда, ни одного гола не забил, но зато Лен Боттомли...

— Может, зря мы все это затеяли, — бормотал мистер Бертуисл. — Она еле дошла сюда, так чем время понапрасну терять...

— ...такие два мяча сделал, что просто ахнешь! — Лицо Лена просияло при одном воспоминании. — Два таких игрока в одной команде...

— Приподнимите больную ногу, Лен, — скомандовал я, заглушив их обоих. — Положите на этот чурбак и крепко держите. А вы, мистер Бертуисл, придерживайте голову. В случае чего, добавим ей хлороформа, хотя вряд ли это понадобится.

Коровы хорошо переносят хлороформ, но мне не нравится долго держать их под наркозом, потому что может начаться срыгивание. Надо было торопиться.

Я быстро наложил повязку над копытом и туго ее затянул, чтобы она послужила жгутом, затем взял с подноса пилу. В руководствах полно сложных рекомендаций, как ампутировать фаланги пальцев: тут и дугообразные разрезы, и отгибание кожи для полного обнажения суставной капсулы, и прочее, и прочее. Но я сотни раз благополучно ампутировал копытца несколькими четкими движениями под копытной каймой.

Глубоко вздохнув, я скомандовал:

— Крепче держите, Лен! — и приступил к операции. На минуту наступила полная тишина, нарушаемая только скрежетом металла по кости, — и вот уже пораженная фаланга лежит на траве, а из капилляров вокруг гладкой поверхности культи течет кровь. Кривыми ножницами я быстро удалил суставную капсулу с остатками копытцевой кости и показал фермеру.

— Поглядите-ка! Почти полностью изъедена! — Я тыкал пальцем в омертвевшую ткань в суставе и около него. — Видите, сколько тут всякой дряни! Не удивительно, что она так мучилась. — Я быстро выскоблил

кость, засыпал поверхность йодоформом, аккуратно наложил толстый слой ваты и приготовился бинтовать.

Снимая обертку с бинта, я вдруг ощутил легкий укол совести: поглощенный операцией, я был довольно невежлив и оставил без внимания хвалы Лена по адресу его обожаемой команды. Но теперь можно его слегка и подразнить.

— А знаете. Лен, — начал я, — вот вы говорили насчет «Кестрелс» и даже не упомянули про тот матч, когда «Уиллертон» выиграл у них пять ноль. Как же так получилось?

Вместо ответа он вдруг изо всей мочи боднул меня в лоб. Силе удара мог бы позавидовать любой бык. Я опрокинулся навзничь на траву, в голове словно взорвался фейерверк, и все потемнело. Однако, теряя сознание, я еще успел удивиться.

Я сам люблю футбол, но у меня и в мыслях не было, что, отстаивая честь «Кестрелс», Лен способен прибегнуть к физическому насилию. Он всегда казался мне на редкость кротким и покладистым парнем.

Очнулся я, по-видимому, через секунду и мог бы еще долго пролежать на прохладной траве, но в висках отчаянно билась мысль, что операция не закончена. Я замигал и приподнялся на локте.

Нелли по-прежнему мирно спала на фоне зеленых холмов. Мистер Бертуисл, прижимая ладонями ее шею, с тревогой глядел на меня, а Лен лежал поперек коровьей туши в глубоком обмороке.

— Он вас сильно ушиб, мистер Хэрриот?

— Да нет... нет... совсем не сильно. Но что произошло?

— И как это я вас не предупредил? Он же крови видеть не может, дубина стоеросовая. — Фермер бросил негодующий взгляд на неподвижное тело сына. — Только я в первый раз вижу, чтобы его так быстро скрутило. Так прямо на вас и рухнул!

Я скатил Лена на траву и снова начал накладывать повязку. Опасаясь послеоперационного кровотечения, бинтовал я неторопливо и тщательно. Поверх бинта я в несколько слоев наvertел пластырь с цинковой мазью.

— Можете снять с нее намордник, мистер Бертуисл. Вот и все.

Я уже начал мыть в ведре инструменты, когда Лен пошевелился и сел на траве почти столь же внезапно, как и лишился чувств. Лицо у него было белым как мел, но он посмотрел на меня с обычной дружеской усмешкой.

— Вы вроде бы что-то говорили про «Кестрелс», мистер Хэрриот?

— Нет, Лен, — поспешно ответил я. — Вам послышалось.

Три дня спустя я приехал еще раз и снял повязку, заскорузлую от крови и гноя. Я снова присыпал культю йодоформом и наложил чистую

вату.

— Теперь она быстро пойдет на поправку, — сказал я.

И действительно, Нелли уже выглядела много бодрее и даже наступала на больную ногу — правда, бережно и осторожно, словно ей не верилось, что источник ее мучений исчез.

Когда она отошла, я мысленно постучал по дереву: такая операция может оказаться бесполезной, если процесс перекинется на другой палец. А уж тогда остается только вызвать живодера и кое-как подавить горькое разочарование.

Но на этот раз все обошлось. Когда я снял вторую повязку, нога уже совсем зажила, и прошло больше месяца, прежде чем я вновь увидел Нелли.

Я делал прививку одной из свиней мистера Бертуисла и спросил между прочим:

— Да, а как Нелли?

— Пойдемте, поглядите сами, — ответил фермер. — Она на лугу по ту сторону дороги.

Мы пошли туда, где белая корова деловито щипала траву среди своих товарок. По-видимому, с тех пор как я ее видел, она занималась этим с большим усердием и успела вернуть себе былую упитанность.

— Ну-ка пройдишь, красавица! — Фермер легонько ткнул ее большим пальцем. Нелли сделала несколько шагов и, облюбовав особенно сочный участок, вновь принялась за траву. Она даже не прихрамывала.

— Очень хорошо, — сказал я. — И удои большой?

— Да, опять дает по пять галлонов! — Он извлек из кармана сильно помятую жестянку с надписью «Табак», отвинтил крышку и вытащил старинные часы. — Десять часов, молодой человек. — Лен уже вернулся домой выпить чаю и перекусить. Можно предложить и вам чашечку?

Расправив плечи, я вошел следом за ним на кухню и тут же попал под обычный обстрел.

— В субботу такое было, со смеху помрешь, — Лен захохотал. — Судил Уолтер Гиммет и назначил в ворота «Кестрелс» два пеналей. Так ребята что сделали?..

— Уж как жалко старичка Брента! — Наклонив голову набок, миссис Бертуисл скорбно посмотрела на меня. — Мы его в субботу схоронили и...

— А знаете, мистер Хэрриот, — вмешался ее супруг, — когда вы сказали, что Нелли будет опять давать по пять галлонов, я думал, вы мне голову морочите. Прямо не поверил...

— ...окунули сукина сына в лошадиную колоду. Будет знать, как

назначать «Кестрелс» пенали...

— ...сегодня ему бы девяносто лет сравнялось, бедненькому. В деревне все его любили, и на панихиде было полно народу. Священник сказал...

— ...что такое бывает. Я-то просто прикинул, может, она немного в тело войдет, — чтобы можно было ее на мясо отправить. Вот уж спасибо...

В этот момент, судорожно стиснув чашку в пальцах, я случайно увидел свое отражение в надтреснутом зеркале над раковиной и ужаснулся. Мои глаза тупо смотрели куда-то в пространство, а лицо исказилось до неузнаваемости. Губы раздвинуты в идиотской улыбке (дань юмористической ситуации с Уолтером в конской колоде), в глазах печаль по случаю кончины мистера Брента и — готов поклясться — скромная гордость в связи с удачным исходом операции, которой подверглась Нелли. А поскольку я пытался одновременно смотреть в три разные стороны, то могу с полным правом утверждать, что я прилагал все усилия.

Но, как я уже говорил, мне все-таки было трудно разрываться на три части, а потому вскоре я под каким-то благовидным предлогом попрощался с моими гостеприимными хозяевами. Когда я выходил, мужчины еще расправлялись с горячими домашними булочками и яблочным пирогом, а разговор бушевал по-прежнему. Я закрыл за собой дверь, и меня охватило блаженное ощущение покоя. Наслаждаясь им, я сел в машину и выехал со двора на узкий проселок. Оно не оставило меня и когда ярдов через сто я остановил машину и опустил окно, чтобы еще раз взглянуть на свою пациентку.

Нелли наелась до отвала и, удобно улегшись, жевала жвачку. Для того, кто лечит скот, нет ничего успокоительнее этого медленного движения нижней челюсти из стороны в сторону. Оно знаменует здоровье и благополучие. Нелли поглядела на меня через каменную стенку. Кроткие глаза на белой морде удивительно гармонировали с разлитой вокруг мирной безмятежностью, а тишина казалась особенно сладкой после неумолчного гомона в кухне.

Нелли не умела говорить, но эти блаженно жующие челюсти сказали мне все, что я хотел знать.

Как-то в базарный день, когда мы с Зигфридом отправились побродить по рыночной площади, на глаза нам попалась собачонка, крутившаяся возле ларьков.

Если выпадал спокойный час, мы нередко отправлялись туда, болтали с фермерами, толпившимися у дверей «Гуртовщиков», иногда получали деньги по давним счетам или набирали вызовов на ближайшую неделю — в любом случае совершали приятную прогулку на свежем воздухе.

Собачонку мы заметили потому, что около кондитерского ларька она встала на задние лапы и принялась служить.

— Поглядите-ка на этого песика, — сказал Зигфрид. — Интересно, откуда он тут взялся.

В этот момент хозяин ларька бросил собачонке половинку печенья. Она быстро сгрызла угощение, но когда он вышел из-за прилавка и протянул руку, чтобы ее погладить, увернулась и убежала.

Правда, недалеко. Остановившись перед ларьком с яйцами, сыром, домашними лепешками и булочками, она снова села столбиком и заболтала передними лапами, выжидательно задрав голову.

Я подтолкнул Зигфрида.

— Глядите-ка! Она опять за свое!

Мой патрон кивнул.

— Забавная псина, правда? Какой она, по-вашему, породы?

— Помесь. Эдакая миниатюрная каштановая овчарка с оттенком еще кого-то. Возможно, терьера.

Вскоре песик уже впился зубами в булочку. Мы подошли к нему. Шагах в двух от него я присел на корточки и сказал ласково:

— Ну-ка, малыш, дай на тебя посмотреть.

Он повернул удивительно симпатичную мордочку и секунду-другую смотрел на меня карими дружелюбными глазами. Мохнатый хвост завилял, но, стоило мне сделать движение вперед, как песик вскочил, затрусил прочь и скрылся среди рыночной толпы. Я сделал равнодушный вид, потому что отношение Зигфрида к мелким животным оставалось для меня загадкой. Его любовью были лошади, и частенько он словно посмеивался над тем, как я хлопочу вокруг собак и кошек.

В то время, собственно говоря, Зигфрид был принципиальным противником содержания животных в домашних условиях просто как

друзей. Он произносил целые речи, утверждая, что это полнейшая глупость (хотя в его машине с ним повсюду разъезжали пять разношерстных собак). Ныне, тридцать пять лет спустя, он с такой же убежденностью отстаивает идею домашних любимцев, хотя в машине с ним ездит теперь только одна собака. Но в те дни предугадать, как он отнесется к бродячей собачонке, было трудно, а потому я не пошел за ней.

Вскоре меня окликнул молодой полицейский.

— Я все утро смотрел, как этот песик снует между ларьками, — сказал он. — Но меня он тоже к себе не подпустил.

— Вообще-то это странно. Пес, по-видимому, ласковый, но явно пуглив. Интересно, чей он.

— По-моему, бездомный. Я собак люблю, мистер Хэрриот, и всех здешних знаю наперечет. А его в первый раз вижу.

Я кивнул.

— Конечно, вы правы. И как знать, откуда он тут взялся? Возможно, с ним дурно обращались, и он убежал, или его оставил тут какой-нибудь автомобилист.

— Верно, — сказал он. — Удивительные бывают люди! Просто в толк не возьму, как это можно бросить беспомощное животное на произвол судьбы. Я раза два пробовал его поймать, но ничего не вышло.

Весь день эта встреча не выходила у меня из головы и даже ночью в постели меня преследовал образ симпатичного каштанового песика, который скитается в чужом ему мире и трогательно служит, прося помощи единственным известным ему способом.

И то время я был еще холост, и вечером в пятницу на той же неделе мы с Зигфридом облачались в парадные костюмы, чтобы отправиться на охотничий бал в Ист-Хэрдсли, милях в десяти от Дарроуби.

Процедура была не из легких, ибо тогда еще не миновали дни крахмальных манишек и воротничков, и из спальни Зигфрида до меня то и дело доносились взрывы цветистых выражений по адресу упрямых запонок.

Мое положение было даже хуже, потому что я вырос из своего костюма, и, когда мне наконец удалось справиться с воротничком, предстояло еще втиснуться в смокинг, который беспощадно резал под мышками. Я только-только завершил парадный туалет и попытался осторожно вздохнуть, как затрещал телефон.

Звонил молодой полицейский, с которым я разговаривал на рыночной площади.

— Мастер Хэрриот, этот пес сейчас у нас. Ну тот, который

выпрашивал подачки, помните?

— Ах так? Значит, кому-то удалось его поймать?

Он ответил не сразу.

— Да не совсем. Патрульный нашел его на обочине в миле от города и привез сюда. Попал под машину.

Я сказал об этом Зигфриду. Он посмотрел на часы.

— Вот всегда так, верно, Джеймс? Именно в тот момент, когда мы соберемся куда-нибудь. — Он задумался. — Загляните туда и проверьте, что с ним, а я вас подожду. На бал нам лучше приехать вдвоем.

По дороге до полицейского участка я от всего сердца надеялся, что работа окажется несложной. Этот охотничий бал значил для моего патрона так много: там соберутся все окрестные любители лошадей, и, хотя он почти не танцевал, ему достаточно будет разговоров за рюмкой с родственными душами. Кроме того, он утверждал, что светское общение с владельцами пациентов полезно для практики.

Конуры находились в глубине заднего двора. Мой знакомый полицейский проводил меня туда и отпер одну из дверей. Каштановый песик неподвижно лежал под единственной электрической лампочкой, но, когда я нагнулся и погладил густую шерсть, его хвост задвигался по соломенной подстилке.

— Во всяком случае, у него хватило сил поздороваться, — сказал я.

Полицейский кивнул:

— Да, очень ласковый.

Сперва я просто оглядел его, чтобы не причинять ему напрасной боли, пока не выясню, насколько он покалечен. Впрочем, и такого осмотра было для начала достаточно: многочисленные кровоточащие ссадины и царапины, задняя нога неестественно вывернута, как бывает только при переломе, губы в крови.

Кровь могла сочиться из разбитых зубов, и я осторожно приподнял мордочку, чтобы осмотреть их. Он лежал на правом боку, и когда я повернул его голову, меня словно кто-то хлестнул по лицу.

Правый глаз выскочил из орбиты и торчал над скулой, словно безобразный нарост — большой, влажно поблескивающий шар. Белая выпуклость склеры заслоняла ресницы.

Мне показалось, что я просидел на корточках очень долго — настолько ошеломило меня это страшное зрелище. Секунда шла за секундой, а я смотрел на песика, и он смотрел на меня — доверчиво ласковым карим глазом слева, бессмысленно и злобно жутким глазом справа...

Очнуться меня заставил голос полицейского:

— До чего же его изуродовало!

— Да... да... Конечно, на него наехала машина и, судя по всем этим ранам, некоторое время волокла по асфальту.

— Ну так что же, мистер Хэрриот?

Смысл его вопроса был понятен. Разумнее всего было бы положить конец страданиям этого бесприютного, никому не нужного существа. Страшно искалеченная ничья собака. Быстрая инъекция большой дозы снотворного — и все его беды кончатся, а я смогу поехать на бал.

Однако вслух полицейский ничего подобного не сказал: возможно, как и я, он перехватил доверчивый взгляд уцелевшего кроткого глаза.

Я быстро выпрямился:

— Можно мне воспользоваться вашим телефоном?

В трубке раздался нетерпеливый голос Зигфрида:

— Джеймс, какого черта? Уже половина десятого! Либо ехать сейчас же, либо вообще можно не ехать! Бродячая собака с тяжелыми повреждениями. В чем, собственно, проблема?

— Да, конечно, Зигфрид. И я очень сожалею, что задерживаю вас. Но я не могу прийти ни к какому выводу. Вот если бы вы приехали и сказали свое мнение.

Молчание. Потом долгий вздох.

— Ну хорошо, Джеймс. Через пять минут я буду там.

Его появление в участке произвело небольшой фурор. Даже в рабочей одежде Зигфрид умудрялся выглядеть аристократом, а уж чисто выбритый, после ванны, в верблюжьем пиджаке, ослепительно белой рубашке и черном галстуке, он и вовсе мог сойти за герцога. Все, кто был в участке, почтительно уставились на него.

— Вот сюда, сэр! — сказал мой молодой полицейский и повел его на задний двор.

Зигфрид молча осматривал песика, не дотрагиваясь до него, как и я. Затем он бережно приподнял мордочку и увидел чудовищный глаз.

— Боже мой! — почти прошептал он, но при звуке его голоса пушистый хвост заерзал по полу.

Несколько секунд Зигфрид напряженно всматривался в изуродованную мордочку, а хвост все шуршал и шуршал соломой.

Наконец мой патрон выпрямился и пробормотал:

— Заберем его к себе.

В операционной мы дали песику наркоз и, когда он уснул, смогли наконец осмотреть его как следует. Затем Зигфрид сунул стетоскоп в карман своего халата и оперся ладонями о стол.

— Выпадение глаза, перелом бедра, многочисленные глубокие порезы, сломанные когти. Работы здесь хватит до полуночи, Джеймс.

Я промолчал.

Зигфрид развязал черный галстук, отстегнул запонку, сдернул крахмальный воротничок и повесил его на кронштейн хирургической лампы.

— Фу-у-у! Так-то лучше, — пробормотал он и начал раскладывать шовный материал.

Я поглядел на него через стол.

— Но, охотничий бал?

— А ну его в болото! — ответил Зигфрид. — Давайте работать.

Работали мы долго. Я повесил свой воротничок рядом с зигфридовским, и мы занялись глазом. Я знаю, нами обоими владело одно чувство: сначала разделаться с этим ужасом, а уж потом перейти к остальному.

Я смазал глазное яблоко, оттянул веки, и Зигфрид аккуратно ввел его назад в глазницу. Когда страшный шар исчез и на виду осталась только радужная оболочка, я испустил вздох облегчения.

Зигфрид удовлетворенно усмехнулся.

— Ну вот, опять глаз как глаз, — сказал он, схватил офтальмоскоп и заглянул в зрачок. — И обошлось без серьезных повреждений, так что есть шанс, что все будет в порядке. Но мы все-таки на несколько дней зашьем веки — во избежание всяких случайностей.

Сломанные концы большой берцовой кости разошлись, и нам пришлось долго повозиться, прежде чем мы сумели совместить их и наложить гипс. Теперь предстояло зашить бесчисленные раны и порезы.

Эту работу мы поделили, и теперь тишину в операционной нарушало только позвякивание ножниц, когда кто-нибудь из нас обстригал каштановую шерсть вокруг очередного повреждения. Я, как и Зигфрид, знал, что работаем мы наверняка бесплатно, но тягостной была совсем другая мысль: а вдруг после таких усилий нам все-таки придется его усыпить? Он по-прежнему находился в ведении полиции, и, если в течение десяти дней его никто не востребует, он будет подлежать уничтожению как бродячее животное. Но если его бывшим хозяевам он небезразличен, то почему они уже не наводили справки, в полиции?..

Когда мы все закончили и вымыли инструменты, время перевалило далеко за полночь. Зигфрид бросил последнюю иглу на поднос и поглядел на спящего песика.

— По-моему, снотворное перестает действовать. Давайте-ка уложим

его у огня и выпьем, пока он будет просыпаться.

Мы унесли песика на одеяле в гостиную, а там уложили на коврик перед камином, в котором ярко пылал уголь. Мой патрон протянул длинную руку к стеклянному шкафчику над каминной полкой, достал бутылку и две рюмки. Без воротничков и пиджаков — лишь одни крахмальные манишки и брюки от вечернего костюма напоминали о бале, на котором нам так и не довелось побывать, — мы удобно расположились в креслах по сторонам камина, а между нами мирно посапывал наш пациент.

Теперь он выглядел куда приятнее. Правда, веки одного глаза стягивал защитный шов, а задняя нога в гипсе торчала неестественно прямо, но вид у него был чистенький, прямо-таки ухоженный. Казалось, его ждет заботливый хозяин... Но только казалось.

Шел второй час ночи и содержимое бутылки заметно поубавилось, когда каштановая голова приподнялась.

Зигфрид наклонился, потрогал ухо, и тут же хвост захлопал по коврику, а розовый язык нежно лизнул его пальцы.

— Симпатичная псина, — пробормотал Зигфрид, но тон его был странным. Я понял, что и его тревожит дальнейшая судьба бездомной собачки.

Два дня спустя я снял швы, стягивавшие веко, и, к большой своей радости, увидел совершенно здоровый глаз. Молодой полицейский был доволен не меньше меня.

— Нет, вы только посмотрите! — воскликнул он. — Словно ничего и не было.

— Да. Все зажило превосходно. Ни отека, ни воспаления. — Я нерешительно помолчал. — О нем так никто и не справлялся?

Он покачал головой.

— Пока нет. Но остается еще восемь дней, а ему у нас тут неплохо.

Я несколько раз заглядывал в участок, и песик встречал меня с неумным восторгом. Прежняя боязливость исчезла бесследно: опираясь на загипсованную заднюю ногу, он передними обхватывал мое колено и бешено вилял хвостом.

А меня все больше одолевали зловещие предчувствия, и на десятый день я лишь с трудом заставил себя пойти в участок. Ничего нового не произошло, и у меня не было иного выхода, кроме как... Усыпляя одряхлевших или безнадежно больных собак, утешаешься мыслью, что конец все равно близок и ты лишь избавляешь их от ненужных страданий. Но убить молодую здоровую собаку — мысль об этом внушала мне отвращение. Однако я был обязан исполнить свой долг.

В дверях меня встретил молодой полицейский.

— Опять ничего? — спросил я, и он покачал головой.

Я прошел мимо него в сарай, и песик, по обыкновению, обхватил мое колено, радостно глядя мне в глаза и приоткрыв пасть, словно от смеха.

Я поспешно отвернулся. Либо сейчас, либо у меня не хватит духа...

— Мистер Хэрриот! — Полицейский потрогал меня за локоть. — Я, пожалуй, возьму его себе.

— Вы? — Я уставился на него с изумлением.

— Ну да. Вообще-то у нас тут часто сидят бродячие собаки, и как их не жалко, но ведь всех себе не возьмешь!

— Конечно, — ответил я. — У меня тоже бывает такое чувство.

Он кивнул.

— Только этот почему-то словно особенный и попал к нам в самое подходящее время. У меня две дочки, и они меня просто замучили: подари им собачку, и все тут. А он вроде бы совсем такой, как требуется.

У меня вдруг стало удивительно тепло на душе.

— Совершенно с вами согласен. Он на редкость ласковый. Как раз то, что нужно для детей.

— Отлично. Так и решим. Я ведь только хотел спросить ваше мнение. — Он весело улыбнулся.

Я смотрел на него так, словно видел впервые.

— Простите, а как вас зовут? — спросил я.

— Фелпс. П. Ч. Фелпс.

Он показался мне настоящим красавцем — смешливые голубые глаза, свежее румяное лицо и ощущение надежности, пронизывавшее весь его облик. Я с трудом подавил желание горячо потрясти ему руку и дружески хлопнуть по спине. Но мне удалось сохранить профессиональное достоинство.

— Ну что же, лучше и не придумаешь. — Я нагнулся и погладил песика. — Не забудьте привести его к нам через десять дней, чтобы снять швы, а гипс уберем через месяц.

Швы снимал Зигфрид, а я увидел нашего пациента только четыре недели спустя.

П. Ч. Фелпс привел не только песика, но и двух своих дочек — одной было шесть лет, а другой четыре года.

— Вроде бы уже пора снимать гипс, верно? — сказал он.

Я кивнул. И он, поглядев на дочек, скомандовал:

— Ну-ка, девочки, поднимите его на стол.

Они старательно ухватили нового товарища своих игр и взгромоздили

его на стол, а он отчаянно вилял хвостом и ухмылялся во всю пасть.

— По-видимому, все вышло неплохо, — заметил я.

Фелпс улыбнулся.

— Слабо сказано. Их с ним водой не разольешь. Даже выразить не могу, сколько нам от него радости. Просто еще один член семьи.

Я достал маленькую пилу и начал кромсать гипс.

— Думаю, это взаимно. Собаки любят чувствовать себя под надежным кровом.

— Ну, надежнее ему не найти! — Фелпс погладил каштановую шерсть и, усмехнувшись, сказал песику: — Будешь знать, как кланчить у ларьков на рынке. Вот полицейский тебя и забрал!

Пожалуй, хуже всего были вызовы на рассвете зимой. Сколько раз, протирая слипающиеся глаза, входил я в коровники к телящейся корове, когда стрелки еще не добрались до шести, но на ферме мистера Блэкберна кое-что противоречило обычной рутине. И даже не кое-что, а очень многое.

Во-первых, обычно меня встречал встревоженный фермер и спешил сообщить, как идет теленок и когда начались схватки, но на этот раз я почувствовал себя незванным гостем. Во-вторых, я привык к коровникам с булыжным полом, где дрожащий свет керосинового фонаря падал на деревянные перегородки и на спины нескольких коров, но сейчас передо мной тянулся залитый ярким электрическим светом бетонный проход, а по сторонам его — два словно бесконечных ряда коровьих задов, разделенных перегородками из металлических труб. В-третьих, вместо обычной утренней тишины здесь гремели подойники, ритмично пульсировали доильные аппараты и вопили громкоговорители. Везде сустились люди в белоснежных халатах и колпаках, и никто не обращал на меня ни малейшего внимания.

Большая молочная ферма, какие тогда только-только появлялись в здешних краях. Вместо одинокой фигуры на трехном табурете, вжимающейся щекой в коровий бок и извлекающей журчащие струйки молока, тут кружил безликий хоровод.

Я стоял на пороге, а во дворе позади меня из черноты вверху сыпал какой-то особенно холодный снег. Чтобы приехать сюда, я покинул теплый уют супружеской постели, и мне казалось, что со мной могли хотя бы поздороваться. Тут я заметил, что мимо с подойником в руке рысцой пробегает хозяин.

— Э-эй, мистер Блэкберн! — крикнул я. — Вы мне звонили... У вас корова телится?

Он остановился и посмотрел на меня непонимающими глазами.

— А?... Ну да... Она вон там...

Он показал на светло-рыжую корову дальше по проходу. Узнать ее было легко — только она одна лежала на полу.

— Давно началось? — спросил я, переводя взгляд на мистера Блэкберна, но он уже убежал. Я кинулся за ним, нагнал его в молочной и повторил свой вопрос.

— Ей бы вчера надо было опростаться. Вроде что-то не так. — Он

начал сливать молоко из подойника через охладитель в большой бидон.

— Вы ее прощупывали?

— Да нет, времени не было. — Он затравленно посмотрел на меня. — Мы с утренней дойкой припоздали, а молочник ждать не станет.

Я прекрасно его понимал. Шоферы больших молочных компаний, забиравшие бидоны, были свирепым народом. Дома у себя они могли быть любящими мужьями и заботливыми отцами, но впадали в бешенство, если фермеры заставляли их ждать хотя бы минуту. Винить я их не могу: они объезжали множество разбросанных ферм, и мне не раз случалось видеть, в какое они приходили состояние, сталкиваясь с нерасторопностью, — на них страшно было смотреть.

— Ну хорошо, — сказал я. — Могу я попросить мыло, горячей воды и полотенце?

Мистер Блэкберн мотнул головой в сторону дальнего угла.

— Вы уж сами себя обслужите. Там все есть. А мне некогда. — И он удалился той же деловитой рысцой. Перед молочником он трепетал явно куда больше, чем передо мной.

Я налил ведро воды, нашел кусок мыла и перекинул через плечо полотенце. Вернувшись в коровник к своей пациентке, я тщетно искал взглядом дощечку с ее кличкой. В те дни такие дощечки красовались над стойлами почти во всех коровниках, но тут не было никаких Ромашек, Джеанни или Незабудок. Одни номера.

Перед тем как снять пиджак, я заглянул ей в ухо: вытатуированные цифры четко выделялись на кремово-белой поверхности. Она оказалась номером восемьдесят седьмым.

Я снял рубашку, и тут выяснилось, что в современных коровниках, вроде этого, из стен не торчат гвозди, на которые так удобно вешать одежду. Мне пришлось свернуть пиджак и рубашку и отнести их в молочную. Там я отыскал пустой мешок и при помощи шпагата приладил его к поясу, точно фартук.

По-прежнему никем не замечаемый, я вернулся, намылил руку по плечо и ввел ее в корову. Мои пальцы коснулись теленка, только когда я забрался очень глубоко. Это было странно: ведь ему следовало появиться на свет еще вчера. Нащупал я верхнюю часть головы — мордочка не была обращена вперед, как при нормальном положении плода, а повернута к груди, и ноги тоже загибались под туловище.

И я заметил еще кое-что: обследование не вызвало ответных потуг и корова даже не попыталась подняться с пола. С номером восемьдесят семь что-то было очень неладно.

Лежа во всю длину на цементе, я приподнял голову, скользнул взглядом по светло-рыжей спине с вкраплениями белых волосков, осмотрел шею и понял, что нашел причину. Это характерное искривление! Номер восемьдесят семь, опустив голову на грудь, вяло смотрела в стену перед собой, но своеобразный изгиб шеи все мне объяснил.

Я встал, вымыл и вытер руки, а затем отправился на поиски мистера Блэкберна. Нагнувшись к вымени жирной бурой коровы, он снимал стаканы с сосков.

— У нее родильный парез, — сказал я.

— А-а! — ответил он, схватил ведро, проскользнул мимо меня и направился к молочной.

Я пошел рядом с ним.

— Поэтому она не тужится. Матка у нее не сокращается. Она не отелится, если не ввести ей кальция.

— Вот и хорошо! — Он так и не посмотрел на меня. — Вы его введете?

— Конечно, — сказал я вслед его удаляющейся спине.

Снаружи во мраке все еще кружили вихри снега, и я подумал, не одеться ли мне. Чтобы тут же снова раздеваться? А, ладно! Пока я возился, отыскивая в багажнике бутылки с кальцием и диафрагменный насос, на мою голую спину садились и садились крупные хлопья.

Вернувшись в коровник, я поглядел вокруг в поисках помощника, но все по-прежнему лихорадочно занимались своим делом. Значит, придется одному опрокидывать корову на бок и вводить ей кальций в вену. Тут уж все зависит от того, насколько глубока ее кома.

По-видимому, очень глубока! Когда я уперся ногами в нижнюю трубу металлической перегородки и нажал обеими ладонями на плечо моей пациентки, она сразу завалилась на бок. Чтобы удержать ее в этом положении, я лег на нее, ввел иглу и начал накачивать кальций.

Беда была только в том, что мои ноги просунулись в станок справа прямо под стоящую в нем корову, которая оказалась довольно нервной и без всякого удовольствия отнеслась к тому, что между ее задними ногами вдруг появились резиновые сапоги. Свое неодобрение она выразила тем, что несколько раз наступила мне на лодыжки и ловко пнула меня в бедро, но я не осмеливался пошевелинуться, потому что кальций прекрасно шел в вену.

Когда бутылка, опустела, я, подпирая мою пациентку коленями, снова перевернул ее на грудь и ввел ей подкожно еще бутылку магнeзии кальция и фосфора. К тому времени, когда я кончил и промассировал желвак, номер

восемьдесят семь выглядела уже значительно лучше.

Я протер и убрал иглу и насос, а потом вновь намылил руки — все это не торопясь, потому что каждая лишняя минута приносила моей пациентке новые силы.

Стремительное действие кальция неизменно доставляло мне незатейливую радость: когда я вновь ввел руку, разница с предыдущим исследованием была поразительной. Матка, недавно еще такая вялая, сжала мою кисть, по телу коровы прошла волна мощных потуг, она повернула голову, поглядела на меня и издала негромкое мычание — не от боли, а словно говоря: «Ну, теперь я постараюсь!»

— Вот и хорошо, милуша, — ответил я. — Я побуду с тобой, пока все не кончится.

При других обстоятельствах меня смутила бы мысль, что кто-нибудь услышит, как я разговариваю с коровой, но здесь лязг ведер и вопли радио надежно заглушали нашу беседу.

Предстояло еще вернуть плод в правильное положение, а это требовало времени, но у меня было странное ощущение душевной близости с этой коровой, потому что и она, и я словно бы никого вокруг не интересовали. Лежа ничком на каменном полу, который с каждой секундой становился все жестче, я чувствовал себя удивительно одиноким и заброшенным, хотя дояры то и дело спотыкались о мое распростертое тело. Нам с номером восемьдесят седьмым приходилось рассчитывать только на себя.

И еще мне не хватало сознания собственной важности. Самые тяжелые усилия при долгом и сложном отеле искупаются мыслью, что ты участник маленькой, но захватывающей драмы: встревоженный фермер, усердствующие работники, опасность потерять теленка или корову — и ветеринар, бесспорно, в главной роли. Пусть даже в роли злодея, но тем не менее главной. А тут я чуть ли не статист, обозначенный в списке действующих лиц под рубрикой «и другие». Таков, значит, облик грядущего.

И тем не менее... и тем не менее... корова-то телится, Я приподнял нижнюю челюсть теленка и при следующей потуге вывел мордочку за край тазового отверстия. Потом нащупал ножки и, когда новое усилие коровы придвинуло малыша ко мне, выпрямил их. Теперь путь ему был облегчен.

Я не стал ускорять события, а просто лежал, предоставляя корове заниматься своим делом. Но тут к ее норовистой соседке справа подошел дояр и уже собрался надеть ей на соски стаканы доильного аппарата, как она повернулась к нему боком, задрала хвост и обдала мою спину потоком

жидкого навоза.

Дояр повернул ее обратно, надел стаканы, схватил шланг для мытья коровника, и секунду спустя мне в плечи ударила ледяная струя, прошла по торсу до брюк, а затем мой благодетель вытер мне спину запасным полотенцем для обсушивания вымени.

— Большое спасибо, — еле выговорил я. Но благодарность моя была искренней: наконец кто-то все-таки обратил на меня внимание!

Через полчаса показались ножки, а за ними влажный нос, который успокоительно подергивался. Но копыта были крупные. Значит, это бычок, и его окончательное появление на свет может потребовать дополнительных трудов.

Я приподнялся, сел и взял раздвоенные копытца в руки, потом уперся ногами в сточный желоб, откинулся и попросил номер восемьдесят семь:

— Ну давай, старушка. Поднатужься как следует, и дело с концом.

Словно в ответ, она напрягла живот, я потянул, и теленок двинулся вперед. Я увидел широкий лоб и пару недоумевающих глаз. Казалось, вот-вот покажутся уши, но тут корова расслабилась, голова теленка дернулась назад и скрылась.

— Ну-ка еще, милуша! — сказал я умоляюще, и она как будто решила больше не тянуть, а разом покончить все дело.

Она поднатужилась, голова и плечи словно выстрелили наружу, и я дернул, отогнав обычную паническую мысль, что круп может застрять в тазовом отверстии. Но все обошлось, и теленок мирно соскользнул мне на колени.

Отдуваясь, я поднялся с пола и раздвинул его задние ноги. Действительно, бычок, и прекрасный. Вырвав клоч сена из кормушки, я обтер теленка, и через две-три минуты он уже стоял, отфыркиваясь, сопя и с интересом поглядывая вокруг.

Интересно было не только ему: его мать, натягивая цепь, изогнула шею, несколько секунд как замороженная смотрела на маленькое создание, вдруг появившееся в ее стойле, а потом оглушительно замычала. Вновь ухватив теленка за ноги, я подтащил его к материнской морде, и корова после краткого осмотра принялась вылизывать его с головы до хвоста. Я зачарованно глядел на них, а она вдруг поднялась на ноги, чтобы продолжать вылизывание с большими удобствами.

Я тихонько улыбнулся. Ну вот! Она совершенно оправилась от пареза и обзавелась отличным теленком. Номеру восемьдесят семь не на что было жаловаться.

Рядом со мной остановился мистер Блэкберн, и я внезапно осознал,

что суета в коровнике улеглась. Дойка кончилась.

Фермер снял белый колпак и утер лоб.

— Можно сказать, была спешка! Нынче кое-кто приболел, и я уж думал, что мы до молочника не управимся. А он, черт такой, минуты ждать не будет. Сколько раз я его на тракторе с бидонами догонял — не счесть!

При этих словах с кормушки, закудахтав, слетела курица. Мистер Блэкберн протянул руку, извлек из сена только что снесенное яйцо, оглядел его и повернулся ко мне:

— Вы небось не завтракали?

— Где уж тут!

— Ну так пусть ваша хозяйка вам яичницу сжарит. — Он вложил яйцо мне в руку.

— Большое спасибо, мистер Блэкберн. Будет очень вкусно.

Он кивнул, но продолжал стоять, глядя на корову с телятком. Молочная ферма забирает у человека все силы; такая предрассветная суматоха была для него привычным делом. Но я понял, что мои усилия он оценил по достоинству, потому что он вдруг снова повернулся ко мне, улыбаясь во все свое выдубленное лицо, и без всякого предупреждения дружески ткнул меня в грудь.

— Спасибо, Джим, старина! — сказал он и ушел.

Я оделся, влез в машину, не дыша, пристроил еще теплое яичко у лобового стекла и опустился на сиденье с крайней осторожностью: во время душа пинты две грязной воды угодили мне в брюки, так что ощущение было не из приятных.

Когда я тронулся, небо уже серело, возвещая приход нового дня, и по сторонам начинали вырисовываться громады холмов — укрытые ровной белой пеленой и невыразимо холодные.

Я взглянул на яйцо, подрагивающее у лобового стекла, и улыбнулся про себя. Я все еще видел перед собой лицо мистера Блэкберна, вдруг просиявшее улыбкой, ощущал толчок в грудь и испытывал какое-то глубокое успокоение.

Пусть системы ведения сельского хозяйства меняются, но ведь коровы, телята и йоркширские фермеры остаются прежними!

Я словно опять слышу, как Джордж Уилкс, аукционщик, вдруг объявил однажды вечером в «Гуртовщиках»:

— Такого отличного бар-терьера я еще не видывал!

И, нагнувшись, он потрепал косматую голову Тео, торчавшую из-под соседнего табурета.

Я подумал, что определение «бар-терьер» очень подходит Тео. Это был небольшой песик, в основном белый, если не считать нелепых черных полосок по бокам, а его морда тонула в пушистой шерсти, которая делала его очень симпатичным и даже еще более загадочным.

Поль Котрелл поглядел на него со своего высокого табурета.

— Что он про тебя говорит, старина? — произнес он утомленно, и при звуке любимого голоса песик, виляя хвостом, выскочил из своего убежища.

Тео значительную часть своей жизни проводил между четырьмя металлическими ножками табурета, облюбованного его хозяином. Конечно, я и сам заходил сюда с Сэмом, моим псом, и он пристраивался у меня под табуретом. Но это случалось редко, от силы два раза в неделю, а Поль Котрелл каждый вечер с восьми часов сидел в «Гуртовщиках» перед пинтовой кружкой у дальнего конца стойки, неизменно сжимая в зубах маленькую изогнутую трубку.

Для человека умного, образованного и далеко еще не старого — он был холостяком лет под сорок — подобное прозябание казалось непростительно бесплодным.

Когда я подошел к стойке, он обернулся ко мне:

— Здравствуйте, Джим. Разрешите угостить вас?

— Буду очень благодарен, Поль, — ответил я. — Кружечку.

— Ну и чудесно! — Он взглянул на буфетчицу и произнес с непринужденной учтивостью: — Мойра, можно вас побеспокоить?

Мы попивали пиво и разговаривали. Сначала о музыкальном фестивале в Бротоне, а потом о музыке вообще. И в этой области, как во всех других, которых мы касались, Поль, казалось, был очень осведомлен.

— Значит, Бах вас не слишком увлекает? — лениво спросил он.

— По правде говоря, не очень. Некоторые вещи — безусловно, но в целом я предпочитаю более эмоциональную музыку. Элгар, Бетховен, Моцарт. Ну и Чайковский, хотя вы, снобы, наверное, поглядываете на него сверху вниз.

Он пожал плечами, пыхнул трубочкой и, приподняв бровь, с улыбкой посмотрел на меня. Я поймал себя на мысли, что ему очень не хватает монокла. Но он не стал петь хвалы Баху, хотя, по-видимому, предпочитал его всем другим композиторам. Он вообще никогда ничем не восторгался и выслушивал мои излияния по доводу скрипичного концерта Элгара с той же легкой улыбкой.

Поль Котрелл родился в южной Англии, но местные старожилы давно простили ему этот грех, потому что он был приятен, остроумен и, сидя в своем излюбленном уголке в «Гуртовщиках», радушно угощал всех знакомых. Меня особенно привлекало его чисто английское обаяние, легкое и небрежное. Он всегда был спокоен, безупречно вежлив и застегнут на все пуговицы.

— Раз уж вы здесь, Джим, — сказал он, — так нельзя ли попросить вас взглянуть на лапу Тео?

— С удовольствием. (Такова уж профессия ветеринара: всем кажется, что в часы отдыха для него нет ничего приятнее, чем предлагать советы или выслушивать описание симптомов.) Давайте его сюда.

— Тео! — Поль похлопал себя по коленям, и песик, радостно блеснув глазами, мгновенно вспрыгнул на них. Как всегда, я подумал, что Тео следовало бы сниматься в кино: эта мохнатая смеющаяся мордочка завоевала бы все сердца. Такие собаки — неотразимая приманка для кинозрителей в любом уголке мира.

— Ну-ка, Тео, — сказал я, забирая его на руки. — Так что с тобой?

Поль указал мундштуком трубки на правую переднюю лапу:

— Вот эта. Он последние дни что-то прихрамывает.

— Ах так! — Я перевернул Тео на спину и засмеялся. — Сломанный коготь, только и всего. Наверное, неудачно наступил на камень. Минуточку! — Я сунул руку в карман за ножницами, без которых не выходил из дома, щелкнул ими — и операция была закончена.

— Только и всего? — спросил Поль.

— Да.

Насмешливо вздернув бровь, он поглядел на Тео.

— Из-за такой безделицы ты поднял столько шума? Иди-ка на место! — И он щелкнул пальцами.

Песик послушно спрыгнул на ковер и скрылся в своем убежище под табуретом. И в эту секунду я вдруг понял суть обаяния Поля — обаяния, которое так часто внушало мне восхищение и зависть: он ничего не принимал слишком близко к сердцу! Своего пса он, конечно, любил — повсюду брал его с собой, регулярно гулял с ним по берегу реки, — но в

нем не чувствовалось той озабоченности, той почти отчаянной тревоги, какую я часто замечал у хозяев собак, даже если речь шла о самом пустячном заболевании. Вот у них сердце болело — как и у меня самого, когда дело касалось моих собственных четвероногих друзей.

И разумеется, Поль был совершенно прав. Зачем осложнять себе жизнь? Отдавая сердце, становишься таким беззащитным! А Поль шел своим путем, спокойный и неуязвимый. Обаятельная небрежность, непринужденная вежливость, невозмутимость — все это опиралось на самый простой факт: его ничто не задевало по-настоящему!

Но и постигнув его характер, я продолжал ему завидовать: слишком уж часто становился я жертвой своей эмоциональности. Как, наверное, приятно быть таким, как Поль! И чем больше я думал, тем яснее видел, насколько хорошо все согласуется одно с другим. Он не женился, потому что был не способен глубоко полюбить. И даже Бах с его математической музыкой прекрасно укладывался в эту схему.

— По-моему, столь сложная операция стоит еще одной кружки, Джим! — Он изогнул губы в своей обычной улыбке. — Если, конечно, вы не потребуете более высокого гонорара.

Я засмеялся. Нет, он мне все равно нравился. Всякий человек скроен по-своему и поступает в согласии со своей природой, но, взяв вторую кружку, я снова подумал о том, насколько свободна от забот его жизнь. Он занимал хорошую должность в каком-то правительственном учреждении в Бротоне, не знал домашних тягот и каждый вечер сидел, потягивая пиво, на одном и том же табурете, под которым лежала его собака. Легкое, ничем не омраченное существование.

Он давно уже стал неотъемлемой принадлежностью Дарроуби, частью всего, что мне так нравилось, и, поскольку я не люблю перемен, на душе становилось тепло при мысли, что когда бы я ни завернул к «Гуртовщикам», в углу обязательно будет сидеть Поль Котрелл, а из-за его ног — выглядывать косматая мордочка Тео.

Именно это подумал я как-то вечером, когда зашел туда перед самым закрытием.

— У него могут быть глисты? — Вопрос был задан типично небрежным тоном.

— Не знаю, Поль. А почему вы спрашиваете?

Он попыхтел трубкой.

— Просто мне последнее время кажется, что он немножко похудел. Сюда, Тео!

Песик, вскочивший на колени к хозяину, выглядел таким же бодрым,

как всегда, и, когда я приподнял его, быстро лизнул мне руку. Но, действительно, ребра у него чувствовались.

— М-да, — сказал я. — Возможно, он чуточку похудел. Но глистов вы не видели?

— Собственно говоря, нет.

— Даже отдельных беловатых сегментов вокруг заднего прохода?

— Нет, Джим. — Он покачал головой и улыбнулся. — Правда, я особенно не вглядывался, старина.

— Ну хорошо. На всякий случай дадим ему глистогонное. Завтра вечером я захвачу с собой таблетки. Вы будете тут?..

Бровь чуть-чуть поднялась.

— Думаю, это более чем вероятно.

Таблетки для Тео я принес, но затем несколько недель у меня не было свободной минуты, чтобы посидеть в «Гуртовщиках». Когда же я наконец туда добрался, то оказалось, что именно в эту субботу там устроил танцы местный спортивный клуб. Из зала доносилась музыка, маленький бар был битком набит, а любителей домино оттеснили в дальний угол смокинги и бальные платья.

Оглушенный шумом и духотой, я пробрался к стойке. Все вокруг было неузнаваемо, и только Поль Котрелл, как всегда, сидел на своем табурете у дальнего ее конца.

Я протиснулся к нему и увидел на нем его обычный твидовый пиджак.

— Вы не танцуете, Поль?

Он прищурил глаза, медленно покачал головой и улыбнулся мне над своей изогнутой трубочкой.

— Это занятие не для меня, старина, — сказал он. — Слишком уж смахивает на работу.

Я взглянул вниз и убедился, что еще кое-что осталось прежним: Тео сжался под табуретом, стараясь держать нос вне досягаемости ботинок и туфель. Я заказал две кружки пива, и мы попытались разговаривать, но перекричать нестройный гул голосов оказалось нелегким делом. Между нами к стойке то и дело просовывались чьи-то руки, покрасневшие лица наклонялись к нам, громко здороваясь. И почти все время мы просто посматривали по сторонам.

Вдруг Поль придвинулся поближе и сказал мне на ухо:

— Я все это время давал Тео ваши таблетки, но он по-прежнему худеет.

— Неужели? — рявкнул я в ответ. — Это странно!

— Да... Вы бы его не посмотрели?

Я кивнул, он щелкнул пальцами, и песик тут же взлетел к нему на колени. Я забрал его к себе и сразу же почувствовал, что он стал много легче.

— Вы правы, — крикнул я. — Он продолжает худеть.

Придерживая песика на левом колене, я оттянул ему веко, увидел, что конъюнктива очень бледна, и снова крикнул:

— Заметная анемия.

Я начал ощупывать мохнатую мордочку и, дойдя до угла челюсти, обнаружил, что заглочные лимфатические узлы очень увеличены. Непонятно... Какая-то болезнь ротовой полости или глотки? Я растерянно поглядел вокруг, злясь на то, что Поль с таким упорством советуется со мной о своей собачке в «Гуртовщиках». Не могу же я уложить ее на стойке посреди кружек и стаканов!

Я попробовал ухватить Тео покрепче, чтобы заглянуть ему в горло, моя ладонь скользнула под переднюю лапу, и у меня защемило сердце: подмышечный узел тоже был сильно увеличен. Я торопливо провел пальцами под задней ногой... Паховый узел выпирал из-под кожи, как голубиное яйцо. И подвздошный... Я продолжал лихорадочно ощупывать. Все поверхностные лимфатические узлы были в несколько раз больше нормальной величины.

Болезнь Ходжкина... На несколько секунд я перестал слышать крики, смех, музыку. Потом взглянул на Поля, который спокойно смотрел на меня, попыхивая трубочкой. Как сказать ему в такой обстановке? Он спросит меня, что это за болезнь, и мне придется ответить, что это рак лимфатической системы и его песик обречен.

Стараясь собраться с мыслями, я поглаживал мохнатую голову и смешную бородатую мордочку, повернутую ко мне. Сзади наваливались люди, тянулись руки, пронося мимо меня кружки с пивом, рюмки с виски и джином, какой-то толстяк обнял меня за шею...

— Поль! — сказал я, наклоняясь к нему.

— Да, Джим?

— Может быть... Может быть, вы зайдете ко мне с Тео завтра утром? В воскресенье мы начинаем прием в десять.

Его брови дернулись, потом он кивнул:

— Отлично, старина.

Я не стал допивать свое пиво. Проталкиваясь к двери, я оглянулся и увидел, как мохнатый хвост исчезает под табуретом.

Проснулся я, как иногда со мной случалось, на рассвете — начинаешь ворочаться часов в шесть, а потом лежишь, глядя в потолок.

В конце концов я встал и принес Хелен чашку чая в постель, но время тянулось все так же мучительно медленно, пока не настала минута, которой я так страшился, — я посмотрел на Поля над головой Тео, стоявшего между нами на операционном столе.

И сказал ему. Прямо, без обиняков. Ничего другого мне не оставалось.

Выражение его лица не изменилось, но он вынул трубку из рта и внимательно посмотрел на меня, потом на песика и опять на меня.

— Ах так... — сказал он наконец.

Я ничего не ответил, и он медленно провел рукой по спине Тео.

— Вы абсолютно уверены, Джим?

— Да. Мне очень грустно...

— И лечения никакого нет?

— Существуют различные способы облегчения, Поль, но я ни разу не видел, чтобы от них был хоть какой-то толк. Конец тот же.

— А!.. — Он кивнул. — Но Тео выглядит совсем неплохо. Что будет, если мы оставим все как есть?

— Ну, — ответил я, помолчав, — по мере увеличения внутренних лимфатических узлов будет происходить всякое. В брюшной полости разовьется асцит.^[18] Видите, живот у него уже немного вздут.

— Да... теперь вижу. А еще что?

— От увеличения заглоточных узлов он начнет задыхаться.

— Это я уже заметил: пройдет совсем немного и начинает тяжело дышать.

— А тем временем он будет все больше худеть и слабеть.

Поль несколько секунд смотрел в пол, потом поднял глаза на меня.

— Короче говоря, он будет мучиться до конца жизни. — Он сглотнул. — И как долго это протянется?

— Несколько недель. Точно предсказать нельзя. Может быть, месяца три.

— Что же, Джим, — он провел рукой по волосам. — Этого я допустить не могу. Я ведь за него в ответе. Лучше усыпить его теперь, пока еще он не страдает по-настоящему. Вы согласны?

— Да, Поль. Это самое гуманное.

— А вы не могли бы сделать это сейчас же? Как только я уйду?

— Хорошо. И обещаю вам, что он ничего не почувствует.

Его лицо застыло. Он сунул трубку в рот, но она уже погасла, и он убрал ее в карман. Потом наклонился и погладил Тео по голове. Мохнатая мордочка со смешной бородкой обернулась к нему, и несколько секунд человек и собака смотрели друг на друга.

— Прощай, старина, — пробормотал Поль и быстро вышел.

Я сдержал свое обещание.

— Хорошая собака, умница Тео, — шептал я и гладил, гладил мордочку и уши, пока песик погружался в последний сон. Как все ветеринары, я терпеть не мог этой процедуры, хотя она и безболезненна, и находил утешение только в том, что сознание угасало навсегда под звуки ласкового голоса и прикосновения дружеской руки.

Да, конечно, я сентиментален. Не то что Поль. Его поведение было здоровым и разумным. И он сумел выбрать верный выход, потому что не поддавался эмоциям.

Позже, за воскресным обедом, который доставил мне куда меньше удовольствия, чем обычно, я рассказал Хелен про Тео.

Я не мог промолчать, потому что на нашей газовой горелке (других средств для приготовления пищи у нас не было) она сотворила восхитительное жаркое, а я не отдавал должного ее искусству.

Она сидела на скамеечке, и я поглядел на нее сверху вниз — сегодня была моя очередь сидеть на высоком табурете.

— А знаешь, Хелен, — сказал я, — для меня это было отличным уроком. То, как поступил Поль. На его месте я бы тянул и мямлил, стараясь увернуться от неизбежного.

— Не только ты, а еще и очень многие, — сказала она, подумав.

— Да. А вот он не стал! — Положив нож и вилку, я уставился на стену. — Поль поступил как зрелый, сильный человек. Наверное, он принадлежит к тем людям, с которыми мы чаще встречаемся и книгах, — спокойный, уравновешенный, никогда не теряющийся.

— Послушай, Джим, жаркое стынет! Конечно, это было очень грустно, но изменить ты ничего не мог, и незачем тебе себя ругать. Поль — это Поль, а ты — это ты.

Я принялся за мясо, но ощущение собственной никчемности — продолжало терзать меня. Тут, взглянув на мою жену, я увидел, что она мне улыбается.

И внезапно мне стало легче. Во всяком случае, она не жалеет, что я такой, как есть.

Это было в воскресенье, а утром во вторник мистер Сэнгстер, который жил у вокзала, зашел за средством от бородавок для своих коров.

— Смазывайте вымя после утренней и вечерней дойки, — сказал я, — и через неделю — другую бородавки начнут отваливаться.

— Спасибо. — Он протянул мне полукрону, а когда я бросил монету в ящик, вдруг добавил: — А Поля Котрелла очень жалко.

— О чем вы говорите?

— Да я думал, вы знаете. Умер, бедняга.

— Умер? — Я растерянно уставился на него. — Но как... почему...

— Его утром нашли. Покончил с собой.

Я уперся обеими ладонями в стол.

— Вы хотите сказать... самоубийство?

— Выходит, так. Говорят, наглотался таблеток. Весь город про это толкует.

Я слепо вперил взгляд в страницу еженедельника со списком вызовов, и голос мистера Сэнгстера словно доносился откуда-то издалека.

— Очень его жалко. Приятный был человек. Все его любили.

Под вечер, проезжая мимо дома, где жил Поль Котрелл, я увидел на крыльце миссис Клейтон, его квартирную хозяйку, остановил машину и вышел.

— Миссис Клейтон, я просто поверить не могу.

— Я тоже, мистер Хэрриот. Подумать ужасно... — Лицо у нее было бледное, глаза покраснели от слез. — Он ведь у меня шесть лет прожил. Я на него смотрела прямо как на сына.

— Но почему...

— Да из-за собачки. Он не мог выдержать, что ее больше нет.

Меня захлестнула волна ледяной тоски, и миссис Клейтон положила руку мне на локоть.

— Не надо, мистер Хэрриот. Вы ведь ни в чем не виноваты. Поль мне все объяснил. И что Тео спасти было нельзя. От этого и люди умирают, не то что собаки.

Я кивнул, не в силах произнести ни слова, а она продолжала:

— Мистер Хэрриот, я вам, между нами, вот что скажу: Поль ведь не был стойким, как вы или я. Таким уж он родился — у него была депрессия, понимаете?

— Депрессия? У Поля?

— Вот-вот. Он уже давно лечился и все время принимал таблетки. Держался он твердо, но болезнью этой нервной страдал много лет.

— Нервной болезнью?.. Мне даже в голову не приходило...

— И никто не догадывался. Только так оно и было. Вроде бы детство ему выпало тяжелое. Может, потому он так и полюбил Тео. Прямо надыхаться на него не мог.

— Да... конечно...

Она достала скомканный платок и высморкалась.

— И не одно детство, вся жизнь у него тяжелая была, у бедняжки, но

он умел держаться твердо.

Что я мог ответить? Только сесть в машину и уехать туда, где величавые зеленые холмы безмятежно контрастировали с переполняющим душу смятением. Хэрриот, тонкий психолог и судья человеческих характеров! Как я ошибся! Правда, свою тайную борьбу Поль вел с мужеством, которое обманывало всех.

Да, он преподавал мне урок, но иной, чем я думал. И этого урока я никогда не забывал: в мире есть множество людей вроде Поля, которые на самом деле совсем не такие, какими кажутся.

Смерть Поля Котрелла так потрясла меня, что я еще долго жил под ее впечатлением. Собственно говоря, даже теперь, когда за тридцать пять лет компания у «Гуртовщиков» успела совершенно перемениться и я сам — один из немногих старожилов, помнящих былые времена, мне по-прежнему чудится подтянутая фигура на крайнем табурете и выглядывающая из-под него косматая мордочка.

Ни за что на свете не хотел бы я пережить подобное во второй раз, но по странному совпадению мне очень скоро пришлось столкнуться почти с такой же ситуацией.

После похорон Поля Котрелла прошло, наверное, не больше недели, когда в смотровую вошел Эндрю Вайн со своим фокстерьером.

Я поставил фокса на стол и тщательно проверил сначала один глаз, потом другой.

— Боюсь, ухудшение продолжается, — сказал я.

Внезапно Эндрю рухнул грудью на стол и спрятал лицо в ладонях. Я потрогал его за плечо.

— Что с вами, Эндрю? Что случилось?

Он нечего не ответил и, нелепо съездившись рядом с собакой, глухо зарыдал.

В конце концов он все-таки заговорил, но не отнял рук от лица. В его охрипшем голосе звучало отчаяние:

— Я не выдержу! Если Рой ослепнет, я покончу с собой!

Я в ужасе смотрел на подергивающийся затылок. Только не это! Сразу после Поля! Но ведь есть и некоторое сходство...

Эндрю, тихий, застенчивый человек, тоже был одинок в свои тридцать с лишним лет и тоже всюду брал с собой фокса. Он снимал квартиру и, казалось, вел беззаботную жизнь, но в его высокой сутулой фигуре и бледном лице чудилось что-то хрупкое.

В первый раз Рой попал ко мне на прием несколько месяцев назад.

— Я назвал его Роем, потому что он еще щенком изрыл весь сад, — объяснил Эндрю с улыбкой, но его большие темные глаза смотрели на меня тревожно, с каким-то страхом.

Я засмеялся.

— Надеюсь, вы не хотите, чтобы я излечил его от этого? Средство, которое отучило бы фокстерьера рыть, мне ни в одном учебнике не

попадалось.

— Нет-нет, что вы! Но его глаза... Это тоже началось, когда он был щенком.

— Ах так? Ну-ка расскажите.

— Когда я его купил, глаза у него словно бы немножко гноились, но продавец объяснил, что он их просто засорил и раздражение скоро пройдет. И действительно, они стали лучше. Но совсем это не прошло. Впечатление такое, что они все время чуточку раздражены.

— Почему вы так думаете?

— Он трется мордой о ковер, а на ярком свету начинает моргать.

— Так-так! — Я повернул мордочку фокса к себе и внимательно осмотрел веки. Слушая Эндрю, я уже прикинул диагноз и не сомневался, что обнаружу либо заворот век, либо неправильно растущие ресницы. Но я ошибся. Веки выглядели нормально, и поверхность роговицы — тоже. Только, пожалуй, в зрачке и в радужной оболочке чудилась какая-то нечеткость.

Я достал из шкафчика офтальмоскоп.

— Сколько ему теперь?

— Около года.

— Значит, это у него уже десять месяцев?

— Примерно так. Но день на день не приходится. Почти все время он выглядит и ведет себя совершенно нормально, а потом вдруг с самого утра лежит в корзинке и жмурится, словно ему не по себе. Но боли он вроде бы не испытывает, а так, что-то вроде раздражения... но это я уже говорил.

Я кивнул, стараясь сделать умное лицо, но за его словами не вырисовывалось никакой знакомой картины. Включив лампочку офтальмоскопа, я посмотрел сквозь хрусталик в глубину самого чудесного и хрупкого из всех органов чувств — на яркий гобелен сетчатки, на сосок зрительного нерва и ветвящиеся кровеносные сосуды. Все выглядело совершенно нормальным.

— А он все еще роется в саду? — спросил я, как всегда в случае недоумения хватаясь за соломинку. А вдруг глаза раздражает сыплющаяся в них земля?

Эндрю покачал головой.

— Нет, теперь почти перестал. И в любом случае его плохие дни с рытьем никак не связаны.

— Да? — Я потер подбородок. Эндрю явно уже успел сам все это обдумать. Моя растерянность возрастала. Ко мне постоянно приводили собак, «страдающих глазами», и всегда обнаруживались какие-то

симптомы, какие-то причины... — А сегодня один из его плохих дней?

— Утром мне казалось, что да, но сейчас ему как будто полегче. Только он все что-то щурится, верно?

— Да... вроде бы.

Действительно, Рою словно досаждал солнечный свет, лившийся в окно. А иногда он на несколько секунд крепко закрывал глаза, как будто чувствовал себя скверно. Но, черт побери, ни одного конкретного симптома!

Я не стал говорить его хозяину, что так ничего и не понял — подобная откровенность доверия не укрепляет, — а укрывшись за деловым тоном:

— Я дам вам лекарство. Пускайте ему в глаза две-три капли три раза в день. И держите меня в курсе. Возможно, дело в какой-то застарелой инфекции.

Я вручил ему пузырек с двухпроцентным раствором борной кислоты и погладил Роя по голове.

— Будем надеяться, старина, что у тебя все наладится, — сказал я, и обрубок хвоста весело завилял в ответ. Рой выглядел смышленным, ласковым и очень симпатичным, а экстерьер у него был — хоть на выставку гладкошерстных фокстерьеров: вытянутая морда, длинная шея, острый нос и изящные прямые ноги.

Он соскочил со стола и запрыгал вокруг хозяина. Я засмеялся.

— Торопится поскорее уйти отсюда, как большинство моих пациентов! — Я нагнулся и похлопал его по спине. — Редкий крепыш.

— Это верно. — Эндрю гордо улыбнулся. — По правде говоря, я часто думаю, что, если бы не глаза, он во всех отношениях был бы молодцом из молодцов. Видели бы вы его на лугу — бегаёт быстрее гончей!

— Вполне возможно. Так держите меня в курсе, хорошо? — Я проводил их до дверей и занялся другими делами, к счастью не подозревая, что начался один из самых тягостных эпизодов за всю мою практику.

После этого первого визита я заинтересовался Роем и его хозяином. Эндрю, очень милый тихий человек, был агентом фирмы химических удобрений и, как я сам, значительную часть времени проводил в разъездах по окрестностям Дарроуби. Фокс неизменно его сопровождал, и прежде я не раз с улыбкой замечал, что песик всегда с любопытством смотрел вперед сквозь лобовое стекло, опираясь передними лапами на приборную доску или на руку хозяина, переводившего рычаг передач.

Однако теперь, когда у меня появилось к ним личное отношение, я обнаружил, что фоксик, наблюдая окружающий мир, извлекал из этого огромное удовольствие. Во время этих поездок он ничего не упускал:

шоссе впереди, проносящиеся мимо дома, люди, деревья и луга — все вызывало в нем живейшее любопытство.

Однажды мы с Сэмом повстречали его, гуляя по вересковой пустоши на широкой, открытой всем ветрам вершине холма. Но был май, вокруг веяло теплом, и жаркое солнце успело подсушить зеленые тропинки в вереске. Рой белой молнией мелькал над бархатистым дерном, а заметив Сэма, подскочил к нему, на мгновение выжидательно замер и умчался к Эндрю, который стоял посреди большой травянистой прогалины. Там золотым огнем пылали кусты дрока, и фоксик носился по этой естественной арене, упиваясь собственной быстротой и здоровьем.

— Вот это и есть чистая радость бытия, — сказал я.

Эндрю застенчиво улыбнулся:

— Да, он удивительно красив, правда?

— А как его глаза? — спросил я.

Он пожал плечами.

— Иногда хорошо, иногда не так хорошо. Примерно как раньше. Но, должен сказать, после капель ему как будто становится легче.

— И все-таки бывают дни, когда ему не по себе?

— К сожалению, да. Иногда глаза его очень мучают.

На меня вновь нахлынуло ощущение бессилия.

— Пойдемте к машине, — сказал я. — Надо его посмотреть.

Я поднял Роя на капот и снова исследовал его глаза. Веки во всех отношениях были нормальными. Значит, в прошлый раз я ничего не пропустил. Но в солнечном луче, косо падающем на глазное яблоко, я вдруг различил в роговице очень слабую дымку. Небольшой кератит, который в тот раз еще нельзя было заметить. Но причина? Причина?

— Тут требуется что-нибудь посильнее. — Я порылся в багажнике. — У меня есть кое-что с собой. На этот раз попробуем ляпис.

Эндрю привел Роя неделю спустя. Дымка исчезла — возможно, сыграл свою роль ляпис, — но скрытая причина осталась. По-прежнему что-то было далеко не в порядке, но мне не удавалось выяснить, что именно.

И вот тут-то я встревожился по-настоящему. Неделю за неделей я атаковал эти глаза всем, что содержалось в фармакопее: окись ртути, хинозол, сернистый цинк, ихтиол и еще сотни снадобий, теперь давно уже канувших в Лету.

Тогда у меня не было сложных современных антибиотиков и стероидных препаратов, но теперь я знаю, что они тоже не помогли бы.

Однако настоящий кошмар начался, когда я увидел, что в роговицу начинают проникать пигментные клетки. Зловещие коричневые крапинки

собирались по краям и темными нитями вторглись в прозрачную оболочку — в окно, через которое Рой видел мир. Мне и раньше приходилось наблюдать такие клетки. Раз появившись, они обычно уже не исчезали. И они были непрозрачными.

Весь следующий месяц я пытался остановить их с помощью моего жалкого арсенала, но они неумолимо продвигались вперед, сужая и затуманивая поле зрения Роя. Теперь их заметил и Эндрю: когда он в очередной раз привел фоксика на прием, руки его тревожно сжимались и разжимались.

— Он видит все хуже и хуже, мистер Хэрриот. В машине он по-прежнему смотрит по сторонам, но раньше он лаял на все, что ему не нравилось — например, на других собак, — а теперь он их попросту не видит. Он... он слепнет.

Мне хотелось закричать, пнуть стол, но это не помогло бы, а потому я промолчал.

— Все дело в этой коричневой пленке, верно? — сказал он. — Что это такое?

— Пигментарный кератит, Эндрю. Он иногда возникает из-за длительного воспаления роговицы — передней оболочки глаза — и с трудом поддается лечению. Но я постараюсь сделать все, что в моих силах.

Однако моих сил оказалось недостаточно. Этот тихо наползающий прилив был беспощаден, пигментные клетки сливались в почти черный слой, опуская непроницаемый занавес между Роем и окружающим миром, который он с таким любопытством разглядывал. И все это время меня, не переставая, томило тревожное сознание неизбежности.

И вот теперь, пять месяцев спустя после того, как я в первый раз исследовал глаза Роя, Эндрю не выдержал. От нормальной роговицы не осталось почти ничего — лишь крохотные просветы в буро-черном пятне позволяли фоксику что-то иногда увидеть. Надвигалась полная темнота.

Я снова потрогал его за плечо.

— Успокойтесь, Эндрю. Сядьте! — Я придвинул ему единственный деревянный стул в смотровой. Он сел, но еще долго продолжал сжимать голову в ладонях. Наконец он повернул ко мне заплаканное, исполненное отчаяния лицо.

— Мне невыносимо думать об этом! — с трудом выговорил он. — Рой такой ласковый, такой веселый! Он же всех любит! Чем он заслужил это?

— Ничем, Эндрю. От подобной беды не застрахован никто. Поверьте, я вам глубоко сочувствую.

Он помотал головой.

— Но ведь для него это особенно страшно. Вы же видели, как он сидит в машине... ему все интересно. Если он не будет видеть, жизнь утратит для него смысл. И я тоже не хочу больше жить.

— Не надо так говорить, Эндрю. Вы перегибаете палку. — Я поколебался. — Извините меня, но вам следовало бы посоветоваться с врачом.

— Да я от него не выхожу, — глухо ответил Эндрю. — И сейчас тоже наелся таблеток. Он говорит, что у меня депрессия.

Слова эти прозвучали, как звон похоронного колокола. Всего неделю назад Поль, и вот... У меня по спине пробежала дрожь.

— И давно вы?..

— Уже больше двух месяцев. И мне становится хуже.

— А раньше у вас это бывало?

— Никогда. — Он заломил руки и уставился в пол. — Доктор говорит, что мне надо продолжать принимать таблетки и все пройдет, но я уже на пределе.

— Доктор прав, Эндрю. Вы должны продолжать, и все будет в порядке.

— Не верю, — пробормотал он. — Каждый день тянется, как год. Мне все опротивело. И каждое утро я просыпаюсь с ужасом, что вот опять надо начинать жить.

Я не знал, что ему сказать. Как помочь.

— Дать вам воды?

— Нет... спасибо.

Он снова повернул ко мне белое как мел лицо. Его темные глаза были полны страшной пустоты.

— Какой смысл продолжать? Ведь я знаю, что мне всегда будет так же плохо.

Я не психиатр, но мне было ясно, что людям в состоянии Эндрю не говорят, чтобы они бросили валять дурака и взяли себя в руки. И тут меня осенило.

— Ну хорошо, — сказал я. — Предположим, вам всегда будет плохо, но тем не менее вы обязаны заботиться о Рое.

— Заботиться о нем? Но что я могу сделать? Он же слепнет! Ему уже ничем нельзя помочь.

— Вы ошибаетесь, Эндрю. Именно теперь вы ему и нужны. Без вас он пропадет.

— Не понимаю...

— Вот вы ходите с ним гулять. Постарайтесь водить его по одним и

тем же тропинкам и лугам, чтобы он как следует с ними освоился и мог свободно там бегать. Только держитесь подальше от ям и канав.

Он сдвинул брови.

— Но ему же не будет никакого удовольствия гулять!

— Еще какое! Вот увидите!

— Да, но...

— А большой двор у вас за домом, где он бегают, вам придется содержать в порядке, следить, чтобы в траве не валялось ничего, обо что он мог бы ушибиться или пораниться. Да и глазные капли... Вы сами говорили, что ему от них легче. Кто будет их закапывать, кроме вас?

— Но, мистер Хэрриот... вы же видели, как он всегда выглядывает из машины, когда я беру его с собой...

— Будет выглядывать и дальше.

— Даже если ослепнет?

— Да! — Я положил руку ему на локоть. — Поймите, Эндрю, теряя зрение, животные не понимают, что с ними происходит. Это все равно ужасно, я понимаю, но Рой не испытывает тех душевных мучений, какие терзали бы слепнувшего человека.

Эндрю встал.

— Но я-то их испытываю, — сказал он с судорожным вздохом. — Я так долго боялся, что это случится. Ночами не спал, все думал. Такая жестокая несправедливость... Маленькая беспомощная собака, которая никому не причиняла никакого зла...

Он заломил руки и зашагал взад и вперед по комнате.

— Вы просто сами себя изводите! — сказал я резко. — В этом вся беда. И Рой для вас — только предлог. Вы терзаетесь, вместо того чтобы постараться ему помочь.

— Но что я могу? Ведь все, о чем вы говорите, не сделает его жизнь счастливее.

— Еще как сделает! Если вы по-настоящему возьметесь за это, Рою предстоят еще долгие годы счастливой жизни. Все зависит только от вас.

Словно во сне, он взял фокса на руки и побрел по коридору к входной двери. Он уже спускался с крыльца, когда я окликнул его:

— Показывайтесь своему доктору, Эндрю. Принимайте таблетки и не забывайте (последние слова я выкрикнул во весь голос) — вы должны всерьез заняться Роем!

Помня о Поле, я некоторое время жил в постоянном напряжении, но на этот раз никто не ошеломил меня трагической новостью. Наоборот, я довольно часто видел Эндрю Вайна — то в городе с Роем на поводке, то в

машине, за лобовым стеклом которой маячила белая мордочка, но чаще всего в лугах у реки, где он, видимо, следуя моему совету, выбирал для прогулки ровные открытые пространства, вновь и вновь проходя по одним и тем же тропкам.

И там у реки я однажды его окликнул:

— Как дела, Эндрю?

Он хмуро посмотрел на меня:

— Ну, он не так уж плохо находит дорогу. Конечно, я за ним приглядываю и никогда не хожу с ним на заболоченный луг.

— Отлично. Так и надо. Ну, а вы сами?

— Вас это действительно интересует?

— Конечно.

— Сегодня у меня хороший день. — Он попытался улыбнуться. — Мне только очень тревожно и скверно на душе. А в плохие дни меня душит страх и я не знаю, куда деваться от отчаяния и полной беспросветности.

— Это очень грустно, Эндрю.

Он пожал плечами.

— Только не думайте, что я упиваюсь жалостью к себе. Вы же сами меня спросили. Во всяком случае, я придумал способ, как справляться. Утром гляжу на себя в зеркало и говорю: «Ладно, Вайн, наступает еще один жуткий день, но ты будешь работать и будешь заниматься своей собакой».

— Вы молодец, Эндрю. И все пройдет. Пройдет бесследно — вам даже вспоминать будет странно.

— Доктор говорит то же самое, но пока... — Он быстро перевел взгляд на фокса: — Пошли, Рой!

Он резко повернулся и зашагал прочь. Фоксик затрусил позади. Эндрю расправил плечи, упрямо пригнул голову, и во мне проснулась надежда — такой яростной решимостью дышала вся его фигура.

Надежда меня не обманула: и Эндрю, и Рой вышли победителями из своего тяжелого испытания. Я понял это уже через несколько месяцев, но ярче всего живет в моей памяти встреча с ними года два спустя. Произошла она на той же плоской вершине холма, где я впервые увидел Роя, когда он радостно носился среди цветущего дрока.

Да и теперь его никак нельзя было назвать грустным: он уверенно бежал по ровному зеленому дерну, что-то вынюхивал и время от времени безмятежно задирал ногу у каменной ограды на склоне.

Увидев меня, Эндрю засмеялся. Он пополнел и казался другим человеком.

— Рой знает тут каждую пядь земли, — сказал он. — По-моему, это

самое любимое его место. Видите, как он блаженствует!

Я кивнул.

— Выглядит он вполне счастливым.

— Да, ему хорошо. Он ведет полную жизнь, и, честно говоря, я порой забываю, что он слеп. — Помолчав, Эндрю добавил: — Вы тогда были правы: предсказали, что будет именно так.

— И чудесно, Эндрю! — сказал я. — У вас ведь тоже все хорошо?

— Да, мистер Хэрриот. — Его лицо на миг омрачилось. — Вспоминая то время, я просто не могу понять, как мне удалось выкарабкаться. Словно я провалился в темный овраг и все-таки мало-помалу сумел выбраться на солнечный свет.

— Да, я заметил, вы совсем такой, как прежде.

Он улыбнулся.

— Не совсем. Я стал лучше... то есть лучше, чем был раньше. Это жуткое время пошло мне на пользу. Помните, вы сказали, что я сам себя терзаю? Потом я понял, что только этим всю жизнь и занимался. Принимал к сердцу любую пустячную неприятность и изводил себя.

— Можете не объяснять, Эндрю, — сказал я печально. — В этом я и сам мастак.

— Что же, наверное, таких, как мы, много, только я достиг особого мастерства, и вы видели, во что мне это обошлось. Собственно, выручил меня Рой — то, что надо было о нем заботиться. — Он вдруг просиял: — Нет, вы только поглядите!

Фоксик исследовал гниющие остатки деревянной изгороди, возможно когда-то составлявшей часть овечьего загона, и спокойно прыгал то туда, то сюда между кольями.

— Поразительно! — ахнул я. — Даже не догадаешься, что с ним что-то неладно.

Эндрю обернулся ко мне:

— Мистер Хэрриот, знаете, я гляжу на него, и мне не верится, что слепая собака способна проделывать такое. Как вы думаете... как вы думаете, может, он все-таки хоть чуточку видит?

Я ответил не сразу.

— Ну возможно, эти бельма не совсем непрозрачны. Тем не менее видеть он ничего не может — разве что улавливает некоторую разницу между светом и тьмой. Честно говоря, я не знаю. Но в любом случае он так хорошо ориентируется в знакомых местах, что разницы большой нет.

— Да, конечно! — Он философски улыбнулся. — Ну, нам пора. Пошли, Рой.

Эндрю щелкнул пальцами и зашагал через вереск по тропе, которая, словно зеленая стрела, указывала на солнечный горизонт. Фоксик тотчас обогнал его и кинулся вперед — не рысцой, а бурным галопом.

Я не скрывал тогда, что не сумел установить причину слепоты Роя, но в свете современных достижений глазной хирургии склоняюсь к мысли, что у него был так называемый *keratitis sicca*. В те времена это заболевание попросту не было известно, но и знай я, что происходит с глазами Роя, это мало что дало бы. Латинское название означает «высыхание роговицы», и возникает этот процесс, когда слезные железы собаки плохо функционируют. В настоящее время его лечат либо закапыванием искусственных слез, либо с помощью сложной операции, выводящей в глаза протоки слюнных желез. Но и теперь, несмотря на все новейшие средства, мне доводилось видеть, как в конце концов верх брала беспощадная пигментация.

Вспоминая этот эпизод, я испытываю благодарное чувство. Самые разные побуждения помогают людям преодолевать душевную депрессию. Чаще всего это мысль о семье — сознание, что ты нужен жене и детям; порой человек берет себя в руки во имя какого-то общественного долга, но Эндрю Вайна спасла собака.

Я думаю о том темном овраге, который смыкался вокруг него, и не сомневаюсь, что он выбрался к свету, держась за поводок Роя.

Я воображал себя неплохим учителем и с удовольствием наставлял подростков, которые приезжали в Дарроуби, чтобы узнать что-нибудь из ветеринарной практики. И вот я снисходительно улыбаюсь одному из моих учеников.

— В сельской практике ты ни с чем подобным не столкнешься, Дэвид, — сказал я. Это был один из тех ребят, которые иногда отправлялись со мной в объезды. Пятнадцатилетний парнишка, решивший, что он хочет стать ветеринаром. Правда, вид у него сейчас был несколько ошеломленный.

И винить его я никак не мог. Он пришел в первый раз и думал, что проведет со мной весь день на фермах среди йоркширских холмов, знакомясь с трудностями лечения коров и лошадей, а тут эта дама с пуделем и Эммелиной!

Появлению дамы в смотровой предшествовало непрерывное попискивание резиновой куколki, которую она то и дело сжимала в руке. При каждом писке пудель Люси делала несколько неохотных шажков вперед, пока наконец не оказалась на столе. И вот она стоит на нем, вся дрожа и печально поглядывая вокруг.

— Без Эммелины она никуда не ходит, — объяснила дама.

— Без Эммелины?

— Без своей куколki. — Дама показала резиновую игрушку. — С тех пор как это началось, Люси прямо-таки влюбилась в нее.

— Ах так! Но что началось?

— Вот уже две недели она какая-то странная: очень вялая и почти ничего не ест.

Я нашарил термометр на подносе у себя за спиной.

— Ну, мы сейчас ее посмотрим. Если собака не ест, значит, дело неладно.

Температура оказалась нормальной. Я тщательно выслушал Люси, но звуки в стетоскопе тоже были совершенно нормальными. Сердце гремело у меня в ушах размеренно и спокойно. Ощупав живот, я также не нашел никаких отклонений.

Дама поглаживала кудрявую шерсть Люси, а собачка грустно смотрела на нее томными глазами.

— Я очень беспокоюсь. Она отказывается идти гулять. Собственно

говоря, без Эммелины ее невозможно выманить из дома.

— Простите?..

— Я говорю, что она шагу из дома не ступит, если не попищать Эммелиной, да и тогда она еле волочит ноги, словно совсем одряхла, хотя ей всего три года. А вы ведь знаете, какой она всегда была живой и бойкой.

Я кивнул. Действительно, Люси была сгустком энергии; мне не раз доводилось видеть, как она бешено носилась по лугу и высоко взмывала в воздух, прыгая за мячиком. Несомненно, у нее что-то очень серьезное, а я ничего не могу найти!

Да и перестала бы она рассказывать о том, как ей приходится пищать Эммелиной! Я покосился на Дэвида. Только что я убедительно объяснял, что ему надо усердно заниматься физикой, химией и биологией, — иначе в ветеринарное училище не поступишь. И тут вдруг резиновые гольши!

Нет, необходимо направить беседу в более клиническое русло.

— Еще какие-нибудь симптомы? — спросил я. — Кашель? Запоры? Диарея? Не повизгивает ли она от боли?

Дама покачала головой.

— Нет. Ничего похожего. Она только все время оглядывается по сторонам, жалобно смотрит на нас и ищет Эммелину.

Ну вот опять! Я кашлянул.

— И рвоты не было? Например, после еды?

— Ни разу. Если она и поест немножечко, то тут же отправляется за Эммелиной и тащит ее к себе в корзинку.

— Неужели? Не вижу, какое это может иметь отношение к ее состоянию... Вы уверены, что она не начинает вдруг прихрамывать?

Дама словно бы не слышала меня.

— А когда она прыгает с Эммелиной в корзинку, то начинает как-то вертеться и царапать одеяльце, словно устраивает для нее уютное гнездышко.

Я скрипнул зубами. Ну прекрати же! И тут меня осенило.

— Одну минутку! — перебил я. — Вы сказали — гнездышко?

— Да, она царапает одеяло уж не знаю сколько времени, а потом укладывает на него Эммелину.

— Так-так! — Еще вопрос, и все станет ясно. — А когда у нее и последний раз была течка?

Дама постучала себя пальцем по щеке.

— Дайте подумать... Да в середине мая. Значит, девять недель назад.

Вот она — разгадка!

— Будьте добры, положите ее на спину, — сказал я.

Вытянувшись на спине, Люси устремила страдальческий взгляд в потолок, а я легонько провел пальцами по ее молочным железам. Они были тугими и вздутыми. Когда я слегка потянул за сосок, из него показалась капля молока.

— У нее ложная беременность, — сказал я.

Дама поглядела на меня круглыми глазами.

— Что-что?

— Довольно частое явление у сук. Они как бы ощущают, что у них будут щенки, и к концу цикла приходят в это состояние. Приготовление гнезда — очень типичное явление, а у некоторых даже вздувается живот. И у них появляются всяческие странности.

— Только подумать! — Дама засмеялась. — Люси, ах ты дурочка! Так напугать нас по пустякам! — Она поглядела на меня. — Она еще долго останется такой?

Я пустил горячую воду и начал мыть руки.

— Нет, не очень. Я вам дам таблетки. Если через неделю не пройдет, загляните за новой порцией. Но в любом случае не беспокойтесь. Рано или поздно она станет прежней.

Я прошел в аптеку, насыпал таблеток в коробочку и вручил ее даме. Поблагодарив меня, она повернулась к своей собачке, которая сидела на полу, мечтательно глядя в пространство.

— Идем, Люси! — сказала она, но пудель и ухом не повел. — Люси! Я тебе говорю! Мы уходим! — Она пошла по коридору, но собачка только наклонила голову набок, точно прислушиваясь к какой-то внутренней музыке. Минуту спустя ее хозяйка вернулась и с досадой посмотрела на нее. — Ах ты, гадкая упрямица! Ну, ничего не поделаешь...

Она открыла сумочку и достала голыша. Эммелина запищала, и Люси поглядела на нее со смутным обожанием. Писк начал удаляться по коридору, Люси пошла следом, как зачарованная, и скрылась за углом.

Я виновато улыбнулся Давиду.

— Ну едем, — сказал я. — Ты хочешь посмотреть, как лечат скот; могу тебя заверить, что это совсем-совсем другое!

В машине я продолжал:

— Пойми меня правильно. Я вовсе не отношусь пренебрежительно к работе с мелкими животными. Безусловно, эта ветвь нашей профессии требует особенно высокой квалификации, и я глубоко убежден, что оперировать их — большое и сложное искусство. Просто не суди об этом по Эммелине. Впрочем, нам, прежде чем ехать на фермы, придется навестить еще одну собаку.

— А какую? — спросил мальчик.

— Ну, мне позвонил мистер Рингтон и сказал, что его далматинка совсем переменялась. Она ведет себя настолько странно, что он не рискнул привести ее на прием.

— Как по-вашему, что с ней?

Я задумался.

— Конечно, это глупо, но почему-то мне сразу померещилось бешенство, самая страшная из собачьих болезней. Слава богу, благодаря строжайшим карантинным правилам нам пока удастся не допустить ее в страну. Но в колледже нас так упорно предупреждали против бешенства, что я всегда держу его в уме, хотя и не ожидаю столкнуться с ним на практике. А с далматинкой может быть все что угодно. Надеюсь только, что она не бросается на людей, — ведь в таких случаях собак нередко приходится усыплять, а мне это всегда тяжело.

Первые слова мистера Рингтона отнюдь не рассеяли моей тревоги.

— Последнее время Тесса стала очень злобной, мистер Хэрриот. Несколько дней назад она вдруг поскуучнела и принялась рычать по всякому поводу. Откровенно говоря, она начала бросаться на чужих. Утром вцепилась почтальону в лодыжку. Крайне неприятно!

Настроение у меня еще больше упало.

— Даже укусила! Просто не верится. Она всегда была такой кроткой. Я ведь делал с ней, что хотел.

— Да-да, — пробормотал мистер Рингтон. — А уж с детьми она была просто овечкой. Я ничего не понимаю. Но пойдемте к ней.

Далматинка сидела в углу гостиной и угрюмо на нас посмотрела. Мы с ней были старыми друзьями, а потому я спокойно подошел и протянул руку со словами «Здравствуй, Тесса». Обычно в ответ она бешено виляла хвостом и только что не лизалась, но сегодня ее тело замерло и напряглось, а зубы грозно обнажились. Она не зарычала, но верхняя губа пугающе взлетела, точно на пружине.

— В чем дело, старушка? — спросил я, и клыки вновь беззвучно сверкнули, а глаза загорелись свирепой первобытной ненавистью. Я ничего не понимал — Тессу просто нельзя было узнать.

— Мистер Хэрриот, — опасливо окликнул меня хозяин. — На вашем месте я не стал бы к ней подходить.

Я отступил на шаг.

— Да, пожалуй. Вряд ли она позволит мне произвести осмотр. Но неважно, расскажите подробности.

— Собственно, рассказывать больше нечего, — растерянно ответил

мистер Рингтон. — Она просто стала другой — вы же сами видите.

— Ест хорошо?

— Очень. Съедает все, что ей ни дай.

— Никаких необычных симптомов?

— Никаких, если не считать этой перемены в характере. Домашних она к себе подпускает, но, честно говоря, любого чужого человека, если он подойдет слишком близко, испугает.

Я провел пальцами по волосам.

— Какие-нибудь перемены в доме? Новорожденный ребенок? Другая прислуга? Новые гости?

— Ничего похожего. Все совершенно так же, как раньше.

— Я спросил потому, что животные иногда ведут себя так из ревности или если их раздражают какие-то перемены.

— Простите, — мистер Рингтон пожал плечами, — но у нас ничего не переменялось. Утром жена даже подумала, не сердится ли Тесса на нас за то, что во время последней течки мы три недели не выпускали ее из дома. Но это было давно. Месяца два назад.

Я обернулся к нему как ужаленный.

— Два месяца?

— Что-то около того.

Неужели и тут! Я попросил мистера Рингтона:

— Будьте добры, поставьте ее на задние лапы.

— Вот так?

Он подхватил Тессу под мышки и приподнял так, что она встала на задние лапы животом ко мне.

По-видимому, ничего другого я и не ждал: во всяком случае, два ряда вздувшихся сосков не вызвали у меня ни малейшего удивления. Хотя это было лишним, но я наклонился и, потянув за один из них, брызнул белой струйкой.

— У нее полно молока, — сказал я.

— Молока?

— Да. Ложная беременность. Побочные явления, правда, не слишком обычны, но я дам вам таблеток, и скоро Тесса опять станет кроткой и послушной.

Пока мы шли с Дэвидом к машине, я прекрасно понимал, что он думает. Конечно, он спрашивает себя: при чем тут, собственно, химия, физика и биология?

— Мне жаль, что так получилось, Дэвид, — сказал я. — Ты столько слышал от меня об удивительном разнообразии ветеринарной работы, и в

первый же раз мы сталкиваемся с двумя одинаковыми случаями. Но сейчас мы едем на фермы, и, как я уже говорил, там все будет по-другому. Состояние собак было, в сущности, чисто психологическим, а на фермах ничего подобного не встретишь. Конечно, нам там приходится нелегко, но зато это настоящее, насущно важное.

Мы свернули во двор, и я увидел, что фермер идет по булыжнику с мешком отрубей на спине. Я вылез из машины вместе с Дэвидом.

— У вас свинья заболела, мистер Фишер?

— Ну да. Матка. Она вон там.

Он провел нас в хлев и кивнул на огромную бело-розовую свинью. Она лежала, вытянувшись на полу.

— Вот так уже не первый день, — сказал фермер. — Ничего почти не ест: поковыряется в кормушке да и бросит. И все время лежит. Сил у нее уж, наверно, нет, чтобы встать.

Пока он излагал все это, я успел измерить температуру — 38,9°C, нормальной некуда. Я прослушал грудь, ощупал живот, и с каждой секундой мое недоумение возрастало. Все в полном порядке. Я поглядел на корытце. Оно было до краев полно свежей болтушкой, к которой свинья явно не прикоснулась. А ведь свиньи — известные любители поесть!

Я потыкал ее в бок кулаком:

— Вставай-ка, девочка!

И тут же звонко шлепнул ее по задку. Здоровая свинья сразу взвилась бы, но эта даже не шелохнулась. Я с трудом удержал руку, которая так и тянулась поскрести в затылке. Странно, очень странно!

— Она когда-нибудь болела прежде, мистер Фишер?

— Ни разу. И всегда была бойкой такой. Просто ума не приложу, что это с ней.

Мысленно я повторил его последнюю фразу.

— И ведь главное, — сказал я вслух, — она совсем не похожа на больную. Не дрожит, не ведет себя беспокойно, а полеживает, словно ей ни до чего и дела нет.

— Ваша правда, мистер Хэрриот. Благодушествует, одно слово. Только ведь она не ест и не встает. Чудно, а?

Еще как чудно! Я присел на корточки, разглядывая свинью. Вот она вытянула морду и мягко потыкалась пяточком в соломенную подстилку. Больные свиньи так никогда не делают. Это движение свидетельствует о полном довольстве жизнью. А басистое похрюкивание? Оно говорит о тихом блаженстве... и что-то в нем такое знакомое... Но мне никак не удавалось уловить, что именно. Что-то знакомое чудилось мне и в том, как

свинья раскинулась на боку еще свободнее, как будто выставляя вперед брюхо.

Сколько раз я уже слышал и видел все это — блаженное похрюкивание, медлительные движения... И тут я вспомнил. Ну конечно же! Она вела себя так, словно вокруг копошились новорожденные поросята, только никаких поросят не было.

Меня захлестнула волна возмущения. Нет! Не в третий же раз! В хлеву было темновато, и мне трудно было разглядеть молочные железы.

— Приоткройте, пожалуйста, дверь, — попросил я фермера.

В закут хлынул солнечный свет, и все сразу стало ясно. Собственно говоря, я мог бы и не нагибаться к набухшим соскам, и не брызгать в стену струйкой молока.

Уныло выпрямившись, я уже собирался произнести навязший в зубах диагноз, но меня опередил Дэвид.

— Ложная беременность? — сказал он.

Я грустно кивнул.

— Чего-чего? — спросил мистер Фишер.

— Ваша свинья вообразила, будто она беременна, — сказал я, — и принесла поросят. А теперь она их кормит. Замечаете?

Фермер присвистнул.

— А ведь верно! Действительно кормит... да еще радуется! — Он снял кепку, почесал макушку и снова надел кепку. — Всегда что-нибудь новенькое, а?

Для Дэвида тут, конечно, ничего нового не было. Уже давно пройденный этап! И я не стал докучать ему повторением надоевших объяснений.

— Ничего страшного тут нет, мистер Фишер, — сказал я поспешно. — Загляните к нам за порошками, чтобы подмешивать ей в корм. Она скоро станет такой, как прежде.

Когда я выходил из хлева, свинья испустила вздох глубочайшего удовлетворения и чуть-чуть переменила позу, соблюдая величайшую осторожность, чтобы не придавить кого-нибудь из своего призрачного семейства. Я оглянулся, и мне почудился длинный ряд деловито сосущих розовых поросят. Тряхнув головой, чтобы избавиться от этого наваждения, я пошел к машине.

Не успел я открыть дверцу, как ко мне подбежала жена фермера.

— Звонят от вас, мистер Хэрриот. Вас просят поехать к мистеру Роджерсу. У него корова телится.

Обычно такое известие во время объезда вызывает досаду, но на сей

раз я только обрадовался. Ведь я обещал своему юному спутнику показать, как приходится работать деревенскому ветеринару, и уже чувствовал себя очень неловко.

— Что же, Дэвид, — сказал я со смешком, когда мы тронулись, — ты, наверное, уже решил, что все мои пациенты — невротики. Зато теперь тебе предстоит увидеть кое-что настоящее. Телящаяся корова — это, брат, не игрушки. Тут нам, пожалуй, приходится тяжелее всего. Пока справишься с тужащейся коровой, с тебя семь потов сойдет. Не забывай, ветеринар имеет дело только с трудными случаями, когда положение плода неправильное.

Дорога на ферму придавала моим словам особую весомость: мы тряслись по убегающему вверх узкому проселку, который отнюдь не был рассчитан на автомобили, и у меня екало сердце всякий раз, когда глушитель ударялся о торчащий камень.

Сама ферма приютилась у вершины, и позади нее к небу уходили скудные поля, отвоеванные у вереска. Разбитая черепица на крыше и крошащиеся каменные стены свидетельствовали о древности приземистого дома. На каменной арке над дверью еле проступали почти стертые цифры.

— Эта дата что-нибудь тебе говорит, Дэвид?

— Тысяча шестьсот шестьдесят шестой год. Великий лондонский пожар, — ответил он без запинки.

— Молодец! А странно, как подумаешь, что этот дом был построен именно в том году, когда старый Лондон выгорел дотла.

Мистер Роджерс встретил нас, держа полотенце и ведро с водой, от которой поднимался пар.

— Она на лугу, мистер Хэрриот. Корова спокойная, и поймать ее будет легко.

— Ну хорошо.

Следом за ним я направился к калитке. Когда фермер не загонял корову во двор, обычно это вызывало досаду, но раз уж Дэвид решил, стать ветеринаром, пусть на опыте убедится, что значительную часть времени мы работаем под открытым небом, нередко в дождь и снег.

Даже сейчас, в солнечное июльское утро, сняв рубашку, я поежился под прохладным ветром, обдавшим мне грудь и спину. На холмах никогда не бывает жарко, но чувствовал я себя тут как дома. Фермер держит корову за ременный ошейник, и она покорно ждет; ведро с горячей водой стоит среди жесткой травы, и только два-три дерева, согнутые и искореженные ветрами, нарушают однообразие зеленого простора... наконец-то этот мальчик увидит меня в моей стихии!

Я намылил руку по плечо.

— Дэвид, поддержи ей, пожалуйста, хвост. Сначала надо выяснить, какая нам предстоит работа.

Вводя руку в корову, я поймал себя на мысли, что предпочел бы отел посложнее. Если мне придется повозиться как следует, мальчик, во всяком случае, воочию увидит, какая жизнь его ожидает.

— В таких ситуациях приходится возиться по часу и дольше, — сказал я. — Но зато с твоей помощью на свет появляется новое живое существо. Когда в конце концов видишь, как теленок старается подняться на ножки, тебя охватывает ни с чем не сравнимое чувство.

Я продвигал руку все глубже, перебирая в уме всякие возможности.

Заворот головы? Спинное предлежание? Брюшное предлежание? Тут мои пальцы вошли сквозь открытую шейку в матку, и с возрастающим недоумением я ничего там не обнаружил.

Вытащив руку, я на мгновение прислонился к волосатому крупу. Не день, а какой-то бредовый сон. Я поглядел на фермера.

— Теленка там нет, мистер Роджерс.

— А?

— Все пусто. Она уже отелилась.

Фермер обвел взглядом пустынный луг.

— Ну а где же тогда теленок? Вчера ночью она начала тужиться, и я думал, она тут и отелится. Только утром она одна стояла.

Тут его окликнули:

— Э-эй, Уилли! Послушай, Уилли!

Через каменную стенку шагах в пятнадцати на нас смотрел Боб Селлерс, хозяин соседней фермы.

— Тебе чего, Боб?

— Так я хотел тебе сказать: утром твоя корова прятала теленка, я сам видел.

— Прятала?.. Да будет тебе!

— Я же не шучу, Уилли. Святая правда. Она прятала его вон там, в канаве. И чуть теленок попробует выбраться, она толк его мордой обратно.

— Ну... Нет, быть того не может. Я про такое и не слыхивал. А вы, мистер Хэрриот?

Я покачал головой. Но эта новость как-то удивительно гармонировала с оттенком фантастичности, которую обрел этот день.

Боб Селлерс крикнул, перелезая через изгородь:

— Ну ладно! Не верите, так я вам покажу.

Он повел нас к дальнему концу луга, где вдоль стенки тянулась сухая канава.

— Вот он! — Голос Боба был полон торжества.

И действительно, в высокой траве, положив мордочку на передние ноги, уютно устроился крохотный рыже-белый теленок.

Увидев мать, малыш неуверенно поднялся на ноги и кое-как вскарабкался по откосу канавы, но едва он выбрался на луг, могучая корова наклонила голову и осторожно столкнула его вниз.

— Видали? — воскликнул Боб, размахивая руками. — Она его прячет!

Мистер Роджерс промолчал, и я тоже только пожал плечами, но теленок еще дважды, пошатываясь, выбирался из канавы, и мать дважды неумолимо сталкивала его обратно.

— Сказать, так не поверят! — пробормотал фермер больше самому себе. — Это у нее шестой теленок, а тех пятерых мы от нее тут же забирали, как положено. Так, может, этого она решила оставить себе? Уж и не знаю... уж и не знаю...

Потом, когда мы тряслись по каменистому проселку, Дэвид спросил меня:

— Как вы думаете, эта корова правда прятала теленка... чтобы оставить его себе?

Я растерянно смотрел перед собой на дорогу.

— Теоретически так не бывает. Но ты же сам видел, что произошло. А я... как мистер Роджерс, я просто не знаю. — Тут я прикусил язык, потому что машину отчаянно тряхнуло на глубоком ухабе. — Но в нашей работе видишь много странного.

Мальчик задумчиво кивнул.

— Да, по-моему, жизнь у вас такая, что не соскучишься!

Военврач положил папку с моей историей болезни и дружески улыбнулся мне через стол.

— Как ни грустно, Хэрриот, но вам предстоит операция.

Эти слова, хотя и сказанные очень сочувственно, были как удар по лицу.

Шел первый год войны. Разлука с Хелен, летная школа, короткий отпуск на несколько дней, чтобы повидать Хелен и нашего новорожденного сына Джимми, первые самостоятельные полеты. И вот два дня спустя после того, как я стал военным летчиком...

— Операция... А нельзя ли...

— Нет, — ответил он. — Ваш старый шрам. Ведь вас уже оперировали по этому поводу?

— Да, несколько лет назад.

— Боюсь, рана вот-вот откроется, так что ею следует заняться.

— Когда? — я сумел выдавить из себя только это слово.

— Немедленно. В самые ближайшие дни.

— Но мою эскадрилью в конце недели перебрасывают во Францию.

— Ах так? Очень жаль. — Он развел руками и снова улыбнулся. — Но они отправятся без вас. Вы будете в госпитале.

Авиационный госпиталь я покидал с чувством большой благодарности к замученным работой, но неизменно бодрым и приветливым сестрам и санитаркам. Они постоянно бранили нас за разговоры после отбоя, за курение под одеялом, за захламленные постели, но меня неизменно поражала их преданность делу.

Лежа там, я размышлял: что заставляет девушек выбирать эти выматывающие профессии? Доброта? Потребность о ком-то заботиться? Не знаю, но я убежден, что это скорее всего врожденное чувство.

Черта эта присуща и некоторым животным, доказательством чему служит Джуди, овчарка Эрика Эббота.

Познакомился я с Джуди, когда лечил у Эрика бычка от актиномикоза языка.^[19] Он был еще почти теленком, и фермер ругал себя за то, что заметил его состояние, только когда он превратился в ходячий скелет.

— Черт! — ворчал Эрик. — Он пасся в стаде на дальнем лугу, и, уж не знаю как, я про него забыл. И нате, пожалуйста!

Когда актиномикоз поражает язык, лечение следует начинать сразу,

едва появятся первые симптомы — слюнотечение и припухание под челюстью. Если же упустить время, язык увеличивается, становится все тверже и в конце концов высовывается изо рта, неподатливый, как кусок дерева, — в старину эту болезнь так и называли: «деревянный язык».

Заморенный бычок уже достиг этой стадии, и вид у него был просто жалкий, но и чуть комичный, словно он меня дразнил. Однако распухший язык лишал его возможности есть, и он в буквальном смысле слова околевал с голоду. Он лежал на полу неподвижно, словно ему уже было все равно.

— Ну, Эрик, нет худа без добра, — сказал я. — Сделать ему внутривенную инъекцию будет легко. У него не осталось сил сопротивляться.

В то время как раз появилось новое и прекрасное лечение, очень современное и эффективное, — введение в вену йодистого калия. Прежде фермеры обычно мазали больной язык йодом. Процедура эта была медленной, а главное, результаты давала далеко не всегда.

Я ввел иглу в яремную вену и запрокинул флакон с прозрачной жидкостью. Я растворял две драхмы йодистого калия в восьми унциях дистиллированной воды, так что сама инъекция много времени не занимала. И флакон был уже почти пуст, когда я осознал присутствие Джуди.

Нет, конечно, краем глаза я видел, что все это время рядом со мной сидела большая собака, но теперь черный нос придвинулся так близко, что почти коснулся иглы. Затем нос прошелся по резиновому шлангу до флакона и двинулся вниз, сосредоточенно посапывая. Когда я извлек иглу, нос принялся внимательно исследовать место укола. Затем высунулся язык и начал тщательно вылизывать шею бычка.

Присев на корточки, я с интересом следил за собакой. Ее поведение явно диктовалось не просто любопытством: каждое ее движение было проникнуто какой-то трепетной заботливостью.

— А знаете, Эрик, — сказал я, — мне так и кажется, что эта собака не просто наблюдает за мной, а принимает самое активное участие в лечении.

Фермер засмеялся:

— Тут вы в точку попали. За Джуди это водится. Не собака, а прямо больничная сиделка. Чуть что не так, а она уж на посту. И ее не отгонишь!

Услышав свое имя, Джуди быстро подняла голову. Она была настоящей красавицей, причем редкой масти — в привычную черно-белую окраску деревенских колли вплетались волнистые каштановые и серебристые полосы. Возможно, причину следовало искать в предке

смешанных кровей, но результат получился очень симпатичный, а дружелюбные ясные глаза и смеющаяся пасть делали ее еще более привлекательной.

Я протянул руку и пощекотал ее за ушами, а она в ответ завиляла хвостом с таким энтузиазмом, что двигался весь крестец.

— По-моему, она просто очень добрая собака.

— Что есть, то есть, — ответил фермер. — Но дело тут не так просто. Может, это и глупо, но, по-моему, Джуди считает, что вся наша живность находится на ее попечении.

— Могу поверить, — кивнул я. — Но давайте-ка перевернем его на грудь.

Мы подсунули руки под спину бычка, приподняли его, подперли с обеих сторон тючками соломы, чтобы он снова не завалился на бок, и укрыли конской попоной.

В такой позе он выглядел чуть-чуть получше, но исхудалая голова с гротескно торчащим языком покачивалась от слабости, а на солому продолжали стекать струйки слюны. Я подумал, что, возможно, живым его больше не увижу.

Однако Джуди как будто не разделяла моего пессимизма. Добросовестно обнюхав тючки и попоны, она зашла спереди, ободряюще облизала косматый лоб, а потом села перед бычком — ни дать ни взять ночная сиделка у постели тяжелобольного.

— Она так тут и останется? — спросил я, заглядывая в хлев перед тем, как закрыть дверь.

— Да, уж теперь ее оттуда не выгонишь, пока он не сдохнет или не пойдет на поправку, — ответил Эрик. — Самое ее любимое занятие.

— Как знать, не пробудится ли в нем интерес к жизни просто потому, что она сидит рядом? А без помощи ему не обойтись. Пока инъекция не сделает свое дело, вам надо поддерживать его силы молоком или жидкой кашцей. Лучше всего, конечно, чтобы он пил сам. Но если не сможет, вливайте ему в глотку. Только осторожнее, а то он может захлебнуться.

На этот раз я мог применить по-настоящему действенное лекарство, что в те времена случалось не так уж часто, а потому бычок Эрика особенно меня интересовал и мне не терпелось узнать, вырвал ли я его из лап смерти. Но я помнил, что результаты проявятся не сразу, и заставил себя выждать пять дней.

И я шел через двор к хлеву, зная, что через несколько секунд мои сомнения разрешатся раз и навсегда: либо он издох, либо уже поправляется.

Стук моих каблуков по булыжнику не остался незамеченным: над нижней створкой двери возникла голова Джуди с настороженными ушами. Я ощутил прилив торжества: если сиделка на посту, значит, пациент жив. Окончательно я убедился в этом, когда собака на секунду исчезла из виду, а потом без малейших усилий перемахнула через створку и кинулась ко мне, прямо-таки извиваясь от восторга. Она словно пыталась сказать мне, что все идет хорошо.

Бычок, правда, еще лежал, но он обернулся ко мне, и я заметил, что изо рта у него свисает клок сена, зато языка не видно.

— Дело идет на поправку, а? — сказал Эрик, входя.

— Несомненно. Язык гораздо мягче. И по-видимому, он уже пытается есть сено?

— Ну, жевать-то он пока еще толком не может, зато молоко и кашку пьет вовсю. И вставать уже пробовал, только ноги пока плохо его держат.

Я достал новый флакон йодистого калия и повторил инъекцию. А Джуди снова почти тыкалась носом в иглу и упоенно внюхивалась. Взгляд ее был сосредоточенно устремлен на место укола, и она явно старалась не упустить ни одной подробности — во всяком случае, она громко отфыркивалась и опять возобновляла свои исследования.

Когда я кончил, она заняла обычную свою позицию возле головы, и, уходя, я заметил, что она как-то странно покачивается, но потом сообразил, что она, сидя, виляет хвостом, скрытым в соломе.

— Во всяком случае, Джуди довольна, — сказал я.

— Еще как! — кивнул фермер. — Ей нравится во все соваться. Она ведь вылизывает каждого новорожденного теленка, а когда наша кошка котится, так и каждого котенка.

— Прямо повитуха, а?

— Во-во! И еще одна странность: она просто живет на скотном дворе, У нее хорошая теплая конура, так она в нее и не заглядывает, а спит каждую ночь в соломе рядом со скотиной.

Снова я навел бычка неделю спустя, и на этот раз, увидев меня, он начал носиться по стойлу, точно скаковая лошадь. Когда наконец я, запыхавшись, загнал его в угол и ухватил за морду, во мне все ликовало. Я сунул пальцы ему в рот: язык стал упругим и уменьшился почти до нормальных размеров.

— Сделаем еще инъекцию, Эрик, — сказал я. — Если не очистить все как следует, язык начнет опять деревенеть. — Я принялся разматывать шланг. — Кстати, я что-то не вижу Джуди.

— Так она, наверное, решила, что он уже выздоровел. Да и нынче у

нее другая забота. Вон поглядите!

Я взглянул в дверь и увидел, что Джуди торжественно выступает по двору, неся во рту что-то желтое и пушистое.

Я вытянул шею.

— Что это она несет?

— А цыпленка.

— Цыпленка?

— Ну да. Вывелись месяц назад. Так старушка решила, что им лучшее место в конюшне. Устроила им там гнездо и все пробует свернуться вокруг них, только ничего у нее не получается.

Джуди скрылась в конюшне, но вскоре появилась снова и побежала к кучке цыплят, которые весело поклевывали между булыжниками, осторожно забрала одного в пасть и направилась к конюшне. Оттуда ей навстречу выбежал первый цыпленок и засеменил к остальной компании.

Усилия ее пропадали напрасно, но я не сомневался, что она не отступится — такой уж она родилась, Джуди, собака-сиделка никогда не сменялась с дежурства.

Мое пребывание в госпитале порождало у меня много разных мыслей. Например, что в моей ветеринарной практике я держу нож, а не лежу под ножом, и это много предпочтительнее.

И мне вспомнилось, с каким удовольствием года за два до войны я занес скальпель над распухшим собачьим ухом. Тристан, томно облокотившийся о стол, держал анестезионную маску у собачьего носа. В операционную вошел Зигфрид. Он бросил беглый взгляд на пациента.

— А, да! Гематома, про которую вы мне рассказывали, Джеймс... — Но тут он посмотрел на брата: — Боже великий, ну и вид у тебя с утра! Когда ты вчера вернулся?

Тристан обратил к нему бледную физиономию: между опухшими веками еле проглядывали покрасневшие глаза.

— Право, не знаю. Довольно поздно, как мне кажется.

— Довольно поздно! Я вернулся с опороса в четыре утра, а ты еще не явился! Где ты, собственно, был?

— Я был на балу держателей лицензированных заведений. Отлично, между прочим, организованном.

— Еще бы! — Зигфрид гневно фыркнул. — Ты ничего не пропускаешь, а? Банкет метателей дротиков, пикник звонарей, вечер голубеводов и вот теперь — бал держателей лицензированных заведений! Если где-то есть случай налакаться, уж ты его не упustiшь!

Под огнем Тристан всегда проникался особым достоинством, и теперь он закутался в него, как в ветхий плащ.

— Дело в том, — сказал он, — что многие держатели указанных заведений входят в число моих друзей.

Его брат побагровел.

— Охотно верю. Лучшего клиента, чем ты, у них, наверное, не было и никогда не будет.

Вместо ответа Тристан внимательно проверил анестезионный аппарат.

— И еще одно, — продолжал Зигфрид. — Я постоянно встречаю тебя с разными девицами. А ведь ты, предположительно, готовишься к экзамену.

— Ты преувеличиваешь! — Тристан оскорбленно посмотрел на него. — Не спорю, я иногда люблю женское общество — как и ты сам!

Тристан свято верил, что нападение — лучший вид обороны, а это был меткий удар: прекрасные поклонницы Зигфрида буквально осаждали

Скелдейл-Хаус.

Но старший брат и глазом не моргнул.

— Причем тут я? — рывкнул он. — Я-то сдал все экзамены. Мы говорим о тебе. Ведь это тебя я видел позавчера вечером с новой официанткой из «Гуртовщиков»? Ты тут же юркнул за угол, но я знаю, что это был ты!

Тристан откашлялся.

— Очень возможно. Мы с Лидией друзья. Она очень милая девушка.

— Вполне допускаю. Но мы говорим не о ней, а о твоём поведении. Я требую, чтобы ты проводил вечера дома за учебниками. Хватит напиваться и бегать за юбками! Понятно?

— Более чем! — Тристан изящно наклонил голову и прикрыл клапан анестезионного аппарата.

Зигфрид, тяжело дыша, еще несколько секунд жег его взглядом. Такие нотации всегда выматывали его. Потом он быстро повернулся и ушел.

Едва дверь за ним закрылась, Тристан весь поник.

— Пригляди за аппаратом, Джим, — просипел он, пошел к раковине в углу, налил в мензурку холодной воды и выпил ее одним долгим глотком. Потом смочил кусок ваты и приложил его ко лбу.

— Ну зачем ему понадобилось приходить именно сейчас? Я просто не в силах слушать упрёки в повышенном тоне. — Он взял флакон таблеток от головной боли, сунул в рот несколько штук и запил их еще одним гигантским глотком. — Ну ладно, Джим, — пробормотал он, вернувшись к аппарату, — будем продолжать.

Я вновь нагнулся над спящей собакой. Это был скотч-терьер по кличке Хэмиш, и его хозяйка, мисс Уэстермен, привела его к нам два дня назад.

В прошлом она была учительницей, и я не раз думал, что поддерживать дисциплину в классе ей, вероятно, не составляло ни малейшего труда. Холодные белесые глаза смотрели на меня чуть ли не сверху вниз, а квадратный подбородок и мощные плечи довершали сокрушающее впечатление.

— Мистер Хэрриот! — скомандовала она. — Я хочу, чтобы вы посмотрели Хэмиша. Надеюсь, ничего серьезного нет, но ухо у него распухло и стало очень болезненным. У них ведь там не бывает... э... рака, не так ли? — На мгновение стальной взгляд дрогнул.

— Ну, это крайне маловероятно, — сказал я, приподнял черную мордочку и осмотрел обвисшее левое ухо. Собственно говоря, вся его голова казалась перекошенной, словно от боли.

Очень бережно я взял ухо и легонько провел указательным пальцем по

тугой припухлости. Хэмиш взвизгнул.

— Понимаю, старина. Очень больно. — Повернувшись к мисс Уэстермен, я чуть не боднул ее — так низко коротко остриженная седая голова наклонялась к песику.

— У него гематома ушной раковины, — сказал я.

— А что это такое?

— Ну... мелкие кровеносные сосуды между кожей и надхрящницей разрываются и кровь, вытекая, образует вот такое вздутие.

Она погладила косматую угольно-черную шерсть.

— Но что вызывает этот разрыв?

— Обычно экзема. Он последнее время, наверное, часто встряхивал головой?

— Да, пожалуй. Я как-то не обращала внимания, но теперь, когда вы спросили... Словно у него что-то застряло в ухе и он старается вытряхнуть помеху.

— Это и вызвало разрыв сосудов. Да, у него действительно есть небольшая экзема, хотя для его породы это редкость.

Она кивнула.

— А лечение?

— Боюсь, тут помогает только операция.

— Боже мой! — Она прижала ладонь ко рту. — А без нее никак нельзя?

— Не тревожьтесь, — сказал я. — Надо только выпустить кровь и подшить отслоившуюся кожу. Если этого не сделать, он будет мучиться еще долго, а ухо навсегда останется изуродованным. Такому красавчику это совсем ни к чему.

Говорил я вполне искренне. Хэмиш был отличным образчиком своей породы. Шотландские терьеры — удивительно симпатичные собаки, и я очень жалею, что теперь они почти исчезли.

После некоторых колебаний мисс Уэстермен дала согласие, и мы договорились, что я прооперирую его через два дня. Явившись с Хэмишем к условленному часу, она положила его мне на руки, несколько раз погладила по голове, а потом посмотрела на Тристана и снова на меня.

— Вы ведь его побережете? — сказала она, выставив подбородок и устремив на нас белесые глаза. На мгновение я почувствовал себя гадким шалунишкой, которого застигли на месте преступления, и, по-видимому, Тристан тоже испытал нечто подобное — во всяком случае, когда бывшая учительница удалилась, он тяжело перевел дух и пробормотал:

— Черт подери, Джим, с ней шутки плохи! Не хотел бы я попасть ей

под сердитую руку.

Я кивнул.

— Согласен. А на своего пса она не надышится, так что давай постараемся.

Когда Зигфрид вышел, я приподнял ухо, которое теперь напоминало надутый колпачок, сделал надрез по внутренней поверхности ушной раковины, поставил эмалированную кювету под брызнувшую кровь, а затем выдавил из раны несколько больших сгустков.

— Не удивительно, что малыш визжал, — заметил я. — Ну да когда он проснется, ему уже будет легче.

Полость между кожей и надхрящницей я заполнил сульфаниламидом, а затем начал шить с пуговками. Без них кровь могла просочиться в полость, и через несколько дней возникла бы новая гематома. Когда я только начал оперировать ушные гематомы, я вкладывал в полость марлевый тампон, после чего прибинтовывал ухо к голове. Чтобы удержать повязку на месте, хозяева нередко надевали на собак смешные чепчики, но это мало помогало и непоседливые собаки скоро срывали чепчик вместе с повязкой.

Пуговики были гораздо надежнее: расслоившиеся ткани плотнее прилегали друг к другу, и это снижало возможность смещения.

К обеду Хэмиш очнулся и, хотя был еще немного сонным, казалось, испытал довольно большое облегчение от того, что его ухо вновь стало плоским. Утром мисс Уэстермен предупредила, что уезжает на весь день, и обещала забрать его вечером. Черный песик, чинно свернувшись в своей корзинке, философски поджидал хозяйку.

За чаем Зигфрид посмотрел через стол на брата.

— Тристан, я на несколько часов уезжаю в Бротон, — сказал он. — Будь добр, останься дома и отдай мисс Уэстермен ее терьера. Когда она за ним заедет, я точно не знаю. — Он положил себе ложку джема. — Ты можешь приглядывать за Хэмишем и одновременно заниматься. Пора тебе провести дома хотя бы один вечер.

Тристан кивнул:

— Хорошо. Я останусь.

Но я заметил, что сказал он это без всякой радости.

Когда Зигфрид уехал, Тристан потер подбородок и задумчиво уставился на темнеющий сад за стеклянной дверью.

— Это очень не вовремя, Джим.

— А почему?

— Лидия нынче вечером свободна, и я обещал с ней встретиться. —

Он тихонько засвистал. — Жаль упускать случай, когда все идет так хорошо. По-моему, я ей очень нравлюсь. Она стала уже совсем ручной.

Я посмотрел на него с удивлением;

— А мне казалось, что после вчерашнего ты будешь мечтать только о тишине, покое и о том, как бы лечь пораньше.

— Я? Да ничего подобного! Мне бы только вырваться отсюда!

И действительно, вид у него был свежий, глаза блестели, на щеках снова цвели розы.

— Послушай, Джим, — продолжал он. — А ты не посидел бы тут с собачкой?

— Извини, Трис, но мне надо посмотреть корову Теда Биннса. До его фермы далеко, и меньше чем за два часа я не обернусь.

Он помолчал, а потом поднял палец:

— Нашел! Так просто, лучше и не придумаешь. Я приведу Лидию сюда.

— Как? В дом?

— Именно. В эту самую комнату. Корзинку Хэмиша поставлю у камина, а мы с Лидией устроимся на диване. Чудесно! Что может быть приятнее в холодный зимний вечер? И к тому же никаких расходов.

— Трис! А Зигфрид? Что, если он вернется раньше времени и застукает вас тут? После его утренней нотации?

Тристан закурил сигарету и выпустил огромное облако дыма.

— Не вернется! Есть у тебя манера, Джим, изводить себя по пустякам. Из Бротона он всегда возвращается позже чем собирался. Все будет в ажуре.

— Ну как хочешь, — сказал я. — Но, по-моему, ты напрашиваешься на неприятности. И как насчет бактериологии? Экзамены ведь на носу.

Сквозь завесу дыма я увидел, что он ангельски улыбается.

— Быстренько подчитаю, и дело с концом.

На это мне возразить было нечего. Сам я по шесть раз перечитывал каждый параграф, но Тристану, с его быстрой сообразительностью, возможно, было вполне достаточно «подчитать» в последнюю минуту.

Я отправился на вызов и вернулся около восьми. Про Тристана я совсем забыл: корова Теда Биннса не поддавалась моему лечению и меня одолевали сомнения, правильный ли я поставил диагноз. В таких случаях я тороплюсь заглянуть в справочники, а они стояли на полках в гостиной, и я бросился туда по коридору почти бегом.

Распахнув дверь, я остановился на пороге в полном недоумении. Диван был подвинут к весело топящемуся камину, в воздухе висели облака

табачного дыма и резко пахло духами, но комната была пуста.

Удивительнее всего выглядела портьера над стеклянной дверью: она медленно опускалась, словно под ней секунду назад что-то пролетело на большой скорости. Я нырнул под нее и выглянул в темный сад. Из мрака донеслись звуки какой-то возни, шум падения и приглушенный вопль. Затем послышался дробный топот и пронзительные вскрики. Я постоял, вслушиваясь, а когда мои глаза привыкли к темноте, пошел по дорожке, которая вела вдоль кирпичной стены к калитке во двор. Калитка была распахнута, ворота, ведущие в проулок, — тоже, и опять — нигде ни души.

Я медленно пошел назад к светлому прямоугольнику стеклянной двери и уже собирался закрыть ее, когда почти рядом раздался шорох и напряженный шепот:

— Это ты, Джим?

— Трис! Откуда ты взялся?

Он на цыпочках прошел мимо меня в комнату и тревожно огляделся.

— Значит, это был ты, а не Зигфрид?

— Да. Я только что вернулся.

Он рухнул на диван и зажал голову в ладонях.

— Черт, черт, черт! Всего несколько минут назад я обнимал тут Лидию. Все было чудесно и удивительно. И тут я услышал, как открылась входная дверь.

— Но ты же знал, что я должен был вернуться примерно в это время!

— Да, и уже собирался крикнуть тебе, но тут вдруг мне втемяшилось, что это Зигфрид. Господи, думаю... Шаги в коридоре были ну совсем его.

— А дальше что произошло?

Он запустил пятерню в волосы.

— Ну, я спаниковал. Только что шептал Лидии на ушко всякие нежности, а тут схватил ее, сдернул с дивана и вышвырнул в сад.

— Я слышал какой-то глухой удар.

— Ну да. Лидия упала на альпийскую горку.

— А пронзительные крики?

Он вздохнул и зажмурился.

— Это была Лидия среди розовых кустов. Бедняжка ведь не знакома с планировкой нашего сада.

— Мне очень жаль, Трис, — сказал я. — Извини меня. Я не должен был врываться без предупреждения. Но я думал совсем о другом.

Тристан печально встал и потрепал меня по плечу:

— Ты ни в чем не виноват, Джим. Ты ведь меня предупредил. — Он мотнулся за сигаретами. — Прямо не знаю, как я с ней снова встречу. Я

ведь просто вытолкнул ее в проулок и без всяких объяснений крикнул, чтобы она со всех ног бежала домой. Конечно, она думает, что я псих.

И он испустил глухой стон.

— Ничего, ты ее успокоишь, — сказал я бодро. — Вы еще будете вместе весело над этим смеяться.

Но он не слушал. Расширенными от ужаса глазами он смотрел куда-то мимо меня. Потом медленно поднял дрожащий палец и указал в сторону камина. Его губы беспомощно задергались, и он с трудом проговорил:

— Джим, его нет!

На мгновение мне показалось, что от потрясения его рассудок помутился.

— Нет? Чего нет?

— Да проклятого терьера! Он же был там, когда я выскочил в сад. Вон там!

Я поглядел на пустую корзинку, и ледяная рука сжала мое сердце.

— Только не это! Он, наверное, выскочил в открытую дверь... Что с нами будет!

Мы кинулись в сад, но наши поиски не увенчались успехом. Сбегав в дом за фонариками, мы снова обыскали сад, двор и проулок, все безнадежнее зовя Хэмиша.

Десять минут спустя мы вернулись в гостиную и уставились друг на друга. Первым наши мысли облек в слова Тристан:

— Что мы скажем мисс Уэстермен, когда она явится за ним?

Я помотал головой. Попытка представить себе, как мы будем объяснять ей, что не уберегли ее песика, полностью парализовала мои мыслительные способности.

Тут в коридоре раздался резкий звонок, и Тристан буквально подпрыгнул.

— Господи! Это она. Пойди открой ей, Джим. Скажи, что виноват я... говори что хочешь... Только я к ней не выйду!

Расправив плечи, я прошел по бесконечному коридору и открыл дверь. Однако увидел я не мисс Уэстермен, а пышную крашеную блондинку, которая свирепо на меня уставилась.

— Где Тристан? — прошипела она голосом, сказавшим мне, что нам следовало бы опасаться не только мисс Уэстермен.

— Он... э...

— Я знаю, что он тут!

Она прошла мимо меня, и я заметил, что щека у нее выпачкана в земле, а волосы растрепаны. Следом за ней я вернулся в гостиную.

— Погляди на мои чулки! — крикнула она, грозно надвигаясь на Тристана. — От них же ничего не осталось!

Тристан нервно взглянул на ее красивые ноги.

— Извини, Лидия. Я куплю тебе новую пару. Честное слово, милая.

— Только попробуй не купи, сукин сын! — ответила она. — И никакая я тебе не милая! В жизни меня так не оскорбляли! Слишком много ты себе позволяешь!

— Но это же недоразумение! Я сейчас объясню...

Тристан сделал к ней шаг, пытаясь улыбнуться пообаятельнее, но она отстранилась.

— Держись подальше! — предупредила она ледяным тоном. — На сегодня с меня хватит.

Она величественно вышла из комнаты, и Тристан прижался лбом к каминной полке.

— Вот и кончилась чудесная дружба, Джим! — Он встряхнулся. — Ну, пошли искать эту псину.

Я направился в одну сторону, он — в другую. Ночь была безлунная, и в смоляном мраке мы искали угольно-черную собаку. Конечно, мы оба сознавали тщетность наших усилий, но ведь надо же было что-то делать!

В городках вроде Дарроуби улицы быстро переходят в неосвещенные проселки, и, пока я, спотыкаясь на каждом шагу, усердно вглядывался в тьму, укрывавшую поля, бессмысленность этих поисков становилась мне все ясней.

Порой моя орбита сближалась с орбитой Тристана, и я слышал его вопли, замиравшие в пустынной дали:

— Хэ-эмиш! Хэ-эмиш! Хэ-эмиш!..

Полчаса спустя мы встретились у дверей Скелдейл-Хауса. Тристан вопросительно поглядел на меня, я покачал головой, и он весь поник. Грудь его тяжело вздымалась, словно он запыхался, и я догадался, что все время, пока я ходил, он бегал — это, впрочем, было вполне естественно. Мы оба попали в крайне неприятное положение, но главный удар неизбежно должен был пасть на него.

— Что же, пойдем поищем еще, — с трудом выговорил он, и тут в дверь вновь позвонили.

Тристан побелел и уцепился за мою руку.

— Это уж точно мисс Уэстермен! Господи, она идет сюда!

В коридоре прозвучали быстрые шаги, дверь отворилась, но вошла не мисс Уэстермен, а Лидия. Она молча направилась к дивану, пошарила под ним, извлекла свою сумочку и вышла, не произнеся ни единого слова, но

испепелив Тристана уничтожающим взглядом.

— Ну и вечер! — простонал он, прижимая ладонь ко лбу. — Я долго не выдержу.

Мы рыскали в поисках Хэмиша еще час, но его нигде не было, и никто его не видел. Когда я наконец вернулся, Тристан с полуоткрытым ртом без сил лежал в кресле. Видно было, что он полностью измотан. Я покачал головой, он покачал головой, и тут зазвонил телефон.

Я снял трубку, послушал и повернулся к Тристану:

— Мне надо ехать, Трис. У старой лошади мистера Дру опять колики.

Он умоляюще протянул руку из недр кресла.

— Джим, неужели ты меня бросишь?

— К сожалению. Но я скоро вернусь. До фермы Дру всего милья.

— А вдруг явится мисс Уэстермен?

Я пожал плечами.

— Извинись перед ней, и все. Хэмиш наверняка найдется. Может быть, утром...

— Как у тебя все легко получается! — Он оттянул воротничок. — Ну, а Зигфрид? Вот он вернется и спросит про собаку. Что я ему скажу?

— Это пусть тебя не тревожит, — ответил я небрежно. — Скажешь ему, что занимался с официанткой из «Гуртовщиков» на диване и не мог отвлекаться по пустякам. Он поймет.

Но Тристан не оценил моей шутки. Он смерил меня холодным взглядом и закурил трепетавшую в его руке сигарету.

— Если не ошибаюсь, я уже говорил тебе, Джим, что есть в тебе какая-то омерзительная жестокость.

Лошадь мистера Дру почти совсем оправилась еще до моего приезда, но на всякий случай я сделал ей инъекцию легкого снотворного. На обратном пути мне вдруг пришла в голову блестящая мысль, и я свернул на дорогу, которая вела в обход городка к кварталу современных особнячков, где жила мисс Уэстермен. Остановив машину у номера десятого, я пошел по дорожке к крыльцу.

И действительно, там, уютно свернувшись на коврике, лежал Хэмиш. Он с сонным удивлением посмотрел на меня.

— Идем, милый, — сказал я, нагибаясь. — Ты куда умнее нас. И как мы раньше не сообразили?

Я посадил его на сиденье рядом с собой, и, едва машина тронулась, он уперся передними лапами в приборную доску и начал с интересом рассматривать шоссе, развертывавшееся в лучах фар. Поразительно невозмутимый песик!

Остановившись перед Скелдейл-Хаусом, я взял Хэмиша под мышку, поднялся на крыльцо и уже собирался повернуть дверную ручку, как вдруг вспомнил все шуточки Тристана, все розыгрыши, которые он мне устраивал: ложные телефонные вызовы, привидение у меня в спальне, и то, и другое, и третье. Собственно говоря, хотя мы и были друзьями, он никогда не упускал случая подурочить меня. На моем месте он был бы сейчас со мной беспощаден. И вот, вместо того чтобы, по обыкновению, просто войти, я нажал на звонок и несколько секунд не отнимал пальца от кнопки.

Сначала внутри царила могильная тишина, и я представил себе, как он ежится в кресле, собираясь с духом, чтобы встать и пойти навстречу грозной судьбе. Затем коридор осветился, и, внимательно вглядываясь в дверное стекло, я увидел, что из-за угла коридора выдвинулся нос, а затем настороженный глаз. Мало-помалу появилось все лицо, и тут Тристан узнал мою ухмыляющуюся физиономию и ринулся по коридору, потрясая кулаками.

В своем расстроенном состоянии он был вполне способен отдубасить меня хорошенько, но стоило ему увидеть Хэмиша, как все остальное вылетело у него из головы. Схватив лохматого песика, он принялся его ласкать.

— Миленькая собачка, умненькая собачка, — ворковал он, рысью возвращаясь в гостиную. — У-у, красавчик!

Он нежно уложил его в корзинку; Хэмиш поглядел вокруг с выражением, яснее всяких слов говорившим: «Э-гей, а мы снова тут!» — опустил голову на лапы и тут же уснул.

Тристан рухнул в кресло и уставился на меня остекленевшими глазами.

— Мы, конечно, спасены, Джим, — прошептал он. — Но после этого вечера я уже никогда не стану прежним. Я пробежал десятки миль, звал его и чуть не лишился голоса. Не знаю, как я остался жив, можешь мне поверить.

Я тоже испытывал бесконечное облегчение, тем более что мисс Уэстермен явилась через какие-то десять минут и мы еще острее почувствовали, как близка была неминуемая катастрофа.

— Миленький мой! — воскликнула она, когда Хэмиш прыгнул ей навстречу, растянув губы и неистово подергивая обрубком хвоста. — Я весь день так о тебе тревожилась!

Она нерешительно посмотрела на ухо, усаженное рядами пуговиц.

— Насколько лучше оно выглядит без этой ужасной опухоли! И как

аккуратно вы прооперировали! Благодарю вас, мистер Хэрриот, и вас тоже, молодой человек.

Тристан, кое-как поднявшийся на ноги, когда она вошла, слегка поклонился, а я проводил ее до дверей.

— Через полтора месяца снимем швы, — сказал я ей вслед и кинулся назад в гостиную.

— Зигфрид подъехал! Хотя бы сделай вид, что ты занимался.

Тристан подскочил к книжным полкам, схватил «Бактериологию» Гейгера и Дэвиса, записную книжку и нырнул в кресло. Когда вошел его брат, он был погружен в чтение.

Зигфрид остановился перед камином, грея руки. Он порозовел, и вид у него был самый благодушный.

— Я только что говорил с мисс Уэстермен, — объявил он. — Она очень довольна. Вы оба молодцы.

— Спасибо, — сказал я, но Тристану некогда было отвечать: он штудировал учебник, делая пометки в записной книжке. Зигфрид зашел за спинку кресла и поглядел на открытую страницу.

— А-а, *Clostridium septicum*, — пробормотал он со снисходительной улыбкой. — Да, бациллы этой группы стоит подучить. Без них ни один экзамен не обходится. — Он потрепал брата по плечу. — Рад видеть, что ты взялся за ум. А то последнее время ты только шалопайничал. Вечер за учебниками тебе очень полезен. Верно, Джеймс? — Он повернулся ко мне: — Вы сами ему скажите! Еще несколько таких вечеров, и он может ничего не опасаться.

— Совершенно верно.

— Наверстает все потерянное.

— Безусловно.

— Так-то! — И Зигфрид ушел спать.

Иногда нас отпускали в город. И вероятно, потому, что я недавно стал отцом, мое внимание на улицах неизменно привлекали детские коляски. Чаще всего их катили женщины, но иной раз можно было увидеть с коляской и мужчину. В городе такое зрелище, впрочем, ничего особенного собой не представляет. Другое дело, если мужчина толкает перед собой коляску по пустынному проселку. И тем более, если в коляске едет большая собака.

Именно это я увидел как-то утром в холмах над Дарроуби и невольно притормозил. В последние недели эта странная пара уже несколько раз попадалась мне на глаза, и было очевидно, что она появилась в наших краях совсем недавно.

Когда я поравнялся с коляской, мужчина посмотрел на меня, приветственно поднял руку и улыбнулся. Эта улыбка на черном от загара лице была удивительно дружелюбной. Я дал ему на вид лет сорок. Загорелая шея не стянута ни галстуком, ни воротничком, линиялая полосатая рубаша расстегнута на груди, хотя день выдался холодный.

Я невольно задумался, кто он такой и чем занимается. Костюм, состоявший из ветхой замшевой куртки для гольфа, вельветовых брюк и крепких сапог, ничего мне не сказал. Многие, возможно, сочли бы его просто бродягой, но в нем чувствовалась деловитая энергия, необычная для людей такой категории.

Я опустил стекло дверцы, и щеку мне обжег ледяной ветер йоркширского марта.

— Утро нынче морозное, — заметил я.

Он как будто удивился.

— Ага, — сказал он после паузы. — Похоже, что так.

Я поглядел на коляску, старую и ржавую, на восседающую в ней большого пса. Это был ларчер — помесь колли с грейхаундом. Он ответил мне взглядом, полным спокойного достоинства.

— Хороший пес, — сказал я.

— Джейк-то? Еще какой! — Он снова улыбнулся, открыв ровные белые зубы. — Лучше не найти.

Я кивнул на прощание и поехал дальше, но они еще долго отражались в зеркале заднего вида: коренастый мужчина, который бодро шагал, откинув голову и расправив плечи, и большой пятнистый пес,

возвышающийся над детской коляской, точно статуя.

Новая встреча с этой поразительной парой не заставила себя ждать. Я осматривал зубы ломовой лошади во дворе фермы и вдруг заметил, что выше по склону, за конюшней, у каменной стенки, стоит на коленях какой-то человек, а рядом возле детской коляски сидит на траве большая собака.

— Э-эй! Кто это? — спросил я у фермера, кивнув на холм.

Он засмеялся:

— Это Родди Трэверс. Вы его знаете?

— Нет. Как-то перекинулся с ним словом на дороге, и все.

— На дороге? Это верно. — Он кивнул. — Родди только там и увидишь.

— Но кто он? Откуда?

— Вроде бы он йоркширец, только точно не знаю. Да и никто не знает. Но я вам одно скажу: руки у него золотые. За что ни возьмется, все сделает.

— Да, — сказал я, наблюдая, как Трэверс ловко укладывает плоские камни, заделывая пролом в стене. — Теперь ведь мало кто берется чинить эти ограды.

— Верно. Работа не из простых, а умельцев все меньше становится. Родди тут мастер. Ну да ему все по плечу — что изгороди ставить, что канавы копать, что за скотиной ходить.

Я взял напильник и начал обтачивать острые углы на коренных зубах лошади.

— И долго он у вас останется?

— Как кончит со стенкой, так и уйдет. Я бы его подзадержал, да только он никогда в одном месте долго не остается.

— Но где-то у него есть же свой дом?

— Нету. — Фермер снова засмеялся. — Родди живет налегке. Все его добро у него в коляске.

На протяжении следующей недели, пока весна мало-помалу вступала в свои права и на солнечных склонах высыпали первоцветы, я часто видел Родди — то где-нибудь на дороге, то лихо орудующего лопатой в канаве, опоясывающей луга. И всегда тут же был Джейк — трусил рядом или сидел и смотрел, как он работает. Но встретились мы снова, только когда я вакцинировал овец мистера Паусона от размягченной почки.

Всего их было три сотни, и работники загоняли по несколько овец в маленький закут, где Родди хватал их и удерживал, пока я делал прививку. Оказалось, что и в этом он мастер. Полудикие овцы с холмов пулей проскакивали мимо него, но он спокойно ловил их за длинную шерсть, иногда даже в прыжке, и задирал передние ноги так, чтобы открылся голый

участочек кожи под мышкой, который природа, словно нарочно, создала для иглы ветеринара. Снаружи на открытом склоне в своей обычной позе сидел большой ларчер и с легким интересом посматривал на местных собак, которые рыскали между загонами, но ни в какое общение с ними не вступал.

— А он у вас хорошо воспитан, — заметил я.

Родди улыбнулся:

— Да, Джейк не будет бегать туда-сюда, мешая людям. Он знает, что должен сидеть там, пока я не кончу. Вот он и сидит.

— Причем, судя по его виду, вполне этим доволен. — Я снова взглянул на Джейка, такого спокойного и счастливого. — И жизнь он ведет чудесную, странствуя с вами повсюду.

— Что так, то так, — вмешался мистер Паусон, пригнавший новую порцию овец. — Никаких забот не знает, прямо как его хозяин.

Родди промолчал, но когда овцы вбежали в закус, он выпрямился и перевел дух. Ему приходилось нелегко, и по его лбу стекали струйки пота, но взгляд, которым он обвел вересковую пустошь и встающий за ней склон холма, был исполнен удивительной безмятежности. И тут он сказал:

— Пожалуй, так оно и есть. Нам с Джейком тревожиться не из-за чего.

Мистер Паусон весело ухмыльнулся:

— Вот это ты правду сказал, Родди. Ни жены, ни ребят, ни взносов по страховке, ни долга в банке — не жизнь у тебя, а малина.

— Оно так, — заметил Родди. — Да ведь и денег тоже нету.

Фермер бросил на него лукавый взгляд:

— Значит, что же? У тебя на душе поспокойнее было бы, если бы ты отложил денег на черный день?

— Да нет! С собой же их таскать не будешь, а пока человеку на расходы хватает, с него и довольно.

В этих словах не было ничего особенно оригинального, но я запомнил их на всю жизнь. Потому что сказал их Родди — и сказал с неколебимым убеждением.

Когда я кончил и овцы радостно затрусили назад в луга, я повернулся к Родди:

— Большое спасибо. Мне куда легче работать, когда у меня такой помощник, как вы. — Я вынул сигареты. — Хотите?

— Нет, спасибо, мистер Хэрриот. Я не курю.

— Неужели?

— Ага. И не пью. — Он мягко улыбнулся мне, и я вновь почувствовал в нем особое душевное и физическое здоровье. Он не пил, не курил,

трудился под открытым небом, не ища материальных благ, не мучаясь честолюбивыми желаниями, — вот откуда эти ясные глаза, свежее лицо и крепкие мышцы. Он не выглядел дюжим силачом, но в нем было что-то несокрушимое.

— Ну, Джейк, пора обедать, — сказал он, и большой пес радостно запрыгал вокруг него. Я ласково заговорил с Джейком, а он в ответ бешено завилял хвостом и дружески повернул ко мне узкую красивую морду. Я погладил его, потрепал за ушами.

— Какой красавец, Родди! Лучше не найти, как вы тогда сказали.

Я пошел в дом вымыть руки и на крыльце оглянулся. Они устроились под оградой: Родди раскладывал на земле термос и пакет с едой, а Джейк нетерпеливо на него поглядывал. Ветер свистел над оградой, на них лились солнечные лучи, и оба выглядели удивительно счастливыми.

— Он, знаете, гордый, — сказала фермерша, когда я нагнулся над раковиной. — Разве ж я его не накормила бы? Но он в кухню не пойдет, а сидит вот так со своей собакой.

Я кивнул.

— А где он спит, когда работает на фермах?

— Да где придется. На сеновале, в амбаре, а то и под изгородью. У нас он ночует в свободной комнате. Да его всякий в дом пригласит, потому что он на редкость опрятный.

— Вот как? — Я взял висевшее на крюке полотенце. — Значит, независимый человек.

Она задумчиво улыбнулась:

— Что есть, то есть. Ему, кроме его собаки, никто не нужен. — Она вытащила из духовки благоухающую сковороду жареной ветчины и поставила ее на стол. — Но я вам вот что скажу: другого такого поискать. Родди Трэверс всем нравится, уж очень он хороший человек.

Родди оставался в окрестностях Дарроуби все лето, и я постоянно видел его то на фермах, то с детской коляской на дороге. Во время дождя он облачался в рваное габардиновое пальто, слишком для него длинное, но все остальное время расхаживал в куртке для гольфа и вельветовых брюках. Не знаю, как он обзавелся своим гардеробом, но конечно, в гольф он ни разу в жизни не играл. Это была еще одна из окружавших его маленьких тайн.

Как-то утром в начале октября я встретил его на проселке среди холмов. Ночью подморозило и пастбища побелели — каждая травинка была обведена жесткой каймой инея.

Я был закутан до ушей и постукивал пальцами в перчатках, чтобы согреть их, но первое, что я увидел, опустив стекло, была голая грудь под

расстегнутой рубашкой без воротничка.

— Доброго вам утра, мистер Хэрриот, — сказал он. — Рад, что мы встретились. — Он помолчал и одарил меня своей безмятежной улыбкой. — Тут еще работы недели на две, а потом я пойду дальше.

— Ах так! — Я уже познакомился с ним достаточно близко, чтобы не спрашивать, куда он собрался, и просто поглядел на Джейка, обнюхивавшего трапу на обочине. — Как вижу, сегодня он решил прогуляться.

Родди засмеялся:

— Ну, иногда ему побегать хочется, а иногда прокатиться. Сам решает.

— Ну что же, Родди, — сказал я, — до новой встречи. Желаю вам всего хорошего.

Он помахал мне и бодро зашагал по замерзшей дороге, а меня охватило странное ощущение утраты.

Но я поторопился. Часов в восемь вечера раздался звонок в дверь. Я открыл и увидел на крыльце Родди. Позади него в морозных сумерках маячила вездесущая коляска.

— Вы моего пса не поглядите, мистер Хэрриот?

— А что с ним?

— Толком не знаю. Вроде бы... как обмирает.

— Обмирает? Джейк? На него это как-то не похоже. А кстати, где он?

Родди указал назад.

— В коляске. Под брезентом.

— Хорошо. — Я распахнул дверь пошире. — Везите его в дом.

Родди ловко втащил заржавелую колымажку на крыльцо и под скрипы и взвизгивания колес покатыл ее по коридору к смотровой. Там он отстегнул застёжки, откинул брезент, и в ярком свете ламп я увидел вытянувшегося под ним Джейка. Его голова лежала на свернутом габардиновом пальто, а по сторонам ютилось все земное имущество его хозяина: перевязанный бечевкой узелок со сменной рубашкой и носками, пачка чая, термос, нож с ложкой и старый армейский ранец.

Пес поднял на меня полные ужаса глаза, я погладил его и почувствовал, что все его тело дрожит мелкой дрожью.

— Пока оставьте его в коляске, Родди, и расскажите поточнее, что с ним такое.

Он сплел подрагивающие пальцы.

— Это днем началось. Бегал себе в траве, радовался и вдруг свалился, вроде как в припадке.

— В каком припадке?

— Напрягся весь и упал на бок. Лежит, задыхается, на губах пена. Я уж думал, ему конец. — Глаза Родди расширились, уголки рта задержались при одном воспоминании об этой минуте.

— И долго это длилось?

— Да несколько секунд. А потом вскочил, словно ничего и не было.

— Но затем все повторилось снова?

— Ага. И опять, и опять. Я чуть не свихнулся. А в промежутках он словно совсем здоров. Ну совсем здоров, мистер Хэрриот!

Зловещие симптомы начинающейся эпилепсии?

— Сколько ему лет? — спросил я.

— В феврале пять сравнялось.

Ну во всяком случае, для эпилепсии поздновато. Я взял стетоскоп и прослушал сердце. Слушал я очень внимательно, но в ушах у меня раздавались только быстрые частые удары, вполне нормальные для испуганного животного. Никаких отклонений. Температура тоже оказалась нормальной.

— Давайте положим его на стол, Родди. Беритесь сзади.

Большой пес бессильно повис у нас на руках, но, немного полежав на гладком столе, робко посмотрел вокруг, осторожно приподнялся и сел. Потом лизнул щеку хозяина, и хвост между задними лапами завилял.

— Вы только посмотрите! — воскликнул Родди. — Опять он совсем здоров. Будто ничего с ним и не было.

И действительно, Джейк совсем ободрился. Он раза два покосился на пол, потом вдруг спрыгнул со стола, подбежал к хозяину и положил лапы ему на грудь, отчаянно виляя хвостом.

Я оглядел его.

— Ну вот и прекрасно. Мне он было не понравился, но, по-видимому, все прошло. Я сейчас...

Испуганно замолчав, я устоял на Джейка. Он соскользнул на пол и широко раскрыл пасть в отчаянной попытке вздохнуть. Судорожно хрипя и пошатываясь, он побрел по комнате, наткнулся на коляску и упал на бок.

— Да что же это... Быстрее! Положим его на стол! — Я ухватил пса поперек живота, и мы взвалили его назад на стол.

Я тупо смотрел на распростертое тело. Джейк уже не пытался вздохнуть. Он был без сознания и не дышал. Я нащупал пульс под задней лапой — частый, хотя и слабый... Но он же не дышит!

Смерть могла наступить в любую секунду, а я беспомощно стою рядом, и от всех моих ученых познаний нет никакого толку. В полном отчаянии я хлопнул пса ладонью по ребрам.

— Джейк! — крикнул я. — Да что с тобой, Джейк?

Словно в ответ, ларчер хрипло задышал, веки у него задержались и он посмотрел по сторонам. Но он все еще был скован смертельным страхом, и я начал ласково поглаживать его по голове.

Долгое время мы молчали, потом пес оправился, сел и посмотрел на нас спокойными глазами.

— Ну вот, — тихо сказал Родди. — Опять то же самое. Ну ничего не понимаю! А ведь я кое-чего про собак знаю.

Я промолчал. Я тоже ничего не понимал, а ведь я был дипломированным ветеринаром.

— Родди, это был не припадок, — сказал я наконец. — Он давился. Что-то перекрывает дыхательное горло. — Я вынул из нагрудного кармана электрический фонарик. — Сейчас погляжу.

Раскрыв Джейку пасть, я прижал указательным пальцем язык и посветил фонариком. Он был добродушным, флегматичным псом и не пытался вырваться, но я все равно не увидел ничего ненормального. Про себя я отчаянно надеялся, что обнаружу где-нибудь в глотке застрявший кусок кости, но луч тщетно скользил по розовому языку, по здоровым миндалинам и поблескивающим задним зубам. Нигде ничего.

Я попробовал запрокинуть его голову еще больше, и тут он весь напрягся, а Родди вскрикнул:

— Опять начинается!

Он не ошибся. Я в ужасе смотрел, как пятнистое тело вновь распростерлось на столе. Вновь пасть разинулась, а на губах запузырилась пена. Вновь дыхание остановилось и грудная клетка замерла в неподвижности. Шли секунды, я шлепал ладонью по ребрам, но теперь это не помогало. Мне вдруг стала ясна вся трагичность происходящего: это же был не просто пес, для Родди это было самое близкое в мире существо, а я стою и смотрю, как он издыхает.

И тут я услышал слабый звук, глухой кашель, от которого губы собаки даже почти не дрогнули.

— Черт подери! — крикнул я. — Он же давится, давится! Значит, там что-то должно быть!

Опять я приподнял голову Джейка и сунул фонарик в пасть, и тут — я никогда не перестану этому радоваться! — пес снова кашлянул, узкая голосовая щель приоткрылась и на миг показала причину удушья. Там за провисающим надгортанником я увидел что-то вроде горошины.

— По-моему, камешек! — ахнул я. — Над самой трахеей.

— В кадыке, что ли?

— Вот именно. И камешек это время от времени перекрывает дыхательную трубку, точно шариковый клапан. — Я встряхнул голову Джейка. — Сейчас я сместил камешек, и вот видите, он уже приходит в себя.

Вновь Джейк ожил и задышал ровно.

Родди провел ладонью по узкой голове, по спине, по мощным мышцам задних ног.

— Но... но он же опять будет давиться?

Я кивнул.

— Боюсь, что да.

— А потом камешек застрянет поплотнее и он задохнется? — Родди побелел.

— Вполне возможно. Поэтому камешек необходимо извлечь.

— Как же?..

— Вскрыть горло. И немедленно. Другого выхода нет.

— Ладно. — Он сглотнул. — Делайте. Если он опять свалится, я не выдержу.

Я хорошо понимал, что он чувствует. У меня у самого подгибались колени, и я боялся, что могу потерять сознание, если Джейк снова начнет давиться.

Схватив ножницы, я быстро выстриг шерсть с нижней поверхности горла. Дать общий наркоз я не рискнул, а сделал местную анестезию. Потом протер участок спиртом. К счастью, в автоклаве лежали уже стерилизованные инструменты, я вынул из него поднос и поставил на каталку рядом со столом.

— Крепче держите голову, — хрипло скомандовал я и взял скальпель.

Я рассек кожу, фасцию, тонкие слои грудинно-подъязычной и лопаточно-подъязычной мышц и обнажил вентральную поверхность гортани. На живой собаке я никогда ничего подобного не делал, но тут было не до колебаний. Еще две-три секунды, чтобы рассечь слизистую оболочку и заглянуть внутрь.

Вот он! Действительно камешек. Серый, блестящий и совсем маленький. Однако достаточно большой, чтобы убить.

Необходимо было быстро извлечь его точным движением, чтобы не протолкнуть в трахею. Я откинулся, порылся в инструментах, взял анатомический пинцет и занес его над разрезом. Конечно, у великих хирургов руки так не трясутся и они не пыхтят. Но я стиснул зубы и ввел пинцет в разрез. Когда я подвел его к камешку, моя рука, словно по волшебству, перестала дрожать.

Пыхтеть я тоже перестал. Собственно говоря, я ни разу не вздохнул, пока очень медленно и осторожно извлекал блестящий камешек наружу. Но вот он с легким стуком упал на стол.

— Это он? — шепотом спросил Родди.

— Да. — Я взял иглу и шелк. — Все в порядке.

На зашивание ушло всего несколько минут, но под конец Джейк уже нетерпеливо перебирал лапами и поглядывал вокруг блестящими глазами. Он словно понимал, что все неприятности позади.

Родди вернулся с ним через десять дней снять швы. Собственно говоря, это было его последнее утро в наших краях, и, вытащив несколько шелковых петелек из отлично зажившей ранки, я проводил его до дверей, а Джейк крутился возле нас.

На тротуаре у крыльца во всем своем дряхлом ржавом величии стояла старая коляска. Родди откинул брезент.

— Ну-ка! — сказал он, и большой пес вспрыгнул на свое привычное место.

Родди взялся за ручку обеими руками, и осеннее солнце, вдруг выплывшее из-за туч, внезапно озарило картину, успевшую стать такой знакомой и привычной. Куртка для гольфа, расстегнутая рубашка, загорелая грудь, красавец пес, небрежно посматривающий по сторонам со своего высокого трона.

— Ну, всего хорошего, Родди, — сказал я. — Думаю, вы сюда еще вернетесь.

Он обернулся, и я снова увидел его улыбку.

— Да, наверное.

Он толкнул коляску, и они отправились в путь — нелепая повозочка скрипела, а Джейк мягко покачивался в ней. И тут я вспомнил то, что увидел под брезентом в тот вечер в операционной. Ранец, в котором, конечно, хранятся бритва, полотенце, мыло и еще другие мелочи. Пачка чая, термос. И еще кое-что — старая помятая фотография молодой женщины, случайно выскользнувшая из конверта. Она и усугубила таинственность этого человека, и многое прояснила.

Фермер был прав. Все свое имущество Родди вез в своей коляске. И по-видимому, ему больше ничего не было нужно — во всяком случае, заворачивая за угол, он что-то бодро насвистывал.

Я не особенный любитель пустой болтовни. Но когда после госпиталя меня назначили кладовщиком на склад военного обмундирования и потянулись долгие дни одиночества, я вдруг понял, какое удовольствие получал от разговоров с фермерами во время моих визитов.

Это одна из приятнейших сторон сельской практики, но, слушая, не следует отвлекаться от дела, а не то могут выйти большие неприятности. И на ферме мистера Даглби я чуть было не вляпался в жуткую историю. Он выращивал поросят на продажу в ветхих сараюшках за железной дорогой неподалеку от Дарроуби. И был завзятым любителем крикета, знатоком истории и фольклора этой игры, о которой мог говорить часами. Ему эта тема никогда не приедалась.

А я охотно слушал, потому что всегда интересовался крикетом, хотя и вырос в Шотландии, где в него почти не играют. И пока я осматривал поросят, мои мысли были далеки: я видел перед собой овальное поле в Хедингли и замечательных йоркширских крикетистов.

— А Лен Хаттон в субботу! — благоговейно вздохнул мистер Даглби. — Сто восемьдесят очков! Так и не дал себя выбить. Смотреть на него было одно удовольствие. — И он очень удачно изобразил коронный удар своего героя.

— Да, могу себе представить! — кивнул я с улыбкой. — Вы сказали, что поросята прихрамывают, мистер Даглби?

— Утром некоторые прыгали на трех ногах. А Морис Лейланд почти ему не уступал. Классом он, конечно, чуть пониже, но уж он им показал!

— Да, Морис — настоящий лев. — Я нагнулся, ухватил поросенка за хвост и поставил ему термометр. — Помните его с Эдди Пойнтером в игре с австралийцами?

Он мечтательно улыбнулся.

— Помню? Да разве такое забудешь? Что за день был!

Я извлек термометр.

— А у малыша температура. Сорок и шесть. Значит, какая-то инфекция. Может быть, легкое воспаление суставов... — Я ощупал маленькие розовые ножки. — Но суставы не распухли...

— Билл Боуз, я так думаю, вынесет нынче «Сомерсет». Отбивать для него самое милое дело.

— Да, это у него отлично получается! — сказал я. — Люблю, когда

отбивают точно и сильно. Наверное, вы их всех видели — и Ларвуда, и Воука, и Аллена, и всех остальных?

— Что так, то так. Если уж я о них заговорю, так до ночи не остановлюсь.

Я поймал еще одного хромого поросенка и осмотрел его.

— Странно, мистер Даглби! Половина поросят в этом закутке хромают, а почему — непонятно.

— Так вы же сами сказали: суставы у них воспалились. Сделайте им какой-нибудь там укол, а я пока расскажу вам про то, как Уилфред Родс у меня на глазах...

— Правильно, сделаем им укольчик, — сказал я, наполняя шприц. — Маркировочный карандаш у вас найдется?

Фермер кивнул и ухватил поросенка, который тут же принялся возмущенно визжать.

— Другого такого, как Уилфред, — продолжал мистер Даглби, перекидывая поросенка, мы еще долго не увидим. Помнится, как раз дождик пошел, а капитан накидывает ему мяч...

Я улыбнулся и поднял шприц. Эти воспоминания так приятно скрашивают скучную процедуру! Довольный и веселый, я уже собирался вколоть иглу в розовый окорочек, как вдруг какой-то предприимчивый поросенок начал грызть каблук моего резинового сапога. Я посмотрел вниз на задранные мордочки толпившихся вокруг малышей, которых взбудоражил визг их братца.

Мои мысли все еще были заняты Уилфредом Родсом, когда я вдруг заметил на одном из пяточков какую-то белую шишечку. И вон у того шишечка... и у того... До сих пор они лихо удирали от меня, и мордочек их я не видел, но тут у меня защемило внутри.

Я нагнулся, схватил поросенка и едва нажал на эту шишечку, как по моей спине пробежал ледяной озноб, а заманчивое видение залитого солнцем зеленого крикетного поля сразу померкло. Это была не шишечка, а тонкий пузырек, тут же лопнувший под моими пальцами.

Я перевернул поросенка, чувствуя, как у меня трясутся руки, и осмотрел раздвоенные копытца. Вокруг них тоже были пузыри, не такие четкие и выпуклые, но тем не менее полностью подтверждавшие грозную правду.

У меня пересохло во рту. Я поднял еще двух... То же самое! Испытывая невыносимую жалость, я повернулся к фермеру. Меня охватило безотчетное чувство вины: он все еще радостно улыбался, торопясь возобновить рассказ, а мне предстояло ошеломить его самым страшным

диагнозом, какой только может поставить ветеринар.

— Мистер Даглби, — пробормотал я, — боюсь, мне надо будет позвонить в министерство сельского хозяйства.

— В министерство? Это зачем?

— Сообщить, что у меня есть подозрение на ящур.

— Как ящур? Не может быть!

— К сожалению, это так.

— Вы уверены?

— Я не вправе давать окончательное заключение, мистер Даглби. Это — дело министерского специалиста, а я обязан немедленно позвонить туда.

Я не думал, что у мистера Даглби есть телефон, но он подрабатывал доставкой угля и поставил себе аппарат. Я сразу же дозвонился, и меня соединили с Невиллом Крэгом, одним из министерских ветеринаров.

— Очень похоже, Джим, — простонал он. — Оставайтесь там, я сейчас приеду.

На кухне мистер Даглби вопросительно посмотрел на меня:

— И что теперь?

— Вам придется потерпеть мое присутствие, — ответил я. — Пока они не придут к точному выводу, я не имею права уехать.

Он помолчал.

— Ну, а если это то, так что дальше?

— Боюсь, ваших поросят придется забить.

— Всех до единого?

— К сожалению, таков закон. Но вы получите компенсацию.

Он почесал в затылке.

— Но ведь они могут выздороветь. Так чего же их всех резать?

— Вы совершенно правы, многие животные выздоравливают. — Я пожал плечами. — Но ящур чрезвычайно заразен. Пока вы будете их лечить, он перекинется на соседние фермы, а потом охватит всю страну.

— Ну, а как же расходы? Небось обходится в тысячи фунтов?

— Безусловно. Только без этого выйдет еще дороже. Помимо павших животных, учтите еще потери в молоке и нагуле у коров, свиней и овец. Это означало бы ежегодно миллионы. Счастье еще, что Британия — остров.

— Пожалуй, вы дело говорите. — Он потянулся за трубкой. — По-вашему, мои перезаразились?

— Да.

— Ну что же, — буркнул он. — И не такое случается.

Старинное йоркширское присловье. Сколько раз я слышал его в

ситуациях, когда почти любой горожанин, включая и меня, начал бы биться головой о стенку. Маленькое хозяйство мистера Даглби должно было скоро окутаться кладбищенской тишиной, а он только зажал трубку в зубах и сказал: «Ну что же, и не такое случается».

Чтобы вынести заключение, министерским специалистам много времени не потребовалось. Источником инфекции, по-видимому, было импортное мясо, которое мистер Даглби, готовя пойло, не проварил как следует. Ввиду появления ящура на округу в радиусе пятнадцати миль был наложен карантин. Я продезинфицировался сам, продезинфицировал машину и отправился домой. Там я сразу разделся, мою одежду забрали для обеззараживания, а я влез в горячую ванну с дезинфектантом.

Лежа в клубах пара, я раздумывал о том, что чуть было не произошло. Если бы я не обратил внимания на странные шишечки, то ничтоже сумняшеся отправился бы дальше распространять гибель и хаос. Правда, покидая любую ферму, я всегда тщательно мыл сапоги. Но ведь эти поросята покусывали полы моей длинной куртки... А шприц? А термометр? И ведь после них я собирался отправиться прямо к Теренсу Бейли осматривать его бесценное стадо элитных шортгорнов — двести великолепнейших молочных коров, плод тщательного отбора на протяжении поколений. Покупать их приезжали иностранцы со всего мира, и вот я стал бы причиной их гибели...

А сам мистер Даглби? Я представил себе, как он разъезжает по фермам в своем угольном фургоне, тоже развозя инфекцию. А в конце недели он, возможно, продал бы на аукционе часть поросят, перезаразив не только Йоркшир, но и соседние графства. Вот так и вспыхнула бы эпизоотия — катастрофа в национальном масштабе, которая обошлась бы стране в миллионы и миллионы фунтов.

Если бы я уже не потел в своей горячей ванне, то, конечно, облился бы при этой мысли холодным потом. Ведь я чуть было не попал в число бедолаг-ветеринаров, которые упустили ящур!

Я знал кое-кого из них и тут почувствовал к ним острую жалость. Как легко это может произойти! Занятые по горло люди пытаются осматривать вырывающихся животных в полутемных коровниках и хлевах, а мысли их, возможно, уже заняты следующим вызовом. Не говоря уж о таких факторах, как полная неожиданность, не типичность, различные отвлечения. Для меня отвлечением оказался крикет, и он чуть было не стал причиной моей профессиональной гибели. Но мне повезло, и, соскользнув поглубже в горячую воду, я мысленно возблагодарил судьбу за это спасение буквально в последнюю минуту.

Позже, полностью сменив всю одежду и инструменты, я продолжил объезд и вновь порадовался своей удаче, когда вошел в длинный коровник Теренса Бейли. Эти бесподобные красавицы, стоящие длинными рядами, ухоженные, с изящными головами, стройными утопающими в соломе ногами, между которыми виднелось тугое вымя, являли собой истинную картину коровьего совершенства, и безвременная их гибель была бы невозможна.

Стоит где-то обнаружиться ящур, и по всей округе начинается период напряженного ожидания. Фермеры, ветеринары, а главное, сотрудники министерства сельского хозяйства претерпевают страшные пытки, гадая, не успела ли инфекция распространиться до того, как были приняты меры, вздрагивая при каждом телефонном звонке: не возвестит ли он начало грозной эпизоотии, которая исковеркает им жизнь?

Для горожан вспышка ящура — это лишь газетные заметки и статьи, но для сельских жителей она означает превращение тихих ферм и лугов в морги и крематории. Она означает крушение надежд и разорение.

И мы в Дарроуби ждали. Но дни шли, ниоткуда не поступали пугающие сведения об охромевших или пускающих слюни животных, и в нас крепла уверенность, что все действительно свелось к изолированному единичному случаю, вызванному куском импортного мяса.

На каждой ферме я буквально купался в дезинфекционных средствах, обливая сапоги и комбинезон лизолом с таким усердием, что моя машина насквозь им провоняла, а стоило мне войти на почту, в магазин или в банк, как люди отворачивались, морща нос.

После двух недель я почти уже успокоился, и все-таки, когда мне позвонили с прославленной фермы Бейли, у меня тревожно сжалось сердце.

Звонил сам Теренс Бейли:

— Вы бы не приехали посмотреть одну из моих коров, мистер Хэрриот? У нее на соске какие-то пузыри.

— Пузыри! — Я чуть не задохнулся. — У нее идет слюна? Она хромает?

— Нет-нет. Только эти чертовы пузыри. И в них словно какая-то жидкость.

Я повесил трубку, все еще не в силах перевести дух. Вполне хватит и одного чертова пузыря. У коров ящур иногда именно так и начинается. Я опрометью бросился к машине, и всю дорогу мысли бились у меня в голове, точно птицы в ловушке.

Ведь первый, к кому я поехал после Даглби, был Бейли! Что, если это

я занес? Но я же полностью сменил одежду, принял ванну, взял другие инструменты и термометр. Что еще я опустил? Колеса моей машины? Но я и их продезинфицировал... Вина, во всяком случае, не моя... но... но...

Меня встретила миссис Бейли.

— Я заметила это во время утренней дойки, мистер Хэрриот. (Их стадо все еще выдаивалось вручную, и в лучших традициях трудолюбивой крестьянской семьи миссис Бейли утром и вечером доила коров вместе с мужем и работниками.) Только я взялась за соски, вижу, корова беспокоится. И тут я увидела, что они все в мелких пузырьках, а один большой. Я все-таки ее выдоила. Мелкие пузырьки полопались, но большой остался.

Я с тревогой осмотрел вымя. Все было, как она сказала: много мелких лопнувших везикул и одна большая, целая, флюктуирующая. Симптомы до ужаса неопределенные. Я молча прошел вперед, ухватил корову за нос, повернул и раскрыл ей рот. С отчаянным напряжением я всматривался в слизистую оболочку губ, десен, щек. Мне кажется, если бы я обнаружил хоть что-нибудь, то хлопнулся бы в обморок, но все было чисто и выглядело вполне нормально.

Я приподнял переднюю ногу и промыл межкопытную щель мыльной водой. Потом повторил ту же операцию с другой ногой. Нигде ничего. Я обвязал веревкой правую заднюю ногу, перебросил веревку через балку и с помощью дояра задрал копыто. Опять промывал, скоблил, смотрел, но снова без всякого результата. То же я проделал с левой задней ногой. Когда я кончил, то был мокрым как мышь, но пузырьки так и остались загадкой.

Я измерил температуру. Она оказалась слегка повышенной. Я пошел по проходу.

— А у других коров ничего нет?

Миссис Бейли покачала головой:

— Ничего. Только у этой. Как вы думаете, что с ней?

У меня не хватило духа сказать этой красивой тридцатипятилетней женщине с обветренным лицом, что именно я думаю. Корова с везикулами на сосках в районе, где введен ящурный карантин! Рисковать я не мог. Необходимо было сообщить в министерство. И все-таки у меня не хватило духа произнести роковое слово. Я только спросил:

— Можно мне позвонить от вас?

Она посмотрела на меня с некоторым удивлением, но тут же улыбнулась.

— Конечно! Пойдемте в дом.

Я шел по коровнику и с обеих сторон видел прекрасных коров, а

впереди за открытыми дверями тянулись загоны с телками и телятами. Во всех них текла кровь, созданная и облагороженная тщательным отбором на протяжении многих поколений. Но боевой пистолет ни с чем подобным не считается, и, если мои опасения оправдаются, через час — другой серия торопливых выстрелов оставит здесь только траурную пустоту.

Мы вошли в кухню, и миссис Бейли кивнула на внутреннюю дверь.

— Телефон там, в комнате, — сказала она.

Я сбросил резиновые сапоги, зашлепал по полу в носках и чуть было не споткнулся о Джайлса, годовалого баловника, который вперевалку вышел из-под стола. Я нагнулся, чтобы перенести его в сторону, и он одарил меня широченной улыбкой, открывшей все четыре его зубика. Миссис Бейли засмеялась.

— Нет, вы только посмотрите! Угмону на него нет, а ведь левая ручка после прививки оспы все никак не заживет.

— Бедный малыш! — сказал я рассеянно, открывая дверь и мысленно уже начиная страшный разговор по телефону. Я сделал несколько шагов по ковру, и вдруг меня как током ударило. Я обернулся:

— Вы сказали — «после прививки оспы»?

— Да. Мы всем нашим детям прививали оспу в годик, но у них никогда так не затягивалось. Мне все еще каждый день приходится менять ему повязку.

— Вы сменили ему повязку... и пошли доить эту корову?

— Да.

На меня словно брызнуло яркое солнце, и все волнения исчезли без следа. Я вернулся на кухню и затворил за собой дверь.

Миссис Бейли посмотрела на меня и сказала нерешительно:

— Вы ведь хотели позвонить?

— Нет... нет... Я передумал.

— А-а! — Она подняла брови, по-видимому, не зная, что сказать. Но потом улыбнулась и взяла чайник. — Так, может, выпьете чашечку чая?

— Спасибо, с большим удовольствием! — Я опустился на жесткий стул, чувствуя себя безоблачно счастливым.

Миссис Бейли поставила чайник на плиту и обернулась ко мне:

— Вы же так и не сказали, что с коровой.

— Да-да, конечно. Извините! — ответил я небрежно, словно просто забыл это сделать. — У нее оспа. Собственно говоря, это вы ее заразили.

— Я заразила?.. Как это?

— Видите ли, вакцину для прививок изготавливают из вируса коровьей оспы. И вы перенесли его от малыша корове на своих руках.

Я улыбнулся, смакуя такую приятную для меня минуту.

Рот у нее полуоткрылся, потом она засмеялась.

— Уж не знаю, что скажет муж! В первый раз такое слышу! — Она пошевелила пальцами у себя перед глазами. — А я-то всегда стараюсь быть аккуратной и внимательной. Но из-за его больной ручки у меня голова кругом пошла.

— Ну, ничего серьезного, — сказал я. — У меня в машине есть мазь, которая быстро ее вылечит.

Я прихлебывал чай и наблюдал за Джайлсом. Он уже успел перевернуть на кухне все вверх дном, а в эту минуту извлекал содержимое из шкафчика в углу. Согнувшись пополам и выставив круглую попку, он деловито кидал за спину кастрюли, крышки, щетки, пока шкафчик не опустел. Потом он поглядел по сторонам в поисках нового занятия, увидел меня и затопал ко мне на кривых ножках.

Пальцы моих ног в носках произвели на него неотразимое впечатление. Я принялся ими шевелить, и он вцепился в них пухлыми ручонками. Когда ему удалось наконец завладеть большим пальцем, он поглядел на меня со своей широкой ухмылкой, сверкая всеми четырьмя зубами.

Я ответил ласковой улыбкой. И не потому, что был ему благодарен за избавление от тревоги, — просто он мне нравился. Джайлс нравится мне и по сей день. Он один из моих постоянных клиентов — дюжий фермер, который уже обзавелся собственной семьей, питает нежную любовь к племенным коровам, знает о них все и по-прежнему ухмыляется до ушей. Только зубов он при этом показывает гораздо больше.

Но он и представления не имеет о том, что его прививка от оспы чуть было не довела меня до инфаркта.

На складе у меня было много вынужденного досуга, чтобы думать и вспоминать, и, как большинство солдат, я вспоминал свой дом. Только его у меня больше не было. Когда я ушел в армию, Хелен переехала к отцу, и комнатки под черепичной крышей Скелдейл-Хауса стояли пустые и пыльные.

Но в моей памяти они жили совсем такими, как прежде. Я все еще видел заплетенное плющом окошко, а за ним — хаос крыш и зеленые холмы, видел нашу скудную мебель — кровать, придвинутый к стене стол и старый гардероб, который удавалось закрыть, только засунув поверх дверцы мой носок. Странно, но именно воспоминание об этой болтающейся шерстяной пятке особенно будило во мне тоску.

И хотя все это ушло в прошлое, я словно еще слышал музыку, льющуюся из приемника на тумбочке у кровати, и голос моей жены, сидящей по ту сторону камина, и вопль Тристана, заглушивший его в тот зимний вечер.

Он кричал, стоя у лестницы далеко внизу:

— Джим! Джим!

Я выбежал на площадку и перегнулся через перила:

— Что случилось, Трис?

— Извини, Джим, но не мог бы ты спуститься на минуту? — Его обращенное вверх лицо было встревоженным.

Я сбежал по длинным маршам, перепрыгивая через две ступеньки, и когда, немного запыхавшись, добрался до Тристана, он поманил меня за собой в операционную в дальнем конце коридора. Там у стола стояла девочка лет четырнадцати, придерживая свернутое одеяло, все в пятнах.

— Кот! — сказал Тристан, откинув край одеяла, и я увидел крупного трехцветного кота. Вернее, он был бы крупным, если бы его кости были одеты нормальным покровом мышц и жира, но таз и ребра выпирали сквозь шерсть, и когда я провел ладонью по неподвижному телу, то ощутил только тонкий слой кожи.

Тристан кашлянул:

— Тут другое, Джим.

Я с недоумением посмотрел на него. Против обыкновения, он был совершенно серьезен. Осторожно приподняв заднюю ногу, он передвинул кота так, что стал виден живот. Из глубокой раны наружу жутковатым

клубком вывалились кишки. Я еще ошеломленно смотрел на них, когда девочка заговорила:

— Я эту кошку увидела во дворе Браунов, когда уже совсем темно было. Я еще подумала, что она очень уж тощая и какая-то смиренная. Нагнулась, чтобы ее погладить, и тут увидела, как ее изуродовали. Сбегала домой за одеялом и принесла ее к вам.

— Молодчина, — сказал я. — А вы не знаете, чей это кот?

Она покачала головой.

— Нет. По-моему, он бродячий.

— Да, похоже... — Я отвел глаза от страшной раны. — Вы ведь Марджори Симпсон?

— Да.

— А я хорошо знаю вашего отца. Он наш почтальон, верно?

— Ага! — Она попыталась улыбнуться, но губы у нее дрожали. — Ну так я пойду. Вы его усыпите, чтобы он не мучился, правда? Ведь вылечить такое... такое нельзя?

Я покачал головой. Глаза девочки наполнились слезами, она тихонько погладила тощий бок и быстро пошла к двери.

— Еще раз спасибо, Марджори, — сказал я ей вслед. — И не тревожьтесь, мы сделаем для него все, что можно.

Мы с Тристаном молча уставились на растерзанное животное. В ярком свете хирургической лампы было хорошо видно, что его буквально выпотрошили. Вывалившиеся кишки были все в грязи.

— Как по-твоему, — спросил наконец Тристан, — его переехало колесом?

— Может быть, — ответил я. — Но не обязательно. Попался в зубы большому псу, а то кто-нибудь пнул его или ткнул острой палкой.

С кошками всякое бывает: ведь некоторые люди считают их законной добычей для любой жестокости.

Тристан кивнул.

— Ну да он все равно подышал с голоду. От него один скелет остался. Его дом наверняка где-нибудь далеко.

— Что же, — сказал я со вздохом. — Остается одно. Кишки ведь в нескольких местах порваны. Безнадежно.

Тристан только тихонько засвистел, водя пальцем по пушистому горлу. И — невероятная вещь! — мы вдруг услышали слабое мурлыканье.

— Господи, Джим! — Тристан поглядел на меня округлившимися глазами. — Ты слышишь?

— Да... поразительно. Наверное, ласковый был кот.

Тристан, низко наклонив голову, почесывал кота за ухом. Я догадывался, что он чувствует: хотя к нашим пациентам он относился словно бы с бодрым безразличием, обмануть меня ему не удавалось и я знал, что к кошкам он питает особую слабость. Даже теперь, когда мы оба разменяли седьмой десяток, он частенько описывает за кружкой пива проделки своего старого кота. Отношения между ними весьма типичны: оба немилосердно изводят друг друга, но связывает их самая нежная дружба.

— Что делать, Трис, — сказал я мягко. — Другого выхода нет.

Я потянулся за шприцем, но мне стало как-то неприятно втыкать иглу в это изуродованное тело, и я прикрыл голову кота краем одеяла.

— Полей сюда эфиром, — сказал я. — Он уснет, и все.

Тристан молча отвинтил крышку флакона с эфиром и поднял его. И тут из бесформенных складок снова донеслось мурлыканье. Оно становилось все громче, словно где-то вдали урчал мотоцикл.

Тристан окаменел. Пальцы напряженно сжимали флакон, глаза уставились на одеяло, из которого доносились эти дружелюбные звуки.

Потом он посмотрел на меня и сглотнул:

— Рука не поднимается, Джим. Может, попробуем что-то сделать?

— Убрать все это на место?

— Да.

— Но ведь кишки повреждены, кое-где это просто решето.

— Так их же можно зашить, а?

Я приподнял одеяло и вновь осмотрел рану.

— Трис, я просто не знаю, с чего тут можно начать. И ведь кишки все в грязи.

Он только молча смотрел на меня. Правда, особых убеждений мне не требовалось. Мне не больше Тристана хотелось заглушить эфиром это ласковое мурлыканье.

— Ну ладно, — сказал я. — Попробуем.

Голова кота скрылась под маской, побулькивал кислород, а мы промывали теплым физиологическим раствором выпавшие кишки. Но удалить все комочки присохшей грязи было попросту невозможно. Затем началась невероятно медленная штопка множества отверстий в маленьких кишочках, но я вновь с радостью убедился, насколько гибки пальцы Тристана: он орудовал небольшими круглыми иглами куда более ловко, чем я.

Потрудившись так два часа и израсходовав ярды и ярды кетгута, мы наконец засыпали заштопанную брюшину сульфаниламидом и вложили

клубок в брюшную полость. Когда я сшил мышцы и кожу, наш пациент обрел вполне благопристойный вид, но меня томило скверное чувство, словно, убирая комнату, я заметал мусор под ковер. Такие повреждения при такой загрязненности... Перитонита не избежать!

— Во всяком случае, Трис, он жив, — сказал я, когда мы начали мыть инструменты. — Посадим его на сульфамиридин и будем надеяться на лучшее.

Хотя антибиотиков тогда еще не существовало, это новое средство было значительным шагом вперед.

Дверь открылась, и в нее заглянула Хелен.

— Что-то ты долго, Джим... — Она подошла к столу и поглядела на спящего кота. — Бедняжка. И такой тощий!

— Видела бы ты его, когда мы за него взялись! — Тристан отключил стерилизатор и завинтил кран анестезирующего аппарата. — Сейчас он выглядит много лучше.

— А у него серьезные повреждения? — спросила Хелен, поглаживая пеструю шкурку.

— Боюсь, что да, Хелен, — сказал я. — Мы сделали, что могли, но он вряд ли выкарабкается.

— Жалко! Он ужасно симпатичный. Все лапки белые, а расцветка такая интересная. — Она провела пальцем по рыже-золотистым полоскам, просвечивавшим на серо-черном фоне.

Тристан засмеялся:

— В его родословной явно присутствует рыжий котище.

Хелен улыбнулась, но как-то рассеянно и задумчиво. Потом быстро вышла из комнаты и вернулась с картонкой.

— Да-да, — сказала она, что — то взвешивая. — Это ему для постели, а спать он будет у нас, Джим.

— Ах так?

— Но ему же требуется тепло, правда?

— Конечно.

Позже в сумраке нашей спальни я, засыпая, созерцал мирную сцену: по одну сторону камина — Сэм в своей корзинке, по другую — кот на подушке в картонке под теплым половичком.

Бесспорно, было приятно сознавать, что мой пациент устроен так уютно, но, закрывая глаза, я подумал, что утром, возможно, все будет кончено.

Когда я открыл их в половине восьмого, то понял, что кот еще жив, — моя жена уже встала и беседовала с ним. Я подошел к ним в пижаме, и мы

с котом поглядели друг на друга. Я почесал ему горло, а он открыл рот и испустил хрипловатое «мяу!» Но при этом не шевельнулся.

— Хелен, — сказал я. — У него в животе все держится только на кетгуте. По меньшей мере неделю он должен питаться исключительно жидкостями, хотя, вероятно, и при этом ему все равно не вытянуть. Если он останется здесь, тебе придется поить его молочком с ложечки чуть ли не каждый час.

— Ладно, ладно... — Она снова погрузилась в задумчивость.

И все следующие дни она действительно то и дело поила его с ложечки, но не только молоком. Через регулярные промежутки ему в глотку лился мясной экстракт, костный бульон и всевозможные детские смеси. Как-то, вернувшись пообедать, я застал Хелен на коленях перед картонкой.

— Мы назовем его Оскаром! — объявила она.

— Он что — останется у нас?

— Да.

Я люблю кошек, однако в нашей тесной квартирке мы уже держали собаку, и мне представились разнообразные будущие трудности. Но я спросил только:

— А почему, собственно, Оскаром?

— Не знаю. — Хелен уронила несколько капель мясного соуса на красный язычок и внимательно смотрела, как кот глотает их.

В женщинах меня пленяет, в частности, их загадочность, их непостижимая логика, а потому я не стал спрашивать дальше. Но ход событий меня вполне удовлетворял. Я все еще давал коту сульфapiидин каждые шесть часов, а утром и вечером измерял ему температуру, по-прежнему ожидая, что она вот-вот стремительно подскочит, начнется рвота и напряженная брюшная стенка неумолимо возвестит о перитоните. Однако ничего подобного так и не произошло.

Казалось, инстинкт подсказал Оскару, что ему следует двигаться как можно меньше: во всяком случае, день за днем он лежал абсолютно неподвижно, поглядывал на нас... и мурлыкал.

Его мурлыканье прочно вошло в нашу жизнь, и, когда в конце концов он покинул свое ложе, прошепствовал в нашу кухоньку и продегустировал обед Сэма, состоявший из мясных обрезков с сухарями, это была триумфальная минута. Я не стал портить ее опасениями, не слишком ли рано он перешел на твердую пищу. Ему виднее, про себя решил я.

С этой минуты было уже чистым наслаждением наблюдать, как тощее мохнатое пугало толстеет и наливается силой. Кот ел, ел, ел и, по мере того как плоть нарастала на его костях, черные и золотые полосы уже

глянцевитой шкурки становились все ярче. Мы оказались владельцами удивительно красивого кота.

Когда Оскар совсем выздоровел, Тристан стал нашим постоянным гостем. Возможно, он считал — с полным на то правом, — что жизнью Оскар в первую очередь был обязан ему, а не мне, и часами играл с ним. Больше всего он любил тихонько выдвигать ногу из-под стола и тут же отдергивать, прежде чем кот успевал в нее вцепиться.

Оскар (и его можно понять!) сердился на такое поддразнивание, однако он сумел показать характер: устроил однажды вечером засаду на Тристана и ловко укусил его за лодыжку, прежде чем тот вновь принялся за свои штучки.

На мой взгляд, Оскар очень украсил наш семейный очаг. С Сэмом они стали такими друзьями, что водой не разольешь. Хелен его просто обожала, а я, возвращаясь вечером домой, каждый раз думал, что умывающаяся у огня кошка придает комнате особый уют.

Оскар уже несколько недель был признанным членом нашей семьи, но затем Хелен как-то встретила меня на пороге, расстроенная чуть не до слез.

— Что случилось? — спросил я.

— Оскар... он исчез...

— Как так — исчез?

— Джим, по-моему, он убежал!

— С какой стати? — Я посмотрел на нее с недоумением. — Он же часто в сумерках спускается в сад. Ты уверена, что его там нет?

— Совершенно уверена. Я обыскала весь сад, а заодно и двор. И по улицам ходила. Ты вспомни... — У нее задрожали губы. — Он ведь уже убежал от кого-то.

Я взглянул на часы:

— Почти десять. Да, странно. В такое время ему следует быть дома.

Я еще не договорил, когда внизу раздался звонок. Я кубарем скатился с лестницы, галопом обогнул угол коридора и увидел за стеклом миссис Хеслингтон, жену нашего священника. Я распахнул дверь — в ее объятиях покоился Оскар.

— Это ведь ваш котик, мистер Хэрриот? — спросила она.

— Да-да, миссис Хеслингтон. Где вы его нашли?

Она улыбнулась:

— Видите ли, это даже как-то удивительно. У нас было собрание Материнского союза, и мы вдруг заметили, что ваш котик сидит в комнате и слушает.

— Он просто сидел?..

— Да. Но так, словно слушал нашу беседу с большим интересом. Поразительно! Когда собрание кончилось, я решила отнести его к вам.

— Огромное спасибо, миссис Хеслингтон! — Я выхватил у нее Оскара и зажал его под мышкой. — Моя жена совсем расстроилась. Она уж думала, что он пропал.

Почему вдруг Оскар взял да и ушел? Однако всю следующую неделю он вел себя совершенно так же, как прежде, и мы перестали раздумывать над этой маленькой загадкой. Затем как-то вечером клиент, который привел собаку для противочумной прививки, оставил входную дверь открытой. Когда я поднялся к себе, выяснилось, что Оскар снова исчез. На этот раз мы с Хелен обегали рыночную площадь и все прилегающие проулки, но вернулись домой с пустыми руками и в очень унылом настроении. Было уже без малого одиннадцать, и мы решили ложиться спать, но тут в дверь позвонили.

И я опять увидел Оскара — но уже на округлом брюшке Джека Ньюболда. Джек прислонился к косяку, и в струе лившегося в дверь душистого ночного воздуха явственно ощущались пивные пары.

Джек служил садовником в богатом особняке. Деликатно икнув, он улыбнулся мне широченной благожелательной улыбкой:

— Вот принес вашего котищу, мистер Хэрриот.

— Ну спасибо, Джек! — сказал я, сгребая Оскара в охапку. — А где вы его нашли?

— По правде сказать, это он меня нашел.

— То есть как?

Джек на мгновение смежил веки, а потом заговорил четко и отдельно:

— Нынче вечер был особый, мистер Хэрриот. Вы же знаете. Чемпионат по метанию дротиков. Ребята, значит, собрались в «Собаке и дробовике» — видимо-невидимо их там собралось. Одно слово — чемпионат.

— И наш кот был там?

— Ага. Был. Сидел с ребятами. Весь вечер так с нами и просидел.

— Просто сидел?

— Во-во! — Джек испустил смешок. — Можно сказать праздновал. Я сам дал ему капельку наилучшего портера из моей собственной кружки. А он-то только что не начал дротики метать, право слово. Всем котам котище. — Он снова засмеялся.

Поднимаясь с Оскаром по лестнице, я размышлял. В чем тут дело? Эти неожиданные побеги из дома расстраивали Хелен, и я чувствовал, что скоро они начнут действовать на нервы и мне.

Ждать следующего исчезновения пришлось недолго. На четвертый вечер Оскар снова пропал. Но мы с Хелен уже не бросились искать его, а просто ждали.

На этот раз он вернулся раньше. В дверь позвонили еще до девяти. Сквозь стекло в коридор заглядывала старушка мисс Симпсон. Но Оскара у нее на руках не было — он крутился на половичке, ожидая, когда ему откроют.

Мисс Симпсон с интересом следила, как он прошествовал по коридору и свернул за угол к лестнице.

— Вот и хорошо! Я так рада, что он благополучно вернулся домой! Я знала, что это ваш кот, и весь вечер наблюдала за ним.

— Но где...

— Ах да! В Женском клубе. Он пришел вскоре после начала и оставался до самого конца.

— Неужели? А что было в программе вашего вечера, мисс Симпсон?

— Ну, сначала мы обсуждали кое-какие текущие дела, потом мистер Уолтерс из водопроводной компании прочел небольшую лекцию с диапозитивами, а в заключение мы провели конкурс на лучший домашний пирог.

— Так-так... И что же делал Оскар?

Она засмеялась:

— Вращался среди гостей, как будто с большим удовольствием смотрел диапозитивы и проявил заметный интерес к пирогам.

— Вот как! И вы его сюда не принесли?

— Нет. Он нашел дорогу сам. А я, как вы знаете, прохожу мимо вашего дома и просто позвонила, чтобы предупредить вас, что он явился.

— Весьма вам обязан, мисс Симпсон. Мы немножко тревожились.

Я взлетел по лестнице, поставив рекорд. Хелен сидела, поглаживая Оскара, и удивленно на меня посмотрела.

— А я разгадал Оскара!

— Разгадал?

— Я знаю, почему он уходит по вечерам. Он вовсе не убегает, а наносит визиты!

— Какие визиты?

— Вот именно! — объявил я. — Как ты не понимаешь! Ему нравятся новые знакомства, он любит бывать с людьми, особенно в больших компаниях, — ему интересно, чем они занимаются. Прирожденная душа общества.

Хелен поглядела на симпатичный меховой клубок у себя на коленях.

- Ну конечно же! Он... как это?.. Фланер!
- Ага! Любитель вращаться в высшем обществе.
- Светский кот!

Мы расхохотались, а Оскар сел и уставился на нас с явным удивлением. Его громкое мурлыканье вплелось в наш смех. Смеялись мы еще и от облегчения: с тех пор как наш кот повадился исчезать по вечерам, нас мучили опасения, что он уйдет насовсем. Но теперь они рассеялись.

С того вечера радость, которую он нам доставлял, еще увеличилась. Было очень интересно наблюдать, как раскрывается эта черта его характера. Свои светские обходы он совершал с большой аккуратностью и принимал участие почти во всех событиях общественной жизни города. Он стал завсегдатаем карточных турниров, дешевых распродаж, школьных концертов и благотворительных базаров. И всюду встречал самый благожелательный прием — кроме заседаний местного сельскохозяйственного совета, откуда его дважды изгоняли: по-видимому, членам совета не нравилось, что в их дискуссиях принимает участие кошка.

Сперва меня пугала мысль, что он попадет под машину, но, последив за ним, я убедился, что он всегда смотрит направо, потом налево и лишь потом изящно перебегают через мостовую. Мне стало ясно, что он прекрасно чувствует уличное движение и, следовательно, искалечил его тогда не грузовик и не мотоцикл.

Впрочем, даже это обернулось к лучшему — мы с Хелен считали, что судьба, подарив нам таким образом Оскара, действовала во благо. Он привнес в нашу семейную жизнь что-то важное и сделал ее еще счастливее.

И когда разразилась катастрофа, мы никак не были к ней подготовлены.

Мой рабочий день подходил к концу, и, выглянув в приемную, я увидел, что там сидят только два мальчугана и средних лет мужчина.

— Следующий, пожалуйста, — сказал я.

Мужчина встал. У него не было с собой никакого животного. Взглянув на его выдубленное непогодой лицо, я решил, что это работник с какой-нибудь фермы.

— Мистер Хэрриот? — спросил он, нервно крутя в руках кепку.

— Да. Чем я могу быть вам полезен?

Он сглотнул и посмотрел мне прямо в глаза.

— Кот мой у вас...

— Что-что?

— Кот у меня пропал... — Он откашлялся. — Мы прежде жили в Мисдоне, а потом я устроился к мистеру Хорну в Уидерли поля пахать. Вот

как мы переехали, кот и пропал. Старый дом пошел искать, я так думаю.

— Но Уидерли ведь за Бротоном... В тридцати милях отсюда.

— Это так. Да ведь с кошками не угадаешь.

— Но почему вы решили, что он у меня?

Он снова покрутил кепку.

— У меня тут родственник проживает. Так я от него слышал, что тут один кот по всяким собраниям повадился ходить. Ну я и приехал. Мы же его где только не искали...

— А скажите, этот ваш кот, как он выглядел? — спросил я.

— Серый с черным и вроде бы рыжий. Хороший такой кот. И где народ ни соберется, он уж тут как тут.

Ледяная рука сжала мне сердце.

— Ну пойдемте ко мне. И мальчики тоже.

Хелен укладывала уголь в камине.

— Хелен, — сказал я, — это мистер... Извините, я не знаю, как вас зовут.

— Гиббонс, Сеп Гиббонс. Крестили меня Септимус, потому что я в семье седьмым был. Вроде бы и нам без Септимуса не обойтись: шестеро-то у нас уже есть. Эти двое — младшенькие.

Мальчики, явные близнецы лет восьми, глядели на нас серьезно и выжидательно.

Если бы хоть сердце у меня не так колотилось!

— Мистер Гиббонс думает, что Оскар — его кот. Он у них потерялся некоторое время назад.

Моя жена положила совок.

— А... да-да. — Она постояла, а потом сказала со слабой улыбкой. — Садитесь, пожалуйста. Оскар на кухне. Я его сейчас принесу.

Через минуту она вернулась с котом на руках. Едва она показалась в дверях, как мальчуганы закричали наперебой:

— Тигр! Это Тигр! Тигр!

Лицо их отца словно осветилось изнутри. Он быстро прошел через комнату и нежно провел заскорузлой ладонью по пестрому меху.

— Здорово, малый! — сказал он и обернулся ко мне с сияющей улыбкой: — Это он, мистер Хэрриот. Он самый. А выглядит-то как!

— Вы его звали Тигром? — спросил я.

— Ага, — ответил он радостно. — Из-за рыжих полосок. Это ребята его так прозвали. Просто извелись, как он пропал.

Тут мальчуганы повалились на пол, а Оскар прыгнул к ним и, восторженно мурлыча, принялся игриво бить их лапами.

Сеп Гиббонс снова опустился на стул.

— Вот так он с ними всегда играл. Возились на полу целыми днями. Очень мы без него скучали. Такой кот хороший.

Я взглянул на обломанные ногти, царапающие кепку, на простое открытое честное лицо одного из тех йоркширских тружеников, которые внушали мне неизменную симпатию и уважение. Работники вроде него получали в те дни тридцать шиллингов в неделю, что яснее ясного подтверждали залатанная куртка, потрескавшиеся, хотя и начищенные, сапоги и одежда мальчиков, которую они явно донашивали после старших братьев.

Но все трое выглядели чистыми и умытыми; волосы мальчиков были тщательно расчесаны и приглажены. Хорошая семья, подумал я, не зная, что сказать.

За меня это сказала Хелен:

— Так что же, мистер Гиббонс! — Тон ее был неестественно бодрым. — Конечно, берите его.

Он нерешительно спросил:

— А вы-то как, миссис Хэрриот?

— Ничего... Он же ваш.

— Да ведь говорят, раз нашел, так и твои. По закону вроде бы. Мы ведь пришли не затем, чтобы его назад требовать или там...

— Да-да, конечно. Я понимаю, мистер Гиббонс. Но ведь он у вас вырос, и вы его столько времени искали. Не можем же мы его у вас отнять.

Он быстро кивнул.

— Большое вам спасибо. — Он помолчал, сосредоточенно хмурясь, потом нагнулся и подхватил Оскара на руки. — Ну, нам пора, а то опоздаем на восьмичасовой автобус.

Хелен взяла мордочку Оскара в ладони и несколько секунд смотрела на него. Потом погладила мальчиков по голове.

— Вы ведь будете о нем хорошо заботиться?

— Да, миссис, спасибо. Вы не беспокойтесь! — Они поглядели на нее и заулыбались.

— Я вас провожу, мистер Гиббонс, — сказал я.

Пока мы спускались по лестнице, я щекотал пушистую скулу, прижимавшуюся к широкому плечу, и в последний раз слушал басистое мурлыканье. В дверях я пожал Гиббонсу руку, и они пошли по улице. На углу они остановились и помахали мне. А я помахал им — мужчине, двум мальчикам и коту, который глядел на меня через плечо прежнего хозяина.

В ту пору моей жизни я взлетал по лестнице, перепрыгивая через две-

три ступеньки, но на этот раз я поднимался по ней, еле волоча ноги, как старик. Горло у меня сжималось, глаза пощипывало.

Выругав себя сентиментальным дураком, я с облегчением подумал, что Хелен приняла случившееся на редкость хорошо. Ведь она выходила этого кота, горячо к нему привязалась, и, казалось бы, такой непредвиденный удар должен был страшно ее расстроить. Но нет, она вела себя в высшей степени спокойно и разумно. Конечно, с женщинами никогда не угадаешь, но все-таки легче...

Значит, и мне нужно взять себя в руки. Изобразив на лице подобие бодрой улыбки, я твердым шагом вошел в комнату.

Хелен сидела, прижав лицо к столу, одной рукой обхватив голову, другую бессильно протянув перед собой. Ее тело сотрясалось от отчаянных рыданий.

Я впервые видел ее такой и, совершенно растерявшись, забормотал какие-то утешения, но рыдания не стихали.

Я беспомощно придвинул стул к столу и начал поглаживать ее по голове. Возможно, я и нашел бы что сказать, но только на душе у меня было так же скверно.

Но все проходит. Ведь Оскар жив и не потерялся, убеждали мы друг друга, а просто поселился у добрых людей, которые будут хорошо о нем заботиться. Собственно говоря, он вернулся домой.

И ведь нам остался наш любимый Сэм. Правда, в первые дни утешения от него было мало: он все время тоскливо обнюхивал место, где прежде лежала подстилка Оскара, а затем опускался на коврик с унылым вздохом.

А у меня зрел план, который я собирался сообщить Хелен в надлежащую минуту. Примерно месяц спустя после этого рокового вечера мы в мой свободный день поехали в Бротон посмотреть новый фильм. После конца сеанса я поглядел на часы.

— Еще только восемь. — Сказал я. — Может быть, навестим Оскара?

Хелен удивленно на меня посмотрела:

— Ты хочешь поехать в Уидерли?

— Да. Это же всего пять миль.

Она нерешительно улыбнулась:

— Как бы хорошо! Но ты не думаешь, что им будет неприятно?

— Гиббонсам? Конечно, нет. Так поехали?

Уидерли — большая деревня, и домик Гиббонса находился в дальнем ее конце, за методистской молельней. Я открыл калитку, и мы прошли по дорожке к двери.

На мой стук ее отворила невысокая женщина, вытиравшая руки грубым полотенцем.

— Миссис Гиббонс? — спросил я.

— Да.

— А я — Джеймс Хэрриот. И вот моя жена.

Она ответила мне недоуменным взглядом. Наша фамилия ей явно ничего не сказала.

— У нас некоторое время жил ваш кот, — добавил я.

Она вдруг широко улыбнулась и махнула полотенцем.

— Ну да, конечно! Сеп же мне про вас говорил. Да входите, входите!

Большая кухня, она же гостиная, красноречиво повествовала о жизни на тридцать шиллингов в неделю с шестью детьми. Видавшая виды мебель, штопаное-перештопаное белье на веревке под самым потолком, прокопченная плита и неопишуемый беспорядок.

Сеп встал со стула у огня, положил газету, снял очки в стальной оправе и потряс нам руки.

Он усадил Хелен в продавленное кресло.

— Очень приятно опять с вами свидеться. Я про вас хозяйке частенько рассказывал.

Его супруга подхватила, вешая полотенце:

— Верно! А вот теперь я с вами и познакомилась! Сейчас поставлю чайку.

Она засмеялась и унесла в угол ведро с мутной водой.

— Вот отстирываю футболки. Мальчишки взяли да и подсунули их мне. Будто у меня других дел нет!

Пока она наливала воду в чайник, я украдкой оглядывал кухню и Хелен тоже косилась по сторонам. Но тщетно. Никаких признаков кота обнаружить нам не удавалось. Неужели он опять сбежал? С нарастающей тревогой и растерянностью я вдруг сообразил, что мой заветный план может привести к совсем обратным результатам. Но коснуться жгучей темы я решился, только когда чай был заварен и разлит по чашкам.

— А как... — спросил я робко, — как поживает... э... Тигр?

— Лучше некуда, — бодро ответила миссис Гиббонс и взглянула на часы, украшавшие каминную полку. — Он вот-вот вернется, тогда сами посмотрите.

Не успела она договорить, как Сеп поднял палец:

— По-моему, уже появился.

Он направился к двери, открыл ее, и наш Оскар переступил порог со всем своим величавым изяществом. Увидев Хелен, он мигом вспрыгнул ей

на колени. Она радостно вскрикнула, поставила чашку и принялась гладить пестрый мех, а кот под ее ладонью выгнул спину и кухню огласило знакомое мурлыканье.

— Он меня узнал! — шептала Хелен. — Он меня узнал!

Сеп радостно закивал.

— А как же! Вы ведь его вызволили из беды. Он вас никогда не забудет. И мы тоже, верно, мать?

— Да уж само собой, миссис Хэрриот, — ответила его жена, намазывая маслом ломтик имбирной коврижки. — Вы же такое доброе дело для нас сделали! Обязательно к нам заглядывайте, как еще будете в наших краях.

— Спасибо, — ответил я. — Непременно. Мы часто бываем в Бротоне.

Я нагнулся, почесал Оскару шею и опять обернулся к миссис Гиббонс:

— Кстати, ведь уже десятый час. Где он пропадал весь вечер?

Она перестала намазывать коврижку и уставилась в одну точку:

— Погодите, дайте сообразить. Нынче же четверг, верно? Значит, йогой занимался, не иначе.

Вот и кончилась еще одна глава моей жизни, подумал я, захлопнув дверь купе и втискиваясь на сиденье между толстушкой в форме женской вспомогательной службы военно-воздушных сил и крепко спящим капралом.

Вероятно, я выглядел типичным демобилизованным солдатом. Голубую форму у меня забрали, выдав взамен «увольнительный костюм» — жуткое одеяние из бурой саржи в лиловую полосу, в котором я смахивал на старомодного гангстера. Зато мне оставили форменную рубашку с галстуком и блестящие сапоги — они теперь казались добрыми старыми друзьями.

Мои скудные пожитки, включая «Ветеринарный словарь» Блэка (я не расставался с ним все время моей летной карьеры), лежали на полке в фибровом чемоданчике того типа, который пользовался особой популярностью у низших чинов. У меня не было даже пальто, о чем я не замедлил вспомнить, потому что в вагоне скоро стало холодно, а путь до Дарроуби мне предстоял неблизкий.

Под конец я сменил поезд на автобус — тот же самый маленький, тряский, дребезжащий автобус, который несколько лет назад вез меня в неведомое будущее. И шофер был тот же самый. А потому, когда в голубой дали вновь начали подниматься холмы, время, разделявшее эти две поездки, словно исчезло: в свете раннего утра я видел знакомые фермы, каменные стенки, убегающие вверх по травянистым склонам, и деревья,

клонящие ветви над рекой.

Часов в десять мы загромыхали по булыжнику рыночной площади и на лавке, в дальнем ее конце, я прочел вывеску: «Дарроубайское кооперативное общество». Солнце поднялось уже высоко и припекало ярусы черепичных крыш на зеленом фоне уходящих ввысь холмов. Я сошел, автобус отправился дальше, и я остался стоять рядом со своим чемоданчиком.

И снова все было как в тот раз: душистый воздух, тишина и площадь — совсем безлюдная, если не считать стариков, сидящих под башенкой с часами. Один из них оглянулся на меня.

— А, мистер Хэрриот! — сказал он невозмутимо, словно видел меня только вчера.

Передо мной от площади отходила улица Тренгейт и, загибаясь, исчезала за бакалеей на углу. Почти вся протяженность этой тихой улочки с церковью у ее конца была скрыта от моего взгляда, и я давно уже не ходил по ней. Но стоило мне закрыть глаза, как я увидел Скелдейл-Хаус и плющ, увивший его стены до маленьких окошек под самой крышей.

Там мне придется начать все сначала, там я узнаю, сколько я забыл и смогу ли снова лечить животных. Но пока еще я туда не пойду, пока еще не пойду...

С того дня, как я впервые приехал в Дарроуби в поисках работы, случилось очень многое, но тут мне вдруг пришло в голову, что между моими тогдашними обстоятельствами и теперешними почти нет разницы. Тогда все мое имущество исчерпывалось старым чемоданом и костюмом, который был на мне. Как, в сущности, и теперь. С одной только чудесной разницей: теперь у меня были Хелен и Джимми.

А потому все выглядело иначе. Пусть у меня нет ни денег, ни даже дома, который я мог бы назвать своим. Но меня ждут жена и сын, а там, где они, там и мой дом. И имеете с ними меня ждет Сэм. До фермы отца Хелен от города было не близко, но я поглядел на тупые носки сапог, выглядывающие из-под штанин. Пока я был солдатом, я научился не только летать, но также и ходить в строю, и несколько миль казались мне пустяком.

Я крепко ухватил ручку своего фибрового чемодана, свернул на ведущее из города шоссе и, печатая шаг — левой-правой, левой-правой, — пошел по дороге, которая вела домой.

Примечания

Ряд хирургических операций, состоящих в расчленении плода и удалении его по частям через естественный родовой путь. — *Здесь и далее примечания редактора.*

У жвачных животных четырехкамерный желудок, состоящий из рубца, сетки, книжки и сычуга; пища сначала попадает в рубец, где под действием микрофлоры идут бродильные процессы; при нарушении бродильного процесса в рубце образуются газы и он резко вздувается, что может привести к гибели животного. В этих случаях прокалывают рубец стилетом, на который надета металлическая трубка (гильза). Стиллет извлекается, и через гильзу отходят газы. Через нее же вводят противобродильные лекарства.

Лекарственная форма мягкой консистенции, которую вводят лошадям через рот специальным прибором — болюсодавателем.

Антисептические противовоспалительные свечи для профилактики эндометрита (воспаления слизистой оболочки матки).

Прибор для рассечения вены и кровопускания с целью лечения интоксикаций, ламинита, отека легких и других заболеваний животных.

Ревматическое воспаление копыт; чаще наблюдается у лошадей при чрезмерном скармливании им богатых белками кормов.

Прибор для исследования наружного слухового прохода у животных.

Порода крупного рогатого скота, выведенная в Англии.

Быстродействующее слабительное.

Деформация позвоночника (провисание спины) в результате нарушения фосфорно-кальциевого и витаминного обменов.

Инфекционная энтеротоксемия овец, вызываемая анаэробными микроорганизмами.

В отличие от лошадей коровы часто заглатывают попавшие в корм острые предметы: гвозди, проволоку; задержавшись в сетке (по латыни — ретикулум), инородные предметы прокалывают ее стенки, диафрагму, травмируют сердечную сорочку и мышцу, в результате возникает травматический перикардит и животное гибнет.

Раствор хлористого, кальция при послеродовом парезе вводится только внутривенно: подкожное введение вызывает воспалительную реакцию

Проверка коров на отсутствие у них туберкулеза.

Места соединений оболочек плода с материнским организмом, через которые осуществляется перенос питательных веществ и кислорода от матери к эмбриону.

Старая мера счета, двенадцать дюжин каких-либо однородных предметов.

Эффективно применение стрептомицина.

Водянка.

Хроническая инфекционная болезнь животных и человека, характеризующаяся образованием гранулематозных поражений в различных органах и тканях. Возбудитель болезни крупного рогатого скота — лучистый гриб *Actinomyces bovis*. Он попадает в организм из внешней среды через поврежденные слизистые оболочки ротовой полости при поедании грубых кормов, через соски и верхние дыхательные пути.